

Христос или Кронос?

Церковь или Система?

Том II

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ.....	3
ПОРОЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ: СВЯЩЕНСТВО И СВЯЩЕННИКИ	3
15 ЛЕТ В САНЕ — И ДУША КАК ВЫЖЖЕННАЯ НАПАЛМОМ ЗЕМЛЯ.....	3
ТАК ВО ВСЕМ И ВРЕМ: МЫ — ЕПИСКОПУ, ЕПИСКОП — ПАТРИАРХУ, А ПАТРИАРХ — ПРЕЗИДЕНТУ	9
Я — ПОРОЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ: ИСПОВЕДЬ «ЦИНИЧНОГО» СВЯЩЕННИКА	14
КТО ВИНОВАТ В НЕСВОБОДЕ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА?	22
ЮНОШЕ, СВЯЩЕНСТВА ЖЕЛАЮЩЕМУ: НЕ ТОРОПИСЬ, БРАТ	25
СВЯЩЕННИК РПЦ: ПАСТЫРЬ ИЛИ ВИНТИК?.....	30
ЗАПИСКИ АЛТАРНИКА	32
ЗНАКОМСТВО	32
АРХИЕРЕЙСКАЯ	36
МАТУШКА ТАМАРА И ЕПАРХИАЛЬНЫЙ СКЛАД.....	42
ЛЮБОВЬ И НАДЕНЬКА.....	46
СВЯТОЕ БУЛТЫХАНИЕ.....	52
БАБА КЛАВА.....	55
КОРОНАВИРУС И МЫ.....	59
Я ОСТАЮСЬ: ИСПОВЕДЬ МИРЯНИНА	64
ГЛАВНЫЕ ВРАГИ ДЕЛА ХРИСТОВА НА НАШЕЙ ЗЕМЛЕ — В РЯСАХ ХОДЯТ.....	64
А Я ВСЕ Ж ТАКИ В ЦЕРКВИ: ИСПОВЕДЬ НЕ «БЫВШЕЙ».....	69
ИСПОВЕДЬ ЛГУНЬИ.....	74
А Я — ТЕПЛОХЛАДНЫЙ.....	77
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОБСУЖДЕНИЯ ПАДРЕ КОНСТАТИРОВАЛ: МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК, ВЫ КАТОЛИК!82	
ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННУЮ РПЦ	87
Я УХОЖУ: ИСПОВЕДЬ УХОЖАНИНА	95
ПОЧЕМУ Я БОЛЬШЕ НЕ ПРАВОСЛАВНЫЙ	95
И ТОГДА ВПЕРВЫЕ Я УСЛЫШАЛА В ГОЛОВЕ ГОЛОС СЕБЯ, ЗАБИТОЙ И ИЗМУЧЕННОЙ: «НАДОЕЛО»	
.....	102

ЛИЦА И МАСКИ.....	107
ДАЙ МНЕ ПРАВОСЛАВНЫМ УМЕРЕТЬ.....	114
ЛИЧНЫЙ ОПЫТ РЕЛИГИОЗНОГО НАСИЛИЯ В ПРАВОСЛАВИИ.....	140
ПОТЕРЯ ВЕРЫ ОКАЗАЛАСЬ ДЛЯ МЕНЯ НЕ ТРАГЕДИЕЙ, А БЛАГОСЛОВЕНИЕМ	167
ЦЕРКОВЬ, СЕМЬЯ, СЕКС	178
И ВОТ ЗДЕСЬ ПОЯВИЛСЯ ТЫ, ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ.....	178
РЕЛИГИЯ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ, ИЛИ ПОЧЕМУ Я НЕ ПОПАДУ В РАЙ	194
ДУХОВНИК В ПОСТЕЛИ СУПРУГОВ: ТРАДИЦИЯ, ОСВЯЩЕННАЯ СВЯТЫМИ ОТЦАМИ?	197
О ТОМ, КАК ЦЕРКОВЬ БОЛЬШАЯ МОЖЕТ УНИЧТОЖИТЬ ЦЕРКОВЬ МАЛУЮ...	199
КТО МНЕ ПОКАЖЕТ ПРИМЕР, КОГО СТРАДАНИЯ И БЕДНОСТЬ ДЕЛАЛИ ЛУЧШЕ?	206
МНОГОДЕТНЫМИ БЫТЬ (,) НЕЛЬЗЯ (,) ПОМИЛОВАТЬ.....	207
ЦЕРКОВЬ И ДЕТИ	210
КОНЦЕНТРИРОВАННЫЙ ЛАГЕРЬ ОТЦА К.	210
ПОЧЕМУ НИКТО НЕ СКАЗАЛ МАЛЕНЬКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МАШЕ, ЧТО ОНА НЕ ПЛОХАЯ?..	217
«ПРАВОСЛАВИЕМ В ВАШЕЙ СЕМЬЕ И НЕ ПАХЛО»: МАЛЕНЬКАЯ МАША И ЧИТАТЕЛИ «АХИЛЛЫ»	220
«АФГАНСКИЙ СИНДРОМ» — НЕ НА ВОЙНЕ, А ПО ДОРОГЕ В ЦЕРКОВЬ	222
ХРИСТИАНСТВО, ПРАВОСЛАВИЕ, РПЦ – ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ	225
ЦЕРКОВНОЕ ОБНУЛЕНИЕ: ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ.....	225
ФИЛОСОФИЯ МЕЧА, ИЛИ ПРОВАЛ МИССИИ.....	229
ЦЕРКОВНЫЙ ГЕНЕРАЛИТЕТ, ИЛИ ПОЧЕМУ В РПЦ ТАК ВСЕ БЕЗНАДЕЖНО	237
ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ЦЕРКВИ: МОГ ЛИ БЫТЬ ПОВОРОТ К СВОБОДЕ?	239
НИМБ ИЛИ КОРОНА?.....	243
ВОПРОСЫ К ПРАВОСЛАВНОМУ ХРИСТИАНСТВУ. ГРЕХОПАДЕНИЕ, СПАСЕНИЕ И ЧТО ДАЛЬШЕ?..	250
СЕМЬ ТИПОВ ПРАВОСЛАВНЫХ РПЦ	260
ЛЮБЯЩИЙ БОГ ПРОТИВ ДОГМАТИКИ.....	266
«НАСТОЯЩЕЕ» ПРАВОСЛАВИЕ И КРИТИКИ КРИТИКОВ ЦЕРКВИ.....	278
«СТАРЕЦ» ИОАННИКИЙ ИЗ ЧИХАЧЕВО.....	281
КАК Я ВЫЗВОЛЯЛА МАМУ ИЗ «ОБИТЕЛИ» «СТАРЦА» ИОАННИКИЯ ИЗ ЧИХАЧЕВО.....	281
АЛЕКСЕЙ АРЦЫБУШЕВ И ОТЕЦ ПАВЕЛ АДЕЛЬГЕЙМ	301
«ВЫ К СТАРЦУ?..».....	301
ИСПОВЕДНИК ВЕРЫ, НИКОГДА НЕ ВХОДИВШИЙ В РОЛЬ	313

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ

Эта книга — вторая часть сборника лучших текстов нашего сайта «Ахилла». Первый, расширенный, том вышел в марте 2019 года. Этот том включает в себя тексты с весны 2019 года по январь 2022-го, то есть оба тома охватывают период ровно в пять лет существования нашего проекта.

Второй том получился «тоньше» по размеру потому, что в него мы не включили ни одного текста о монашестве — все материалы о монастырях и монашестве мы собрали в отдельный сборник, который также есть в нашей библиотеке, он называется «Жертвы ангельского чина».

Также в этот том не вошли тексты (кроме одного) нашего лучшего автора — Олега Курзакова, потому что тоже составили отдельную книгу.

Но мы надеемся, что и среди текстов второго главного сборника «Ахиллы» есть много полезного и интересного.

ПОРОЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ: СВЯЩЕНСТВО И СВЯЩЕННИКИ

15 ЛЕТ В САНЕ — И ДУША КАК ВЫЖЖЕННАЯ НАПАЛМОМ ЗЕМЛЯ

Анкета анонимного священника

Есть ли разница между Церковью, в которую ты пришел когда-то, и РПЦ, в которой оказался?

Все течет, все меняется, как говорил Гераклит, нельзя дважды зайти в одну реку. Когда я пришел в Церковь, она была другая. Люди были другие, священство было другое, это были девяностые годы. Было ощущение выхода из тюрьмы на свободу. Чувство полета, радости, надежд, веры в то, что мы нашли сокровище. Сейчас наоборот — РПЦ только уводит от Бога. Она занята чем угодно, но только не тем, чему учил Христос. Говорю это с позиций простого священника. Поначалу это может быть не заметно, но спустя годы человек начинает испытывать давление этой системы. Он или сопротивляется и страдает, или что-то в нем ломается. Если и возможен духовный рост, то не благодаря, а вопреки РПЦ.

Что изменилось для тебя за годы власти патриарха Кирилла?

Кирилл посадил священников в клетку, на цепь, как собак. Как сказал один из молодых епископов: «попы — крепостные». И, как добавил один из духовных чад патриарха, мы хуже рабов. В древнем Риме раб имел право на жилье, одежду, еду, орудия труда, а попы не имеют даже этого. И как еще говорил другой духовный сын Кирилла нуждающимся священникам: «Церковь — не дойная корова». Один старый священник заметил, что если раньше он страдал от советской власти, то сейчас стало еще хуже, издеваются свои же.

Внутри РПЦ никто не может противостоять патриарху. Время патриарха Кирилла — это время формализма и показухи. Это время вырождения Церкви.

Ощутил ли на себе последствия раздела епархий?

Не хочу повторять то, о чем и так все знают. Максимально возросли поборы, показуха и отчетность. Ну и контроль. Не продохни. Всех держат в напряжении. Конечно, раньше было спокойнее.

Какие проблемы видишь в епархиальной жизни?

Никому нет дела до твоих проблем. В этой организации никому не нужны ни ты, ни твоя семья. Плати деньги и поддакивай начальству. Все боятся рта открыть. Как белка в колесе, епархия имитирует активную деятельность, но все стоит на одном месте.

Каковы твои взаимоотношения с настоятелем, с братьями-священниками, с архиереем?

Если ты второй священник на приходе, то ты просто рабочая сила, получаешь копейки, если что-то не нравится, можешь уходить. Настоятели на более-менее нормальных приходах — все люди из «белого» списка. А если ты из черного, то тебя только используют и терпят.

Священники, как правило, каждый за себя. Все жить хотят. И опять же — боятся благочинного и епископа. Благочинный — доносчик епископа. А чтобы быть на хорошем счету у благочинного, надо стучать ему, если кто-то выбивается из строя.

Батюшки не слепые, посмотрелись на то, как жестоко и бесчеловечно может поступать его высокопреосвященство. Знают, что надеяться на понимание

и хотя бы сочувствие бесполезно. Как говорится, справедливости на этом свете нет.

Каковы отношения между священниками в твоей епархии?

В основном отношения более-менее неплохие. Но до тех пор, пока не задеты интересы друг друга. Тут от любви до ненависти один шаг. Как писал свт. Феофан Затворник, только тронь и пойдет вонь.

Как живет обычный священник день за днем, без прикрас, без слащавой картинки для православной публики?

Меня постоянно преследовала мысль о том, на что жить и где взять деньги на самое необходимое. Как заплатить взносы в епархию? Понятно, что если в тяжелой ситуации обратиться за помощью, кто-то может откликнуться, но всю жизнь содержать тебя никто не будет.

Когда видишь равнодушие и черствость со стороны людей, ради которых ты все это терпишь, невольно руки опускаются. Когда идут годы такой жизни, 10, 15, 20 лет и ничего не меняется, несмотря на твои усилия, то возникает ощущение бессмысленности такого служения. Это не только мой опыт — и другие, кто оставил священство, признавались мне, что испытывали то же самое. А церковное начальство прямо говорит: это твой выбор, ты знал, на что шел, тебя тут силой никто не держит. И вообще, это мы тебя терпим, и скажи спасибо владыке за то, что он дает тебе возможность стоять у престола. А тяжело всем, нечего плакаться. У тебя прихожан мало? А что ты сделал, чтоб было много? Сам виноват. Сам и решай свои проблемы. — И дальше разговоры про старцев, к которым ехали в глухие деревни издалека.

Как выглядит приходская жизнь глазами священника? Социальная, миссионерская, молодежная деятельность на твоём приходе, в твоей епархии — это реальность или фикция?

За редким исключением, на приходах нет никакой деятельности. Все — фикция, пара фоток для епархиального сайта и готово. О чем можно говорить, если, по словам одного уважаемого архиерея, большая часть священников не в состоянии удовлетворительно просто рассказать людям о крещении, некому интересно проводить даже огласительные беседы. Многие пробуют привлекать людей, но мало у кого получается, на приходах некому даже петь и кадило подавать. Я пишу о тех приходах, где хорошо

знаю ситуацию, — это небольшие села и деревни. Как говорится, «мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали». В итоге безысходность и тоска.

Как ты видишь прихожан, каковы ваши отношения?

Прихожане не идиоты, они прекрасно все видят и тоже устали. Батюшку могут жалеть, но они и сами не находят в церкви того, что ищут, поэтому выгорают и постепенно отходят.

Как выглядит финансовая жизнь обычного прихода, куда распределяются денежные потоки? Зарплаты, отпуска, больничные, пенсии, трудовая, весь соцпакет — как с этим обстоит?

Зарплата в деревне нет вообще, жить не на что. Епархия требует не последние деньги, а то, чего в принципе нет. В ПФР и ФСС не с чего платить. Никакого соцпакета. Все это из какой-то другой реальности. Подобную роскошь могут позволить себе только богатые приходы.

Митрополит Иларион (Алфеев) недавно сказал, что сельские священники зачастую служат бесплатно, платят налоги и при этом работают на светской работе.

Но я не представляю, как это возможно, когда даже с интернетом проблемы и дистанционно работать нельзя.

Если на дверях храма постоянно висит замок, то всегда найдется тот, кто будет этим недоволен. Тот же благочинный. Но денег ведь нет, а бесплатно сидеть сутками в пустом храме никто не согласится.

Если священник устроился на работу, а его попросили отпеть (даже если отпевания бывают редко), то ты не можешь внезапно бросить работу, нарушить график.

А потом естественный итог: архиерей или благочинный обязательно укажут, что храм закрыт, священник не занимается приходом, решает свои личные проблемы и при этом говорит, что нет прихожан, нет денег платить в епархию и недоволен жизнью. Винит других, хотя виноват во всем в первую очередь сам. — Замкнутый круг.

Прочитал на «Ахилле» текст о зарплате сельского священника в 10 тысяч рублей. Но кто-то мечтает даже об этом, у меня не было и этой суммы, в лучшем случае тысяч 5.

В воскресные дни выручка в среднем от 100 до 500 р. В большие праздники — от одной до двух тысяч. Отпеваний 3-4 в год, крещений не больше. Откуда 10 тысяч на жизнь? А ведь с этих денег надо приобрести на энную сумму товар на складе (который почти не покупают) и платить целевые. Это просто нереально. В моем случае это три тысячи с половиной. А платить за жилье? А дополнительные сборы вроде сборов на подарок патриарху, митрополиту к Пасхе, Рождеству, дню ангела? Когда ты говоришь, что денег нет, тебе просто не верят. Типа, самый умный, думаешь, у нас есть деньги и нам легко?

Недавно один игумен сказал мне, что целевые — это святое, их нельзя не платить. Но ему-то хорошо говорить — настоятелю монастыря в крупном городе.

Могут спросить: как же вы жили? Жили на детские пособия и зарплату матушки, пока ее терпение в конце концов не лопнуло.

Я вижу две реальности в РПЦ. У одних в материальном плане пока все хорошо, деньги есть, прихожане есть, они в почете и уважении, поэтому они и закрывают глаза на некоторые вещи, которые их могут смущать.

А другим что терять? Когда ситуация, о которой я пишу, продолжается годами.

Страшней всего, когда священник терпит до последнего, теряет семью, ломается, теряет веру и понимает, что стал старым и никому не нужным. И никто даже не заметил его страданий и боли. А найти работу с достойной зарплатой, начать жить заново он просто уже не способен.

Как себя ощущает священник через несколько лет служения? Есть ли чувство правильного движения, духовного развития или регресс по сравнению с тобой, только что рукоположенным?

Это два совершенно разных человека. 15 лет в сани — и душа как выжженная напалмом земля.

Не знаешь, во имя чего эти жертвы, не видишь результата своих усилий ни в себе, ни в прихожанах. Кто стал лучше, кто обрел радость, кто светится

счастьем? Покажите мне этих людей? Священники признаются, что забыли о том, что такое счастье. Я каждый раз удивляюсь, когда далекие от религии люди говорят, что они счастливы.

Если отмотать назад — пошел бы опять в священники?

Много раз задавал себе этот вопрос и отвечу: нет.

Нет ли желания уйти совсем: за штат, снять сан или в альтернативную церковь?

Желание одно — уйти совсем и прекратить эту бессмысленную игру. И не верю, что где-то иначе, похожие проблемы будут в любой подобной организации. Так что альтернативное православие даже не рассматриваю как вариант.

От чего больше всего устает?

Странно, но устаю от осознания того, что для большинства людей я — маг и колдун. Кроме обрядов, людям от меня больше ничего не надо. А разговоры о духовности — это такие высокие материи, к которым мало кто готов. Может быть, я преувеличиваю, но говорю так, исходя из опыта служения в деревнях, где народ примитивный и ждет от тебя только обрядов. Духовный и образованный человек чахнет и не способен самовыразиться в такой среде.

Очень больно и от осознания того, что РПЦ от тебя нужно только послушание и деньги, а свои таланты оставь при себе — их никто не оценит.

Есть ли разрыв между тобой-человеком и тобой-священником — насколько это разные люди?

Нет, я не лицемерю. Возможно, из-за этого меня и называли нетипичным священником, выделяющимся из общей массы.

Священство — благо для твоей семейной жизни или проблема?

Ну разве может быть благом для семьи то, что я описал? Мы все живем в одной реальности. И супруга, если имеет хорошее образование, захочет ли заживо хоронить себя и быть не востребовавшей? И дети, когда нет денег на самое необходимое, например, зубы лечить, будут ли довольны? И главный вопрос: почему и ради кого? Храмы ведь пустые в деревнях, людей нет. А тем, кто есть, кроме православной магии от тебя ничего

не надо. И семья все это видит и понимает. Больше половины священников в моем благочинии семью не сохранили.

Каким видится будущее РПЦ: ближайшее, лет через 10?

Угасание, вымирание, вырождение в секту.

ТАК ВО ВСЕМ И ВРЕМ: МЫ — ЕПИСКОПУ, ЕПИСКОП — ПАТРИАРХУ, А ПАТРИАРХ — ПРЕЗИДЕНТУ

Анкета анонимного священника

Есть ли разница между Церковью, в которую ты пришел когда-то, и РПЦ, в которой оказался?

К моей большой радости — нет. Веровал я с детства, но в храм пришел уже после армии. Хотя до этого много читал Новый Завет, подаренный харизматами в 1992 году. К тому же во время учебы в богословском учебном заведении от священников услышал много «интересного». Отговаривали от принятия сана.

Что изменилось для тебя за последние годы власти Патриарха Кирилла?

За последние годы церковные структуры все больше напоминают Политбюро ЦК КПСС. Те же «дремучие старцы», которые живут прошлым и мыслят по-совковому. Галочно-палочная система. Отсутствие работы на результат. Отписки и приписки. Все больше вылезает наружу некомпетентность епископата и его ближайшего окружения.

Ощутил ли на себе последствия раздела епархий?

Да, сам был у истоков создания одной из епархиальных структур, руководил некоторыми отделами. Вначале был энтузиазм, и не только у меня, но и у мирян, которые с воодушевлением принялись за работу. Затем столкнулись с противодействием архиерея — и все, из начального состава епархиального управления не осталось никого.

Сразу было понятно, что цель патриарха не та, что он декларирует в СМИ, т.е. якобы сделать епископа ближе к народу, а более циничная — сделать епископат подконтрольным и безвольным.

Какие проблемы видишь в епархиальной жизни?

Отсутствие любви. Слишком банальное заявление, но если бы это не транслировалось с амвона, не написал бы.

Отсутствие у епископата (в основной массе) светского образования (у некоторых только школа), и соответственно — отсутствие опыта работы и жизни в миру. Отсутствие у архиереев нормального опыта управленческой деятельности, соответственно управление епархией происходит от ветра главы своя. Если человек смолоду носил посох за епископом, угождал и лебезил — вот тебе и готовый управленец. Хотя модное «эффективный менеджер» употребляется в высших церковных кругах к месту и не к месту.

Система выстроена таким образом, что необходимо заниматься приписками и обманом, причем на всех уровнях. Пример: едем проверять воскресную школу на предмет соответствия стандартам. Я говорю руководителю ОРОиК, что ехать смысла нет, потому что патриархия определила стандарт, и под этот стандарт школа не подходит. Т.е. максимум — это группа воскресного дня. Ответ порадовал: не может же епископ, приняв епархию с 20 школами, отчитаться патриарху через 2 года своей работы, что у него 10 школ и 10 групп воскресного дня.

Так во всем и врем: мы — епископу, епископ — патриарху, а патриарх — президенту, что, мол, у нас небывалый расцвет православия. А по факту — фикция, ИБД (имитация бурной деятельности).

Отсутствие желания у священнослужителей учиться. У некоторых нет вообще никакого образования, только средняя школа. У многих оконченная семинария в прошлом веке и все. Курсы повышения квалификации — еще одна фикция, созданная патриархией. Спросите у первого попавшегося отца догмат о Пресвятой Троице — и будете поражены уровнем богословских знаний. А если спросите про Халкидонский догмат, вообще потеряетесь во времени. Про социальную концепцию, современное каноническое право, современные изыскания науки о Священном Писании — черная дыра. И самое обидное в этом, что всех все устраивает. И прихожан, и благочинных, и епископат, и даже самого священнослужителя.

Самое, на мой взгляд, важное упущение в административной работе — это отсутствие должного контроля со стороны патриархии к спускаемым в митрополии решениям Синода, соответственно и отсутствие должного контроля со стороны епархии к этим, транслируемым дальше в благочиния

и настоятелям, директивам. Есть же и хорошие решения, такие как обязательная катехизация. Но отсутствие контроля порождает безнаказанность и необязательность.

Патриарх как-то грозил снимать с должности епископов за отсутствие работы в епархиальных отделах. Пока это все осталось на уровне разговоров. Даже если патриарх пришлет скрытую проверку в митрополию, что ему делать с провинившимся епископом? Где взять нормального, адекватного и способного управленца? А епископ где возьмет столько кадров, чтобы заменить «неэффективных менеджеров»? Хотя, может, этот вопрос тревожит только меня, а там другие критерии эффективности? Ведь по бумагам — мы впереди планеты всей!

Каковы твои взаимоотношения с настоятелем, с братьями-священниками, с архиереем?

Когда меня «мочили» (выражение архиерея) на епархиальном совете, никто не выступил в мою защиту. Некоторые отцы очень даже активно поддакивали, остальные осторожно молчали. Один батюшка после совета написал в вацапе: «Отец Гендельф, прости, я промолчал, ведь у меня трое детей, нет образования и опыта работы в миру». Сейчас я выпал из поля зрения, чему несказанно рад, и мой настоятель замечательный человек.

Есть три священника, с которыми у меня доверительные отношения. Один из них мой друг. У всех высшее богословское и высшее светское образование, у всех опыт работы в миру. Один имеет научную степень. Общаемся, обсуждаем сложившуюся ситуацию, скрипим.

Каковы отношения между священниками в твоей епархии?

Какие в «Азии» отношения? Как сказал один епископ: «у тебя есть 300 тысяч? Нет? Ну и молчи нафиг». Перефразирую — если ты настоятель или (дай Бог) настоятель богатого прихода — респект тебе и уважуха, нет — молчи нафиг. Братского отношения я мало встречал (но, может быть, это потому, что я сам не очень хороший человек). Отношения как и везде, я так думаю.

Как живет обычный священник день за днем, без прикрас, без слащавой картинки для православной публики?

Раньше, когда я был настоятелем, служил литургию 5 дней в неделю, плюс праздники, мероприятия и разные «хотелки» епископа. Вел и организовывал

различные группы и курсы для священников и прихожан. Требы, походы в тюрьмы, школы, детские сады и другие государственные учреждения. Теперь, как и у некоторых священников — работа 5 дней и 2 дня служба. Но сейчас я чувствую себя гораздо свободнее — я избавился от финансовой зависимости от храма.

Как выглядит приходская жизнь глазами священника? Социальная, миссионерская, молодежная деятельность на твоём приходе, в твоей епархии — это реальность или фикция?

В любой епархии это фикция, если это не нужно руководителю отдела и настоятелю. Мне было нужно, и у меня вся эта работа велась. А так как я был руководителем некоторых отделов, то я старался вынести работу на уровень митрополии. Многим отцам это не было нужно, тем более что митрополит за результаты работы не спрашивает, спрос только за отчеты. Если перед архиереем стоит выбор: забрать деньги с прихода себе или отдать на работу отделов, выбор очевиден — деньги забираются на «нужды епархии». Соответственно и отцы не собираются тратить «свои» деньги на какие-то там направления.

Как ты видишь прихожан, каковы ваши отношения?

С прихожанами отношения разные. Я думаю, что вот такие: «Уста наши отверсты к вам, Коринфяне, сердце наше расширено. Вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно» (2 Кор. 6:11). У меня к прихожанам теплые, у прихожан ко мне — разные.

Как выглядит финансовая жизнь обычного прихода, куда распределяются денежные потоки? Зарплаты, отпуска, больничные, пенсии, трудовая, весь соцпакет — как с этим обстоит?

Мой приход был главным донором архиерея и епархиального управления — перечислял деньги на содержание епархиального управления и отдельно — в конвертике архиерею. Архиерей у нас был «бессребреник» — заявил, что денег ему в конвертиках не надо, но при этом не отказывался намекать и брать. «Естественно» — конвертик на день ангела, день рождения, день хиротонии, день пострижения, Пасха, Рождество и другие непредвиденные расходы.

Что оставалось — платили зарплату священникам и сотрудникам, оплачивали коммунальные расходы, налоги, больничный и т.д.

По «благословению» архиерея налоги платили из минимальной ЗП. Жили

в долг, вследствие завышенных налогов и «хотелок» со стороны архиерея. Зарплата небольшая — 25-30 тысяч.

Сейчас я двадцать восьмой штатный священник. В этом храме нет никакой деятельности, ее некому и не с кем вести, — только литургия и храмовые требы.

Как себя ощущает священник через 10 лет служения? Есть ли чувство правильного движения, духовного развития или регресс по сравнению с тобой, только что рукоположенным?

Ощущаю себя относительно хорошо. Тяготит отсутствие возможности реализовать себя в общественном плане.

Если отмотать назад — пошел бы опять в священники?

Да, пошел бы. Но у меня есть одно преимущество перед многими братьями священниками — я имею светское образование, имею возможность продолжить работу в миру. Остались хорошие связи.

Нет ли желания уйти совсем: за штат, снять сан или в альтернативную церковь?

Нет. Но если отправят за штат или в запрет — приму как должное. Готов служить, прислуживаться тошно.

От чего больше всего устаешь?

От совершения треб, от записочек. От нежелания прихожан вникать в вероучение, от обрядоверия и магизма.

Отдельной строкой — очень устаешь от глупости и некомпетентности архиерея, от лицемерия (и своего, и сослуживцев). От осознания своей трусости и бесхребетности — боишься сказать правду в глаза, юлишь и поддакиваешь. Устаешь от пафосных и слащавых речей, победоносных гимнов, от лизоблюдства перед властью имущими.

Устаешь от отцов, которые знают ответы на все вопросы; от нелепых и где-то даже вредных их советов. Если я и могу послать советчиков, то как сложно мирянам, воспитанным в духе «послушание выше поста и молитвы».

Есть ли разрыв между тобой-человеком и тобой-священником — насколько это разные люди?

Стараюсь не лицемерить.

Священство — благо для твоей семейной жизни или проблема?

Никогда в таком ракурсе не рассматривал свое рукоположение. Для меня это благо, надеюсь, что и для семьи. По крайней мере, я не готов пожертвовать семьей из-за глупости священноначалия и выполнения их хотелок, скрывааемых за «благом Церкви».

Каким видится будущее (собственное и РПЦ): ближайшее, лет через 10?

Для Церкви — когда члены политбюро (ой, Священного Синода) уйдут на пенсию, и останется молодая поросль, не имеющая никаких ценностей, кроме материальных, — может наступить коллапс. Второй вариант, более благоприятный, — это отказ властей помогать РПЦ. Оставшись без господдержки, соответственно без денег — многие евромонахи и евроепископы сбегут. Это самый желаемый исход.

Для себя — надеюсь, что буду служить.

Я — ПОРОЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ: ИСПОВЕДЬ «ЦИНИЧНОГО» СВЯЩЕННИКА

падре Сорель

Есть ли разница между Церковью, в которую ты пришел когда-то, и РПЦ, в которой оказался?

Не знаю, корректно ли так сказать, но разница скорее во мне, нежели в РПЦ. Я пришел в Церковь ребенком, разумеется, священники казались мне святыми, а храм — дивным миром, где встречаются люди и Бог. Однако уже накануне поступления в семинарию видел многие негативные стороны, в частности, повальный антисемитизм, вестернофобию, царебожие и прочие «прелести». Кстати, как раз на заре диомидовского раскола довелось столкнуться с местной группкой царебожников. Это было, пожалуй, первое четкое ощущение немыслимого бреда, который извергает из себя верующий и воцерковленный человек.

Уже потом была семинария и постепенное приобретение стойкого цинизма, замешанного на интеллектуальной оппозиции и знании некоторой церковной изнанки. Собственно, в священство я пришел с очного отделения

церковной аспирантуры, поэтому было бы глупо говорить, что я не знал, куда и зачем иду.

В общем, Церковь изменилась мало. Многие мракобесные тенденции, которые раньше не были мейнстримом, теперь просто попали в струю государственной изоляционистской политики, поэтому всячески культивируются начальством. А я, пожалуй, стал умнее и циничнее, поэтому вижу все без малейшей доли идеализации.

Что изменилось для тебя за годы власти патриарха Кирилла?

Не стану повторяться, что с патриархом Кириллом все связывали надежды, чаяния либерализации и т.д. Я бы сказал, все изменилось не с приходом патриарха Кирилла, а с третьим сроком Путина. Именно курс на консерватизацию, скрепы, гомофобию, который был взят Кремлем еще за год до Крыма, способствовал тому, что вся мерзость в церковной жизни полезла наружу. А в условиях, когда все более-менее прозрачно, да еще и выросло поколение, где превалируют агностики и атеисты (ну что, Кураев, отмиссионерил?), эта самая мерзость ежедневно подвергается обструкции на потеху публике.

Что поменялось лично для меня? Скорее всего, появился некий простор для деятельности (можно ездить на всякие курсы, что-то делать у себя в епархии, открылась церковная докторантура и появились возможности стажироваться за рубежом). Да и, в связи с геометрическим ростом числа кафедр, есть неиллюзорная перспектива архиерейства, что как бы согревает душу в часы одиночества.

Ощутил ли на себе последствия раздела епархий?

Никоим образом. Я живу и служу в митрополии, на деревенские епархии и их клир смотрю свысока.

Какие проблемы видишь в епархиальной жизни?

Повторю слова одного из авторов: основная проблема — непроходимая тупость. Тупость порождает хамство, стремление к самопиару, желание выделиться дорогими часами, машинами, облачениями и т.п., ибо больше выделиться нечем. Кроме того, большинство священнослужителей не видит смысла в самообразовании и хоть каком-то интеллектуальном развитии. Отсюда, как мне кажется, и выгорание.

Этот путь — путь внутренней эмиграции, путь книг и радости гносиса (в истинном смысле этого слова), почему-то мало кто избирает для себя. И дело здесь именно в осознанном отказе от такого пути, потому как материальная сторона совершенно не при чем. В свое время в Москве мне доводилось общаться с людьми, перебивавшимися с копейки на копейку, но при этом испытывающими истинное счастье от возможности читать Сапфо в оригинале или часами способными говорить об образной системе Гриммельсгаузена. Что мешает идти этим путем, расти интеллектуально, если нет возможности расти иначе? Как я думаю, только прямое нежелание.

С другой стороны, среди паствы объективно нет запроса на образованное духовенство. Верующие воспринимают клириков почти исключительно как шаманов, которые решают магические проблемы, «поставят защиту» и т.д. Стремления у паствы к постижению религиозных истин минимально. Ну а что говорить о современных богословских знаниях. Представьте себе, что выйду я на амвон и начну в проповеди на день памяти пророка Моисея вещать, что все это сплошные аллегории. Что и еврейский народ тогда был не особо многочисленным, да и завоевания Ханаана, в общем-то, может, и не было. А может, и было, мнения исследователей здесь расходятся. И вишенка на торте: разумеется Пятикнижие писал не Моисей. Ну, вы понимаете, тут, в лучшем случае никто ничего не поймет, а в худшем — донос на имя архиерея. А ведь в современной библеистике это вещи азбучные. Если же я стану свою диссертацию цитировать, то большинство просто подумает, что я на иностранном языке говорю.

Каковы твои взаимоотношения с настоятелем, с братьями-священниками, с архиереем?

С настоятелем и другими клириками отношения нормальные, я бы сказал, рабочие, без особых сантиментов и панибратства. Друзей в своей епархии у меня нет. Все ребята, с которыми завязались братские, добрые отношения, в семинарии или академии, разъехались по своим епархиям, так что общаемся, в лучшем случае, в скайпе. Несомненно, многие мне завидуют, считают незаслуженно обласканным карьеристом и циничным подонком, но прямо вредить пока никто не решался.

С архиереем отношения очень хорошие, без сарказма. Не скажу, что вхожу в число его любимцев, но сразу попал в определенный ближний круг. По карьерной лестнице было некоторое продвижение, да и сейчас есть.

Каковы отношения между священниками в твоей епархии?

Отношения разные. У кого-то братские, у кого-то, напротив, враждебные. Есть поповские кланы, как и везде. Какой-то открытой вражды, что личной, что клановой, я на своем веку не видел, но есть определенный негатив у одних клириков к другим. В алтаре, бывает, обсуждаются те или иные проступки, с явным сарказмом рассказывается о чьих-то успехах или промахах. Например, один священник заболел раком горла. Мой коллега по приходу прокомментировал это в узком кругу так: «Дососался».

Как живет обычный священник день за днем, без прикрас, без слащавой картинки для православной публики?

Если желаете понять, как живет простой священник, прочтите повесть Леонида Андреева «Жизнь Василия Фивейского» — в целом, за минувший век ничего не поменялось.

Моя жизнь в этом плане совершенно нетипична. У Калаказо кто-то писал о том, что редкая птица из наших монахов летает по Мюнхену да про Бетховена лекции читает. Вот я как раз такая редкая птица. Пишу, выступаю, постоянно стараюсь развиваться, езжу на разные семинары, стажировки. При этом стараюсь заниматься только той тематикой, на которой специализируюсь. Есть такой синдром, я его называю «поп из девяностых», это когда священнику сносит крышу от того, что везде ему рады, все ему смотрят в рот, ну и понеслась: он у нас и строитель, и реабилитацией занимается, и в тюрьмы ходит, и блогер, и диссертацию пишет, а детушки-то у него какие умницы... Ну вы поняли. Так вот, я стараюсь заниматься только определенными вещами, и в них действительно добиваюсь успеха. Не имею желания расплыться на все подряд.

Нужно сказать, когда дел много, жизнь напоминает бесконечную гонку, в которой тебе реально не хватает 24 часов в сутки. Ну а потом, в какой-то момент срываешься и проваливаешься на дни в полную умственную и физическую деградацию, когда сутками только пьешь пиво и смотришь видосики с ютуба. Такие периоды очень болезненны, прежде всего потому, что имеют свойство затягиваться и выйти из этого состояния всеобъемлющей прокрастинации не так-то просто.

Как выглядит приходская жизнь глазами священника? Социальная, миссионерская, молодежная деятельность на твоём приходе, в твоей епархии — это реальность или фикция?

Мне довелось побывать на нескольких приходах, поэтому скажу с уверенностью, что везде хоть что-то, да ведётся. Это либо работа с молодежью, либо реабилитация алкозависимых или наркоманов, либо кружки для взрослых (ну то есть всякие русские песни-пляски, казачество), иногда эти варианты komponуются. Отчетность, которую лично я посылал в епархию и патриархию, фикцией никогда не была (но мне действительно есть чем хвастаться), а вот про остальных не знаю.

Как ты видишь прихожан, каковы ваши отношения?

С прихожанами отношения хорошие. Некоторых действительно люблю и уважаю. К сожалению, как уже говорил, почти никто не заинтересован в интеллектуальном росте. Но с людьми, которых по-настоящему уважаешь, на такое закрываешь глаза. Когда становится совсем одиноко, есть с кем поговорить, и это большой плюс.

Никогда не стремился использовать прихожан хоть в чем-то. Даже когда меня подвозят на машине до дома, всегда совершенно искренне предлагаю заплатить, хотя люди и отказываются.

Как выглядит финансовая жизнь обычного прихода, куда распределяются денежные потоки? Зарплаты, отпуска, больничные, пенсии, трудовая, весь соцпакет — как с этим обстоит?

Как выглядит финансовая жизнь в реальности — это к настоятелю, я в такие вопросы не вдаюсь. Зарплата на уровне средней по региону, больничных, как таковых, нет. То есть если заболел — просто отпрашиваешься у настоятеля и на этом все заканчивается. Но стараюсь этим не злоупотреблять. Отпускные платят в размере фактического оклада. Насчет пенсии сказать ничего не могу, как я понимаю, некоторым старым клирикам что-то платят, но это личное распоряжение архиерея, которое на всех не распространяется.

Официальная зарплата на уровне МРОТ, это, я так понимаю, сейчас везде. Гречет душу, что мне епархия оплачивает мой бюрократический труд в дополнение к священническому окладу, да еще и оплачивает некоторые транспортные расходы, так что финансово не страдаю.

Как себя ощущает священник через 10 лет служения? Есть ли чувство правильного движения, духовного развития или регресс по сравнению с тобой, только что рукоположенным?

10 лет? Я столько и в помине не отслужил. Есть чувство карьерного роста, это да. Духовного развития у меня и в семинарии не было, так что здесь все очень сложно. Я думаю, что в идеале такое развитие вообще возможно только у истинных подвижников, которые ушли в пустыню и все свое время отдают молитве. Непосредственно после хиротонии первые, наверное, пару месяцев было чувство одухотворенности, а потом вернулся во всей красе приобретенный еще в семинарии цинизм, словами Пелевина, «бескрайний, как вид с Останкинской телебашни». Не было ни развития, ни регресса, если кратко сформулировать. Был проблеск духовности, чистоты, который моя сущность пожрала полностью и не поперхнулась.

Логично здесь было бы спросить себя: ну а зачем тогда вообще все это, если нет никакого духовного роста? Скажу честно, не только ради денег. Я считаю, что и многие святые не ощущали какого-то роста. Просто жили, старались поступать по совести и не более.

Если отмотать назад — пошел бы опять в священники?

Я — порождение системы, поэтому сформулировал бы вопрос иначе: пошел бы опять в семинарию? Да, уже где-то со второго курса бурсы я понял, что являюсь антисистемщиком, в полном смысле этого слова. Однако и антисистемщики порождены той же системой. Просто, не пойдя в семинарию, никогда бы даже и не понял, кто такие антисистемщики и как у будущего клирика вырабатывается циничное отношение к Церкви и религии.

Моя хиротония и все остальное — это следствие. А причина — выбор поступления в семинарию. Я поступал сразу после школы, а до этого еще несколько лет активно готовился, читал церковную литературу, поэтому семинария и академия, без сомнения, сформировали меня как личность.

И в итоге получается, что если бы я не пошел тогда в семинарию, это был бы не совсем я. Несколько раз мне приходилось задавать себе этот вопрос: пошел бы опять в семинарию? И ответ всегда был один: я бы пошел, а если бы не пошел, то это был бы уже не я, а кто-то другой, сформированный в совершенно иную, быть может, личность.

Нет ли желания уйти совсем: за штат, снять сан или в альтернативную церковь?

Про альтернативные церкви разговор отдельный. Еще в семинарии у меня проскальзывало желание слиться потихоньку в Апостольскую православную церковь, уж очень импонировали тогда эти либералы. Но со временем, еще до хиротонии, понял, что все эти структуры в той или иной мере либо являются откровенно клоунским сообществом ряженых, либо затмевают христианство политикой. Для Апостольской церкви — это либерализм, для РПЦЗ — в основном, монархизм, жидоедство и прочие «царебожные» «прелести», у Лурье — какая-то смесь этих двух вариантов (учитывая тот факт, что это взаимоисключающие параграфы, смесь на уровне шизофрении).

В какой-то момент после окончания светского вуза было желание перейти на гражданскую работу, а служить только по воскресеньям. Но потом, на удивление, убедился, что кроме как в РПЦ применить свои способности мне негде, так что никакой самореализации в миру я не вижу.

От чего больше всего устаешь?

Больше всего устаю от вещей, со священнослужением никак не связанных. Сама по себе служба не кажется мне чем-то изматывающим. Вообще не понимаю священников, которые пишут, как им плохо и как они устают. Я служил и по полтора месяца без единого выходного и ничего.

Устаю, когда реально под завязку загружен бюрократическими делами. Когда надо днем служить, потом читать лекции, ночью писать отчеты, с утра без минуты сна опять служить, а потом еще встречаться с каким-нибудь лидером дзен-буддистов и всю встречу изображать заинтересованное выражение физиономии, когда от размазывания одних и тех же прописных истин про дружбу религий хочется немедленно заснуть. Вот такой график жизни изматывает. А служба, требы — это радость. Кто бы что ни говорил, действительно радость и отдых. Даже нудные, на первый взгляд, освящения чего-то скрашивает мысль, что заработаешь немалые деньги за час-другой.

Во внутренней жизни Церкви устаю от тупости, хамства и ханжества. Вызывает рвотные позывы очередное выступление на каком-нибудь собрании малограмотного протоиерея, вещающего про «загнивающий»

запад. Это есть. Но, к счастью, мне, как человеку по статусу не рядовому, на таких мероприятиях можно иногда и не появляться.

Есть ли разрыв между тобой-человеком и тобой-священником — насколько это разные люди?

В основном нет. Я стараюсь быть одинаковым и в храме, и дома. Не особо афиширую свой цинизм, конечно, но все же кое-какие стороны личности проскальзывают и в публичное пространство. Стараюсь не требовать от прихожан того, чему не следую сам. Наверное, будь я совсем конченным человеком, использовал бы свое положение и врожденные актерские способности для косплея какого-нибудь старца и, таким образом, обирал бы прихожан. Но это как-то противно делать. В общем, стараюсь минимизировать разницу, чтобы не быть ханжой.

Священство — благо для твоей семейной жизни или проблема?

Семьи нет, но есть проблемы. Очень хочу выговориться на эту тему, так как особо некому. Со временем я окончательно убедился в абсолютной правоте фразы «нехорошо быть человеку одному». И это касается даже не чисто физических потребностей. Безумно тяжело день изо дня приходить домой, зная, что ты совершенно одинок, что у тебя нет никого, с кем бы ты банально мог поболтать, поделиться своей радостью или своими переживаниями. Какую-то отдушину дают фейковые страницы в социальных сетях и бессмысленная болтовня с незнакомыми тебе людьми. Иногда уезжаешь к родителям и хоть там получаешь возможность быть выслушанным.

С физической стороны вопроса все обстоит куда благополучнее. В соседнем городе живет «постоянная» любовница, занимающая неплохой пост в городской администрации и, как следствие, в равной мере со мной не заинтересованная в огласке наших отношений. Но это, наверное, исключительно плотская страсть. Никаких перспектив, да и никакой возможности банально сходить куда-то вместе, нет.

Поскольку ездить в соседний город удастся не слишком часто, нередко прибегаешь и к услугам профессиональных блудниц — исконному утешению подвижников и celibатов. Самое интересное в этом то, что я совершенно не испытываю от подобных связей никакого раскаяния. То есть каяться в этом я могу, благо, есть способы сделать это не у себя в епархии, но именно раскаяния, сожаления, нет в помине. И парадоксально то, что когда,

по молодости лет, я изменял девушкам, раскаяние было. Объяснить такие вещи я не могу ни с какой точки зрения, хотя чисто спекулятивное объяснение все же приходит на ум: ведь ветхозаветные старейшины (которые были и жрецами одновременно) блудили направо и налево, практиковали такие вещи, которые сейчас и не каждый свингер себе позволит, а тем не менее почитаются Церковью. Ну и чем я хуже? Вопрос риторический.

Каким видится будущее (собственное и РПЦ): ближайшее, лет через 10?

Свое будущее видится под клобуком — давно пора сделать этот шаг. Под белым ли? Кто его знает. Хотелось бы как-то развиваться еще в области научной, может быть, получить пост в системе духовных школ в той же Москве, чтобы уже полностью отдаться науке и преподаванию. От места консультанта в Патриархии тоже не отказался бы.

Будущее церкви связано с будущим государства. А последнее неуклонно движется по определенному сценарию. Как выражались в XIX в., «Россия беременна революцией». Кремль закрыл все возможности для хоть каких-то попыток сменить власть демократически, поэтому революция, причем кровавая, неизбежна. Когда? Этого никто не знает. Церковь, уже прочно аффилированная с государством, подвергнется после революции тому же самому процессу.

Но не стоит думать, что к власти придут либералы, ну то есть авторы «Ахиллы» хотя бы. Поверьте, все пойдет по совершенно иному сценарию, как и в 1917 г. Просто те же самые Ткачевы, Смирновы и... (имя им Легион, тем, кто натер мозоли на языке, ублажая кремлевский афедрон) легко переобучатся на лету. Конечно, кому-то переобучиться не дадут, да и из либералов-мечтателей кто-то попадет наверх. Но в основном это будут все те же пропагандисты в рясах, которые станут радикально, безжалостно критиковать путинскую власть. «Ничто не ново под луною: что есть, то было, будет ввек».

КТО ВИНОВАТ В НЕСВОБОДЕ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА?

Григорий Нефедов

Прочитал на «Ахилле» замечательный текст Олега Курзакова «Церковь боящихся» (да и другие материалы про священников) и вот задумался о наших батюшках.

Да, многие верно говорят, что одна из главных проблем нашего приходского духовенства в том, что они полностью материально зависимы от доходов своего прихода, а значит и от епископа. Священник будет бояться «иметь мнение», точнее, высказывать его вслух, если он служит на более-менее приличном месте — даже не богатом, а просто приличном. Таким, которое позволяет кормить семью, нередко многодетную, оплачивать съемное жилье или даже строить потихоньку свое, купить машину, съездить раз в году семьей на море, в ту же Турцию.

А тут выскажешь недовольство чем-то (патриархом, решением Синода, поборами епархии, обнаглевшим благочинным) — и тебя тут же накажут: переведут в рядовые клирики с четко фиксированной (на нижнем уровне) зарплатой, под начало сурового настоятеля, где тебя заставят много работать, много слушаться и вообще чувствовать себя волом в упряжке на долгие и безрадостные годы — пока не сдохнешь, смиренно-покорно.

Но если ты священник на одном из бедных приходов, то и тут над твоим «свободным мнением» довлеет дамоклов меч. Пусть при переводе ты не потеряешь в доходе, зато ты и — самое главное — твоя семья потеряете устоявшийся образ жизни. Надо искать новое жилье, бросать хозяйство, детям — новую школу, матушке — может быть, новую работу, заводить новые знакомства. Это очень нелегко, поэтому и батюшки с нищих приходов предпочитают молчать — пусть лучше совсем забудут о нем, хоть так жить посвободнее, можно даже иногда и свое мнение поиметь на своем приходе (если, правда, среди тех десяти старушек-прихожанок не отыщется любительница/цы строчить письма в епархию с жалобами на своего священника-«модерниста»).

Но что делать-то в итоге? Как батюшкам осмелеть и начать не только «иметь», но и публично высказывать свое мнение, не боясь санкций начальства?

Некоторые говорят: а вот хорошо бы нашим батюшкам иметь светскую работу, чтобы в случае попытки надавить на свободомыслящего священника,

наказав его рублем, — не беспокоиться о доходах при переводе или вообще уйти.

Ну, вообще уйти — это понятно, для этого и нужна светская специальность, но если священник все же хочет продолжать служить в церкви? Он же не к патриарху Кириллу нанялся на работу в ЗАО РПЦ и не к тому архиерею, которых как перчатки меняют и по кафедрам гоняют, — он ведь в Церковь Христову пришел, а все эти священноначальники — явление временное, надо просто перетерпеть, пережить и продолжать Богу служить, невзирая на трудности. Вот таким священникам как быть?

Допустим, такой священник нашел себе вторую работу для укрепления базиса финансовой и моральной стабильности и безопасности. Отличный вариант, если священник научился чему-то крутому в интернете, он полный фрилансер, работает только на себя, делает проекты (сайты, дизайн, еще что-то) в свободное время, лежа в гамаке под яблоней во дворе приходского дома, гребет денежки и не парится, а в выходные и праздники — служит.

Но, во-первых, далеко не все способны такому научиться да еще и пробиться наверх, на тот уровень, чтобы зарабатывать самому на себя и прилично. Да и представить банальную препону: ты сидишь в глухой деревне, а там интернет еле-еле тянет, только если как медведь на самую высокую елку влезешь со своим ноутбуком...

А все остальные? Даже городские священники — ну нашел ты себе работу, которая или по графику 5-2, или 2-2, — и как служить? В первом случае придется жить без выходных годами, а во втором — твой график может попасть и в праздник, и в воскресенье — кто тебя будет отпускать с работы регулярно?

Или даже нашел ты такую удобную работу, что и отпускать тебя будут, и работаешь ты из дома — но ведь все равно: в нашей российской действительности священник — это аналог пожарного или скорой помощи: вдруг звонок: срочно прибегайте на причастие умирающего, на крещение младенца в реанимацию, на соборование, да и отпевание люди не перенесут под график священника, это он должен подстраиваться, иначе всю «клиентуру» растеряет. И как тут быть?

И вот выходит, что проблема зависимости наших священников — не только в епископах и их прихоти и самодурстве, но и в самом устройстве российского

православия. Когда у нас «86%» крещеных и все вроде как «чада церкви», то священники просто привязаны к одному месту — как они пойдут работать и строить свою независимость от епархиального руководства, если они должны всегда быть наготове к выполнению зачастую формальных, «ритуальных» услуг? Ведь не секрет, что в большинстве случаев все эти «экстренные» вызовы мало связаны с реальным благочестием и верой, а часто просто совершаются «на всякий языческий случай», «хуже не будет» и «пусть батюшка пошаманит тут чего, глядишь, и поможет».

Получается, что и христианская проповедь не развивается, а продолжает оставаться на народно-полужыческом уровне ритуалов, и священники не могут освободиться ради служения реальной — маленькой — общине христиан, которым, по большому счету, редко нужны требы от своего священника, и уж тем более не нужны все эти епархиальные заморочки в виде назначений, переводов, взносов, благочинных, епархиальных собраний, епархиальных отделов и комиссий, крестных ходов с очередной гастролирующей «святыней» и проч. Им нужно, чтобы их священник в их тесном кругу совершил литургию хоть раз в неделю, пообщался с ними, а потом он может и работать, и проч. А в случае чего священник может прийти к своим чадам из общины и ночью, если надо, и благословить помолиться без него, если он сильно занят, даже святые дары запасные принять по его благословению.

Но тут уже вырисовывается что-то не РПЦвидное, а ИПЦобразное — маленькие независимые общинки, секточки без стремления всюду внедриться и всех отмиссионерить да получить миллиарды на очередную «реставрацию памятника архитектуры — резиденции архиерея». Выглядит это, с одной стороны, опасно и соблазнительно, а с другой — с другой у нас тогда остается все так, как описал Олег Курзаков и другие авторы проекта: страх, тотальное рабство низшего духовенства, никакой любви и никакого, по сути, христианства, а только «православие» извода РПЦ-РФ начала XXI века. И никакого выхода. А жаль...

ЮНОШЕ, СВЯЩЕНСТВА ЖЕЛАЮЩЕМУ: НЕ ТОРОПИСЬ, БРАТ

Сергей Савельев

Здравствуй, дорогой друг!

Ты — молодой прихожанин храма Русской Православной Церкви, помогаешь батюшке в алтаре, поешь и читаешь на клиросе, занимаешься реализацией каких-нибудь приходских проектов — одним словом, ведешь активную приходскую жизнь и в тайне сердца мечтаешь стать батюшкой, а может, кто-то из священников уже и подталкивает тебя к этому шагу, — значит, это обращение к тебе.

Хочу бегло обрисовать возможные перспективы, которые ждут тебя, когда ты окажешься на стезе священнического служения.

Во-первых, скорее всего, желание стать священником обусловлено увлечением внешним антуражем, которым окружены батюшки. В мечтах тебе грезится, как ты будешь ходить в красивой рясе с важным видом; как люди будут подходить к тебе за благословением, низко склонив голову; как они будут обращаться к тебе за разрешением жизненных вопросов, и ты мудрым отеческим советом будешь распутывать все сложные узлы человеческого бытия; как ты будешь красиво и благоговейно служить, давая зычным голосом возгласы за богослужением, от которого прихожанки будут млеть и падать в обморок; как с церковного амвона ты будешь произносить проповеди, «прожигая» огненным глаголом сердца прихожан; как ты будешь в воскресной школе рассуждать с учащимися о трансцендентности и имманентности, об апофатике и катафатике, об экзистенциях и эманациях; как ты будешь миссионерствовать и обращать ко Христу толпы людей, подобно апостолу Петру и т.д.

Да, в мечтах это все красиво и маняще. А что же произойдет в реальности? К рясе и подряснику ты быстро привыкнешь и никаких романтических чувств по отношению к ним испытывать не будешь. Более того, ты обнаружишь, как неудобно передвигаться в длинной одежде по лестнице, делать земные поклоны, садиться в машину и выходить из нее; что в межсезонье ходить в рясе и подряснике — сущее наказание: они постоянно грязные, и как бы ты ни старался, все равно испачкаешься. И, скорее всего, в свободное от богослужений время ты вернешься к более простой, практичной и удобной светской одежде. В богослужебных же одеждах будет просто неудобно и летом очень жарко.

Благословения очень скоро для тебя превратятся в кару, потому что прихожане будут подбегать к тебе за ним по пятьдесят раз на дню, и объяснения, что достаточно в течение дня взять одно благословение, не помогут.

Очень быстро ты поймешь, если будешь стараться оставаться честным перед Богом и своей христианской совестью, что для того чтобы давать советы, не калеча человеческие судьбы, тебе не хватает ни образования, ни жизненного, ни духовного опыта, ни интуиции, ни сообразительности, что на роль «старца» ты ну никак не тянешь, и твои советы чаще всего будут сводиться к фразам, типа «молитесь, а там Господь как-нибудь Сам все управит».

Через какое-то время откроется, что к голосу твоему уже все привыкли и никого он не впечатляет, за исключением разве двух-трех особо экзальтированных прихожанок; что проповедник ты, честно говоря, не очень, далеко не Иоанн Златоуст. А с годами будешь лихорадочно думать о том, что еще нового и интересного можно сказать уже в десятый раз об одном и том же евангелии дня или празднике. К богослужениям и требам ты быстро привыкнешь, и дай Бог, чтобы они не превратились для тебя в скучную рутину, чтобы сохранилось благоговение. Вообще, настраивайся, брат, на то, что тебе многие годы придется совершать одно и то же, и что плодов своей деятельности, ты, скорее всего, не увидишь.

Про всякие там эманации и трансцендентности тебе придется забыть, потому что прихожан будут интересоваться не тонкости «Халкидонского соединения», а вопросы более приземленные: какому святому в каких нуждах помолиться; как правильно заварить цветочки, взятые от венка праздничной иконы; что делать с трехлитровой банкой соборного масла, оставшегося с прошлого года; какой рукой нужно ставить свечку, чтобы «все» получилось; какая молитва самая сильная; сколько раз нужно прочесть акафист, чтобы наверняка «сработало»; какой ладан нужно сосать, если болит поджелудочная железа; можно ли причащаться, если в пост рыбу понюхал и т.д.

Когда ты окажешься на приходе не в качестве настоятеля, а вторым или последующим священником, весь твой приобретенный в семинарии или академии багаж знаний окажется никому не нужным. Делай, что сказал настоятель, кади, кропи, крести, освящай, отпевай, не умничай и никуда

не лезь. То есть ты будешь востребован не как христианский пастырь, а как языческий жрец.

Зарплата у тебя, скорее всего, будет маленькая, которой, в лучшем случае, тебе хватит только на еду. Это в лучшем случае. А стать настоятелем, если ты захочешь сохранить свою христианскую совесть, человеческую честь и пастырское достоинство, тебе не светит, потому что наверх выбиваются по преимуществу только подхалимы, те, кто умеет прогибаться, лизоблюдствовать, кто способен в угоду вышестоящему начальству попать и совесть, и достоинство, и честь.

Успехи в миссионерском деле, пожалуй, тоже будут более чем скромными: ты столкнешься с тотальным равнодушием и безразличием со стороны людей к слышанию евангельского учения, максимум, что их будет интересовать, так это где и во сколько можно освятить куличи и как покрестить ребенка без собеседований. Да и в какую церковь ты их приведешь? Ведь церковная реальность от проповедуемой отстоит так же далеко, как небо от земли!

Но это все вещи второстепенные и в какой-то степени преодолимые, если проявить смекалку, приложить должные усилия и проявить настойчивость и постоянство. Мне же хочется сказать тебе о главном, о — непреодолимом. Сказка под названием «Церковь Христова» закончится сразу после того, как ты перестанешь быть мирянином. Да, пока ты учишься, тебе будет казаться, что ты в сказке, но как только ты станешь священнослужителем, то из церкви Христовой попадешь в церковь епископа, где на месте Христа восседают они — преосвященные, высокопреосвященные, высокопреосвященнейшие господа и владыки, где служат не Христу, а епископу.

Тебе казалось, что церковь — это территория христианской любви и свободы, но очень скоро ты обнаружишь, что взаимоотношения в церкви строятся на принуждении и страхе.

С того самого момента, когда над тобой будет совершена хиротония, ты перестанешь быть свободным человеком, ты в какой-то мере даже перестанешь быть христианином, ты станешь рабом епископа, а он — твоим полноправным хозяином. Отныне никакие достижения христианской цивилизации в виде прав и свобод человека не будут иметь к тебе никакого отношения — вся твоя жизнь будет зависеть только от воли и настроения

твоего хозяина — епископа. Ты не будешь защищен ничем: ни светскими законами, ни церковными канонами, все будет решать твой хозяин — епископ, власть которого ничем и никем не ограничена! Если ты чем-то не угодишь епископу, он может сослать тебя на глухой бедный приход, где из-за невыносимой нужды от тебя сбежит матушка. И тебе придется покориться, потому что у тебя нет ни светского образования, ни специальности, ни жилья — ничего. Ведь когда-то ты поверил в сказку под названием «Церковь Христова» и добрых владык, которые тебе казались отцами; поверил священнику, который уговорил тебя поступить в семинарию, но который заботился не столько о твоей судьбе, а сколько о том, чтобы заработать дополнительный бонус перед вышестоящим начальством.

Недовольство епископа тобой может выразиться и в том, что он отправит тебя в запрет, и ты, опять же, не имея образования, профессии и жилья, останешься без средств к существованию и вынужден будешь сломаться и полностью покориться воле своего хозяина, даже если она совсем не совпадает с тем, о чем говорится в Евангелии. У епископа много возможностей и способов попить у тебя кровь и отравить тебе жизнь. Так лошадей объезжают: ломают их волю, подвергая всевозможным истязаниям. Если же ты не захочешь быть объезженным, то либо лишишься сана (не выдержишь давления и снимешь сам, либо епископ подведет тебя под это; поищи ради интереса в Интернете, сколько достойных священников за последние годы лишились сана из-за нежелания предавать свои христианские убеждения), либо будешь всю жизнь прозябать на вторых ролях с нищенской зарплатой без малейших перспектив роста или какого-то развития.

Для чего все это я пишу тебе, дорогой друг. Не для того, чтобы отговорить тебя от священства. Нет. Христос в Церкви есть. Его Мистическое Тело живо. Просто исторически так сложилось, что в церкви, как земной организации, Его место заняли пораженные жаждой власти и наживы люди, которые служение Христу оттянули на себя. Шанс попасть к хорошему епископу (да, такие тоже есть) у тебя — один на тысячу. И вот, чтобы, находясь в священном сане, можно было служить Христу, а не человеку, нужно обладать материальной независимостью. Потому что именно материальная незащищенность является главным инструментом в руках епископа для манипуляции священниками, которые из-за страха за свои часто

многодетные семьи вынуждены предавать свои самые возвышенные порывы и «плясать» под дудку архиерея. Именно в этом причина, почему сегодня при отборе кандидатов на поступление в духовные школы акцент делается не на взрослых, состоявшихся людях, а на безусых юношах, которых можно «лепить» по образу и подобию своему и которые будут послушны и безответны в силу своей материальной незащищенности.

Поэтому не торопись, брат. Сохрани глубоко в своем сердце мечту послужить Христу в священном сане. А сам тем временем учись, получай профессию, обзаводись жильем и семьей, развивайся как человек, как личность, как христианин, и только тогда, когда ты почувствуешь, что крепко стоишь на ногах, вот тогда и приступай к реализации своей давнишней мечты — стать священником. Чтобы в Церкви Христовой тебе служить Ему, а не «делаться рабами человеков» (1 Кор.7:23).

СВЯЩЕННИК РПЦ: ПАСТЫРЬ ИЛИ ВИНТИК?

Священник Федор Людоговский

На РПЦ я фактически смотрю уже со стороны — и это хорошо: о некоторых вещах можно поразмыслить *sine ira et studio* [без гнева и пристрастия]. Я немного об этом уже писал в одной из своих публикаций на «Ахилле», но теперь додумал мысль до логического конца.

Вот смотрите. С одной стороны, священник — это пастырь, духовник, он, простите мне этот советизм, работает с людьми. А раз так, то здесь в высшей степени уместно творчество — в самом широком и глубоком смысле этого слова. Пастырь — творец, созидатель, педагог и даже экспериментатор. Когда видишь перед собой живого человека, который абсолютно уникален, и другого такого нет и не будет, когда сталкиваешься с человеческим горем и отчаянием (а иногда — с радостью и вдохновением) — тогда невозможно действовать исключительно по инструкции. Да и нет никакой такой инструкции.

С другой же стороны, священник связан по рукам и ногам: догматами (надо думать и верить именно так; а если ты веришь и думаешь не так, то ты еретик, то есть хуже убийцы и блудника), канонами (странный конгломерат древних постановлений, которые каждый толкует на свой лад),

богослужебным уставом (который всяк уродует как может, но при этом принято декларировать верность этим установлениям), уставом РПЦ, письменными и устными распоряжениями архиереев и прочих начальников разного калибра, а также, выразимся политкорректно, обратной связью от прихожан, которые пристально бдят, чтобы их пастырь не уклонялся ни одесную, ни ошуюю, но исправно служил бы службу и совершал требы. Иными словами, священник — это просто функция, это лишенный субъектности винтик системы.

И получается парадокс. Священник-пастырь должен быть образованным, творческим, горящим, он должен уметь брать на себя ответственность, идти на риск.

А священник-винтик — полная его противоположность: он должен полностью соответствовать ГОСТу, любое проявление индивидуальности — вполне достаточный повод отбраковать деталь.

И понятно, что соединять то и другое в себе крайне сложно. Это ведь просто-напросто шизофреническая ситуация. И неудивительно поэтому, что у попов просто сносит крышу. Кто-то начинает пить, вести веселую, разгульную жизнь; кто-то изо всех сил делает деньги и карьеру, отгородившись от своих юношеских идеалов стеной цинизма; кто-то оставляет служение; а кто-то расстается с жизнью.

Но если вернуться к священнику-винтику (а именно этот тип является идеальным с точки зрения священноначалия), то возникает естественный вопрос: почему бы не заменить священников роботами, андроидами? Я спрашиваю это абсолютно серьезно. Если не сейчас, то лет через пять андроиды смогут выполнять весь поповский функционал. Ну а что, трудно ли, в самом деле, сказать проповедь, принять исповедь, совершить проскомидию, освятить квартиру? Вполне реально. Собственно, на Западе уже стали появляться священники-андроиды.

Однако понятно, что в РПЦ этого не будет. Но почему?

Давайте проведем мысленный эксперимент. Можно ли заменить роботом тетеньку за ящиком? Наверное, это будет выглядеть странно и непривычно, но почему бы и нет, в конце концов. Особенно если это сулит экономию. Можно ли заменить роботами певчих? Это как-то не принято, но если подумать... А впрочем, легче и дешевле заменить их магнитофоном.

Можно ли заменить андроидами алтарников и иподьяконов? Можно попробовать.

Но священника роботом не заменишь. В чем же причина? А дело в том, что, как считают православные (и католики), священство — это не просто особое церковное служение. Священство — это таинство. И в этом таинстве человек получает особые дары. И крайне важно, чтобы это был именно человек. Однако при этом если и не в теории, то на практике совершенно неважно, сведущ ли священник в богословии, совестлив ли он, умеет ли общаться с людьми, готов ли их слушать и слышать. Все мы прекрасно понимаем, что священник может быть человеконенавистником, бандитом, вором, прелюбодеем, агрессивным невеждой и т.д. Все это не имеет никакого значения. Важны лишь три вещи: 1) он винтик, соответствующий ГОСТу (правильно кадит, правильно говорит, правильно собирает деньги); 2) ему в таинстве священства сообщены благодатные дары; и — the last but not the least [последнее, но не менее важное] — 3) он человек.

Вот потому-то у андроидов нет никаких шансов. Андроид может быть сколь угодно умен, нравствен и эмпатичен. Он может идеально кадить, сводить дебет с кредитом лучше любого бухгалтера, произносить ученейшие и трогательнейшие проповеди — но он не человек.

Что мы имеем в итоге? Для ставленника в священники решающую роль играет человеческое естество, человеческая природа. Но при этом — фактически — ни малейшей роли не играет человеческая личность, лицо, персона, душа того, кто призван способствовать преображению человеческих душ.

Не в этом ли главный порок и главный надлом нынешней церковной системы?

ЗАПИСКИ АЛТАРНИКА

Евгений Пономарев

ЗНАКОМСТВО

Обратил внимание, что на сайте «Ахилла» публикуется много интересных историй, рассказанных непосредственными участниками событий, — священникам, монахами, прихожанами. Но почти нет (или я не встретил?) рассказов от нас, дьячков — пономарей, алтарников.

А ведь мы видим многое, то, что недоступно взору прихожан. Мы видим настоящую жизнь внутри алтаря — как она есть, без прикрас, без той благочестивой мины на лице, которую надевает, например, наш настоятель, когда выходит на проповедь.

Вот я и подумал начать эти «записки алтарника», хоть я и не писатель, но в алтаре уже давно, больше 15 лет, есть что рассказать.

Сначала познакомлю вас с героями моих записок, с основными, разумеется. Город, в котором мы живем, не слишком большой, тут многие друг друга знают, поэтому я не рискну раскрывать имена героев, да и некоторые моменты буду менять так, чтобы они сами (если вдруг читают «Ахиллу») не узнали себя да и мне по шапке не настучали. А то и уволить настоятель может, он в этом крут, долго не раздумывает. А я уходить не хочу, честно скажу, мне в храме нравится, сколько я сам сил в него вложил... Не только ведь кадило раздуваешь да Апостол читаешь — это ты на словах и на бумажке старший алтарник, а на деле ты и разнорабочий, и посыльный, и жнец, и швец (хотя нет, шить не умею, но я ушел в сторону...).

Храмов в нашем городе несколько, но наш самый крупный, не собор, но так — прихожан 300-400 влезет на праздник (хотя кроме как на Пасху и Крещение никогда и близко столько не набиралось).

Приход многоштатный. Настоятель — митрофорный протоиерей Василий К-ц, да, из соответствующей «священнической династии» с Западной Украины. В сане давно, аж с 1990-го года, настоятелем в нашем храме стал 10 лет назад, вытеснив предыдущего старенького батюшку Константина, которого народ любил... Ну, об этом — как-нибудь.

Два родных брата нашего настоятеля тоже служат в этой же епархии — один секретарь епархии, другой занимает один из лучших храмов области. Наш третий, младший, ну и храм у него не такой «крутой», хотя, думаю, он не жалуется — он тут полный хозяин в городе, к тому же благочинный. Ну, вы понимаете.

Выглядит отец Василий соответствующе — габариты ого-го, лицо постоянно покрасневшее, лысина потная, но голос странно писклявый. Борода жидкая, чем-то на бороду отца Всеволода Чаплина похожа.

Второй по значимости человек в приходе — это, конечно же, матушка отца Василия, она же бухгалтер, она же... Ну, если вы постоянный прихожанин какого-то храма или клирик, то вы должны понимать, что такая матушка часто бывает даже главнее своего мужа-настоятеля, если характер соответствующий. Вот матушка Тамара как раз такая, всех держит в кулаке, только что в алтаре от нее можно спрятаться. Даже муж ее побаивается, хотя перед прихожанами они это скрывают, матушка сдерживает себя на людях. А вот перед работниками храма уже вожжи отпускает... Но и об этом — в другой раз.

Второй священник — отец Александр Р. Самый такой обычный батюшка — рабочая лошадка, тихий, покорный. Образованный, но не чрезмерно. Сообразительный — знает, что свою образованность перед настоятелем нельзя показывать, иначе тот взбесится, может даже начать визжать и слюной брызгать, когда слово какое «умное», иностранное кто при нем скажет, вроде «пенитенциарная система» вместо «тюрьмы» или «априори» вместо чтобы просто матюгнуться... Да, матюгаться отец Василий мастер, а вот отец Александр априори, простите, не способен на такое. Он как услышит завороты речи отца Василия прямо перед престолом, так бледнеет, того и гляди хлопнется в обморок...

У отца Александра четверо детей, квартира съемная, плохонькая. Матушку мы не видим: она работает в школе, учителем биологии, вроде, и в храме не показывается, детей не приводит. Может, ходят в какой другой храм города, но я не знаю, отец Александр не распространяется на эту тему.

Третий батюшка у нас временный — у нас вообще место третьего зарезервировано под «исправление» — к нам архиерей присылает исправляться всяких «плохих» клириков. Настоятелю это выгодно — такого отца можно загружать работой хоть круглосуточно, он и не вякнет, если хочет вернуться домой с хорошей характеристикой.

Но сейчас у нас «проблемный» батя — отец Евстахий, пьяница из глухой деревни. Обычная история: постригли в юности по дурости, рукоположили в иеромонахи, с монастырями тогда было туго, бросили на один приход

«поднимать», потом на другой, третий... Сначала, говорят, был душа-человек, люди его любили, пламенный такой был, а потом начал потихоньку прикладываться к бутылке, тосковать... Сейчас ему уже за сорок, а выглядит на пятьдесят пять, поседел весь, часть зубов потерял, щерится, когда лыбится... Но зато как выпьет, то начинает буйнить не действием (хотя руками все же размахивает), а буйнить языком, правду-матку рубить в глаза окружающим и самому настоятелю, куражиться, может даже в проповеди такое загнуть, что в старину за такое отправили бы в подвалы Соловков, догнивать свой век...

Вот и завис у нас отец Евстахий уже год как — и сам отец Василий не знает, как от него избавиться. В монастырь иеромонах категорически не хочет, в деревне опять сопьется, вот и держит его архиерей у нас, мол, надежда есть, вдруг исправится... Архиерей почему-то к Евстахию хорошо относится, другой бы давно уже сан с него снял, а наш владыка терпит.

Дьякона у нас нет, был года два назад, но быстренько постарался рукоположиться, служит теперь где-то в районе, не нарадуется, что от отца Василия и матушки Тамары сбежал...

Еще у нас есть сторож, дед Матвей, юморист и охальник, любит заигрывать на грани приличия с нашими бабулями. А с отцом Евстахием они частенько ночью в сторожке выпивают и ведут политические споры. Но до драки не доходит, наоборот — они друг за дружку горой, если что.

Есть острая на язык «баба яга» на подсвечнике — баба Клава, на словах злющая, натуральная приходская ведьма, но если глубоко к ней в сердце заглянуть, то... Впрочем, и это отдельная история.

Есть две свечницы, работающие посменно, — Виктория/Виринея и Светлана/Фотиния. Есть, разумеется, хор. Ну как хор — есть регент на окладе, молоденькая учительница музыки, Наденька, как ее все кличут. Застенчивая девушка на выданье, не так давно воцерковившаяся, вздыхающая по будущему мужу-священнику, которого, правда, непонятно, где ей взять, если только на сына отца Василия глаз положить... Но вряд ли стоит... Но и об этом в другой раз.

К Наденьке в бесплатный хор ходят разные, но почти никто петь толком не умеет, кто-то чуть лучше, кто-то, большинство, как обычно — бабули, страстно желающие петь на клиросе, вернее, голосить, кто кого переблеет...

Из-за этого Наденьке часто достается от служащих отцов, а она смиряется, только плачет часто потом, сидя в одиночестве на клиросе после всенощной...

В алтаре у нас крутятся мальчишки всякие, приходят и пару взрослых мужчин. Ну и конечно есть еще я — старший пономарь. Зовут меня Евгением, и это в принципе все, что обо мне известно остальным (ну, кроме фамилии, около которой я расписываюсь за свою мизерную зарплату; в записках этих я, разумеется, выдуманную фамилию пишу, хотя имя настоящее). Я потому и алтарничаю уже 15 лет, потому что не отсвечиваю: мнения своего никогда не высказываю, рацпредложений по введению службы на русском языке или по служению какой-нибудь крещальной литургии не выдвигаю, с настоятелем, упаси Бог, не спорю, матушке Тамаре не дерзю, повышения зарплаты не требую (семьи у меня нет). Я тихий и незаметный, но полезный элемент в быту нашего прихода, поэтому так долго и продержался. Но я смотрю по сторонам, в лица окружающих и запоминаю... Слушаю, сопоставляю, делаю выводы.

Хочу сказать, что я ни в коем случае не пишу свои записки ради «обличения» или клеветы, или чего-то такого, не знаю, «грязное белье» там полоскать. Если бы я этого хотел, то тут надо было назвать и город, и храм, и фамилии героев, чтобы их «обличить». Но мне кажется, что наш приход вполне типический, ни рыба ни мясо, священники, работники, прихожане — все мы стандартные, возьми любой почти храм на Руси-матушке — там и мы — православные Российской Федерации, возрождающие духовность. Ну, или уничтожающие ее же, тут все зависит от точки зрения.

Думаю, для первого знакомства достаточно написал, если захотите — ждите продолжения уже в конкретных историях. Хотя — мне самому интересно попробовать рассказать их — хоть самому себе. Потому что трудно жить год за годом и не «отсвечивать», превращаясь потихоньку в «херувимский пепел» из нашего поцарапанного кадила, которое я и пойду сейчас в очередной раз чистить...

АРХИЕРЕЙСКАЯ

21 сентября, на Рождество Пресвятой Богородицы к нам на приход приезжал служить владыка. Расскажу, как все это происходит, вдруг не все представляют себе процесс. Прихожане ведь как: придут на службу, посмотрят все это великолепие — шуршащее, звенящее, вопиющее и вызывающее, в клубах ладана да под мощный рев величания праздничка после литургии, умилятся архиерейской службой, окропленные щедро святой водой во время крестного хода вокруг храма, да домой топают, довольные, что благодати набрались особой, «владычной».

Ну а нам, тем, кто в храме, это время самое тяжкое... Начинается все чуть ли не за неделю. Драится храм сверху донизу, не только все имеющиеся в наличии работники прихода, но и прихожан собирают на субботник и воскресник (и понедельник, и вторник, и средник, и четвергелник, если понадобится) — храм-то большой.

А в алтаре в основном я все надраиваю по очередному кругу (ну, я привык, я алтарь не запускаю, мне хоть к воскресенью, хоть к архиерейской — чисто у нас, пропылесосить накануне да кадило опять начистить), да еще отец Александр свою часть делает.

Отец Василий пытался заставить в алтаре поработать отца Евстахия: сосуды почистить, облачение на престоле и жертвеннике сменить на голубое (пономарю ведь нельзя касаться престола и жертвенника, если кто вдруг не знает), да куда там. Отец Евстахий пришел, конечно, и тут же полез в шкаф, где кагор хранится — опохмелиться. Да не тот сразу взял, который «рядовой», на розлив, мы его большими баклажками покупаем напрямую от производителя (хотя, скажу по секрету, должны только с епархиального склада брать, таков порядок, но так как все-таки старший брат — секретарь епархии, то такие вопросы брата решают промеж себя и помимо склада... но я вам не говорил, если что), а «архиерейский» — греческий какой-то, очень хороший, его отец Василий специально из Греции привез для таких случаев. (В Греции он был типа в паломничестве этим летом, целый месяц, вместе с матушкой, хотя на самом деле... Но я опять отвлекся.)

Ну так вот, достал отец Евстахий «архиерейский» кагор — я и пискнуть не успел — и прямо из горлышка прихлебывает да мне рассказывает, где он видал эти архиерейские вкупе с этим отцом Василием, да вкупе с... И тут как раз отец Василий в алтарь и зашел... Увидел он бутылку заветную, сначала охнул, а потом рассвирепел, кинулся на отца Евстахия —

я уж грешным делом подумал — душить будет. Но нет — просто отобрал бутылку, запечатал обратно, припечатал отца иеромонаха непечатно и трехэтажно своим визгливым голосом и выгнал его из алтаря. А бутылку с собой унес, чтобы чего не вышло.

После этого был вызван отец Александр срочно — делать работу указанную.

Мы с отцом Александром не то чтобы дружим, но так, общаемся. Он мне порой и рассказывает всякие поповские новости (ну и отец Евстахий тоже, но тот просто монологами всю подноготную готов рассказывать, никого не стесняясь). Я как-то впрямую отца Александра спрашиваю: знает ли он, какую сумму наш настоятель платит архиерею за визит. То есть я знаю, конечно, что все приходы платят в обязательном порядке: архиерею, тем, кто с ним приезжает, секретарю, но вот точные суммы никто не говорит — только в интернете иногда проскальзывает, но там не поймешь — какие-то заоблачные цифры пишут, да и непонятно, насколько большие те приходы, что эти деньги отдают.

Отец Александр посмеялся, конечно:

— Думаешь, я могу такое знать? Я, кроме своей зарплаты, больше ничего о деньгах прихода не знаю. В лавку мне даже заходить не позволено, тем более — совать нос в бухгалтерию. Ты сам пойдешь — у матушки Тамары спроси, — подмигнул он мне.

Я тоже посмеялся. Ага, а еще можно в клетку ко льву голодному сходить...

Но сумма явно немаленькая. Я это сужу по тому, что после очередного архипастырского визита на наш приход нам всегда задерживают зарплату на неделю, а то и две: «Денег нет! Потерпите, касса пустая!»

Чтобы наш настоятель конвертик совал архиерею — я никогда не видел. Да и вряд ли в том есть нужда — все же старший брат-секретарь есть, думаю, они эти вопросы решают «тайнообразующе».

В общем, настал заветный день — утром ждем владыку. Трепещем, потеем, пот холодный со лба утираем — кто как. Не все, конечно. Певчим хорошо — их вообще распустили, потому что они архиерейскую никак не потянут, владыка с собой привозит хор. Наденька хоть вздохнула с облегчением, а то потеряли бы мы, бедную, свезли бы ее или в больницу — после

обморока посреди архиерейского входа или выхода какого-нибудь, или в дурдом после службы. А то и раньше.

(Простите, я знаю, у меня дурацкая манера — отвлекаться в «боковые ветки» от повествования.)

Так вот владыка. Митрополит Нифонт, точнее. Он у нас уже давно в епархии. Сначала руководил неразделенной, а теперь, когда ее на три части поделили, он, как полагается, стал главой митрополии, хотя приходов у него осталось раза в три меньше. Ну, зато и приезжать к нам стал намного чаще — раньше даже не каждый год заворачивал к нам (мы от областного центра не близко), а теперь раза три-четыре в год приезжает «помолиться» с нами, простецами.

Опять отвлекусь. На новые епархии поставили двух новых архиереев — одного какого-то молодого рукоположили, прислали, ему еще и сорока нет. Так слухи ходят, что батюшки тамошние стонут от него: как приехал, так давай всех тягать — на то деньги давай, на машину давай, на облачения, на «келию», на епархиальное управление, на штат всякий... А епархия у него скромная, деревенская в основном — отцы воют, налоги поднял раза в три, попробуй не заплати — сразу лютует...

А во второй епархии не лучше (это уже отец Евстахий рассказывал, он хорошо того архиерея знает по прежней жизни) — туда наш владыка Нифонт поставил в епископа одного игумена из мужского монастыря, где когда-то подвизался и Евстахий наш. Так про того наш иеромонах тоже матом рассказывал, да все время сплевывал с ненавистью. Мол, из этих он, ну, которые, как их в интернете называют, «заднеприводные»... Лобби которые цветное...

У того и в монастыре порядки были отвратительные, ну а теперь, как Евстахий рассказывал, он своих любимчиков к себе в епархию забрал, посты им всякие дал, лучшие храмы... В общем, печальная история.

На их фоне наш митрополит куда как приличнее смотрится. Ни в лобби его никто никогда не записывал, да и отцов он не особо дерет, а так, по-отечески, в пределах нормы. Правда, все равно при нем всем рулят такие отцы, как братья К-цы, но все идет своим чередом уже не первый год и даже десятилетие, все попривыкли, пообтерлись. У нас нет такого в епархии, чтобы то и дело отцов перекидывали с прихода на приход, или какие-то

ужасы прям рассказывали. Никого вроде не пытаются в застенках епархиального управления — да и ладно. Если батюшки платят и не высовываются, то и живут себе помаленечку.

В общем, приехал наш владыка. В прошлом месяце у него была дата архиерейской хиротонии круглая, поэтому авто у него было новое — белый Мерседес. Я в них не особо разбираюсь, но хороший такой, солидный. В прошлый приезд, кажется, на Ауди приезжал.

В храм на архиерейскую собрались все трое братьев К-цов, один игумен из монастыря да наших местных деревенских отцов согнали. Забавное зрелище — четыре таких дородных, грозных «олигарха» около архиерея стоят у престола, глазами зыркают, а потом еще четыре — все как один тощие, бороденки всклокоченные, глаза испуганные, плечи сутулят, боятся выдохнуть и вдохнуть, как бы чего не вышло.

А, ну наших отцов нету: отца Александра отправили исповедовать во время службы в уголочке храма, и типа он требный, а отца Евстахия вообще с глаз подальше убрали — заперли в той келье, в приходском доме, на втором этаже, где он живет, и велели деду Матвею, сторожу, следить, чтобы не вышел и куролесить не начал, а то опозорит перед архиереем настоятеля. (Как потом выяснилось, дед Матвей знал только один способ «следить» за отцом иеромонахом — сесть выпивать вместе с ним...)

Служба прошла в целом нормально, без эксцессов: команда у владыки Нифонта давнишняя, слаженная — иподьякона шустрые, хор — профи, протодьякон — степенный и горластый, пожилой уже. Ладан у нас тоже был лучшего качества, кагор — греческий, я из пономарки не высовывался, только следил, чтобы все было вовремя, гладко. Меня даже читать Апостол не выпустили, хотя я его всегда читаю, — побоялся настоятель, — один из иподьяконов читал.

Митрополит наш хорошо служит, благолепно. Уж он-то матом в алтаре не крикнет, у него все чин чином, и все батюшки хоть и трепещут, но к концу службы успокаиваются. Хотя потом опять начинают волноваться: во время проповеди одного из священников, после причастия клира, остальные в алтаре подходят к владыке под благословение — он с ними перекидывается парой слов: когда ласковых, а когда и хмурится, ругает кого, если наш отец Василий — он же благочинный — кого в плохом свете

выставил, а он это любит, поугагать своих деревенских лопухов, показать власть.

Наш митрополит проповеди говорить не любит, не мастак — просто поздравит всех прихожан с праздником, а потом его ведут в трапезную, откушать после службы. Он пока идет, на головы прихожан руку кладет — все так и норовят подлезть, детей подсунуть, наши пару дурачков приходских тоже тут как тут, но их не гонят, они привычные, безопасные — и владыка к ним ласков.

На трапезу, конечно, лишних людей не зовут. Пономарей, например. Архиерей, его свита, служащие священники, местный атаман казачий да если заглянет глава района на службу (вот как и в этот раз было, он даже с женой пришел, их обоих и пригласили потрапезничать).

К трапезе той тоже готовятся заранее: на неделе матушка Тамара туда-сюда носилась: то ящики с вином принимала (и с водкой были, что тут скрывать), то фрукты, то красная рыба, то жаркое, то то, то это... Остатки с той трапезы — жалкие, но все же — попадают даже на следующий день в общую трапезную, где мы, работники, питаемся. Вкусно, что тут скажешь: салаты отличные, рыба, котлеты, конфеты шоколадные, каких в магазине в нашем городке не встретишь... Вино, правда, на стол к нам не попадает, да и не принято, чтобы у работников в трапезной спиртное было, ну, кроме как на Пасху да Рождество.

Все бы прошло мирно, если бы не испортил отец Евстахий. Когда уже владыка собирался уезжать, сел в машину, а потом все прочие, случился казус: из окна кельи, где жил Евстахий, высунулась его всклокоченная голова с красными глазами:

— Ээой! — завопил он радостно и защерился. — Владыченько Нифонте, милая мой! Благослови ии, отец родной, до гробовой доски! — и замахал руками, как потерпевший кораблекрушение на затерянном острове при виде проплывающей вдали яхты патриарха. А сзади дед Матвей чего-то бормотал и пытался оттащить монаха вглубь комнаты.

Отец Василий так и присел в ужасе. Но владыка только поморщился недовольно, что-то сказал водителю, и машина покатила за ворота... А за ней и все остальные.

Только отец Евстахий продолжал кричать им вслед весело, с матерком:

— А что, лять, не благославил?! Ай, владычко, чтоб тебя, родного! Ну да Бог тебя самого благослови! И тебя, Вася, тоже, ля! И всех вас, мать сыра земля, благослови!.. — и стал икать.

А потом стал орать отец Василий на всех нас, глазающих: мол, разошлись по своим делам, нечего тут! Наводите порядок!

И мы разошлись. Так и прошел праздничек. С архипастырским благословением.

МАТУШКА ТАМАРА И ЕПАРХИАЛЬНЫЙ СКЛАД

Как я уже упоминал, я на приходе не только пономарь, но и вообще — разночернорабочий. Например, моя святая обязанность — раз в месяц сесть за руль грузовой приходской «Газели», взять матушку Тамару и отправиться на епархиальный склад за товаром. Ну и не только на епархиальный...

Отец Василий не интересуется делами закупок и тем, что продается в нашей приходской лавке — всем этим управляет его супруга. И управляет, надо признать, мастерски.

Чаще всего я забираю матушку прямо на приходе, но вчера мне позвонили и велели забрать ее из их дома, сказали адрес и время прибытия (попробуй опоздай, можно получить не только веер ругательств, но матушка может и замахнуться в гневе — до оплеухи обычно не доходит, но выглядит это довольно устрашающе, никто у нас не рискует ее гневить, хотя это и не избавляет от урагана).

Да, за все годы нашего совместного пребывания на приходе я еще ни разу не был дома у отца настоятеля.

Насколько я знаю, в самом нашем городке у отца Василия есть квартира, но там живет его старшая дочь, Варвара. Сама же чета наших руководителей живет в загородном доме, который К-цы построили несколько лет назад. Там же с ними живет и их сын-семинарист Василий Васильевич, вернее, живет он в областном центре, при семинарии, где набирается смирения и духовного образования, а к родителям приезжает на каникулы.

Нашел я их дом не сразу — живут они в коттеджном поселке неподалеку, километрах в десяти от города. На въезде в поселок — охрана, шлагбаум, строгие расспросы — кто, куда, зачем, созвон с хозяевами.

Дом отца настоятеля ничем не отличается размерами от соседних — массивное кирпичное строение в три этажа, каменный забор высотой метра в три, с битым стеклом поверху. Около автоматических ворот — гипсовые львы сидят, с гривой вульгарными завитушками.

Звоню в домофон, матушка не сразу отвечает: «Жди, скоро!» Пока жду, меня все это время облаивают две серьезные собаки — явно алабаи или кто-то соответствующей мощи, судя по голосам.

Наконец матушка Тамара появляется, садится, едем в облцентр.

Ехать прилично, но, разумеется, в дороге с матушкой время болтовней не скоротаешь — о таком даже помыслить нереально: кто ты, смерд, а кто — матушка. Большую часть дороги матушка ведет по айфону или деловые переговоры по поводу разных закупок для храма «на стороне», или болтает со своими знакомыми и родными на семейные темы — тут она не стесняется моего присутствия, будто я автопилот. Не буду пересказывать то, что я слышу в таких поездках, и как матушка Тамара отзывается о людях, включая своих же родственников. Она может насплетничать условному Васе о Маше, а потом тут же — Маше о Васе, пересказать то, что «тот сказал о тебе, а она сказала...». Не сомневаюсь, что потом все эти Васи-Маши между собой вдрызг переругаются, а матушка вроде как и не при чем.

На епархиальном складе мы обычно задерживаемся на пару часов. Матушка Тамара долго и увлеченно болтает с Нинкой — работницей склада, узнает последние сплетни епархиальной канцелярии. Потом также увлеченно копается в товаре, подсчитывая, сколько и чего взять, чтобы повыгоднее продать и не превысить ту сумму, на которую наш приход обязан закупиться на складе.

Я же потом бегаю туда-сюда, таская то ящики со свечами, то с лампадным маслом, то коробки с любимыми иконками наших приходских бабуль — «Прибавление ума», «Семистрельная», «Неопалимая Купина», «Всецарица», Матронушка, Ксеньюшка, Киприан и Иустинья, Лука Симферопольский, Пантелеимон, Спиридон, новомученики, исповедники... (Про новомучеников и исповедников вру, конечно, никто никогда в лавке не интересовался — кто

такие и отчего их иконы помогают, потому никогда и не заказывают.) А также всевозможные ладанки, благовония, ладан, пояски с «Живый в помощи» — обязательно всех возможных цветов.

Книги? Конечно берем. Точнее — книжки, книжицы, книжонки. Жития целителей и чудотворцев, пророчества старцев, бесчисленные акафистники — от тоненьких с одним акафистом до талмудов «Все тыщапятьсот акафистов ко всем случаям жизни», псалтири с пояснениями, какой псалом надо читать в какой болезни или жизненном затруднении... Ну и обязательно — положенное количество епархиальной газеты, ЖМП, «Славянки» и «Фомы», которые украшают витрины нашей приходской лавки, но которые никто никогда не покупает. В итоге и газеты, и журналы обычно раздаются тем, кто крестится — родителям и крестным, — в нагрузку. Заодно вроде как и миссия.

Оставшиеся газеты примерно раз в полгода просто сжигаются в приходской печке.

Встретил на складе знакомого попики из нашего района — высокий, нескладный, молодой, тощий — он на цыпочках ходил по складу, стараясь не пересекаться с матушкой Тамарой (которая его игнорировала, даже не поздоровалась), брал товар чуть ли не поштучно, несколько пачек свечей, две пятилитровки масла, на книжном складе, смотрю, купил заваливавшиеся там «Дневники» Шмемана — даже засиял, когда их увидел и схватил... Потом он сел в свою «Девятку» и поскрипел в сторону дома...

Наконец мы с матушкой получили на складе все, что полагалось, но домой не поехали. Сначала мы заехали в один торговый центр — там матушка Тамара всегда встречается с поставщиком серебра и золота — у него брать крестики-цепочки-кулончики-колечки намного дешевле, чем на епархиальном складе. Обычно я жду матушку не менее часа-полтора, так усердно она выбирает украшения. Кстати, на приходе потом все это перепродается по цене, минимум в четыре-пять раз выше закупочной.

Потом мы по обычаю заехали на приход к старшему брату отца Василия — митрофорному протоиерею Геннадию, секретарю епархии, настоятелю кафедрального собора. Там матушка Тамара набрала — по обычаю — «левого» товара: баклажки с вином, напрямую с южного завода, свечи,

которые дешевле епархиальных (их делает зять отца Геннадия, у которого собственная большая пасека), погребальные комплекты.

Отец Геннадий, кажется, единственный человек, которого реально побаивается и даже немного уважает матушка Тамара. Только перед ним она лебезит, берет благословение и умильно улыбается на все его грубоватые шуточки.

Отцу секретарю уже за шестьдесят, но он еще бодрый, глаза горят — как у голодной акулы, — и жизнь вокруг него в соборе кипит. И он сам весел — рассказывал матушке, как они с его женой отдыхали недавно на Бали целых две недели, как загорели, что пили-ели и какие подводные диковинки видели, когда дайвингом занимались.

Вернулись мы поздно вечером. Я завез матушку Тамару домой, а сам отправился на приход — разгружать машину. Спасибо, мне помог дед Матвей, наш сторож. Он, в принципе, не обязан это делать, но частенько мне помогает:

— А потому что скучно, брат, просто так сидеть, сторожить! — весело объяснил мне дед Матвей, который уже был слегка навеселе. — А тут с хорошим человеком как не побазарить, пока можем? Ну, что видел, что слышал в мире, брат Евгений?

Дед Матвей — человек простой, у него что на уме — то и на языке, недаром они с отцом Евстахием так спелись. Поэтому, разумеется, ему я не рассказываю того, что рассказал вам, своим предполагаемым читателям. Деду же я обычно рассказываю лишь анекдоты про политику да байки про ментов на дороге.

Не про матушку ведь Тамару и ее львов рассказывать, право.

P.S. Я заметил, что некоторые читатели «Ахиллы» выражали недовольство и недоверие моим первым двум рассказам. Мол, автор «сплетник», да и «митрополита Нифонта» в РПЦ нету, значит, автор «наврал».

Ну конечно автор наврал. И Нифонта нету, и матушка Тамара не Тамара, и даже львы у дома отца Василия-Невасилия не львы, а, не знаю, грифоны или слонопотамы. Я именно был бы сплетником, если бы называл конкретные имена-фамилии-явки, чтобы вычислил кто героев моих рассказов да и меня самого (что привело бы к печальным для меня последствиям в виде

увольнения). Нет, думаю, отец Василий наверняка не читает «Ахиллу», но портал популярный, в епархии-то уж явно кто-то читает, если не из родственников моего настоятеля, так священники из нашего благочиния или еще кто. И если я назову точные приметы и перескажу дословно разговоры, например, во время архиерейской, то кто-то может и понять, о каком приходе и какой епархии идет речь.

Но моя цель совершенно не в этом: я лишь хочу рассказать свои истории о нашем приходе так, чтобы люди увидели, как живет среднестатистический, относительно крупный провинциальный приход. И конкретика тут не так важна, потому что это будут тогда личные грехи или особенности героев, на которые можно все «списать», а мне кажется, что герои моих рассказов — это «церковники» вообще, с нашей, российской провинциальной «изюминкой».

И если вы «не верите» моим рассказам — так и не читайте их или читайте как художественную прозу, нет проблем. Но я продолжу все же писать свои заметки, потому что есть и те читатели, которые говорят: «о, это будто про наши приходы написано!» Надеюсь, что так это и есть.

ЛЮБОВЬ И НАДЕНЬКА

Как я уже упоминал, есть у нас на приходе регент Наденька, молодая учительница музыки.

На приходе она появилась после того, как умерла предыдущая регент — баба Шура.

Баба Шура была легендой нашего храма. Дело в том, что наш храм в советское время закрывался, но потом каким-то чудом его позволили открыть вновь. Где-то с середины семидесятых настоятелем стал священник Константин П., который служил в нашем храме до старости и послужил бы еще, если бы его не столкнул наш нынешний настоятель отец Василий.

Отец Константин отличался настоящим, неподдельным смирением. Именно из-за этой его особенности и случилось так, что регентом в восьмидесятых годах на приходе стала баба Шура.

Баба Шура уже тогда была женщиной в возрасте, с внуками, а умерла она, когда ей было за девяносто — после всенощной нашего престольного праздника, подошла к своему ветхому домику и упала на пороге замертво.

Литургия самого престола была почти сорвана: регент — в гробу, без нее петь старухи-певчие не могут, устава не знают, пришлось тогда отцу Александру кое-как петь с бабками.

Поэтому отец Василий тогда и бросился на поиски нового регента.

Добавлю еще про бабу Шуру и смирение отца Константина. Баба Шура на каждой службе испытывала то смирение. Пела то и так, что она считала нужным, а не то, что батюшка просил. Службу заканчивать всегда считала необходимым разными духовными кантами, вроде «Слава Богу за скорбь и за радость» и другими народными сочинениями, которые просто обожают старушки как на клиросе, так и в храме.

Пела баба Шура из рук вон плохо, по сути, кричала своим сердитым хриплым альтом, но она хотя бы в общих чертах представляла, что такое устав службы, пусть сокращенный, испорченный, «советский», но хоть. Поэтому отец Константин и смирялся, потому что без бабы Шуры петь пришлось бы ему самому, а тут вроде как и благочиние некоторое, порядок.

Баба Шура была строга и даже зла, могла прямо во время службы начать кричать на своих певчих, а то и на замечание батюшки огрызнуться в полный голос, а могла и вообще уйти из храма и не прийти на следующую всенощную, чтобы наказать батюшку — ну а что, в храме все свои, по двадцать-тридцать лет трутся друг об дружку.

Но когда баба Шура умерла, плакали почти все. Ну, кроме отца Василия и матушки Тамары — такие люди плачут, наверно, только тогда... Хотя, может, и никогда не плачут.

В общем, срочно забегали — где взять нового регента.

А в нашем городке с этим проблема — людей в храм ходит не так много, петь среди них умеют и того — почти никто, а уж знать устав и руководить другими — просто заоблачные запросы.

Сначала отец Василий пытался заставить отца Александра найти подходящую кандидатуру среди тех старушек и пожилых женщин, что пели в хоре бабы Шуры, но ничего из этого не вышло. То есть отец Александр покорно пытался

искать кандидатуру, пытался объяснять бабушкам на пальцах, как это работает, но никто не смог даже близко понять, что такое устав и тем более — как руководить хором.

И тут через некоторое время решение само пришло в храм. Звали это решение Наденькой. Она только-только воцерковилась, начала приходить все чаще в наш храм, а потом даже стала подпевать, когда все на литургии орут, кричат, хрипят и кудахчут «Отче наш» и «Верую». И вот тут-то ее и поймала за рукав наша «приходская ведьма», отвечающая за чистоту подсвечников и морального облика прихода, баба Клава.

— Девонька! — сказала она ей решительно после литургии. — Вон сейчас отец настоятель выйдет из алтаря — подойди к нему и скажи, что ты петь умеешь!

Наденька тогда не поняла, зачем ей надо об этом кому-то говорить, но она так испугалась бабу Клаву и ее сурового взгляда (и крючковатого носа), что она покорно, как в прострации, подошла после службы... ко мне, приняв за кого-то важного, так как я был в стихаре.

— Здравствуйте... — робко сказала она. — Мне велели сказать, батюшка, что я петь умею... Но я не умею, я просто преподаю вокал, я...

Я остановил ее лепет, сбегал за отцом Василием — так Наденька попала в наши сети.

Иногда я об этом жалею. Может, лучше бы Наденьке так и остаться было прихожанкой? Не было бы в ее жизни всего того, что с ней было.

Например, не было бы попыток найти православного мужа, который в проекции стал бы православным батюшкой...

Началось все с того, что все тот же отец Александр стал учить Наденьку премудростям клиросной жизни и устава. Не прошло и трех недель, как Наденька платонически влюбилась в своего учителя. Нет, без всяких там такого, но смотрела на него преданными щенячьими глазами, ходила хвостиком и вздыхала, вздыхала, перебирая безутешно оборочки на своей «православной» юбке.

С тех пор Наденька, видимо, и решила: найти себе в мужья вот чтоб такого: «чтоб не пил, не курил и просфорки чтоб дарил», а она бы при нем была матушкой и регентом настоящего хора в их собственном приходе, а не вот

это вот все — отец Василий и местные бабки, которые доводят Наденьку ежедневно до слез.

Следующим кандидатом в будущие мужа-батюшки стал я, после того как Наденька поняла, что отец Александр не годится в таковые, ибо не только уже женат, имеет четырех детей и замотан до чертиков, но к тому же с минимальными шансами стать когда-либо настоятелем (если только в самом глухом хуторе, в наказание), да еще и староват для 26-тилетней девицы.

Как я стал кандидатом в мужа — я узнал просто. Нет, не было ни объяснений в любви, ни страстных смс или емейлов (даже не знаю, есть ли электронная почта или аккаунт в соцсетях у Наденьки), не было даже легкого касания локтем и смущенной улыбки после этого за столом в нашей трапезной. Нет, Наденька действовала просто — она дала мне просфорку после одной из литургий. А еще раньше она подала записочку на проскомидию о здравии «Евгения и Надежды», а еще — на молитву на ектенью (как известно, возглашение имен вслух во время ектеньи у престола считается во многих храмах куда как более сильным действием, чем малопонятное «тайное» поминовение у жертвенника).

Так как никакого другого Евгения в нашем храме нет (у нас вообще прихожан-мужчин десятка не наберется), то я сразу понял, что это у меня проблемы. После просфорки я стал избегать Наденьку...

Не то чтобы я злой или равнодушен к женскому очарованию (а Наденька симпатичная девушка — рыжеватая, с деликатными глазами, «поцелуйными» губами, не красotka, но хорошенькая), но, во-первых, и я ее намного старше, да и не по мне это — охота за мужем, да еще с определенными параметрами...

В общем, я старался не пересекаться с девушкой ни в храме, ни в трапезной. Задерживался в алтаре подолгу (там всегда есть чем заняться, да хоть книжку в телефоне почитать). В трапезную тоже стал ходить, убедившись, что Наденька уже отчалила.

Конечно, это полностью не спасало от пересечений: то мне во время службы нужно выйти на клирос, передать указания служащего священника, то на территории столкнемся, то в самом храме.

Наденька атаковала энергично, но одновременно — целомудренно. Например, поймав меня на клиросе, она тут же находила причину спросить меня о чем-то по уставу, распахнув передо мной «Богослужebные указания». То самолично собирала со старушек записки в алтарь и передавала мне в руки, стараясь невзначай коснуться моей руки своими теплыми пальцами...

Во дворе храма она тоже находила повод заговорить, например, посмеяться по поводу приходских котят или спросить меня, какую книгу я сейчас читаю. Если я прокалывался и вступал в разговор, Наденька плавно переводила беседу на то, как ей хотелось бы, чтобы хор у нее был профессиональный, чтобы радовать батюшек правильным вокалом; или как полезно музыкальное образование матушке — ведь можно помогать своему мужу-священнику на приходе, к тому же — подчеркивала она — это поможет и деньги сэкономить на зарплате регенту...

Тут она вздыхала — ее зарплата на приходе смехотворна — восемь тысяч. Но так как Наденька зарабатывала еще и в музыкалке, то вроде как и ничего — за субботне-воскресные службы и иногда праздничные среди недели.

Ну и конечно Наденька время от времени ввертывала нечто вроде: «Евгений, а не собираетесь ли вы рукополагаться?» или «не надоело ли вам алтарничать? Вы вроде как умный, службу знаете, может, сами хотите служить?» Или «вы не монахи ли готовитесь? Все один да один...»

Трудно понять намерения Наденьки иначе, чем предложение руки и сердца, а также регентства «с экономией приходских средств». Но я не сдавался — был учтив и, честно говоря, холоден, чем, наверное, разбивал сердце девушки ежедневно на множество мелких осколков...

Но дальше было еще хуже: разочаровавшись во мне, Наденька совершила опасную авантюру: она начала охоту на Васвасича К-ца, то есть сына нашего настоятеля, семинариста... А сделала она это зря, ох как зря...

Василий-младший по характеру истинный сын своих родителей. Своенравный, грубый с теми, кто ниже его по рангу (а на нашем приходе — ниже все, выше только маменька с папенькой). Циничный, любит «по бабам» и выпить-закусить, говорят, и косячками не брезгует. Противный парень, между нами говоря. Но смазливый, этого не отнять.

И тут Наденька-цветочек аленький. Переключилась на Ваську, когда он приехал на каникулы и стал бывать в алтаре, типа помогать, хотя на самом деле бездельничал и в телефончике сидел — вконтачил с кем-то из дружков семинарских.

Смотрю: Наденька млеет, Наденька рдеет, когда Васвасич стал важно выходить вместе с папаней на солею — то со свечой, то плат держать перед причастниками. Тут и Наденька вдруг каждую такую «васечную» службу давай причащаться — чтобы ей Васенька губки вытер...

Только подходов к Васеньке Наденька не знает — пробовала заговорить как-то, так он скользнул по ней пренебрежительным взглядом и пошел по своим делам.

Пробовала Наденька прием «подари просфорку» — нарвалась на «тебе че надо?!» Потом рыдала тихонько на клиросе после службы.

Решилась однажды и пришла в храм пораньше: оделась «покрасивше», сережки нацепила, юбочку не в пол, а в колено, сапожки беленькие, платочек новый, газовый — ходит, краснеет-бледнеет, Васеньку желанного ждет.

Пришел Васенька, да только не в храм, а в настоятельский кабинет зачем-то, вот только с ним была какая-то чувырла — вульгарная, в короткой юбке и явно не вполне трезвая, да еще и старше парня лет на десять. А у самого попovichа глаза горят, руки к частям тела чувырлы так и подгребают.

Прошел Вася мимо Аленького цветочка, чуть не растоптал мимоходом своим равнодушием.

Наденька тогда чуть с прихода не уволилась от горя-печали, благо, отец Александр с ней имел долгую беседу и смог как-то уговорить бедолагу забыть Васю-злодея и продолжать регентовать.

Так Наденька и поет-регентует, но с любовью она не завязала. Смотрит своими чистыми глазами в храм с клироса, ждет, когда же придет ее суженый, который станет батюшкой-красавцем, а она — его матушкой-регентом. Дождется ли? Боюсь, вряд ли, но кто эту жизнь знает — неведомы не только пути Господни, но и пути любви Наденькиной.

СВЯТОЕ БУЛТЫХАНИЕ

В Крещенский сочельник литургию с великой вечерней и освящением воды служил отец Евстахий.

На самом деле, одно это было чудом — наш иеромонах пил без просыпу все Святки, чем довел до белого каления отца настоятеля. Дело в том, что отец Александр, наш второй священник, заболел прямо после рождественской службы — он уже служил тогда охрипший и с температурой, а потом вообще слег с серьезным бронхитом, и никакой надежды, что он оклемается к сочельнику или Богоявлению не было. Поэтому было два варианта — или обе литургии служит сам отец настоятель (а так напрягаться он вовсе не любит), или все же в субботу служит Евстахий, а отец Василий — главную, важнейшую службу, в сам праздник, с его любимым крестным ходом на иордань.

И чудо случилось: в пятницу вечером отец Евстахий появился — всклокоченный, красноглазый, злой, но относительно трезвый. И литургию в субботу он тоже служил трезвый.

То, что он был злой, было видно и слышно — потому что служил он молча. Нет, ну, разумеется, все положенные возгласы он давал, все, что нужно делал и читал, только никаких шуточек-прибауточек в алтаре не было, даже со мной парой слов не перекинулся — просто хмурился и служил.

Я люблю службу сочельника, в отличие от крещенской, которую просто ненавижу. 18-го числа в храме практически никого нет, ну, кроме семи-восьми постоянных старушек, да еще нашего дурачка Емели. То есть он не Емеля по паспорту, но зовут его только так, да он и откликается с удовольствием, смеется и хлопает в ладоши, когда ему кричат: «Емеля, какая сегодня неделя? А на обед что ели?»

Любителей набирать воду в этот день, кроме самых «продвинутых» наших старух, никого нет — не верят местные в силу «сочельниковской» воды. Да тем более, когда эту воду освящает Евстахий...

Воду отец иеромонах в прошлом году освящал так: вынес обычную чашу, в которой освящается вода на водосвятном молебне, самую небольшую. Ставить на тот же стол трехлитровые банки или пятилитровые бутылки, или, не дай Бог, чего еще крупнее, он никогда не позволяет даже на обычном

водосвятии. Пробовали как-то — так он повернулся к пономарю и только пальцем ткнул: убрать.

Когда же воду освятит, то всем подходящим бабкам с их наполненными уже почти до краев обычной водой банками он молча стряхивает туда с кропила несколько капель и смотрит пристально: проходи, мол. А если кто с пустой банкой лезет и просит-умоляет налить туда побольше, то он все равно стряхнет капли на дно стекляшки и отворачивается. Одной бабке, чересчур назойливой с просьбами «влить ей святыньки», он наклонился и что-то прошептал на ухо — она ахнула, чуть не выронив банку, закрестилась лихорадочно и вылетела из храма. Больше, кажется, не приходила...

И в этот раз отец Евстахий остался верен себе. Только после службы наша баба Клава, гюрза в слове, голубь в душе, спросила его, подходя, громко и смело (она вообще бесстрашная):

— Батюшка, а батюшка! А я по телевизеру слышала, что говорят — богоявленскую воду и крещенскую смешивать-от нельзя! Держите их, говорят, в разных банках, с разными наклейками, и пейте — крещенскую каждое утро натошак, а богоявленскую — только когда болезнь приспичит. Так оно или нет? А то я их всегда раньше-от в одну посудину сливала и умывалась по утрам с молитвою, от дурного глазу! Согрешила аль нет?

— Согрешила, — мрачно ответил отец Евстахий и собрался уходить в алтарь. Но баба Клава человек стреляный, ее так просто на отлуп не возьмешь.

— А что ж теперь делать-от, батюшка? Исповедоваться аль епитимью попросить? Как старухе теперь быть?

Отец Евстахий остановился и посмотрел в небо, то есть туда, где из-под купола на всех нас смотрел грозный Бог-Отец. Потом посмотрел на бабу Клаву, икнул и также мрачно ответил:

— Больше не умывайся — вот тебе епитимья. Нарастет — само обломится.

— Что обломится? — не поняла баба Клава.

— Да все обломится, что еще не обломилось, — сказал отец Евстахий и пошел в алтарь, хлопнув царскими воротами.

В тот же день отец иеромонах запил вновь...

На Крещение служил сам отец Василий. И это было совсем противоположное действие тому, что было в сочельник...

Впрочем, то, что было в храме, не так важно: настоятель служил в своем стиле — быстро, визгливо, невнятно, но солидно — он умел сочетать. Впрочем, его габариты, митра и красная физиономия помогали ему в этом.

Храм был набит битком. Разумеется, хор было практически не слышно, потому что все гудели, переходили с места на место, гремели бутылками, жбанками, канистрами, тележками... Все ждали «иордани». (Отец Василий, кстати, всегда равнодушно относился к тому, что в храме шум и гам, идет торговля в лавке, а народ ходит ставить свечи. Мне порой кажется, что для него храм и базар — одно и то же, место, приносящее доход, лишь бы больше клиентов было.)

Крестный ход на нашу реку был, наверное, одним из самых значительных событий в году не только для нашего прихода, но и для всего городка. Жители, которые в обычное время в храме практически не появлялись и отзывались о православии чаще всего язвительно, на крестный ход приходили массово. Еще больше народу подтягивалось к реке, в самый разгар событий.

Река у нас не очень большая, приток древней русской реки, но иордань всегда была у нас роскошная — огромная, красивым крестом вырезанная, да еще делали ледяной крест около купели.

В этом году зима подкачала, лед на реке появился, но такой тонкий, что делать прорубь изящным способом было бессмысленно. Поэтому просто расчистили место от ледяной крошки, поставили деревянные настилы, мостки, поручни, в общем, чтобы можно было с берега пройти и нырнуть. Конечно, предварительно освятив, без этого никуда.

И вот представьте эту картину: крестный ход из храма на реку — жирной, расплзающейся змеей. Старушки несут иконы на полотенцах, местные казаки вспомнили в очередной редкий раз, что «слава Богу, что они казаки», и приперлись украшать собою перфоманс, нести хоругви, «охранять» порядок — правда, рожи у самих уже красные, еще до ныряний, от них самих бы кто нас сохранил; ну и конечно в центре торжества православия — сам отец Василий — сияет, поет, чуть не приплясывает. Рядом с ним семенит матушка Тамара, ну и все остальные работники прихода тащатся.

А нестройный хор бабуль под управлением народной артистки... в общем, Наденька пытается на ходу справиться с козлогласованием.

Воду освятили, все чин чинарем. А потом началось самое главное — святое бултыхание... Первым полез сам отец Василий — снял с себя облачение, распахнул подрясник и выскочил оттуда ангел пузатый — в белой рубаше, но почему-то без крыльев. Поплясал немного на мостках, перекрестился широко и с возгласом «ну, с Богом, православные!» полез по ступенькам в ледяную воду. Три раза, как подобает благочестивому пастырю заблудших овец, омакнул свое брненное тело, крестясь, а потом вылез и побежал в заранее приготовленную палатку — переодеваться и принять стаканчик. Чая, конечно, чая. Коньяк у него во фляжке, в кармане подрясника.

А потом и остальные православные полезли. Описывать матушку Тамару и ее погружения я не буду. Как не буду описывать погружения некоторых старух, казаков и даже самого местного прокурора, который дружит с отцом настоятелем и всегда появляется у купели для поддержки духовности и правопорядка.

Не буду описывать все гиканья, кряканья, уханья, отфыркивания и матерки, с которыми народ погружается и выгружается из иордани.

Описал бы я вам, конечно, как омывают свои почти безгрешные тела юные дамы, мадемуазели и сеньориты нашего городка... Но тут у меня красок не хватит, не художник я. Эти благочестивые купальники, точнее, почти отсутствие их... Эти еще более благочестивые ныряния в ночных рубашках, облипших божий дар так, что эээ...

В общем, если вы хоть раз были на крещенских купаниях, ощутили всю эту радостную, бодрящую атмосферу праздника, насладились зрелищем торжества духа и плоти — и вас при этом не стошнило — что ж, вы истинно русский православный человек. А я, видимо, нет.

Не люблю я праздник Крещения, совсем не люблю. Пойду выпью чего-нибудь. Успокоительного.

БАБА КЛАВА

Я уже упоминал нашу «приходскую ведьму» — бабу Клаву. Наш приход вообще трудно себе представить без нее, когда бы ты ни зашел в храм — всегда наткнешься на бабу Клаву. Или она ткнет в тебя — своим едким словом.

Будь у нас народ понежней, столичный какой, то баба Клава многих бы отпугнула от хождения в этот конкретный храм — девушек, который она до слез довела, или женщин, которых зло высмеяла, или других старух, на которых шипела. Но у нас народ простой, крепкий на нервы, так что, как ни странно, все те, кто заплакал, обиделся или пошипел на бабу Клаву в обратную, никуда не делись, а так и продолжили заходить в наш храм и делать свои захожанские дела — ставить свечки за здравий и упокой, заказывать молебны особо удачливым и целительным святым, покупать ладанки, живопомощные пояски и проч. — причем в основном делая это по советам бабу Клавы.

Баба Клава вообще воплощение веры тех советских и постсоветских старушек — «белых платочков». Вера ее сильна, крепка и незыблема. Вопрос только — вера во что. Конечно, она свято верит в святую Троицу — Спаса (не знаю только — в первый Спас, второй или третий), Казанскую Богоматерь и святителя Николая Зимнего (у нас эта икона в храме одна из самых старинных и почитаемых). С радостью баба Клава добавила бы в троицу святую Матрону и Пантелеймона Целителя, но даже она понимает, что пятеро в троицу никак не вмещаются, поэтому, скрепя сердце, последним двум отводятся почетные четвертое и пятое место в пантеоне.

Верит баба Клава в жития святых, сглаз, порчу, приворот и их производное — колдунов, а также во Второе Пришествие, Апокалипсис, число Зверя, похороненного заживо Иоанна Богослова, в земельку с могилки популярного на нынешний день старца (но сильнее земелька — из Канавки Дивеевской, которую сатана не перепрыгнет), в постоянное ношение на теле пояска «Живый в помощи» (у нее он, кстати, еще советский — ветхий, рукописный, чернилами выцветшими по шелковому самодельному пояску) и в молебны с акафистами. Насчет последнего баба Клава виртуоз — каждому зашедшему она советует не только поставить свечки на каждый подсвечник за каждого родственника, живого и усопшего, но и заказать минимум три акафиста на молебне, потому что «это сильная молитва, Бог любит, когда мы поем „радуйся“ — так в Писании сказано — всегда радуйтесь, непрестанно

молитесь», — богословствует перед захожанами баба Клава, когда находится в благодушном настроении. (Именно стараниями бабы Клавы доход приходской казны стабильно высок — на свечках и требах, поэтому и прочие выходки ее терпят настоятелем, прибыли ради.)

Также верит она и в то, что всяк входящий в храм женский пол должен иметь главу покрыту — неважно чем, но обязательно. Чуть кто шагнет через порог без покрышки — баба Клава тут как тут: зубами клац, глазами зырк, ножкой топ — и как она так успевает стремительно перемещаться от подсвечников к выходу за полсекунды в свои восемьдесят два — ума не приложу...

«Куда лезешь, босоголовая?!» — клацнет вставной челюстью на входящую грешницу приходская блюстительница нравов. Или: «Голову-то покрой, бесстыжая! Чай не в кабак пришла, не танцульки тут, а храм Божий!» Или: «Деточка, а ну пойди сюда... Ты не попутала, милая, куда пришла? С крашеными космами да к Богу в святое святых? Пойди в лавочку и прикройся, ангелов не гневи, а то будут у тебя женские болезни, детей потом не родишь!»

Женский пол, конечно, пугается, и смиренно идет выполнять указания бабы Клавы. Некоторые срочно носовым платком прикрываются, бывали случаи, когда и целлофановым пакетом — так и к иконам прикладывались, и свечки ставили. Тут уже баба Клава довольна — все по благочестию, все по-божьему.

С юбками та же история — но тут у нас в храме все заготовлено: пошиты специальные мешковатые юбки, которые запахиваются, как халат, и завязываются веревочками. Так что если женщина зайдет, например, в пальто и в штанах, то на нее сразу натянут эту юбку — поверх пальто... Ангелы хоть и смеются, но, видимо, остаются довольны — никого еще молнией божьего гнева не убило в храме.

Сама по себе баба Клава бесстрашный человек — страшно сказать, она не боится не только отца Евстахия, не только самого отца настоятеля, но и... саму матушку Тамару! А для тех, кто понимает, это вершина бесбашенности. Раз, на Пасху, сцепилась баба Клава с матушкой Тамарой по поводу освященных куличей, пасок и яиц — вернее, по поводу их распределения после праздника среди клира и причта. Матушка Тамара, как истинная рачительница прихода, всегда накладывает хозяйственную лапу на самую

лучшую, львиную долю приноса — в пользу настоятельской четы. Впрочем, так везде, наверняка, с этим никто не спорит.

Но тут поспорила, чуть не до драки, баба Клава.

— У батюшки Александра (нашего второго священника) все детки болеют (у него их четверо, напомним, мал мала меньше)! Надо им самого вкусненького отобрать да послать! Я сама выберу, а то после тебя, Тамарка, ни черта не останется, кроме крошек и тухлых яиц! — заявила она горячо, и воинственно выпятила свой скрюченный нос, а высохшие руки уперла в тощие бока. Мощная и важная, как генерал, матушка Тамара попятилась было, но опомнилась и заорала:

— Ты мне тут, бабКлав, не того — не борзи! Твое дело за подсвечниками следить, а не за раздачей кануна! — и еще попятилась. Но баба Клава подскочила к ней и зашипела:

— Бог тебя, Тамарка, накажет, я вот матушке Матроне помолюсь — она хоть и слепая, да видит тебя насквозь! Хоромы себе нажили, богатств полны погреба, рожь отъели да еще мало вам?! Мы-то в детстве с голоду пухли в войну и после, лебеду жрали, но в Бога верили, а вы сейчас на всем готовеньком да Бога гневите! Хочешь, чтоб и сейчас детки плакали, пока ты пухнешь, заноза?! Вот приедет владыка Нифонт к нам скоро, я ему-т пожалуюсь — прямо перед службой упаду в ноги и так и скажу: владыка дорогой, мать-т Тамарка — стерва, детей обожрала, смилуйся над сирыми!

Матушка Тамара так и побелела от страха. Нет, проклятий и молитв она не боялась, но то, что баба Клава выполнит свою угрозу и перехватит митрополита прямо перед литургией — это более чем вероятно, а последствия — туманны и, возможно, необратимы. И матушка Тамара отступила, и даже потом не стала мстить бабе Клаве, потому что сообразила, что наступать змее на хвост — себе дороже, лучше избегать. И сама баба Клава после того случая больше не сцеплялась с матушкой — да и где им особо пересекаться: первая вечно в настоятельских покоях да на складе, а старушка — в храме, подсвечники надраивает до солнечного блеска.

А еще я недавно узнал, совершенно случайно, что наш дурачок Емеля (который на самом деле Сергей) кормится у бабы Клавы дома. Он живет с отчимом, который забирает его пенсию и пропивает, а Емеля даже не знает, что у него какая-то пенсия есть, живет как птица божья — кто даст

что покушать, то и съест. Так вот выяснилось, что уже давно он ходит каждый день к бабе Клаве — она его кормит и утром, и вечером, купает его раз в неделю, а когда у Емели отчим пьяный буйнит, то Емеля у бабы Клавы ночует.

И уже много лет баба Клава ухаживает за своей младшей сестрой, парализованной. У той муж есть, но тоже старенький, сам еле ходит. Так баба Клава ходит к ним часто, помогает по хозяйству, сестру обиходить, сготовить, из магазина принести чего.

А наш сторож дед Матвей займы каждый месяц берет у бабы Клавы, потому что свою пенсию и крохотную зарплату сторожа быстро пропивает. Отдает ли он ей — Бог весть, но сама она никогда у Матвея не требует возврата.

Муж же у бабы Клавы погиб в какой-то аварии на заводе, когда они были еще молоды. Детей у них не родилось к тому времени, и с тех пор, последние лет 60, баба Клава вдовствует. И каждый год убирает могилку мужа, сама красит крест и оградку. А на Радоницу всегда зовет отца Александра послужить там отдельную панихидку. Муж, говорит, хоть и атеист был, но крещеный, добрый был хлопец, с Богом они как-нибудь разберутся, а мы тут помолимся, как умеем, все польза. И отец Александр никогда не отказывает. А баба Клава всегда плачет во время панихиды. Я сам видел.

КОРОНАВИРУС И МЫ

Вот и к нам на приход пришел коронавирус. Нет, ну не то чтобы вот пришел и кто-то заболел, нет. Правда, дед Матвей у нас кашляет прям не могу, ну он так кашляет последние лет десять, наверно, — весь прокуренный и пропитый.

Свечница Фотиния у нас уже вторую неделю на больничном — какой-то тяжелый у нее бронхит случился. Ну так то бронхит же, а не коронавирус. В городе, слышно, много у кого пневмония, подолгу лечатся, коварная какая-то, но ведь пневмония же, а не коронавирус.

Впрочем, даже если мы все этим вирусом короны заболеем — об этом не узнаем. Сами представляете, какая у нас медицина в провинциальном городке. В нашу больницу вообще соваться не рекомендуется, там врачи

такие, что лучше самогоном лечиться — и снаружи, и снутри, и то пользы больше, а вреда намного меньше.

А если и узнаешь откуда, что у тебя этот самый коронавирус, то лучше не говорить об этом никому — а то и дом твой спалют, и тебя вместе с ним. Я, конечно, преувеличиваю, но только слегка.

Вернемся в храм. Коронавирус пришел к нам в прошлую субботу перед всеобщей. Принес его с собой отец Василий, наш настоятель. Точнее, принес распоряжение от владыки, что нужно завтра сказать проповедь об этом самом вирусе, народ успокоить, а еще велено одноразовые стаканчики для заправки употреблять.

С последним вообще проблем не оказалось — у нас для разных приходских застолий всегда есть большой запас одноразовой посуды, так что стаканчиков завалились.

Еще отец Василий велел более усердно протирать все киоты, больше использовать этих — антисептиков.

Этот указ передали бабе Клаве, которая рулит у нас антисептическим сервисом. Она только хмыкнула и указала на ящик у нее под панихидным столом, где еще с советских, видимо, времен хранились бесчисленные флаконы с «Тройным» одеколоном. (Запах этого одеколону у меня стойко ассоциируется с нашим приходом: «Тройной» — наш храм, наш храм — «Тройной». Тем более, что у нас и ладан очень похоже пахнет — так же резко и убийственно.)

— Куда уж усердней! — проворчала баба Клава. — И так каждый день натираем, все блестит. Морды бы бабам нашим и девкам лучше натереть — чтоб они своими губами-т намазанными не шлепали по святым ликам! — завела она свою старую песню, но настоятель не стал ее слушать и поскорее ретировался в алтарь.

В алтаре отец протоиерей дал мне распоряжение стирать платы, которые мы держим перед прихожанами во время причастия, не раз в неделю, как мы это делали обычно, а менять их после каждой службы и сразу же стирать.

— А губы прихожанам по-прежнему вытирать платом? Каждому? — рискнул спросить я.

Отец Василий нахмурился, видно, задумался (что ему несвойственно обычно).

— Ээ, нуу, по обстоятельствам. Если кто испачкался, младенец там — аккуратно давай, в общем! — в своей любимой неопределенной манере ответил он.

Литургию в воскресенье служил сам отец настоятель. Перед причастием он громко сказал подошедшим: «Чашу не целуем!» А потом, если кто забывался и по привычке тянулся поцеловать, он отдергивал руку с Чашей и звал следующего.

Потом отец Василий сказал проповедь, а мы с отцом Александром, который был сегодня исповедующий и требный, слушали его из пономарки.

— Дорогие братья и сёстры! — своим тоненьким голоском вскричал отец Василий, отдуваясь. — Нелегкое время наступило для матери Церкви сегодня! Вера в народе оскудевает, нападки на духовенство со всех сторон, лень духовная одолевает тех, кто по одному только названию православные — сами крещены, детей покрестили, а в храм ходить не хотят, детей на причастие не водят! Только одним озабочены — как бы проводить жизнь в праздности да водку пить! — тут отец Василий сердито посмотрел куда-то в неопределенную сторону, явно намекая на отца Евстахия, который был в очередном запое, а вчера так облевал крыльцо храма, что запах еще не выветрился до сих пор. — И вот за грехи наши Бог посылает нам испытания! Веру нашу проверяет, через сито Своего гнева нас просеивает — кто достоин, а кто нет.

И веками, тысячелетиями Господь так поступал — вынужден был поступать: когда народ уклонялся от путей праведных, становился безбожником, то посылал Он глад и мор, голод то есть и болезни всякие. А почему? — Чтобы пострадали, поплакали, а потом покались! А когда покаются, то и простит их Бог!

Вы думаете, почему у вас дети болят? Говорите: безгрешные они? — По вашим грехам они болят! Вам во вразумление, вам для покаяния! — потряс крестом отец Василий.

Отец Александр, смотрю, скривил рот, но ничего не сказал. У него в очередной раз болели все дети — не успеваешь один выздороветь, как подхватывает другой заразу, и так кругами. Батюшка извелся весь, как-то

пожаловался мне мимоходом, что бóльшая часть зарплаты только на одни лекарства тратится.

А отец Василий продолжал:

— И вот в очередной раз Господь посылает грешникам наказание — так называемый коронавирус, который из Китая, говорят, пришел! Есть он или нет его — кто знает? Может, это такое оружие бактериальное, может, СМИ американские выдумали, чтобы над нами, доверчивыми, власть держать — мы не знаем. Но мы должны трезвиться, потому что сатана хочет нас поглотить, хочет нас уловить этим вирусом!

Но ведь мы с вами верующие, не так ли? — риторически спросил настоятель и грозно посмотрел на всех. В храме послышалось согласное шебуршание, головы смиренно закивали. — Мы верующие, а значит — с нами Бог! Если Бог с нами, то никто же на ны! А это что значит? А значит это, что никакая зараза нас не возьмет! Для того и в храм мы ходим, для того и причащаемся — во здравие души и телу, как говорится, — чтобы Бог нас защищал.

Храм — это дом Божий, а мы — дети Божьи, и поэтому должны в Его доме укрываться, как дети, — от грома, молний, града и этого самого вируса!

Неверующие на то и неверующие — они боятся коронавируса, они боятся болезней, боятся смерти — греха они только не боятся! Духовной смерти не боятся! В аду вечно скрипеть зубами не трепещут!

Но мы причащаемся, а значит никакой вирус не может к нам попасть: думать иначе — значит и быть неверующим! В причастии — сам Бог! Никакой самый коронный вирус не может быть сильнее Бога!

Поэтому, дорогие мои, не бойтесь! Ничего не бойтесь — смело приходите на службы, чаще причащайтесь, пейте святую крещенскую воду, вкушайте просфорки и артос — многие же хранят его весь год, с Пасхи, так ведь? Конечно, меры предосторожности нужны — руки там мойте почаще, за детьми особенно приглядывайте, чтобы они пальцы не сосали. И если заболели гриппом там или просто насморк — лучше уж дома побудьте в это время. А записочку о своем здравии — с ближними своими в храм передайте, чтобы молитовка о вас шла. На литургию особенно подавайте, на выемку, на свечу в алтарь, на кагор для причастия — чтобы Бог про вас не забывал, чтобы молитва церковная была сильна за вас.

А если не с кем передать записку — ну, позвоните в храм, в свечной ящик, потом расплатитесь...

В общем, с Богом, а не с коронавирусом пребывайте! Аминь! — бодро закончил проповедь отец Василий.

Отец Александр вздохнул и покачал головой, но ничего не сказал.

После службы матушка Тамара сгребла почти весь канун, погрузила в машину, и они с отцом Василием отчалили. Больше на этой неделе мы их не видели. Служащим и требным на всю седмицу, включая грядущее воскресенье, был оставлен отец Александр. Отец Евстахий, еще выйдет из запоя, назначен служить следующую седмицу.

В среду утром отец Василий позвонил в храм и велел усилить дезинфекцию, а также вытирать причастникам рот одноразовыми салфетками, которые потом велено «с благоговением» сжигать в приходской печи.

Отец Александр взял на себя смелость и на литургии Преждеосвященных Даров на этой неделе распустил хор, попросив петь одну только Наденьку. Исповедь перед Преждеосвященными он тоже отменил для постоянных прихожан (другие и не ходят на эти службы), чем, кстати, вызвал недоумение и недовольство некоторых наших постоянных прихожанок-старушек.

В среду, после литургии, он сказал для немногочисленных прихожан краткую проповедь, в которой главная мысль была — не искушайте Господа Бога своей самонадеянностью: лучше смиренно бояться, чем нахально лезть в мученики.

— В древние времена тех, кто сам нарывался на страдания и смерть, чтобы стать мучениками, — не считали таковыми, говоря, что это гордыня толкнула их на «мученичество», — напомнил отец Александр. — Поэтому: бьют — терпи, но сам не нарывайся.

Я, правда, сомневаюсь, что наши прихожане поняли его намек...

В это воскресенье, как все православные знают, у нас Крестопоклонная. Будем воздвигать крест, прикладываться к нему и петь: «Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояние Твое, победы на сопротивных даруя, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство».

А на кого нам еще надеяться, Господи? Главное — не забывать почаще протирать крест.

Я ОСТАЮСЬ: ИСПОВЕДЬ МИРЯНИНА

ГЛАВНЫЕ ВРАГИ ДЕЛА ХРИСТОВА НА НАШЕЙ ЗЕМЛЕ — В РЯСАХ ХОДЯТ

Анонимный автор

Текст из проекта «Анкета анонимного прихожанина/приходского работника».

Расскажите немного о себе.

Отец умер, когда я был совсем ребенком. Сердце. Мать моя — молодец, с одной стороны. Решила на других мужиков время и душевные силы не тратить и тянула ляжку одна. С другой — стал я маменькиным сынком, до сих многое в себе не изжил до конца. Она врач, зарплаты известно какие, но вытянула. Поступил в престижнейший вуз на бюджетное место, потом аспирантура (ведь отца нет, поэтому армия воспринималась как смертный ужас и дитятко туда не отдали).

И вот в аспирантуре, в возрасте 23 лет, и начал отключаться ментальный автопилот. Сначала периодами, а потом и вовсе — стал головой думать. Стало ли от этого легче? Нет, наоборот. Но — речь не об этом.

Социалист, сторонник теории эволюции в силу наличия головы и образования. Более того, не вижу ни малейшего противоречия между эволюционной теорией и креационной — там, где математик видит выход за зону пресловутого доверительного интервала, верующий человек улыбнется.

Что привело вас в православный храм?

Мать и привела. Она в советские времена и йогой занималась, и вообще восточную философию читала. Без фанатизма, но интересовалась. А потом супруг ее подруги крестился и нас убедил. Правда, он сейчас в какой-то дичайшей индуистской секте, но это уж дело такое...

Много лет ходил в храм, потому что водят. Напрягало сначала отсутствие колбасы в пост, потом, по мере взросления, еще и сыра. Смешно, конечно, но такие воспоминания про храмовую жизнь из детства.

Потом был первый неудачный роман. Много думал, молитвы давали отдохновение души — но сейчас думаю, а что или кто давал-то: Господь милостивый или я вовсе не Ему молился — а так, сам себя заговаривал? На такие вопросы нет ответа. Помрем, так узнаем. Но вера моя тогда была... не знаю, конечно, но, может, и не было ее.

Потом ходил в храм уже сам, испытывал потребность души. Известные мне священники были очень интересными людьми, никакой грязи про них я лично не знал — разве что близкий знакомый вдрызг разругался с моим духовником, обвиняя его в никчемности и несостоятельности как настоятеля, мол, и руководить работами по строительству не умеет, и денег собрать не может, и т.д. Но это жизнь, всякое бывает, может быть, оба были отчасти правы. Никаких «голубых» тем, дебошей священников и прочего вокруг меня не было. Слышал такое от знакомых, но это было где-то далече.

Все поменялось со сменой патриарха. Алексия II корили за отношение его семьи к фашистам в войну, за наличие архиереев, продававших известные товары безакцизно. Но когда пришел Гундяев, Алексий II уже как светлый дедушка вспоминается.

Гундяев сразу и резко не понравился на проповеди — надсадно кричащий, пытающийся казаться великим оратором тихоголосый человек с лицом гедониста, но почему-то в патриаршей рясе, сразу оттолкнул от себя. Критику именно его и его «команды» поначалу не воспринимал, но потом, под градом фактуры, стал унывать, а потом и принимать. Теперь вижу отчетливо — главные враги дела Христова на нашей земле — в рясах ходят. Причем не в заношенных и стареньких, а в богатых и новых. Есть и другой вывод — у нас нет больше церковноначалия. Есть топ-менеджмент ЗАО «РПЦ».

Но и это не все — когда озверевший и оскотинившийся донельзя от падения уровня жизни народ вновь напомнит миру всю бессмысленность и беспощадность известных русских событий, распинать на Царских вратах, как обычно, будут неповинных — а основные виновные прыгнут в чартерный рейс и будут где-нибудь на Крите горько плакать о Великой России,

Встающей С Колен и Сбитой На Подъеме Духовности И Скрепности. Где и сопьются, вероятно, в нищете и забытии.

Как выглядит ваша внешняя церковная жизнь?

В храм хожу по возможности. Люди мы слабые, и даже два ребенка уже не дают посещать храм регулярно.

Причащаться стараюсь хотя бы раз в месяц-полтора. Причастие — это отрада, это воспоминание о Христе, немного грустное, но радостное одновременно. Хотя и совсем иное, по сравнению с вечерними трапезами любви первых христиан — это наше наследие от Христа. Да, формализованное, да, зашоренное и воспринимаемое, быть может, совсем иначе — но какое есть, и каждый сам наполняет его своим смыслом. Причащаюсь сам, приносим детишек. У супруги тоже духовный кризис, в храм она не ходит. Надеюсь, временно.

Молитвенные правила — тема болезненная. На этот счет у меня нет ответа. С одной стороны, Богу, быть может, угодно принесение человеком в жертву собственного свободного времени (а что еще может дать небогатый горожанин?), но, быть может, лучше потратить его на семью или на свой сон/физическое развитие, чтобы помогать семье полнее? Кроме того, не читая правила, молитвенная жизнь «схлопывается» — это я вижу и сам, вслед за предостерегающими словами духовника и другого уважаемого мною, хотя и очень молодого, священника. Так что иногда стараюсь читать правила, но, в основном, молюсь внутри.

В храм хожу поблизости, на исповедь перед Причастием хожу к духовнику в другой храм (его перевели, дав настоятельство). Наличие духовника считаю крайне желательным — он в курсе твоей жизни, ему можно не рассказывать свои нюансы, отрывая время у него, его семьи и других исповедников. Но это субъективно. Кроме того, поди найди священника, с которым ты говоришь «на одном языке». Это непросто.

Есть ли на приходе воскресная школа, молодежная организация, проводятся ли беседы со священником? Проводятся ли огласительные беседы перед крещением, венчанием? Если да, то кто их проводит и каков их уровень? Все упомянутое проходит формально или интересно и живо?

Воскресная школа есть, но так как детишки мои малы, пока туда не ходим. Беседы со священником есть, уровень их соответствует вопросам, а они,

зачастую, в стиле «рукалицо» — примерно так же, как на моем люто нелюбимом телеканале «Спас»: про возможность молитв за усопшую кошечку, заговоры, второе крещение и прочее, что и к религии-то отношения не имеет, а не то что к вере. Многие приходят не участвовать в беседе, а поговорить и себя, любимую, показать. Время наше эгоистичное и одинокое.

Сами священники у нас молодцы, все основные моменты рассказывают очень хорошо и «от себя», уличить кого-то в неискренности не могу.

Огласительные беседы тоже проводятся, но лично на них не присутствовал — хотя и видел вытянутые лица людей после них (мы пришли, чтоб нам духовненько сделали, а нам тут какую-то пургу про спасение души загоняют!).

Устраивает ли вас богослужение в вашем приходе? Понимаете ли вы богослужбное пение и чтение в вашем храме? Хотели бы вы, чтобы богослужение велось на русском языке?

Нет, не устраивает. Очень жалею, что РПЦ пошла по пути католиков, сокращая богослужения. К чему пришли католики? Храмы стремительно пустеют. Нас ждет та же участь. Помню службы в Соловецком монастыре — это как другой мир. Люди пришли не для того, чтобы попасть в другое завихрение бешеного ритма городской жизни, а к Богу обратиться.

От богослужения на русском воротит — свой родной язык очень люблю, но не все то хорошо, что ново. С каждым новым переводом доля ошибок и смысловых искажений растет, это неизбежно. Посему — хотя бы на церковнославянском.

Что вы можете рассказать о настоятеле (священнослужителях) своего прихода?

Нам на приходе повезло со священниками. Новый настоятель нашего храма, присланный взамен старого (моего духовника), — хороший администратор и интересный человек. Завоевал мое уважение, честно ответив о незнании что мне посоветовать в сложной жизненной ситуации, куда я попал. Но при этом он вызывает мое тягостное сожаление из-за сотрудничества с администрацией района, оказывая помощь в голосовании за провластных кандидатов (и в прочем). Хотя он-то храм и построил, а прежний настоятель этого не смог.

Священники наши так хороши, что после них рассказы про пьющих, неверующих попов, а то и вовсе голубых, кажутся чем-то неумным. Но факт есть факт, нашими священниками я так же доволен, как и обеспокоен будущим, когда в священники пойдут нынешние семинаристы, об «успехах» которых мы наслышаны изрядно.

Духовник мой тоже интересный человек. Два высших образования, куча детей — и при этом являет для меня пример непоколебимой веры. Собственно, грешен я тем, что часто на исповедь иду не ко Христу — а просто поговорить с верующим человеком. Даже это для меня значит очень многое.

Как выглядит финансовая жизнь вашего прихода?

Не могу сказать про финансы. Вижу только, что ездят клирики на очень и очень почтенного возраста машинах. Только настоятель ездит на недорогом джипе чуть помоложе — десятилетнем, наверное.

Какова атмосфера на вашем приходе? Каковы взаимоотношения прихожан и работников храма? Какова роль жены настоятеля на приходе? Важна ли для вас жизнь общины или вы предпочитаете, чтобы вам «не лезли в душу»?

Прихода у нас, как такового, нет. Есть куча горожан, набегающая по выходным на богослужения. Это печалит.

Интриг и наушничества не замечаю, так как бываю нечасто и прихожу не за этим.

Жен священников в храме почти никогда не бывает — они заняты детьми.

Общине я был бы рад, да во всех нас (и во мне) столько тараканов нынче, что и не знаю, возможно ли такое.

Что бы вы хотели изменить в вашем приходе, если бы могли?

Про приход нельзя говорить в отрыве от народа. А народ российский стремительно катится на дно — потребление застилает глаза. Отношения крепкими не бывают, разводы, аборт, измены, вранье, отчуждение, холодность. Перспектив нет. Образование дается такое, что и нельзя разобрать, а что это такое — даже не в силу низкого качества, а в силу регулярной смены программ. Духовным воспитанием народа никто не занимается, включая Церковь (как много вы знаете успешных

миссионеров?). Вкупе с падающим уровнем жизни складывается ощущение полета на такое дно, о которую Россию еще не било — ведь даже в черный 1612 год нашлись на Руси здоровые силы общества, а сейчас их что-то не видно. Всем и так неплохо. Мы атомизированы и разобщены. Даже ходящие в Церковь «хатаскрайничают». Но как этот гордиев узел разрубить, я не знаю.

Утешает одно — при тщательном взгляде на любую сферу жизни видно столько критических, душераздирающих проблем и противоречий, что вообще неясно — а как наша страна еще существует? По словам моего знакомого, в этом можно увидеть прямое и неприкрытое вмешательство Божие в судьбу нашего народа. Этой надеждой и живу.

А Я ВСЕ Ж ТАКИ В ЦЕРКВИ: ИСПОВЕДЬ НЕ «БЫВШЕЙ»

Анастасия Медведева

Читаю иногда публикуемые здесь «исповеди» с интересом. Потому что самое замечательное, что у нас есть — люди. Наблюдать за ними, их личностным ростом, разочарованиями, находками, осознанием ошибок, успокоением и снова ростом — прекрасно. На этом, как мне кажется, построена большая часть нашей литературы, кино, культуры вообще. Поэтому вот и мои пять копеек, может быть, кому-то аукнется что-то родственное.

Не вижу смысла в анонимности; вычислить меня не сложно, однако факт моего существования в этом огромном мире столь незначителен, что едва ли вся информация обо мне вообще кому-то когда-то понадобится.

Написать о своей ситуации меня замотивировали несколько здешних текстов по «женскому вопросу». О месте женском и о церковном отношении ко всему этому. Тут все разнообразие красок: от церковных аскетоориентированных образов особой женской блудливости до идей святости материнства; от пережевывания «официального» отношения к месячным и накрашенным ногтям до полного игнорирования женского полового влечения как такового.

Меня зовут Анастасия. Мне 30 лет, и я девушка. Все у меня примерно как у всех, разве что рост, физподготовка и образование чуть повыше среднего

по стране. Но в целом — сплошная заурядность. Живу обычной церковной жизнью; уже больше 20 лет участвую в богослужении. Преподаю в университете. Люблю путешествовать. Люблю горы и не люблю картошку.

Мне кажется, это архивнимательное отношение к половой жизни в каком-то смысле ненормально. То есть, конечно, понятно, почему популярные паблики рекламируют глянцевого женское тело — это связано с добычей средств на обеспечение этого самого глянцевого тела. И понятно, почему современная церковная практика (как, справедливости ради, и почти все остальные религиозные организации) так щепетильно относится к «постельному вопросу» и всему, что с ним связано: ведь контроль над одним из самых сильных инстинктов позволяет в целом держать в узде человека. Но почему при всем том обычные, рядовые люди так болезненно все это воспринимают, мне не совсем понятно. Мне тут ближе позиция, озвученная в сериале «Молодой Папа»: роль секса в нашей культуре очень преувеличена.

Я никогда не была замужем и не жила половой жизнью. И нас таких... ну не то чтобы много, но сколько-то есть. Причем не всегда это связано с религиозными заморочками. Во-первых, просто «на десять девчонок по статистике девять ребят». Во-вторых, могут быть трудности физиологические, психологические (ну типа долгосрочных конфликтов с родителями или какого-нибудь печального опыта в детстве), финансовые и другие. В-третьих, представьте, не хочется. Да, вот так просто — не хочется, и все. И это еще не свидетельство какой-то патологической «асексуальности». Аргумент «не хочется» содержит несколько основных граней: например, «не встретил», «лень», «не хочу детей». Seriously, может быть просто лень. Лень ухаживать (для парней), лень что-то менять в устоявшейся, привычной и комфортной жизни (для девушек).

С вариантом «не встретил» тоже просто: те, которым я нравлюсь, не нравятся мне; а тем, которые нравятся мне, не нравлюсь я. Мы выбираем, нас выбирают, и это часто не совпадает. И если человек достаточно осмысленно существует, верен себе, то он, как я думаю, не пойдет в этом вопросе на компромисс и не станет создавать семью или вступать в половую связь с «не тем человеком» просто потому, что «лучшего не нашлось» или «часики-то тикают». И это, опять же, отнюдь не религиозные соображения, а просто самоочевидные.

И аргумент «не хочу детей» может стать препятствием не только в случае религиозных соображений (хотя тут — чаще всего). Ну, положим, один из влюбленных хочет детей, а другой не хочет. Не «сейчас пока не хочет, но потом когда-нибудь может быть», а не хочет вообще, ни разу, никогда. И никогда в жизни не хотел, как я, например. И это устойчивое желание проверено уже более чем десятилетним постоянством. В этой ситуации создание семьи подобной парой было бы нечестным либо по отношению к одному, либо по отношению к другому. А встреча двоих, из которых оба бы никогда в принципе не хотели бы детей, но при этом испытывали бы друг ко другу искренние симпатии, как можно догадаться, очень маловероятна. Хотя, например, в фильме «Лев» как раз такая замечательная семья и показана.

Кроме того, как известно, идеальных ситуаций не бывает. Бывает, что родители тяжело конфликтовали и развелись — это и в религиозных семьях, и в безрелигиозных. Бывает, что мама дура и пытается сломать чашу под себя. Бывает, что «ухажеры» откровенно непрезентабельны. Бывает, что просто в момент, когда нужно «вить гнездо», увлекаешься чем-то неподходящим вроде футбола, и упускаешь свой шанс.

Но это бывает и в любой другой сфере жизни. Ну хватит уже муссировать область сексуального, как нечто из ряда вон выходящее.

И вот при таких взглядах, как мне кажется, я вполне нормальный человек. Психически уравновешенный. Без каких-то личностных патологий, по свидетельствам специалистов. Меня не мучает нежелание заводить детей — ни с точки зрения христианской, ни с точки зрения гражданской. С точки зрения христианской, во-первых, я твердо знаю за собой, что это нежелание не обусловлено желанием «пожить для себя» или какой-нибудь еще странной формой эгоизма (типа отомстить родителям за тяжелое детство отсутствием внуков — ага, и такое тоже бывает, но нет, это тоже не мой случай). А во-вторых, мне кажется, что в существующих условиях отказаться от деторождения в каком-то смысле даже более нормально, чем согласиться на него. Ну посмотрите на мир вокруг. Неужели милосердно и по-христиански запускать в это говнище новых маленьких и невинных человечков? Не лучше ли своим христианским устройением заняться? Не лучше ли помочь тем несчастным, которые уже родились, и нуждаются

в помощи и опеке? Но тут я не настаиваю, мне вполне достаточно соображения во-первых.

А с гражданской позицией так. Меня вот вообще не трогают панические сообщения статистики о падениях рождаемости, геноциде русских и т.п. Ну, будет меньше русских, будет больше арабов или китайцев. Какая, в сущности, разница. Хоть с христианской точки зрения, хоть с общеисторической. Какой был древний Вавилон, какая была Ассирия, какая была империя Александра, какой был Рим. И все прошло. И мы пройдем. Я тут без пессимизма или обреченности Экклезиаста, а просто не считаю должным подмешивать в личную жизнь политический патриотизм, мне это совершенно ровно.

Помните, мем такой был про патриарха Павла Сербского: он-де говорил: «Если албанская женщина рождает семь детей, а сербская делает семь абортот, то Косово нужнее албанцам, чем сербам», и политически верно ориентированные сербы бросали в него камнями за эти слова. Вероятно, он говорил эти слова с нотками провокации сербских женщин против абортот, а не по причине чрезвычайного милосердия к албанцам. Но мне тут милосердие ближе: им расти, нам умяляться. Ну поглядите, как сейчас русские в России живут: нищета, пьянство, грязь, развал, огромные территории в качестве «сырьевого придатка». Не то чтобы я думаю вот так упаднически, что все пропало (хотя на самом деле, похоже, так и есть), а думаю, что если какие-нибудь китайцы готовы и могут все привести в порядок, и при этом нуждаются в территориях, то какая в сущности разница, чьими руками этот порядок будет осуществлен?

А на вот эти байки мозгопромывочные, что все против нас и что мы сейчас только и держимся, что геройством наших прадедов, и что дай только волю вот этим злым забугорянам, и сразу нас поработят, и все будет еще хуже..., я напмню горькую остроту: «хуже чем в России к русским не относятся нигде». Я путешествую иногда, и готова подписаться под этим выражением.

Теперь, когда с отношением к сексу и чадородию вроде как все ясно, еще несколько штрихов. Я ведь человек церковный. А тут всякие гадости про церковь. Такое количество очевидных гадостей, что, кажется, нужно или брать вилы и на баррикады, или долой из такой церкви. А я вот все ж таки верю. И все ж таки в церкви. Поэтому нужно как-то объясниться за все это.

По правде сказать, вот эта необходимость «объясняться» за нынешнюю церковь меня здорово подзадолбала. Особенно первые годы публичной «гласности» (в конце нулевых), когда какая-то часть моих друзей разоцерковилась, но мы продолжали дружить, и частенько в общих беседах на меня по умолчанию возлагалась роль апологета, поскольку я эдакий «церковник со стажем». Но друзья на то и друзья, что общение никогда не идет «в одни ворота», и от меня в какой-то момент отстали, потому что довольно скоро стало понятно, что мне это неинтересно. Неинтересна церковная политика (и нецерковная тоже), неинтересны грязные сплетни про церковных князьков, неинтересна вот эта штампованная и недалекая риторика одинаковоразных проповедей, которых я за двадцать с лишним лет наслушалась по самое немогу. Неинтересны узколобые бабские разговоры о том, что готовить в пост, или что там Смирнов сказал на «Спасе».

И неинтересны гомики. Ну ладно бы еще лесбиянки, а то геи. Блин, кому они вообще могут быть интересны, кроме самих себя и осатанелых скреподержцев? Но лесбиянки сидят тихо, о них особо не слышно, а может, просто нету среди отечественных епископов лесбиянок, поэтому и не слышно. Поэтому, наверное, можно сказать, что мне в целом гомики неинтересны, что внутри церковных скандалов, что вне.

Кстати, значит ли это, что мне прям все церковное неинтересно, и я нахожусь в церкви только лишь в силу привычки или финансовой зависимости (получаю денюжки на клиросе и в воскреске)? Отнюдь нет. Ефрем Сирин, например, интересен. Но у него все сложно — и с определением подлинности текстов, и с переводами.

Из современного интересны принципы работы религиозного сознания. Лингвистика интересна, особенно в библейских переводах. Во всем этом я не являюсь специалистом, и интересуюсь так, дилетантски. Не то чтобы обо всем об этом я прям каждый день нахожу с кем поговорить, но иногда бывает. Почему-то вокруг меня почти всегда умные и добрые люди. Друзья у меня наизамечательнейшие. Я, например, плохо воспитана, не умею слушать, перебиваю, часто выпячиваю свое мнение. А они меня любят все равно. И я их люблю, конечно. Мы встречаемся, насколько это позволяют рабочие графики у всех. Нам есть о чем говорить — и с верующими, и с неверующими. Значит ли это, что мы просто избегаем тем конфликта между религиозным и безрелигиозным, или между церковным

и нецерковным? Отнюдь нет. И иногда даже очень продуктивные случаются обсуждения. Но это — исключительно потому, что мне повезло с друзьями и окружением. Благодарю Бога за это. Благодарю вас, хорошие мои.

Что мне хочется сказать вот этим очерком? Во-первых, разбавить здешнюю среду, которая частенько с обидой обличает пороки церковной жизни. И не занимать при этом позицию оправдательную, защитительную, неофитскую. Во-вторых, походя заметить ту очевидную истину, что если вы вдруг маленько не такой, как принято, то это ничего. На самом деле все немножко не такие, просто не все признаются в этом даже себе. В этом и состоит заурядность. Важно не то, насколько вы соответствуете общепринятым ожиданиям, а то, насколько вы верны себе и своей совести. И это равно важно вне зависимости от вашей религиозности. Потому что если религиозность заключается только в том, что удерживает от каких-то нравственных падений, то грош цена такой религиозности. И, по правде говоря, цена такой нравственности тоже невелика.

ИСПОВЕДЬ ЛГУНЬИ

Анонимный автор

Я — патологическая лгунья. Ложь для меня — это искусство. Если я захочу что-то скрыть — о, только случайность сможет сделать тайное явным. Я просчитываю все до мелочей, никогда не иду на риски и предпочитаю аккуратное избегание долговому отстаиванию своей точки зрения.

Этому есть причины. Я научилась лгать, чтобы избежать насилия. Отточила свое мастерство, чтобы избежать наказаний. И довела до совершенства, чтобы нравиться.

Невероятные истории, безумно насыщенное прошлое — я умею мешать правду и вымысел так, что даже те, кто переживал это вместе со мной, поверят в то, что «просто забыли», «недосмотрели» и «не вовремя ушли».

Это не просто пустое самолюбование, пожалуйста, дочитайте до конца.

Ложью я создаю себе доплера*. В этом нет ничего удивительного, я знаю — мне нужно донести до вас причину, по которой я лгу: потребность в безопасном месте. Чтобы на меня никто не смотрел. А если и смотрел,

то видел бы не суть, а доплера. Даже представляя меня в своей голове. Чужое, даже гипотетическое осуждение опасно. Может привести к наказанию. Или отвержению.

И теперь о главном.

Я выросла в православии. Мои родители глубоко верующие. У нас прекрасные отношения, абсолютно прекрасные, с полным взаимопониманием и уважением мнений — ровно с тех пор, как я вышла замуж и стала жить отдельно.

Раньше я верила потому, что это нужно, чтобы нравиться. И чтобы избежать наказаний. Но недавно я решила разобраться с этим раз и навсегда.

Замужество исцелило меня. Мужу я нравлюсь любой, он не пользуется ни насилием, ни наказаниями, и лжи в моей жизни стало намного меньше.

Но что мне делать с Богом?

Идеология евангелия близка мне.

Будьте подобны Богу. Любите друг друга, не превозносите друг над другом. Трости надломленной не переломите и льна курящегося не угасите. Не судите. Одна потерянная и найденная копейка важнее мешка золота.

Но меня... смущает? пугает? — тот факт, что те, кто, уверенные в своей правоте, пользуются насилием и наказаниями, верят в того же Бога.

Почему копейка важна, раз она посмела быть потерянной? Почему не дорезать овцу, посмевшую отбиться от стада? Почему не снести сильной рукой слишком слабую тростинку, не растоптать лен? От них же, с рациональной точки зрения, один вред и бессмысленная трата времени. Что если рано или поздно они вновь посмеют оказаться слишком проблемными?

Их Бог рационален до тошноты. Все, кто не служат мне, мне не нужны. Еретики идут в ад. Геи идут в ад. Некрещеные идут в ад. Не следует читать не полезного. Любая мысль, кроме молитвы — неправильна, ибо может вести к греху. Не следует думать о проблемах. Думай о себе. Спасай себя. Делай хомячий склад на небе. Делай добро рационально — так, чтобы Бог видел и знал, ЧЕМ тебе отплатить. Не смотри по сторонам.

Сейчас я объединю кусочки пазла.

Каждое воскресенье я хожу в церковь и лгу рациональному Богу. Я исповедуюсь и причащаюсь. Я очень благообразна. Другие прощают мне некоторые чудачества, ведь со стороны они видят искреннее горение. Огонь молодости, по которому они скучают.

Я лгу рациональному Богу и не хочу, чтобы Он смотрел на меня. Пусть Он тоже видит доплера. Допплер хороший. Никто не захочет его наказать.

А нерациональному Богу я лгать не могу. Он видит меня. Он знает. Его я умоляю хоть что-нибудь сделать, наблюдая, как страдают те, в чью сторону рациональный Бог даже и не взглянул бы. Его руку я вижу там, где видеть ее греховно для рациональных христиан. И его образ — в тех, в чью сторону все плюются. Я знакома с Богом милующим.

Знаете роман «Архиерей»? Там очень хорошо, живо описана «язва» и ужас человека перед ней. Я работаю в такой сфере, которая подразумевает ежедневный контакт с этой язвой, — и знаю Бога поддерживающего и сострадательного. Я видела Его там, каким бы субъективным ни казался бы мой опыт. И самое главное: Он может любить лгунью. Может и любит, несмотря ни на что.

Я вот к чему. Рациональный Бог отрицает Сам Себя. Само Его существование в доведении до абсолюта нерационально.

Но я никак не могу решить эту мучительную дилемму.

Важен один кающийся грешник — но будет плач и скрежет зубов.

Кроток и смирен сердцем — но пришел принести меч.

Любите друг друга — но оставьте всех ради меня.

Пришел пострадать за ваши грехи, чтобы вам не пришлось умереть за них — но кто не возьмет креста своего, несть достоин.

Я лгу тому, кому лгать не хочу. Но не знаю, что мне делать. Ведь тогда получается, что Бог не идеален. И нужно просто принять его, как любимого человека — где-то рационального, где-то нет. С плюсами и минусами.

Я знаю, что такое искренне любить того, кто бил тебя по лицу. Могу понять, что при этом бьющий тоже любит тебя — все мы люди и иногда способны даже на страшные ошибки.

Просто тогда получается, что Бог более человечен, чем церковь пытается показать.

На примере геев: давно доказано, что гомосексуализм — это, грубо говоря, врожденная особенность строения мозга. Но в Священном Писании говорится, что геи противны Богу.

Разве это не похоже на отрицание родителя, который просто не может принять своего ребенка таким, каким создал?

Я не хочу уходить. Отчасти из-за страха — окружение не примет моего ухода, а к противостоянию я морально не готова. Но больше не хочу потому, что для меня уход — это точка, за которой прекращаются всякие отношения.

В отношениях с Богом я хочу честности, а не точки.

Я думаю, не нужно объяснять, почему я не могу принести эту проблему священнику своего прихода.

Так что пусть это будет своего рода исповедь лгуны.

Прости и разреши.

**Допплеры из фэнтезийной вселенной «Ведьмака» — разумные существа, способные изменять форму, цвет и структуру своей плоти, подстраиваясь под различные враждебные факторы внешней среды.*

Единственным ограничением по форме является вес копируемого существа, который должен примерно соответствовать весу доплера. Допплер копирует не только форму существа, но и отчасти его характер, привычки, стремления, что делает сходство с оригиналом практически идеальным.

А Я — ТЕПЛОХЛАДНЫЙ

Павел Григорьев

Здесь не будет описаний ужасных священников, «прогнившей системы» или тому подобного. Просто опыт воцерковления человека за 30. Такой, какой есть.

Моя бабушка старалась каким-то образом привить мне любовь к церкви и Церкви, в глубоком детстве приводила на исповедь, о которой у меня

остались смутные воспоминания, каждое воскресенье приносила из храма просфоры и кропила нас святой водой. Она же подарила мне простую бумажную икону Скоропослушницы, которая вот уже многие годы со мной, нательный крест, который я ношу. Но «разжечь огонь веры», наверное, не смогла. Но привила уважение к Церкви в целом.

Прошло 20 лет, бабушки уже давно не было, и в жизни сложились не самые благоприятные обстоятельства. Не было работы, перспектив, семейная жизнь разваливалась. И тогда случайно в рассылку мне попало письмо о том, что известный священник приглашает всех интересующихся на общую встречу в замечательном уютном храме в центре Москвы. Подобные рассылки приходили мне периодически, так как периодически я отправлял различные суммы нуждающимся.

И я пришел на ту встречу. И она была замечательной. Священник, пожилой и очень мудрый, говорил без пафоса и такими словами, которые не оставляли равнодушным. Убедительно, горячо; и хотелось понять, что же ведет таких людей, как он. После встречи я подошел к нему и как на духу выложил все свои проблемы. Он внимательно посмотрел на меня и спросил:

— А в храм ты ходишь? Исповедуешься? Причащаешься?

Я помотал головой.

— Ну вот, от того и все твои трудности, — ответил он. — С Богом все легче и проще. Когда на исповеди вообще был в последний раз?

— Кажется, в пять лет. Бабушка приводила.

— Подойди сейчас к моему помощнику, он запишет тебя ко мне. Поисповедуешься, поговорим.

Я записался. И всю неделю старательно искал в себе грехи, перечитал известную брошюру Иоанна Крестьянкина, вроде бы подготовился, выписал грехи на лист.

На исповеди меня колотило, но ничего криминального в моем листе не было, все, как у всех: «храм не посещал, нищих не привечал, блудил до брака, пьянствовал иногда, сквернословил, не молился, не постился» и прочее. Гордыня, гнев и осуждение в комплекте.

Он отпустил мне грехи, и настоятельно рекомендовал найти своего священника в том храме, где была встреча, и начать периодически посещать богослужения, чтобы потом неосужденно подойти ко Причастию.

Я начал. И священника нашел. Вообще, объективно говоря, это прекрасный храм, очень уютный, с историей, с некоторыми известными прихожанами из мира музыки, кино и ТВ. И священник, у которого я начал регулярно исповедоваться, был очень внимательным, располагающим, примерно моего возраста. Вскоре я причастился. И старался не пропускать каждую воскресную службу.

Прошло полгода. Начались смущения. Я видел внешнюю сторону. Она была прекрасна. Удивительный хор, невероятный мелодизм (я близок к музыке и искренне восхищался), торжественные службы. На Пасху — вообще невероятный душевный подъем. Мое. Нашел. Живу.

С другими прихожанами за пару лет как-то не сложилось. Я довольно замкнутый человек, и, несмотря на все воскресные чаепития для всего прихода, так не завел ни с кем ни дружбы, ни знакомства. Несмотря на то, что все мы были примерно одного возраста, сами прихожане держались тесным сплоченным кругом и, видимо, не горели желанием его расширять.

С работой все вроде бы наладилось, а вот в семье опять были сложности. Мы с женой жили как надоевшие друг другу соседи — молча, с напряжением, не здороваясь и не разговаривая. И «своему» священнику я благодарен за то, что брак мой все-таки он сохранил. Я все это рассказывал на исповеди, но он ответил: «Просто живи дальше. Не будь инициатором развода. Вспомни Евангелие. Прелюбодеяния с ее стороны не было? Не было. Поэтому терпи. Смиряться. Молись за нее. Причащайся чаще. Не разводишься». Я так и сделал. И потом все как-то само собой разрешилось.

Да, я видел внешнюю сторону. Но каждый раз на исповеди как заведенный повторял, что осуждал, гневался в помыслах. Внешне я сдержан, но внутри... И каждый раз одно и то же. Это просто особенность психики. Всякие детские травмы. И вот я теперь такой. Борюсь, но как можно бороться с тем, что ты шатен? Ты такой. Точка. А без исповеди до Причастия не допускали. И я каждый раз копался в себе, предполагая, что бы такого еще вспомнить, чтобы священнику на исповеди сказать, чтобы он удовлетворенно кивнул, мол, чадо духовно растет, борется со страстями, и накрыл епитрахилью.

А во мне начало расти чувство вины. Вины, что я вроде бы ничего не сделал, но все равно сделал. И надо каяться.

Ежедневное молитвенное правило тоже вскоре перешло в раздел «прочитать поскорее и выдохнуть». Не разгорался во мне «Огонь Молитвы». Ну никак. Но я упорно читал, с деревянной головой пытался как-то проникнуть в глубину, в содержание. И чувство вины росло еще больше. Я не так читаю, не так чувствую, формально отношусь к Слову Божию. Говорил об этом священнику, но он просил не смущаться, усиливать молитвы, почитать Псалтирь, жития святых и прочее. Я читал. И винил себя еще больше. «Пройдет, — отвечал священник. — Не вы первый, не вы последний. Господь увидит старания».

Ничего не получалось. К чувству вины добавился пункт «Господь не видит старания». Я загонял себя в угол. Чтобы как-то выдохнуть, начал ходить в храм через воскресенье. Такой ритм более-менее расслабил, но проблемы никуда не делись. Я не мог разорваться между мирской жизнью и жизнью церковной. В миру угнетало чувство, что Бог меня, неофита, повел, а я вот так от него отстраняюсь. В церкви — что привычные и «обычные» схемы «пост, исповедь, Причастие» со мной не работают. Да, тут гордыня, разумеется, мол, я не такой. Но... Но...

Посты. Вот тут я вообще не понял. Я не раб еды, могу есть, могу не есть. За вкусными вещами не гоняюсь, что такое «гортанобесие» узнал только из церковной литературы. Есть еда — ем. Нет — не ем. Нужно быстро подкрепить силы — закинул пельмени из пачки в кастрюлю и убежал на работу. А говорить жене, что среда и пятница у меня постные и вот это я есть не буду, а это буду — ну как-то не знаю... Нет у меня культа еды. А тут пришлось и этикетки читать, чтобы не «оскоромиться», и в гостях сидеть с легендарным «постным» лицом. И в пост есть еще больше постной пищи, чтобы поддерживать энергию — работа умственная и очень энергетически затратная, иначе никак. И опять НО. Ни один священник не скажет, мол, ничего страшного, ешь, что есть. А съел в пост мясо — мимо Причастия. Точка. Правила для всех одинаковы.

Безусловно, я понимаю элементы утилитарного механизма Пасхальной Радости (все это придумали умные люди) — тебя 40 дней ограничивают, а потом — раз! И все можно. Ты в раю. И вокруг все радостные, лица сияют. И вот сейчас я это пишу, и думаю, как богохульно звучит, наверное...

Справедливости ради замечу — я ВЕРЮ. В Воскресение. В Жизнь Вечную. В Христа верю, в Бога верю, в Святого Духа. Были ситуации в жизни, когда я настолько близко и тонко ощущал БОГА ЖИВОГО, что сомнений быть не может никаких (и сейчас же в голове промелькнула мысль: «это прелесть, это от лукавого, настоящий Бог только в Церкви»). Но один из случаев был и в церкви, когда я крестил племянницу. Это чувство не спутать ни с чем. Но я настолько застрял и запутался, что понимаю — приди я с этим письмом к священнику, он ответит: «Ты смущаешь себя и других. Исповедуйся, причастись — и все будет в порядке». Неужели за века в Церкви не сформировались какие-то еще инструменты? Какая бы ситуация ни сложилась — «исповедуйся, причастись». Не работает? «Еще чаще исповедуйся и причащайся». Не работает? Причина в тебе. И чувство вины взлетает до небес. Точнее, падает под землю.

А потом началась пандемия. Храм закрыли. Я не был на исповеди и Причастии почти год. Честно сказать, и рвения особого не испытывал никогда. Не было такого, чтобы я с нетерпением ждал воскресенья, чтобы подойти к Причастию, ведь «Бог всегда со мной»... Или эта мысль от лукавого, опять же? За этот год я начал прислушиваться к себе. И понимаю, что запутался окончательно именно в церковной жизни.

Прекрасно понимаю, что «классическое» Богообщение сейчас, в наших реалиях возможно только в Церкви. Но некоторые службы выглядят далеко не как торжество. На Рождество обратил внимание на усталые лица, плачущих детей. Не выглядело это так, как будто мы все на Дне Рождения Христа.

А как же жить с Богом без Церкви? Можно провести аналогию: не занимаясь ежедневно на пианино, пианистом тебе не стать. Но ведь Бог — не деревянный ящик с клавишами и струнами. Это... это БОГ.

А я — теплохладный. Вчера узнал это определение из статьи о посте на православном портале. «...теплохладность — это попытка совместить Бога и сатану, Христа и Велиара. Попытка соединить небо и ад ради собственного комфорта-болотца, ради того, чтобы и далее жить в тине-жиге своих страстей, но только с успокоенной, словно бы приспанной совестью».

Наверное, так. Авторитетная статья, не поспоришь.

Но мой опыт — это мой опыт. И с этим надо будет как-то жить дальше. И надеяться на милосердие Божие. Что даже таких заблудших, как я, Он спасет. Только Ему известным способом.

ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОБСУЖДЕНИЯ ПАДРЕ КОНСТАТИРОВАЛ: МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК, ВЫ КАТОЛИК!

Анонимный автор

В детстве был крещен, «русские люди — православные». Интерес к религии не поощрялся, лет в 6 мне родители говорили, что «это суеверие придумали старые люди, которым страшно умирать. Тебе еще жить и жить, не время про это думать». Помню, что когда мне рассказали про Пасху, о том, что люди верят, что родился, жил, страдал и был невинно распят человек и в то же время Бог Иисус Христос, я испытал смесь злости на людей и жалости.

Мир всегда казался местом опасным и трудным для жизни, в котором надо постоянно быть настороже: никому не говори, что у тебя есть, люди будут завидовать, никогда не проси ничего у других, они тебе не должны помогать, каждый за себя и тебя кинет, если это будет выгодно. Вообще не верь никому, кроме семьи. На улице бандиты, маньяки и террористы, дома взрываются, подлодки тонут, самолеты падают. Это я сейчас понимаю, что родителям и прочим родственникам было очень непривычно в хаосе тех лет, но тогда был только один вопрос: каким же надо быть, чтобы во всем этом жить и добиваться успеха? На все это накладывалось жесткое воспитание — отец мечтал вырастить из меня офицера. «Тот, кто говорит про мир между людьми, хочет тебя заболтать, чтобы ты поверил, а потом пристрелит тебя. Вся история людей — война за существование».

Примерно в возрасте 9 лет вместе с бабушкой и дедушкой посетил литургию, огорчился, что ничего там не понял. Это было неприятное чувство, словно даже сами взрослые не все понимали, где находятся. После того попросил купить мне Библию, дед подарил Новый Завет. История о жизни, смерти и воскресении Иисуса Христа без опоры на всю прочую Библию повисает в воздухе: непонятные отсылки, некое Писание, в котором сказано так, а Он говорил иначе, Храм в Иерусалиме, которого сейчас уже нет. Пожалуй, в тот момент это было трудно понять мне одному.

Семья стала использовать мой интерес в качестве рычага для воспитания: читаешь Библию, а где толк? Ты такой же непослушный и вредный, положи, не позорься. Не будешь делать, как сказано — отец выпорот сейчас, а потом еще Бог накажет. Если у меня что-то не выходило, то мне предлагалось подумать, «разве ты никогда не делал того, что нас злило или огорчало? Почему Бог должен тебе ответить? Даже у святых было много трудностей в жизни, а на тебя Он и не посмотрит». Я пришел к выводу, что не выдержу еще одного контролера над собой, мне хватало родителей и учителей. Делал еще несколько попыток «жить по Евангелию», не спорить, не драться, терпеливо переносить трудности, но приходил к выводу, что мне это не потянуть.

В старших классах школы без памяти влюбился в одноклассницу, которая была мусульманкой. На общем фоне она выделялась скромностью и умом. В классе ее стали травить — очень правильная, отличница, на хорошем счету. Я встал на ее защиту, постепенно сблизился с ее семьей. Впервые я увидел людей, которым вера помогала жить. Ее отец сказал, что я смогу взять ее в жены, только став мусульманином. Так я увидел, что «просто хороший человек» — этого для некоторых недостаточно. Я не предлагал ей сменить ислам на христианство, а просто на отсутствие веры. Когда я это понял — стал себе противен. Была мысль принять ислам, но у меня не было убежденности в его истине, принимать иную веру из-за женщины казалось недостаточной причиной, да и имамы вовсе не восторге от неофитов, рвение и отсутствие знаний часто приводит их в плохие компании. Семья и вовсе встала на дыбы — да забудь ты ее и найди себе девушку «нормальную», «без заморочек».

У меня возникли серьезные сомнения: мое упорство — к добру или нет? Могу ли я жить, любить, молиться, если мои отношения с друзьями и семьей превратятся в руины, люди станут за меня бояться? Убедившись, что условия остаются прежними, я поблагодарил подругу и ее отца за все и мы расстались.

С тех пор уже нельзя было сделать вид, что ничего не было. Я видел, что для некоторых людей вера очень важна. Но какая вера должна быть у меня? Говорят, что я крещен в детстве, но почему я не могу понять ни смысла Евангелия (как исполнять написанное), ни происходящего в храме, на литургии? Тогда я пошел в храм, принес общую исповедь за все, что

помнил, и сказал, что «я хочу верить, принимать участие, но не знаю, как правильно». Мне сказали: «русскому человеку церковнославянский язык интуитивно понятен, учишься и практикуешься, твои далекие предки были неграмотные и не жаловались».

Год был 2011. В ту пору мне говорили: вот теперь ты работаешь, у тебя не будет времени «на всякие глупости». Было время, когда на вопрос «что вы делаете в свободное время», я отвечал: «в свободное время я сплю». Самооценка болталась в районе плинтуса — девушку потерял, отца подвел (не прошел комиссию в армию из-за последствий родовых и спортивных травм), кризис веры никуда не ушел, вузовские оценки больше ничего не стоили в столкновении с практикой, зарплата молодого специалиста не позволяла снимать жилье, времени на жизнь не хватало. Представил себе, что именно это и есть «настоящая жизнь» — дом, работа, семья, и нет никакого выхода, никто не даст нам ничего лучше — и серьезно задумался о самоубийстве. Показалось, что выйти на трассу навстречу тяжелой фуры — значит решить все личные проблемы. Вот тогда я точно умру и узнаю, зачем я тут набивал шишки.

А почему из-за меня должен пострадать водитель, который мне незнаком и ничего плохого не сделал? Что я за «личность», что и жить тяжело, и умереть нельзя, это причинит страдания другим? Было полное ощущение, что я «сошел не на той станции», на моем месте должен был жить другой человек, который будет правильным сыном, работником и мужем, но это точно не я.

И тогда я помолился так: «Боже, ты знаешь, что я не нужен даже самому себе. Говорят, Сын твой отдал жизнь для спасения всех, а не только правильных и успешных, возьми меня себе, если не побрезгуешь».

Раз я ничего не знаю, то пошел в православную воскресную школу, учиться. Учили церковнославянский, молитвы, порядок литургии, читали Отцов церкви.

Семья меня убеждала, что я в секте, «зачем нормальному человеку это все знать? Мы заходим в храм раз в год, на Пасху, этого довольно. Бог — он в душе». Но я точно знал, что Его там и не ночевало, а к чему приводит самостоятельное изучение Писания без Предания я видел на примере протестантов, к которым ученики школы иногда ходили спорить. Меня

впечатлил протестантский активизм, но не оставляло ощущение, что из Церкви вынесли все, что было выше понимания простого человека: иерархию, святых, Таинства (вместо таинств там были обряды с символическим значением), Предание. Тогда это казалось важным — похвалить за то, что восхищало, но и покритиковать в тех местах, где их практика расходится с учением Церкви. Некоторые из них даже приходили к нам в школу учиться.

В ту пору все неудобства от нахождения в храме и при школе я старался преодолевать. Как я могу быть недоволен, я всю жизнь прожил как некрещеный, чуть веру не сменил?! Никто никогда не требовал у нас денег ни на храм, ни на школу, просили, но если и не давали, никто не стыдил. Политики мы тоже не касались совсем.

Тяжелее всего переживалось то, что задать вопрос было собственно некому — батюшка в храме всегда занят, а тот, кто был учителем в школе, воспринимал мои вопросы так: либо «мы это уже проходили», либо «подожди, еще дойдем». Я спрашивал: мы церковнославянский учили, что-то понимаем. А остальным что делать? Что толку стоять на литургии, где ты не понимаешь 90%? Мне было сказано, что такие мысли приведут к церковному расколу, как это уже было в XVII веке.

В глаза бросалась неприязнь к тем, кто верит иначе. К атеистам — снисходительно, они еще не знают Истину, к иным религиям — различно. Когда я сказал, что мусульмане тоже верят в Судный день и воскресение мертвых, мне было сказано, что, во-первых, нельзя читать книги чужих религий без разрешения батюшки (справедливо отчасти), а во-вторых — зачем нам это знать? Спрашивать, можно ли спастись в другой религии, тоже не стоило. «Ты православный, держись этого и спасешься, участь остальных решит Господь».

Занятие начиналось с молитвы, потом был разбор отрывка Писания или чего-нибудь из Отцов Церкви, а заканчивалось «двадцатиминуткой ненависти». К концу занятия батюшка брал какую-нибудь тему и поворачивал так, что есть люди, которые верят иначе, и их нельзя слушать. Вот мормоны, они секта, управляются из США.

Вот протестанты, про них вам расскажут Александр и Олег, вчера они ходили спорить к баптистам. Представляете, баптисты верят, что крещение нужно проводить со взрослыми людьми.

Открываем Евангелие и читаем отрывок, который опровергает их заблуждения. Уф. Слава Богу, что мы православные.

Однажды я ляпнул: отец Илья, я полностью согласен, что протестанты сильно упростили все, до чего дотянулись, это я видел. Но не слишком ли вы резки, говоря, что у католиков нет благодати? Если католический священник захочет стать православным, его ведь принимают в сущем сане, он останется священником? Мне было сказано: я бы этих еретиков перекрещивал, они еще хуже, чем протестанты: читают Писание и Предание, но понимают извращенно. Мне велели приготовить доклад «по католическим заблуждениям» и дали список литературы. Хотел писать разгромную статью, а получилась защитная.

Я разобрал пресловутый Filioque, который раньше был частным мнением у отдельных Отцов, а потом стал поводом, но не причиной Великой Схизмы 1054 года. Обосновал необходимость и важность видимого главы Вселенской Церкви. Православные церкви автокефальны и независимы друг от друга, пусть так. Но почему некоторые из них в натянутых отношениях друг с другом? Чтобы далеко не ходить, в 2011-м на территории Украины весьма важен был вопрос: какой ты православный? Это Христос разделился, или люди поссорились?

А слова о Петре как «камне, на котором основана Церковь», куда девать и как понимать будем?

Когда отец Илья почитал ссылки в докладе, а вели они на ту самую рекомендованную литературу, он сказал: «тебе нужно или покаяние приносить, или впредь не считать себя православным, с такими папистскими устремлениями». Я еще раз перечитал выводы, не нашел противоречий, открыл карту города и нашел католическую общину. Прийти туда я собирался в течение трех дней.

По результатам обсуждения падре констатировал: молодой человек, вы католик! В течение года я проходил катехизацию и присоединился в 2013 году. Это сильно помогло привести в порядок свои представления. В те годы

и в православной церкви катехизация для желающих принять Крещение тоже была, но не в годичном объеме.

Было даже несколько обидно, что священники моей страны говорили о невозможности перевода богослужения на русский язык под угрозой раскола, а иностранцы сделали это без затруднений. Также очень ценным было понимание того, что обряды в Церкви могут быть разные, а вера одна. Наличие иностранцев среди священников и прихожан — это живая иллюстрация к определению «Вселенская Церковь». Помимо всего прочего это позволило подтянуть два иностранных языка. Находиться внутри Церкви, понимая, что вокруг делается и зачем — бесценно.

Отец так до самой смерти не принял моего решения: католики, инквизиция, крестовые походы, и не стыдно? Вам там мозги промывают против России, я точно знаю. Прямо иллюстрация к Тертуллиану: верую, ибо абсурдно. Мама опасается приходить: если уж ты, такой образованный человек, ходишь туда каждую неделю уже 8 лет, то что ж они такое говорят, что мозги так отшибает? Но теперь это не сильно меня волнует, ведь чтобы угодить родителям, мне нужно было бы просто не думать про все это.

И вот теперь, оглядываясь назад, я говорю: слава Тебе, Господи, что через мои метания и сомнения привел меня туда, где я сейчас! Продолжаю молиться о единстве христиан, чтобы исполнилось слово Иисуса: да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня (Ин. 17-21).

ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННУЮ РПЦ

Анонимный автор

Мне 36 лет, не замужем. Воцерковилась я в возрасте 18 лет. Как-то раз я услышала по радио Радонеж проповедь митрополита Антония (Блума), пошла в храм и хожу до сих пор. Митрополит Антоний меня «уловил» для Христа.

После воцерковления пошла учиться в одно церковное учебное заведение на гуманитарную специальность. Впоследствии в этом же заведении я стала работать и работаю до сих пор. Мне всегда было интересно учиться, а узнать больше о Церкви было вдвойне интереснее. Поучилась я и в Московской

духовной академии на богословских курсах. Таким образом, у меня достаточный и гуманитарный, и богословский «багаж» знаний. Мечтаю написать когда-нибудь и где-нибудь кандидатскую по богословию.

Когда я училась, я искала работу в Церкви. Удалось мне поработать преподавателем на богословских курсах для взрослых при воскресной школе в одном храме. Преподавала я там историю РПЦ, иконоведение и церковнославянский язык. Проработала на курсах много лет, но с началом пандемии в 2019 г. богословские курсы закрылись. Затем работала в одной православной гимназии, преподавала там церковнославянский. Гимназия была бедной, но платной. Туда родители переводили своих отстающих детей из общеобразовательных школ, чтобы гимназия их как-то дотянула до аттестата. Поразило, что отдел по образованию и катехизации ни копейки не дает таким православным гимназиям, зато требует от них исполнения своих образовательных стандартов.

Хочется сказать, что в наших православных гимназиях очень плохо с христианской педагогикой. Подростки в таких гимназиях трудноуправляемы, а педагогического подхода к ним нет.

Когда я училась на Богословских курсах при МДА, у нас там преподавали два священника, которые впоследствии из-за своей критики имели проблемы с иерархией. С одного отца сняли сан, а другой сам свой сан оставил и стал коучем. Мне кажется, что священники РПЦ могут быть гиперкритичны по отношению к церковной реальности РПЦ и ее иерархии, но мало кто из них может предложить положительную альтернативу, конструктивный диалог.

Достоинства, которые я увидела после воцерковления в РПЦ:

Безусловное достоинство РПЦ как любой православной Поместной Церкви это — возможность личного соприкосновения с благодатью через участие в таинствах Церкви. Благодать лечит человеческую душу.

Также я увидела уже конкретно в РПЦ достойных (как правило пожилых) священников, которые действительно являлись и являются отцами для своих прихожан. В наше время безотцовщины такие священники очень нужны.

В РПЦ я встретила замечательных «живых» прихожан, как пожилых, так и молодых, равнодушных к другим людям, дружественных.

Недостатки:

Конкретных недостатков в РПЦ, к сожалению, больше, чем конкретных достоинств.

1. На приходах реально нет интереса к молодым людям (пол не важен) со стороны приходских священников. Я пришла в Церковь в возрасте 18 лет, но ни на одном приходе меня никуда не позвали, не предложили какого-либо служения на приходе или вне прихода. Свое служение в Церкви я искала сама, тыкалась куда только могла (пела в хоре, преподавала в воскресной школе). Думаю, что несмотря на патриаршие речи о привлечении молодежи в Церковь, в реальности к молодежи (как и другим неофитам) отношение большинства священников равнодушное, так как у этих священников (особенно семейных) куча своих проблем и занятий. Работа с молодежью может вестись в некоторых монастырях, но, как правило, привлекают к служению (социальному, миссионерскому) молодых людей не тех, кто ходят на богослужения, а тех, кто ходят в «молодежку», т.е. молодежную воскресную школу. Подойти и заговорить с молодым человеком или девушкой после службы в храме у нас в РПЦ как-то не принято.

2. Большим недостатком РПЦ я считаю неумение привлечь зрелых мужчин в Церковь. Дело в том, что Христос обращался со Своей проповедью не к молодежи, а в первую очередь к зрелым (семейным) мужчинам (недаром Христос выделял среди Своих ближайших учеников не молодого Иоанна Богослова, а зрелого (семейного) апостола Петра (см., напр., Мф. 16:18)). Т.е. Евангелие направлено в первую очередь на мужскую зрелую аудиторию.

В нашем же больном (после СССР) обществе мужчины в Церкви — это большая проблема. Мужчин отучили ходить в храм. Я считаю, что Церковь просто обязана идти к мужчинам и предлагать им «мужское» дело (служение) на приходе. Просто стоять безучастно (на богослужении) и слушать других (проповедников) нормальным мужчинам, как правило, не интересно. Им нужна деятельность и дело.

На сегодняшний день единственное реальное служение, которое может предложить Церковь мужчинам — священство (помимо пения в хоре и прислуживания в алтаре; про рабское иподиаконство умолчу, ибо, на мой взгляд, стыдно такое предлагать зрелым мужчинам). Но не каждый призван к пастырству. На мой взгляд, именно из-за этого недостатка РПЦ теряет наших мужчин, которых умело подлавливают протестанты и предлагают им

помимо участия на своих богослужениях также возможность проповедовать на них (что мужчинам очень нравится).

3. Еще одним серьезным недостатком РПЦ является невротизация Церкви (или в Церкви). Я сама была невротиком, и в Церкви успела встретить немало таких же невротиков. К сожалению, некоторые из них были в священном сане. О проблеме невротизации Церкви (а также манипуляции в Церкви) давно говорит православный психолог Наталия Скуратовская. Я считаю, что в наших семинариях должны проводиться регулярные беседы (хотя бы 2 раза в год) православных психологов с семинаристами (кандидатами в священники) для выявления у последних невротизации, психопатии, а также склонности к гомосексуализму. В католических семинариях такие беседы поставлены «на поток». У нас же предмет «психология» («пастырская психиатрия») в семинариях ввели, в вот работа психолога с самими семинаристами — под вопросом.

4. Отдельным пунктом я хотела бы выделить недостаток, связанный с нашими «духовными» центрами — монастырями. Я много ездила по монастырям (и мужским, и женским). От былой славы русского монашества (старчества) сейчас в РПЦ ничего не осталось. Несмотря на перманентное «возрождение» (и духовное, и материальное) русских обителей, они испытывают большие трудности внешнего и внутреннего характера.

Внешние трудности в первую очередь связаны с бесправием самих монашествующих (монашеской общины) перед правящим архиереем. Ощутимо это особенно для доходных мужских обителей, в которых правящий архиерей может менять наместников как перчатки, не особо прислушиваясь к братии и прихожанам. Прислушиваться у нас начинают только тогда, когда дело доходит до Патриарха, и если в этом принимают участие влиятельные люди, общественные деятели (как в недавнем случае с Оптиной Пустынью, в которой по многочисленным просьбам Патриарх сменил наместника).

На сегодняшний день единственным органом апелляции для монашествующих является Синодальный отдел по монастырям (СОММ), но он не имеет никакой административной власти над правящими архиереями и поэтому может только посочувствовать монашествующим.

В РПЦ нужна правовая (на основе канонов) защита монашествующих от произвола иерархии.

И в отношении женских монастырей некоторые современные архиереи не особо церемонятся и могут себе позволить взять из монастыря к себе на работу в епархию насельниц, не уведомляя об этом саму настоятельницу, которая отвечает перед Богом за них.

Внутренние трудности монастырей связаны, как мне кажется, с подчас неблагоприятной духовной атмосферой внутри обителей. Например, я знаю один (до революции 1917 г. довольно известный) монастырь, который развалился (не успев толком отстроиться) из-за банальной зависти насельников.

Многие современные женские обители могли бы улучшить свою внутри-монастырскую среду (и тем самым привлечь новых молодых насельниц) за счет сотрудничества с православными психологами. Очень часто так бывает, что проблемы в женских монастырях носят не духовный, а именно психологический характер.

5. Еще один недостаток нашей РПЦ — отсутствие регулярных официальных площадок для открытого обсуждения внутрицерковных проблем. Я не понимаю, почему РПЦ активно обсуждает общественные проблемы (ковид и прочее), а свои «родные» внутрицерковные загоняет «под ковер».

Я не понимаю «непрозрачности» нашей Церкви: в финансовых вопросах, в вопросах статистики священников (лишенных сана, снявших сан добровольно, запрещенных и заштатных), — все равно Бог все видит.

Я мечтаю о Православном Валдае, где могли бы раз в году собраться представители всех епархий РПЦ и просто обсудить внутрицерковные проблемы и поделиться духовным опытом. Это может быть также осуществимо и на епархиальном уровне в виде епархиальных форумов. Я бы с удовольствием поучаствовала на таких площадках. В личных соцсетях можно много и долго обсуждать проблемы, но подвижек от этого не будет. А вот когда церковные люди — от мирян до епископов — увидят друг друга лицом к лицу, тогда, возможно, что-то сдвинется.

Я надеюсь, что сдвинется, например, вопрос второбрачия священства, который сейчас, в связи с разводами и жалобами матушек на батюшек, назрел.

6. Недостаток, с которым столкнулась лично, но косвенно — это слабость официальных СМИ РПЦ (в первую очередь, телеканала СПАС). В наш информационный век, когда доступна любая информация из любых источников, смотреть и слушать одних и тех же немногочисленных лиц на СПАСе — это деградация СМИ. По моему мнению, у журналистики всегда должен быть свежий взгляд, т.е. свежий источник информации, а не одно и то же «болото». Я как-то хотела принять участие в новом проекте телеканала СПАС «Расскажи мне о Боге» и предложила ему свои вопросы (внутрицерковные). Сначала они со мной связались, но потом отказались от меня из-за «проблемности» моих вопросов. Мне стало ясно, что СПАС не готов серьезно и глубоко что-то в РПЦ обсуждать.

7. Недостаток, который в будущем может обернуться для РПЦ катастрофой, — нарушение канонов как внутри РПЦ (рукоположение в сан семинаристов-недевственников до первого брака; не-лишение сана священников, сожительствующих вне брака (после неофициального развода с женами) с женщинами; рукоположение в сан гомосексуалистов), так и во внешнецерковной деятельности (образование Африканского Экзархата).

В РПЦ ввиду канонической безграмотности подобранные каноны толкуются в нужную «обвинительную» сторону в условиях, когда сам канонический корпус не пересмотрен и заново не проанализирован применительно к современной жизни. Церковные каноны сформировались в Византийской империи при участии императоров и, конечно, они в первую очередь защищают права элиты (иерархии) от «низов» (священников и мирян). Но в наше время гражданских обществ можно было бы «осовременить» каноны и дать право «низам» защищаться перед церковными элитами (не все священники такие эрудиты и ораторы, как о. Андрей Кураев, который пытался с достоинством выйти из своего церковного суда).

В связи с вышесказанным у меня возникают вопросы: если греко-говорящие Поместные Православные Церкви осудят РПЦ МП, то в таком случае насколько каноничным является церковный суд РПЦ? Смогут ли клирики (после соборного осуждения РПЦ МП) обжаловать церковный суд РПЦ у Вселенского Патриарха?

Каноническое право — это самый болезненный вопрос для современной РПЦ, т.к. каноны писались и толковались греками, а РПЦ МП своим

«самобытным» толкованием канонов пытается оправдать свои судебные решения.

8. Еще одним существенным недостатком РПЦ является безответственное социально-этическое поведение священников и архиереев.

Наших священников и архиереев стоит поучить хорошим манерам (умению доброжелательно общаться, быть приветливым и уважительным к людям). К сожалению, этому не учат в семинариях, и даже наоборот — часто современная семинария, продолжая традицию дореволюционных семинарий, прививает молодым людям плохие манеры: цинизм (священство как работа, а не служение, как зарабатывание денег: «кадило крутится, бабосик мутится»); циничный, саркастичный, едкий поповский юмор (думаю, что попы не от веселой жизни горько шутят)) и алкогольную зависимость (в семинариях любят все отмечать застольями с хорами и выпивкой; напомним, что до революции в России духовенство было пьющим сословием: священники, не стесняясь и не смущаясь, пили, начиная с семинарии, о чем писал в своих воспоминаниях проф. Казанской духовной академии Петр Знаменский, сам бывший из духовного сословия и видевший пример пьянства своих родственников-клириков). Из таких семинарий потом и выходят архиереи, которые могут позволить себе или служить пьяными на Пасху, или бить прислужников и священников в алтаре, или называть прихожан-мирян «стадом свиней, бросившимся с крутизны в море», если миряне не согласны с архиереем.

9. Последним, на мой взгляд, существенным недостатком РПЦ является невнимание в Церкви к человеку (личности) и к женщине в частности, несмотря на то, что у нашей РПЦ, по словам о. Андрея Кураева, «женское лицо». Вот именно этого «лица» Церковь не замечает.

В РПЦ нет бесплатного женского богословского образования. Мужчина в РПЦ может бесплатно получить более-менее добротное богословское образование в любой семинарии. А вот для женщины такая возможность закрыта. Получить качественное богословское образование (бакалавриат и магистратура) она может только платно и только в четырех православных вузах (ПСТГУ, РПУ, Филаретовский институт и РХГА), находящихся в Москве и Питере. Получается, что для немногочисленных в Церкви мужчин (думаю, их не больше 30% во всей РПЦ вместе со всеми клириками, монахами и иерархами) РПЦ предоставляет 41 семинарию, 3 духовные академии

(Сретенская, Московская, Питерская) и 4 вуза, итого: 49. Возникает вопрос: не многовато ли для малочисленных мужчин и не маловато ли для многочисленных женщин учебных заведений в РПЦ?

Часто женщин приглашают безвозмездно, во славу Божию потрудиться на приходах или в мужских монастырях, но дать ей при этом безвозмездно богословское образование мужчины в Церкви не хотят. Церковь могла бы пустить женщин в пустеющие с каждым годом семинарии, а сами женщины не отказались бы от возможности поучиться.

И второй аспект не-замечания женщин в РПЦ — это то, что наши проповедники не говорят о женщине, точнее, о христианской женственности. Эта тема сейчас очень актуальна, как и тема отцовства, но почему-то ее поднимают только православные психологи (о. Петр Коломейцев, Наталья Инина), а не пастыри-проповедники, которые перед собой во время проповеди видят больше женщин, чем мужчин, и при этом конкретно к ним не обращаются.

Несмотря на все перечисленные недостатки, я остаюсь в РПЦ МП и не думаю переходить в другую юрисдикцию, даже если РПЦ окончательно самоизолируется, прервет евхаристическое общение со всеми греко-говорящими Поместными Церквями. Я жду другого Патриарха и надеюсь на лучшее будущее. Мне все еще хочется послужить в РПЦ (например, катехизатором).

Думаю, что будущее у РПЦ будет «женское» — мужчин и молодых людей будет все меньше, а пожилые женщины никуда не денутся. Каким конкретно будет будущее, затрудняюсь сказать, но нехватка священников, в связи с ковидом и полупустыми семинариями, РПЦ ждет однозначно.

Иногда мне кажется, что пройдет еще немного времени и власть имущие откажутся от услуг РПЦ, и тогда в наши храмы нагрянут мусульмане, выгонят женщин и бабок и превратят наши храмы в мечети (как это уже случилось с Великой Софией в Константинополе). Но надеюсь, что такого кошмара у нас все же не случится. Несмотря на очевидное внутреннее истощание (в первую очередь творческое, интеллектуальное), я надеюсь на второе дыхание РПЦ, когда она вернется к нулевой точке, откуда уже начинала, чтобы начать новый виток своего развития.

Я УХОЖУ: ИСПОВЕДЬ УХОЖАНИНА

ПОЧЕМУ Я БОЛЬШЕ НЕ ПРАВОСЛАВНЫЙ

Константин К.

Православную церковь московского патриархата я оставил около двух лет назад. Этому шагу предшествовало несколько лет напряженных поисков точки опоры. Пишу эту заметку не с целью осудить и обличить РПЦ, а чтобы рассказать о собственном опыте с надеждой, что кому-нибудь он пригодится.

В церковь я пришел сознательно в 1999 году, крестился раньше, в 1994, по настоянию первой жены, которой кто-то внушил, что выходить замуж за некрещеного плохая примета. Как бы там ни было, два года мы прожили вместе. Ни во время, ни после крещения никаких эмоций я не испытывал, для меня это была пустая формальность, я вообще не понимал, что происходит. Воспитанный в СССР на атеистическом материале, я считал, что церковь — это нечто вроде ЗАГСа и места, где можно свечку поставить, правда, не очень понятно кому и зачем. А еще туда ходят старушки, которым больше нечем заняться.

Так бы все и продолжалось, не заинтересуйся православием моя вторая жена. Как говорил старик Адам, от этих женщин одни проблемы. Вы знаете, как люди становятся неофитами? Я не понимаю механики этого явления. Неофитство характерно для любой религии. Лично встречал мусульман неофитов — это жуть, христиане неофиты, кстати, мало им уступают по силе убежденности и умению доводить ближних до белого каления. Интересно, что причисляющие себя к протестантам русские неофиты гораздо ревностней православных. Например, адвентисты могут часами рассказывать о благодати, которая накрыла их в молельном доме.

Не так давно мой знакомый жаловался, что его жена ударилась в православие, целыми днями пропадает то в храме, то в воскресной школе, ездит в паломнические поездки, смотрит батюшке в рот и ни шагу не делает без благословения, деньги в церковь отдает. Все это проходил и я много лет тому назад. Тогда мне стало любопытно, что же за религия такая, что жена ставит церковные интересы выше семейных, а мнение мужа рассматривается после мнения постороннего человека с крестом на животе.

Я ходил с ней пару раз на службу, но ничего сверхъестественного не увидел, как говорится, не торкнуло.

С чудачествами жены я почти смирился, надо сказать, что несло ее не так чтобы очень и берега она видела. Брак наш тем не менее стал разваливаться, общие интересы пропали, но у нас был ребенок и хотелось сохранить семью. В таком режиме прошло еще какое-то время, помню я стал чаще прикладываться к бутылке в стремлении как-то отдалиться от проблем семейной жизни.

Летом 99-го года, когда мы были на даче, жена попросила отвезти ее в церковь ближайшего поселка и уговорила постоять с ней на службе. Именно там меня и накрыло, я не могу сказать, на что это было похоже, какая-то волна опустилась на меня, и я вдруг отчетливо осознал, что Бог существует. Ничего такого я не ожидал и никаких усилий не прикладывал, все случилось само собой.

С той поры понесло меня, да как понесло! Я потерял работу, друзей, бросил курить, гулять по ночам и в целом значительно изменил образ жизни. С утра до вечера я пребывал в состоянии легкой эйфории, иногда у меня как будто открывалось внутреннее зрение, не знаю, как это описать, менялось ощущение реальности и даже зрительные образы, например, я смотрел на человека и видел внутри него скелет, а если он курил, то и дым, проходящий в легкие.

Как любой неопит, получивший «откровение» в определенной конфессии, я считал все, что предлагает РПЦ МП, истиной в последней инстанции, а поскольку миряне редко испытывают тягу к богословию, начал удовлетворять свою жажду знаний о православии беседами с прихожанами и книгами из церковной лавки. Надо ли говорить, что в скором времени я точно знал, что происходит с душой после смерти, как ее пытаются бесы на мытарствах, а также с успехом делил все живое на земле на крещенных в православии, не крещенных (включая крещенных в иных конфессиях) и животных. Проповедовал я ежедневно любому, кто попадался под руку, в моей проповеди причудливо смешивались эсхатология, ангелология, православная монархия, пищевые и дисциплинарные установления РПЦ, причем последние я считал необходимым условием для наследования вечной жизни. До сих пор мне стыдно перед покойной матерью, которой я постоянно вливал в уши свои откровения.

В таком напряжении я провел минимум два года, потом меня стало постепенно отпускать. Здесь надо не забыть сказать, что у меня появился духовник, привела к нему жена. На тот момент не так давно рукоположенный, этот священник отличался горением духа с примесью эсхатологических настроений. Помню, когда в начале 2000-х меняли паспорта, срок смены определялся в 5 лет, так батюшка любил говаривать на собраниях своего кружка — пять лет отводит нам враг, есть у нас еще целых пять лет для покаяния. Старушки из его кружка бегали довольно-таки оживленные, скучать не приходилось.

Так протекала моя православная жизнь: в постоянном страхе умереть без исповеди, поиске баланса между грехом и покаянием, утренним и вечерним правилом, евхаристией, изучении книг святых отцов и Священного Писания в толкованиях Феофилакта Болгарского. Выпивать я стал исключительно по воскресеньям после службы и перешел на красное вино вместо водки. Начал добровольно помогать в алтаре и там впервые ощутил резкое противоречие между евангельскими призывами и православной повседневностью. Христос говорил, что все верующие — братья между собой, а кто хочет быть главным, пусть будет слугой. Но вот народ православный разделен на клир и мир, какое между ними братство?

Мирянин не может дотронуться до престола, запрещено даже просто проходить перед ним, только сзади, ему нельзя коснуться стоящих там предметов. До сих пор вспоминаю, как я помогал одному сельскому священнику и перенес свечу с престола на жертвенник, он так орал, что я начал опасаться за его здоровье.

Священники первыми причащаются в алтаре из чаши, за закрытой дверью, а потом выносят чашу мирянам и причащают с ложки, все это никак не назовешь братством. Священник в православии — фигура сакральная, существо иного порядка. Однако, меня эти моменты не слишком волновали, просто немного смущали, не более того. Все-таки время агап прошло, церкви виднее, думал я.

В 2002 году я решил провести рождество в монастыре, выбрал расположенный в городской черте. Пришел к игумену, отдал паспорт и поселился в комнате для трудников. Послушание нес на продуктивном складе, нужно было освободить большое помещение для ремонта, перенеся его содержимое в другой склад. В качестве рабочей силы я использовал

местных бездомных, которые питались с монастырской кухни, нужно было следить, чтобы они не утащили ничего со склада, потому что внутри помещений я таскал все самостоятельно, а они стояли снаружи. Кроме того я выдавал пайки неимущим, одновременно читая им вслух Новый Завет; работы хватало.

В монастыре я снова столкнулся с несоответствием окружающей действительности евангельской проповеди, но к тому времени уже свыкся с мыслью, что по-другому, наверное, и не бывает. Познакомившись ближе с приходской жизнью, я понял, что ничем она не отличается от обычной: те же интриги, зависть, сплетни, наушничество, подставы, финансовые проделки. Поначалу было недоумение, как же так, ведь эти люди верующие? А потом я привык и перестал обращать внимание.

В 2003 году поступил на очные катехизаторские курсы, а в 2004-м — в Свято-Тихоновский университет на дистанционное обучение. В итоге к 2011 году я стал убежденным антиклерикалом и сторонником т.н. церковной соборности — был уверен в том, что община должна сама решать, что ей полезно, а что нет, и самостоятельно выдвигать лидеров из своей среды.

К тому времени я расстался со своим духовником после одного очень неприятного приступа младостарчества с его стороны, до сих пор не могу понять, что это было. Впоследствии он извинился, но я уже переступил черту, не выполнив идиотского пастырского наказа, что, естественно, отразилось на моей духовной жизни, но и подарило свободу от чужого мнения. Так что к прежнему духовнику я не вернулся, но и нового искать не стал, рассудив, что посредников между Богом и человеком не бывает. В тот момент я уже не верил в отпущение грехов посредством накидывания епитрахили.

Так получилось, что я стал помощником настоятеля по миссионерской работе и с удовольствием занимался этой деятельностью. Даже организовал кружок по изучению Св. Писания и различных религиозных течений. По роду своих занятий благотворительностью столкнулся с адвентистами седьмого дня, и мы стали общаться довольно тесно.

С большим удивлением я обнаружил, что в букве закона, мелочном исполнении дисциплинарных установок они дадут большую фору православным. Эти ребята по сути ближе к иудейским законникам, нежели к христианам.

Были у меня личные контакты со свидетелями Иеговы, харизматами, лютеранами.

До сих пор поддерживаю связь с верующими мусульманами. Одно время я был модератором на форуме Кураева, где полемизировал с представителями различных конфессий, и для того, чтобы опровергать их доводы, мне приходилось читать много специальной литературы. Въедливые сектанты на многое открыли мне глаза, и в итоге я перестал воспринимать Новый Завет как богодухновенную книгу, посредством Святого Духа сошедшую с пера апостолов. Особенно в синодальном переводе.

Начал читать научную литературу, переводные книги библейских критиков, все то, что обходят благородным молчанием в православных учебных заведениях. Передо мной открылся новый мир, проблема была лишь в том, что со старым миром в одной голове он не смог уместиться. Я читал о девтеропаулинистских посланиях, вставках в евангельские тексты, непримиримых несоответствиях в текстах Нового Завета, незнании их авторами географии местности и иудейских обычаев, у меня складывалось ощущение, что вот уже 2000 лет человечество водят за нос. Меня поражало молчание о Христе сторонних источников, учитывая масштабы движения, факт совершенно удивительный. Даже Иосиф Флавий, упоминавший о гораздо менее значимых событиях, описавший гибель брата Иисуса — Иакова, и тот нигде о нем не обмолвился, не считая поздней христианской вставки. Могло ли такое быть на самом деле или кто-то серьезно подредактировал Флавия, не желая огласки реальной истории Иисуса и обстоятельств, приведших его к гибели? Новый Завет утверждает, что последователи Христа пребывали в любви у всего народа, как могло такое быть, если Бог христиан — Троица, а у евреев Бог описывается совершенно иначе? И уж тем более, считая Богом Иисуса, разве можно быть в любви у иудеев? Значит Иисуса стали считать Богом позже. Почему учение Павла расходится с учением Христа? Вопросы множились, ответов не было. Объяснения православных экзегетов смущающих меня стихов Нового Завета более не казались удовлетворительными, кроме того я заметил, что все сомнительные места толкователи либо обходят стороной, либо разливают океан чернил и отплывают по нему другим курсом. В рамках данного изложения я не буду касаться конкретных евангельских нестыковок, речь не об этом.

Я начал изучать контекст, читать монографии о современном Христу иудаизме, чем он жил, на что надеялся. Узнал, что обличаемые в евангелиях фарисеи на самом деле не обязательно были лицемерами, но обязательно — духовными наставниками из народа, противопоставляемыми храмовому священству, что Иисус не говорил ничего такого, что бы не сказал до него Гиллель, основатель одной из фарисейских школ. Иисус, таким образом, представлял определенную опасность для саддукеев, но никак не для фарисеев, одним из которых по сути являлся. Проповедь Иисуса и до него Иоанна Крестителя была адресована конкретным людям в не менее конкретное время и содержала совершенно понятные этим людям обещания. Вот они — в ближайшее время, практически завтра, придет Мессия (помазанник), которые прогонит язычников римлян, станет царем Иудеи и будет править от имени Бога. Грешники возрыдают, праведники возрадуются.

В апокрифической иудейской литературе есть также упоминание о господнем ангеле, который называется там Сыном Человеческим. Куда уж конкретнее. Если бы Иоанн, Иисус, а за ними Павел сказали людям, что все это произойдет не сейчас, а незнамо когда, и Царство Небесное будет не на земле, а на небе, и только для тех, кто прошел мытарства, я не думаю, что их аудитория превысила бы количество проповедников. Один из ранних отцов Церкви (забыл его имя, к сожалению) утверждал, что не может быть христианином тот, кто верит в существование души отдельно от тела. С тех пор христианское учение несколько изменилось... Мы знаем, что случилось с Иисусом, а царство небесное так и не настало, хотя он называл совершенно конкретные сроки. «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой. Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий» (Мф.10,23). Данный стих ставит под сомнение не только саму евангельскую весть, но и тринитарный догмат, потому как не может второе лицо Святой Троицы заблуждаться относительно грядущих или минувших событий. Тем не менее Иисус в Новом Завете ошибается часто, в частности, цитирует фразы якобы из Писания, которых нет в Писании, ссылается на несуществующие постановления или, например, одобряет скопчество, хотя в Торе ясно сказано, что скопец не может находиться среди народа божьего. Более того, возникает ощущение, что в некоторых местах он не отождествляет себя с Сыном человеческим. «Ибо кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном,

того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе Отца Своего со святыми Ангелами» (Мк 8:38).

Основательно изучив вопрос, прочитав массу специальной литературы, вдумываясь в слова Нового Завета, я пришел к неутешительным для себя выводам. Без сомнения, Иисус был выдающимся человеком, фарисеем, учителем Израиля, увлекшим народ проповедью о наступлении царства Божьего, вероятно, ставшим на короткое время царем иудейским, учитывая торжественный вход в Иерусалим, разгром торговцев (а куда смотрела стража, если только не была нейтрализована зелотами) и ответ Пилату. Очевидно, что в глазах своих сторонников он и после смерти оставался Мессией, факт воскресения проверке не поддается, ученики Иоанна Крестителя тоже твердили, что тот воскрес, а вот Богом Иисус стал значительно позже, в эллинской версии христианства, после чего и были зачищены всякие сведения о его реальной жизни. Конечно, у меня есть версия, кем он был на самом деле, но без доказательств она ничего не стоит. Интересно, что в иудейской литературе сведений о нем также крайне мало, что может говорить как о самоцензуре талмудистов, так и о насильственной «коррекции» со стороны христианских правительств.

Как бы там ни было, я более не мог доверять церковному преданию. Было еще несколько обстоятельств, которые подвигли меня к выходу из церкви.

В частности, я никак не мог понять, почему спокойно сидят на кафедрах епископы, которые не слишком скрывают свою нетрадиционную ориентацию. Почему князья церкви сходят с ума от роскоши, а миссионеры должны организовывать акции за свой счет, почему богатые храмы не помогают бедным, почему церковь выплевывает старого работника за ненадобностью без пенсии, почему нет никаких социальных гарантий в церкви и фактически действует крепостное право? Каким боком здесь христианство?

Почему человек, которого миссионер привел в церковь, должен заплатить за крещение, даже имея в виду высокую цель содержания храма? Это с одной стороны, а с другой — косность прихожан, нежелание развиваться в умственном плане, вера в какие-то маловразумительные басни, снисходительное отношение к полному бреду, который временами несет духовенство с амвона. За те годы, что я провел в церкви, могу назвать от силы пятерых священников, говоривших что-то вразумительное. Иными

словами, проповедь Иисуса игнорируется, для получения билета в царство небесное уже не надо поступать праведно, надо лишь быть православным, иметь «правильную веру». Слышал даже и такое от прихожан — ну и что, что он пьяница, — он православный, а католику и трезвость не поможет.

Воистину, никто из древних еретиков до такого не додумался.

Евангелие, а я против него ничего не имею, учит человека не быть лицемером. Как же я мог остаться в православной церкви, если я ей больше не верю? На данном этапе я считаю себя агностиком, поскольку, пережив мистический опыт, атеистом стать не могу по определению. Но и примыкать к какой-либо организации нет желания.

Свобода — высшая ценность, дарованная Богом человеку.

И ТОГДА ВПЕРВЫЕ Я УСЛЫШАЛА В ГОЛОВЕ ГОЛОС СЕБЯ, ЗАБИТОЙ И ИЗМУЧЕННОЙ: «НАДОЕЛО»

Анонимный автор

Я долго сомневалась, стоит ли отправлять свою историю — знаю, что «Ахиллу» читают священники. Очень страшно, что по каким-то косвенным признакам могут узнать автора и заклеить позором. Решилась написать, только вспомнив, что во времена своей оголтелой веры я тащила в храм кучу своих знакомых, студентов, иностранцев; рассказывала о вере и пыталась «проповедовать» — и тогда никто не был против. Значит, не должны быть против и теперь.

Вера моя действительно была оголтелой. У ребенка из семьи советских интеллигентов (семья — кандидаты и доктора наук) не было шансов столкнуться с религией в детстве. В храм я пришла сама в 20 лет для решения одной мучившей меня проблемы. Пришла в Страстную пятницу, и не просто в храм, а в монастырь, выбрав его на карте города наугад. Помню, как меня поразило зрелище: электрического света нет, только свечи горят, и по всему храму люди в черных одеяниях стоят на коленях. Это было что-то сказочное и великое. В том храме случилась моя первая исповедь, и я открыла для себя огромный мир Православия.

Но самое главное — я открыла саму себя. Я узнала, что если по мирским понятиям я, учившаяся в аспирантуре преподавательница вуза, никогда

не имевшая интимных отношений и вредных привычек, в общем-то, почти монашка, то в Православии я «в беззакониях зачата есмь», и моя мать, вышедшая в свое время за отца, будучи невинной, «во гресе роди мя».

Жизнь моя после таких открытий изменилась в один миг. Я решила, что раз я люблю Бога (а это правда было так), то, чтобы отмыться от жутких грехов, я буду делать все «правильно». А правильно — это не «ходить лишь к обедне», а посвятить всю себя Богу.

«Какая часть жизни главная? Правильно, церковная», — сказали мне в монастыре. В общем, я реализовала известный сценарий «заставь дурака Богу молиться»... Я стала поститься всеми постами — сразу. Я резко оборвала общение со всеми мирскими друзьями, перестала слушать музыку (слушала только церковные песнопения), смотреть телевизор, краситься и наряжаться. Мне пришлось бросить танцы и бассейн (все это неприлично). Вся моя жизнь подчинилась церковному календарю — всенощные, литургии, праздники. Отпуска я проводила в монастырях, летом мыла полы в храме. Самое смешное, что я совершенно не собиралась становиться монахиней. Просто я привыкла делать все «на пять с плюсом».

В награду Церковь дала мне огромное интеллектуальное наслаждение — да, тут организации, просуществовавшей две тысячи лет, есть что предложить! Я бросилась в изучение церковнославянского языка, Библии с толкованиями и переводами, церковной истории, писаний святых отцов...

Меня восхищало, что Православие, о котором в народе принято думать как о вере для крестьян, на самом деле имеет такой культурный и интеллектуальный пласт. Каждое слово в Церкви имеет двойные, тройные смыслы и массу отсылок! Забив голову этими толкованиями, я не обращала внимания на игры разума, который иногда подкидывал крамольные мысли.

Бог Ветхого и Нового Завета — два разных образа? История Анании и Сапфиры — ужас? Поступки «праведного» Лота вызывают омерзение? Служить утреннюю службу вечером, а вечернюю утром — глупость? Как я могу считать себя грешнее, скажем, Гитлера? На все эти вопросы у меня были «правильные» ответы, подкрепленные цитатками из авторитетных источников. Критическое мышление я не включала, ведь это принцип и науки — нельзя рассуждать, пока у тебя не будет достаточной базы фактов и аргументов от людей поумнее тебя.

Все изменилось через несколько лет, когда наш вуз сократил преподавательский состав и мне пришлось перейти на работу в частную школу. Если раньше я освобождалась днем и могла себе позволить ходить на вечерние службы, готовить постные обеды и читать святых отцов, то теперь я работала как вол — от нагрузки напрямую зависел заработок. Тут-то я и узнала Православие, которое знакомо большинству мирян.

Когда тебе отчаянно хочется спать, но встаешь на утреннюю молитву. Когда суббота — самый загруженный по работе день, но на всенощную ты прийти обязан (и не забудь завтра встать на литургию). Когда не успеваешь готовить постное и питаешься одними макаронами (я прибавила двадцать килограмм). Когда так хочется взять большой отпуск, но ты отщипываешь две недели на первую и последнюю неделю Великого Поста (надо же на службы ходить ежедневно). Когда ты ничего, нигде, никак не успеваешь или пропускаешь по усталости, а потом ругаешь себя, ругаешь...

Чем дольше я существовала в таком режиме, тем сильнее крепло мое всеобъемлющее чувство вины. Оно стало моим спутником, подкреплялось молитвами, возвращалось на исповедях. Я чувствовала себя недостойной Бога, а каждое Причастие было подарком от Него. Параллельно с этим я еще и страшно боялась возгордиться — а ведь это дьявольский грех, нет хуже него. И в какой-то момент я просто достигла дна. Я почувствовала себя ТАКОЙ плохой и ТАКОЙ виноватой, что во мне поднялся огромный протест.

Я спросила себя: а что я могу сделать, чтобы не быть такой грешной и такой грязной? Вернее, что я могу сделать ЕЩЕ, ведь я отдала Богу немало физического и умственного труда. Ответ был очевиден — ничего, ведь «все люди грешные, от нихже первый есмь аз», это на всю жизнь. И тогда впервые я услышала в голове голос себя, забитой и измученной: «Надоело».

С тех пор мне стало гораздо труднее молиться. Я пыталась себя понуждать, но как будто с глаз слетела пелена бесконечных переводов и толкований, и я стала видеть сам текст: и он меня совсем не радовал. Какое отношение имеет вполне конкретная история греха царя Давида ко мне, которая усиленно не смотрит на мужчин? Почему я должна молиться Богородице и Ангелу-Хранителю, с которыми не чувствую никакой связи (я в Церкви ради Христа, и Его одного)? «Не обрящеша бо дел оправдающих мя» — а зачем я тогда рву жилы и пытаюсь быть хорошей? Ответов я не находила, и стала пропускать молитву.

Затем словно спала очередная пелена, и меня снес поток вопросов и противоречий, которые я понаходила в текстах и жизни Церкви за все это время. Так что там с жестокостью Ветхого Завета? Почему колдунья Февронья, шантажом вышедшая замуж, должна быть для меня авторитетом в вопросах брака? Почему до сих пор нельзя причащаться в критические дни, если я не живу в древнем Израиле? Почему я в городе пощусь по уставу монаха-пустынника? Почему Христос воскрес «на третий день», если по тексту совсем не на третий? — и прочая, прочая...

Я поняла, что, в отличие от науки, в Церкви найти истину у меня не получается. Потратив годы на науку, я нашла ответы или хотя бы верное направление поисков. В Церкви все намного сложнее.

Чем больше я читала и изучала, тем в большие дебри я забиралась, но ясности это не прибавляло. Нам либо предлагаются разные (иногда противоречивые) толкования одного и того же; либо общее мнение, названное «традицией» (и просто надо с ней смириться). В науке всегда можно апеллировать к автору идеи, даже почившему. В Церкви это невозможно, потому что автором выступает кто-нибудь «богоносный» или «духоносный», через него говорит сам Бог, просто смиришься.

Последним ударом стала попытка найти укрепившие бы меня в вере примеры. Оказалось, что в православии нет места святым мирянам, зато существует десяток обозначений разного рода страдальцев — мученики, новомученики, священномученики, страсотерпцы... Да и Христос в Евангелиях не смеется, зато плачет. Я словно со стороны увидела этот постоянный «постный» настрой нашей веры, темные юбки, ежедневная готовность к Апокалипсису (читай — смерти), почитание мощей... Снова мой разум сказал мне: «Я больше так не хочу!»

Пытаясь вернуть веру, я, конечно, пошла в храм. Священник сказал, что я слишком много умничаю, а надо жить проще. Вот как крестьяне, которые не читали столько, а все понимали. Живи по заповедям, и дело с концом.

Я до сих пор думаю, что осталась бы в Церкви, если бы не попыталась исполнить этот совет. Я начала с Ветхого Завета — всего-то десять заповедей. Как бы не так! В каждой моей книге «Подготовка к исповеди» на одну заповедь существует сто подпунктов.

Например, я думаю, что не нарушала заповедь «не кради». А как насчет случайного выноса карандаша с работы? А как же украденное у других людей время? А как же украденная у Бога милость? — и прочие потрясающие толкования, которые превращают одну заповедь в пятьсот. Еще с большим внутренним сопротивлением я столкнулась, пытаюсь осознать десятую заповедь, где живые люди, а именно жена и рабыня, просто перечисляются между домом и волом как имущество мужчины.

Глупая, скажете вы, нужно исполнять Новый Завет, мы же в нем живем! Что ж, в Новом Завете заповедей больше, и они не собраны для нашего удобства, нет — они раскиданы по тексту; по сути, все, что говорил Христос, является заповедью. Попытавшись их собрать, я обнаружила, что они как-то интересно персонализированы. Кому-то Он говорил «иди за мной», а кому-то, как гадаринскому бесноватому, запрещал это. Понять, что из этого относится к моей жизни, было почти невозможно.

Конец моей вере пришел на «возлюби Господа Бога твоего...» — ведь я думала, что люблю, но Церковь в каждой молитве объясняла мне, что это не так. Ведь если бы я любила, я бы не грешила. Круг замкнулся. Я поняла, что я со своей головой не могу больше существовать в Церкви.

Я привыкла структурировать информацию. Но в церковных текстах я не вижу никакой логики, один сплошной хаос и нагромождение мнений. Бесконечные толкования на толкования, а вывод один — я грешный, я плохой.

Христос говорит, что Он и есть Истина. Но проблема в том, что мы не знаем, какой Он. Мы знаем, каким Его представляют люди («духоносные»), переводчики, священники, толкователи. Но где гарантия, что они не привнесли в Его образ свои проблемы, свои пожелания и психологические травмы? Христос для меня потерялся, затерся в бесконечных толкованиях и обсуждениях.

Я прекрасно знаю, что мне скажут верующие люди — что я никогда и не знала Его. Что я стала рабом своей гордыни от ума. Что я ничего не поняла / все неправильно поняла. Но знаете, мне уже все равно.

Я провела в Церкви десять лет. За это время в миру я защитила кандидатскую диссертацию, стала руководителем школы и неплохим специалистом в своей области. В Церкви за это время я «ничего не поняла» / «все неправильно

поняла». Зато я сильно поправилась, убила здоровье отсутствием спорта, психику — постоянным «покаянием», и до сих пор ни разу не встречалась с мужчиной. Сейчас я пытаюсь вернуться к старому образу жизни — ни о какой религиозной жизни в любой другой конфессии для меня больше не может быть и речи. Я поняла, что я могу потратить всю свою жизнь на поиск истины и ответов на вопрос «как правильно?» — и не найду их все равно. А могу взять на себя ответственность за свои решения и начать жить здесь и сейчас, и не по книгам, а по уму — уж какой есть.

ЛИЦА И МАСКИ

Алексей Суханов

Что ж, я бы мог остаться и сыграть,
Сыграть роль того, кем я не являюсь.

Abbysphere, «Один во тьме»

Пару лет назад приснилось, будто довелось мне работать в команде ближайшего окружения никого иного, как самого государя нашего. Что-то типа секретарской работы, выполнял какие-то поручения, и все у меня хорошо получалось. Прямо воплощение чаяний о самореализации. И работа интересная, и государь доверял и хорошо относился. Радоваться надо. Но и в том сне начала болеть душа: ведь понимаю, что нехорошие дела он делает, но в отношении лично меня и упрекнуть не в чем: он не был несправедлив ко мне и не хочется отвечать черной неблагодарностью...

Хотя сюжет сна довольно интересный, все же сама ситуация, когда мучает совесть осознание невольной причастности обману и беззаконию через попустительство, для меня отнюдь не нова. Об этом еще в семинарии при предыдущем деспоте стал задумываться, и потеряла покой душа моя. С одной стороны, лично ко мне архиерей не был несправедлив или чрезмерно строг, и в глубине души есть за что ему быть благодарным, и никак не хотелось бы проявлять неблагодарность к нему, соответственно. С другой стороны, я же сам прекрасно видел своими глазами, что происходило в епархии, все это галочное «возрождение православия на Пермской земле» (превращение в Потемкинскую деревню), и как он ломал жизни священникам. Но. Не лично мне.

И другое «но»: но я не хочу вообще никак соучаствовать в нехороших делах, в «цирке» вместо церкви даже пассивно своим молчанием, делая вид, будто бы ничего не замечаю.

В общем, в таких ситуациях каждый делает свой сложный моральный выбор. Очень сложный и очень личный выбор. Легче и проще об этом не думать и, сославшись на тысячу причин, заглушить в себе этот голос. Например: так принято, так все делают. В церковном варианте это будет звучать наподобие «и до нас святые так спасались». Как хорошо сказал Лев Толстой: в обществе людоедов, если ты откажешься поедать себе подобных, то это будет ничем иным, как нарушением общественного порядка.

Насколько «невольно» мое соучастие, неужели нет выбора? Может, выход и есть, но я не искал его, оправдываясь «невольностью»: мол, выполнял приказ, так решило начальство. Но разве нет шанса отказаться, я же не галерный раб, в конце концов, не закован в кандалы. Допустим, начальство не оставляет выбора, но точно ли нет никакой возможности в таком случае выйти из-под власти такого начальства? Может, возможность есть, но нет желания выйти из зоны комфорта? Не надо обманывать самого себя, слагая с себя ответственность, — искажение реальности разрушительно. Одна из ключевых лично для меня фраз в Евангелии — то, что «диавол» понимается именно как отец лжи.

Я очень рад тому, что моя работа, то, чем я занимаюсь, не ставит меня в положение, когда нужно идти на компромиссы с совестью, кривить душой и делать то, что противоречит моим убеждениям и (лично мной субъективно понимаемому) здравому смыслу. Хожу на работу и занимаюсь своим делом на производстве без «магии», обмана и очковтирательства. Никакого византийского церемониала, не надо никого из себя изображать и говорить то, с чем не согласен и во что уже не веришь. Ручки никому не лбызаю, всегда могу высказать свои пожелания и конструктивную критику. Как и во что я «верю» никто меня не спрашивает. И на путинги (верноподданнические мероприятия) никто не сгоняет: это не застрявший в советском периоде завод, а небольшая частная фирма.

Теперь немного о том, как я смотрю на православную среду теперь, уже глазами ухажанина. Недавно вновь довелось ненадолго погрузиться в церковный мирок, с которым уже редко пересекаюсь, и ниже постараюсь описать свои впечатления.

Седьмого февраля исполнился год со дня кончины отца А., с которым тесно связано мое воцерковление и светлый неофитский досеминарский период церковной жизни, и меня позвали на панихиду и поминальный обед в один из храмов, где он служил. Дата пришлось на выходной день, а так как в выходной день я могу сам решать, во сколько мне прийти на работу, то с радостью решил воспользоваться возможностью почтить память значимого для меня человека. Хотя и не люблю вновь окунаться в атмосферу церковной субкультуры, не очень уютно себя там чувствую. Душно мне среди людей, слишком всерьез воспринимающих свои ролевые игры, а точнее игру «в церковь». Чувствую испанский стыд за взрослых людей, которые устраивают утренник с Дедом Морозом не для деток из садика и младших классов, а друг перед другом и как бы всерьез.

Впрочем, от этого внутреннего дискомфорта меня несколько избавил нынешний настоятель авва Д., который очень добродушно меня, «злостного еретика», искренне поприветствовал персонально, хотя мы и не были знакомы до смерти отца А., только на поминках пересекались.

У меня часто бывает, что когда впервые вижу человека и еще не знаю его имя, в голове уже рождается некое определение, прозвище, которое глубоко и надолго залегает в сознании и всякий раз потом непременно всплывает при виде этого человека, хотя не всегда и не ко всякому. Например, к вышеупомянутому Д. ничего не приклеилось, кроме вполне положительной приставки авва: несмотря на священный сан он ведет себя довольно естественно; не видно, чтобы маска где-то отклеивалась, потому и не за что зацепиться.

Из духовенства, помимо него, присутствовал глава епархиального отдела благотворительности. Лет семь назад в одной из типографий, в которых я работал, заказали распечатать фотоотчет этого самого епархиального отдела благотворительности. Кто не в теме: подобные отделы в основном только и занимаются составлением отчетов, руководствуясь священным принципом: творя милостыню, делай пиар и лови хайп. Соответственно, на всех фотографиях их отчета можно увидеть этого сияющего довольного батюшку. В своей памяти таким я его и запечатлел. Год назад, увидев его вживую, в голове сразу же промелькнуло: это же «Глянцевый Батюшка», тот самый.

Вскоре я снова с ним случайно столкнулся. Вернее, с его фотографией. Для «фотожабы» мне нужен был «освящающий» что-то батюшка с кропилом и, набрав соответствующие слова в поисковике, среди прочих картинок заметил одну, на которой узнал того самого Глянцевый Батюшку, который идеально подошел для моей задумки. (Приложив немного усилий, превратил фотографию в жуткую апокалиптическую картину, где по улицам города твердой поступью равномерно шагает армия одинаковых с лица глянцевых батюшек, беспощадно освящая все вокруг.)

Как же меня пробрало на смех, когда я на следующий день вспомнил про свои картинки, и что я же с ним, ничего не подозревающим о своем существовании в сети в качестве стикера, получается, за одним столом сидел (как говорится, у Бога отменное чувство юмора), а знай он про мое скромное творчество...

Не буду фантазировать, но, наверное, меня бы оттуда «гнали поганой тряпкой».

Говорил Глянцевый Батюшка торжественно, но в меру, без лишних витиеватостей вещи простые и настолько для православного человека банальные, что ничего не было запоминающегося, тем более и сам обучен произносить все подобные нехитрые клише. На панихиде он немного позволил себе «поблажить», но лишь настолько, насколько это можно епархиальному чиновному батюшке: не к месту и не ко времени начал возглашать «Христос воскрес», что позже растолковал как намек на то, что мы должны не скорбеть о почившем, а радоваться, что он уже ТАМ, в то время как мы еще здесь и все такое прочее благословесие.

Самым колоритным персонажем на поминальном обеде был некий дедушка в подряснике, опоясанный каким-то «байкерским» ремнем со здоровенной пряжкой и с медальками на груди, среди которых, видимо, для восполнения столь незначимого количества орденов, красовался обычный значок с портретом Николая Второго. Заметив перстень на руке, сделал выводы, что это не священник и не диакон. Предположительно, какой-то протоказак. К моему прискорбию, он не вымолвил за все это время ни слова (довольно легко можно предугадать, и интриговало лишь то, насколько точным окажется мой прогноз). «Георгий Орденосец» — выдало в голове свое определение ассоциативное мышление. Или, проще, клоун. Но в этом случае от употребления такого термина воздержусь, потому что настоящий клоун

как раз прекрасно отдает себе отчет в том, что его паясничание — это всего лишь игра, цирковое представление, и клоуном он является до тех пор, пока он на сцене. Поэтому клоуном я скорее не постесняюсь назвать себя, чем характеризовать человека, который «всерьез» отождествляет себя со своим персонажем, образом. Например, если я и могу весело провести время с друзьями на даче, входя в образ степенного настоятеля пустыни или устроить фотосессию «а-ля Техас», то шляпа по окончании праздника останется висеть на гвозде на даче, а все неблагочестивые шутки, «поучения» и пасквили от имени старцев Сухановой пустыни совершенно не стоит воспринимать всерьез, это игра, сарказм как защитная реакция разума на происходящий вокруг абсурд.

Блаженны блажные, подумал я, ибо гораздо проще им жить на этом свете. Вернее, в том мирке, где все понятно, уже есть готовые ответы на все вопросы и все расписано, включая и то, какую роль тебе нужно играть. Об этом я думал в то время, как слово взял Блаженный Отрок из воскресной школы. Именно таким я запомнил этого человека, когда сам еще учился в семинарии. Правда, теперь этот отрок выглядел намного старше меня самого и имел довольно почтительный вид: степенный муж с выдающимся вперед аналоем и нечесаной бородой с проседью. Говорил он пафосно и очень долго, как мне показалось, большую часть обеда, к тому времени, как он начал заканчивать, я уже впал в полудрему. Это было нечто среднее между проповедью и докладом делегата партийного съезда. Сколько патетики! И вообще, нельзя ли темой разговора выбрать то, что объединяет собравшихся в этот день — память о почившем? Но на нас неумолимо обрушилась громоздкая речь, начавшаяся с того, что сегодня в этот день XXX лет назад на нашей Пермской земле святой такой-то совершил то-то и прочие тонкости церковного краеведения, из коих мы могли воочию убедиться, какой он ныне специалист в этих вопросах, мы узнали, где он учился, что он ныне еще и катехизатор в таком-то храме и прочее, хотя надо отдать должное, говорил он не только про себя, но и покойного отца А. тоже упоминал.

На этом фоне выглядит очень странным, что когда после нашего отрока говорить стал очень уважаемый в городе преподаватель (даже среди семинаристов), мы не услышали ни о его переводах с латыни Тертуллиана, ни о каких других его заслугах: как-то не по-нашему это, не православно.

Так вот, рассказ Блаженного Отрока о том, что записи бесед с покойным священником он изложил как «поучения отца А.» и отправил некоему известному московскому священнику, и они были напечатаны в каком-то журнале и имели много откликов, меня совсем не обрадовал. Даже не по себе стало от осознания того, что об отце А. у людей, лично его не знавших, впечатление будет складываться не из какого иного источника, а со слов человека с намертво вросшими розовыми очками.

Покойный батюшка никогда не корчил из себя поучающего направо и налево старца. Он был очень человеческим, и для того чтобы быть замечательным человеком, ему не требовалось «еще будучи младенцем, в среду и пяток уклоняться от сосцев матерних» и всю последующую жизнь казаться среднеарифметическим святым из красиво сложенного жития. Для меня имеет значение, что о нем можно говорить, как об удивительном человеке, не озираясь на его священство; в его случае не сан красил человека. От себя могу засвидетельствовать, что ему хорошо получалось уравнивать мой скептицизм своим оптимизмом, общение с таким жизнерадостным человеком помогало мне и безотносительно того, кто в каком сани и в какие догматы верит.

Возвращаясь к разговору о лицах и масках, о ролях и о выборе, скажу: когда понял, что не могу играть в смиренного послушника их преосвященств и преподобий, высокопреосвященств и высокопреподобий, то сделал выбор и, помахав им ручкой, десять лет назад пошел трудиться там, где семинарский диплом бесполезен, зато не нужно себе самому противоречить и в плане спокойствия совести стало жить гораздо легче.

Со временем пришло понимание, что не просто уже не вытягиваю роль верного чада богоспасаемой Русской Православной Церкви, но и то, что в принципе в этом уже не нуждаюсь, могу жить, больше не играя подобных ролей. То есть на вопрос, к какой же церкви пришел, уйдя от русской православной, отвечу: больше ни к какой. Просто не хочу ставить свою подпись и согласие под каким бы то ни было символом единственно правильной веры или единственно правильного научного мировоззрения и присоединяться к какому-либо загончику, где можно пастись только в определенных мировоззренческих границах и блеять в сторону других загончиков, откуда, в свою очередь, так же блеют в адрес всех прочих из своих строго очерченных границ. Назовем это стремлением быть

насколько возможно равноотдаленным от «-измов», порождающих категоричность суждений.

Большинство людей считает, что каждый человек непременно должен примкнуть к какой-либо из сторон, к определенной партии: а как иначе-то жить? С чем принципиально не могу согласиться. В силу своего неприкаянного вольнодумства и еретического мышления, само собой.

Меня уже не пугает некое «одиначество», без единоверцев и единомышленников, в толпе которых можно было бы чувствовать «коллективный дух» и обрести зону комфорта. Также нет и стремления основывать что-то свое и вербовать адептов, пасти стадо своих «духовных чад». Рад уже тому, что есть люди, которые в известной степени понимают, о чем я говорю и пишу, но это горизонтальная связь людей, делящихся своими мыслями, а не вертикаль «I shall lead, you shall follow».

Что мне в Евангельских повествованиях среди прочего импонирует, так это то, что Иисус изображается вне человеческих партий, как бы над ними. Вокруг него фарисеи, иродиане, зилоты, ессеи и прочие, но он ни к кому не примыкает. «Кажется, мы пришли к странным выводам. Иисуса, очевидно, нельзя никуда поместить: ни к господствующим, ни к повстанцам, ни к моралистам, ни к молчаливым аскетам. Он провокационен как для правых, так и для левых. Он не принадлежит ни одной партии и вызывающ по отношению ко всем: „человек, разрушающий все схемы“» (Ганс Кюнг).

В поляризованном мышлении, когда мир представляется черно-белым: наши-ваши; мы правильные, а вы заблуждаетесь, — сама парадигма, образ мышления уже порочны изначально. Хотя кое в чем я и сам, можно сказать, проявляю «черно-белость» — это мое представление о том, что, имея разум и, притом, сознательно обманывая себя и окружающих, мы тем самым встаем на сторону лжи и какими бы благими намерениями ложь ни прикрывалась — это темная сторона.

Добавлю еще, что для того, чтобы узреть пагубность и разрушительность самообмана и двуличия, мне уже не надо прибегать к архаичным интеллектуальным конструкциям про карающего сверхдоминанта и загробную участь грешников. Деструктивные для личности последствия двоедушия нетрудно увидеть и в этой жизни. Сам видел достаточно примеров того, как двуличные люди хотя и шли вверх по карьерной

лестнице, достигали власти и славы, но последствия лицемерия, двойной жизни так сказывались на их психическом здоровье, что участь людей с такими расстройствами личности не только не вызывает зависти, но напротив — возникает лишь сострадание или, как минимум, жалость и презрение.

Как и начал, завершу размышления словами из творчества того же самого музыкального коллектива:

Мы те, кто мы есть,

А не те, кем хотим быть.

А теперь не осталось ничего...

Такова плата за попытку обмануть самого себя. (Abbysphere, «Исповедь»)

Хотелось бы, чтобы слова *не осталось ничего* в своей жизни применимы были к тому, что ничего не оставалось бы притворного, напускного; отбросить маски, но сохранить лицо.

ДАЙ МНЕ ПРАВОСЛАВНЫМ УМЕРЕТЬ

Анонимный автор

Воцерковление

Духовные люди — особые люди.

Их сервируют в отдельной посуде.

У них другая длина волны,

И даже хвост у них с другой стороны.

БГ

Детство

Мои родители пришли к вере в конце 80-х — начале 90-х годов. Первые мои религиозные опыты в 5-6 лет — это совместная молитва дома и присутствие на литургии. Одно из ярких воспоминаний: на службе сильно болели ноги из-за плоскостопия, а как хорошо известно всем по-настоящему воцерковленным людям, сидеть во время длинных служб можно, только

когда царские ворота закрыты, даже если ты ребенок. Хорошо, что мои родители чуть позже узнали, что также нельзя сидеть во время литургии верных, даже если ворота закрыты. Но как ребенок я просто присутствовал на службах, у меня не было какого-то отвращения или сопротивления, постепенно я стал воспринимать это как часть жизни.

Помимо посещения служб отец с матерью начали активно соблюдать посты, праздники, читать книжки, посещать воскресную школу для взрослых. Наверное, им было интересно, и, возможно, тот извод религии начала 90-х давал ответы на вопросы, которые они так долго искали. Мне, как человеку, который был в религии с самого детства, трудно понять ощущение человека, который до этого жил в серой советской действительности конца перестройки, а потом внезапно попал в «настоящую церковную» реальность с иконами, службами, постами, чудесами, святыми, богом, в конце концов. Наверное, это как оказаться в настоящей сказке или в Зазеркалье. Проблема в том, что вся эта сказочная церковная реальность тянула за собой соответствующие мировоззренческие установки, которые было трудно сочетать с нормальной человеческой жизнью.

«Чернота»

Во-первых, помимо понятия бога и прекрасной религиозной «милоты» в жизнь церковного человека того времени входила и всяческая чернота: дьявол, бесы, соблазны, искушения, порча, сглаз, посмертные мучения, ад и т.д. Религиозное сознание было глубоко раздвоенным: постепенно жизнь и все вокруг становилось черно-белым, обо всем можно было мыслить только в категориях бога и дьявола. И граница между священным и профанным должна была проходить очень четко, рассекать абсолютно все до самой последней мелочи. Например, в церкви нельзя было класть руки в карманы, это было неправильно (сейчас даже не помню почему). Не только в церкви, но и дома нельзя было сидеть, скрестив ноги, так как это «горделивая» поза, а к чему гордость приводит, сами знаете. Мой самый любимый запрет: нельзя упирать руку в бок, потому что «через нее бесы летают». Нельзя колоть хлеб вилкой, потому что хлеб — это образ тела Христова, а таким образом я как бы причиняю страдания самому Христу. Это примеры, как «трансцендентное зло» ощутимым образом входило в жизнь верующего человека.

Но и «трансцендентное добро» также было очень материально в представлении неофита: причастие, святая вода, иконы, мощи, ладан, и благодать перехлестывает и начинает просто бить ключом у человека, который сподобился ее получить. Например, в моем детстве существовал запрет на мытье посуды после причастников и, простите, плевки в день причастия, так как тело и кровь Христа коснулись рта и находятся внутри причастившегося, поэтому после еды причастники должны были не мыть посуду до заката солнца. А запрет на плевки меня реально напрягал. Припоминаю, что даже в исповеди как-то писал, что я «плевал после причастия».

Проблема в том, что, будучи ребенком, я более ярко воспринимал черноту, а не «милоту», потому что чернота, если хотите, более зрима и больше захватывает воображение. Бог, святые и все такое где-то далеко, а вот демоны, как меня учили и как я вычитал из книжек, стерегут каждый мой шаг и следят за каждой моей мыслью. Все эти разговоры о том, что бог ко мне ближе, чем рубашка к телу, — это абстракция для ребенка. В итоге получалось как в песне у Константина Никольского, когда «зло старается пуще добра».

В связи с этим интересна тема порчи, сглаза и влияния темных сил, хотя в нашей семье это расцвело уже в пору моей юности, а не детства. Но даже в детстве было очень страшно потерять нательный крестик во время игр на улице, потому что мать говорила, что «посмотрит какая-нибудь бабка и наведет сглаз». С течением времени «какая-нибудь бабка» превратилась в «каждую бабку», то есть буквально каждая пожилая женщина превращалась в глазах матери (и моих) в ведьму или колдунью, способную нанести непоправимый вред. Все знакомые пенсионерки по соседству попадали под эту категорию. С одной стороны, это доказывает магический и исключительно материалистический характер народного православия, и наша семья была не единственной жертвой этой паранойи, а с другой стороны, само понятие порчи и сглаза — это отличный инструмент для снятия с себя абсолютно любой ответственности за все в жизни: нет денег — навели порчу на деньги, нет работы — порча на работу, болезнь — сглаз или порча от соседей и так до бесконечности.

Конец света

Другим немаловажным аспектом было ожидание конца света. Нет, мои родители не были членами «истинных православных церквей» и другими эсхатоложниками, которые уходили в подвалы, чтобы спастись от антихриста. Они были в церковном мейнстриме, но церковный мейнстрим был тогда именно таким. Уже позже я прочитал книжку «Россия перед вторым пришествием» и понял, что русские ожидали конца света постоянно, но тогда мне казалось, что зарево настоящего эсхатологического пожара озаряло мир именно в ту эпоху: развалился Советский Союз, политические нестроения в России, войны на территории бывших республик и в Чечне, в мире тоже творится непонятно что. Это ли не предвестие грядущего конца? В воскресной школе для взрослых молодой священник рассказывал родителям про близкий апокалипсис и вообще всячески пугал распространенными тогда православными пугалками. Однажды я спросил у матери, когда наступит этот самый конец света, а она ответила, что осталось лет 20. Мне тогда было где-то лет 7. В моей голове очень сильно отложилось, что до 27 лет я вряд ли доживу, и это эсхатологическое зарево горело во мне на протяжении всей моей долгой религиозной жизни.

Книги

Также отдельно стоит рассказать про книги. На неокрепшие и голодные умы бывших советских граждан полился огромный поток информации, среди которого была струйка «церковного возрождения» в виде репринтных изданий многочисленной и разнообразной православной литературы XIX века. В нашем доме этот поток превратился в большое болото, в котором оседало почти все, что продавалось в те времена в церковной лавке, включая книги, иконы, аудиокассеты и неизменные церковные календари с портретом патриарха Алексия II. Оцерковливание шло со всех сторон — визуальной (родители записывали на видеомагнитофон православные службы и передачи, которые транслировали по телевизору, плюс в доме было много икон, горели свечи и лампы) и звуковой (нормативные церковные песнопения плюс знаменитые унылые «духовные» песни под гитару иеромонаха Романа и иже с ним).

А так как я с детства любил читать, то перечитал многое из того, что тогда предлагали церковные издательства (фактически я прочитал все, просто толстые репринтные издания «Путей русского богословия» Флоровского, «Аскетические опыты» Брянчанинова и другие «умные» книжки я прочитал

позже). В детстве же мне нравилось читать тонкие книжицы с яркими обложками про древних святых или старцев эпохи революции и советских времен. Истории про новых святых XX века тогда только-только стали появляться, мне очень нравились сборники «Православные чудеса XX века». Я верил всему до последнего слова. Там описывались чудеса совсем недавнего времени, и это еще раз доказывало явное участие трансцендентных сил в нашем мире. Причем, если взять, например, знаменитое жизнеописание Матронушки (я помню обложку первого издания с березками) и большинство остальных историй, то там описывались почти исключительно темные трансцендентные силы, и это весьма характерно. Составители этих сборников с большим удовольствием постулировали присутствие демонов в нашем мире, потому что с их точки зрения демоны безусловно доказывали существование бога, и истории про них помогали делить мир на святое и бесовское.

Насколько я понимаю, именно через переиздания старых книг (и составление новых, конечно) в православный мейнстрим изначально проникли те идеи, которые сейчас так уродливо расцветают в государственно-церковном официозе. Помню, что много читал белоэмигрантской литературы, пропитанной монархическим духом, сожалением о былых прекрасных временах «святой Руси» и надеждой на их возврат. Тогда же стали набирать обороты эсхатоложические опусы про грядущего антихриста, ИНН, последние времена и т.д. Особенно поразило мое воображение книга «Число зверя. На пороге третьего тысячелетия» с характерным подзаголовком «Записки современного врача-священника об экстрасенсах, колдунах, влиянии телевидения и оккультных наук на наше здоровье». Запомнилась наводящая ужас красно-черная обложка с темным бесом в центре. Вполне себе духовное чтиво для настоящего православного ребенка.

Другие книжки были того же духа. Причем все это было хорошо сдобрено русской идеей. Постоянно транслировалось, что русские — народ-богоносец, и если не будет русских, то по предсказаниям многочисленных старцев придет антихрист, ну и кранты тогда полные всем. Тогда только начала подниматься тема жидомасонского заговора, в огромных количествах издавался Сергей Нилус, и я захлеб читал «Протоколы сионских мудрецов». Все это прекрасно вписывается в черно-белую картинку, где православные русские — хорошие, все остальные — враги, пытаются поработить наш

богоизбранный народ, любая война русских — за православие и бога, любое выступление против русских — против бога, за дьявола. Потрясающая сосредоточенность на себе и обожествление своей национальности.

Это то, что касалось преломления современности в церковном мировоззрении. Но еще ведь была «золотая эпоха» церковного предания, накопленный за столетия опыт, который вылился в творения отцов и жития святых. Жития прекрасны как агиографические памятники, но ужасны, если воспринимать эти художественные мифы как руководство к действию. Очень яркое впечатление на мое детское сознание производили рассказы о мучениках. Теперь я прихожу к выводу, что не только мое сознание было детским в то время. С тех самых пор в течение почти 30 лет я бесчисленное количество раз слышал, как с амвонов священники торжественно-грустным голосом вопрошали: «А способны ли мы так же воспринять страдания за Христа, как это делали мученики?» Истории про колесования отроков и отроковиц, про сдирание заживо кожи, утопление в раскаленной смоле, четвертование, раздираание животными на аренах приводили в священный ужас. С детства я начал понимать, что вопрос про страдания за Христа не праздный, и настоящему верующему не получится пройти по жизни легко.

Тема литературы 90-х годов очень важна потому, что на ней воспитывали детей, как это было со мной, ее читали и впитывали ее идеи взрослые, в том числе и сами священники, которые потом передавали все это прихожанам в проповедях, разговорах, исповедях, а затем это транслировали одни прихожане другим и так до бесконечности. Полностью описать хотя бы основные установки того времени не представляется возможным, поэтому перечислю просто то, что больше всего повлияло на меня: единственно верное мировоззрение — религиозное; единственное верное религиозное мировоззрение — православное; мир вокруг во зле лежит, и лучший выход — монастырь; надо себя во всем винить и беспрекословно слушаться пастырей; конец света близок и надо «спасаться»; таинства и жизнь в церкви — ответы абсолютно на все вопросы; русская вера — самая правильная; спастись можно только через страдания; молиться можно только на церковнославянском; те, кто живет по новому стилю, подлежат анафеме; радости на этой земле не будет, но будет радость на небесах, если не попадешь в ад, но попасть на небеса очень трудно, поэтому вероятность попадания в ад чрезмерно велика; спасаются единицы из миллионов, поэтому вряд ли вообще в рай попадешь; все, что говорится в церкви —

истина в последней инстанции. Интересно, что в этих установках про бога нет ничего. Каждое из этих убеждений стало частью меня. Ни одно из них я не мог поставить под сомнение: у ребенка нет эффективной защиты против того бреда, который несут взрослые.

Старец

Одна из наших знакомых окормлялась у старца, к которому нужно было ездить в другой город. Через какое-то время родители тоже стали его духовными чадами. Иногда старец приезжал в наш город, и тогда я тоже его посещал, чтобы получить благословение. Это был действительно бескорыстный и тонкий человек, который внимательно общался со своими духовными детьми, и большинство людей, которые посещали его, говорят о том, что от него шла настоящая любовь к человеку. Возможно, многие вообще впервые в жизни получили опыт любви к себе именно от него. В его манере общения не было никакой авторитарности и безапелляционности, если кто-то спрашивал совета, почти всегда он говорил «возможно», «следует», «было бы хорошо». Сам себя старцем он никогда не называл. Люди приезжали к нему сами, так как чувствовали, что от него исходит какая-то духовная мудрость и любовь. Думаю, что многие святые были людьми именно такого плана — у них была нравственная, религиозная и духовная одаренность (или, скорее всего, гениальность), и это не заслуга самого человека, как и музыкальная гениальность. Да, нужны усердие и труд, но уровня Моцарта или Баха достигают единицы именно из-за редкости сочетания врожденной гениальности и соответствующих внешних условий. В этом, кстати, одна из проблем русского православия: если в музыкальной школе или консерватории от пианиста не требуют быть Чайковским или Рахманиновым, то в религии человек должен быть «святим» если не уровня «преподобных», то на худой конец хотя бы «блаженных». И обычный церковный человек мучается все время и корит себя, что он «не такой», хотя все это так же абсурдно, как если бы выпускник музыкальной школы до конца своих дней корил бы себя, что он не достиг и толики гениальности Ференца Листа.

На дворе была середина 90-х, жизнь была несладкой для всех. Старцу давали деньги обеспеченные чада, а он потом их раздавал или в виде еды или финансовой помощи всем остальным. Наша семья также получала подобную помощь. Очевидно, что тяжело было и эмоционально, и многие искали

утешения и совета от старца, который всех выслушивал. Думаю, это действительно был подвиг. Про психологов тогда никто не знал, люди шли решать не только духовные, но и психологические и житейские проблемы, просили «благословения» на какие-то дела. Кроме того, шла молва о прозорливости, поэтому часто приходили и с деловыми вопросами.

Все это очень интересные явления духовной и социальной жизни церкви. Ведь получив на что-то «благословение», человек получал с определенной точки зрения «визу бога» на какое-то дело, обретал уверенность. С одной стороны, это облегчало жизнь, с другой, возникала зависимость от этого постоянного облегчения. Можно было постоянно скидывать бремя решения проблем на кого-то и совершенно сложить ответственность за свою жизнь, так развивалась духовная созависимость и инфантильность. Возможно, для многих духовных чад старец был неосознаваемой «заменой бога». Люди постепенно отказывались думать самостоятельно и уже даже самые мелкие дела делали только «по благословию» (съездить куда-то по делам, сделать какую-то бытовую покупку). И естественно, что в головах чад логическая цепочка «благословение старца равно воле бога» приводила к тому, что «нарушать» благословение нельзя, это значило идти против воли бога.

Среди его чад ходили устрашающие рассказы о том, как кто-то или нарушил благословение, или не спросил его на какое-то важное дело, и почти немедленно подвергся или смертельной опасности, или каким-то серьезным «искушениям». Вокруг создавался определенный свод легенд, правил, норм, моделей поведения, которые передавались через соответствующие рассказы и укреплялись тем, что вычитывалось в книжках про «послушание».

В каком-то смысле, быть духовным чадом старца или просто религиозным человеком — это такая интересная игра. И если ты взрослый человек, то можно играть в нее сколько хочется. Но когда правила этой сказочной игры передаются ребенку как истина в последней инстанции, возникают проблемы. Например, помню, что в детстве я неплохо играл в шахматы, выступал за клуб, но с определенного момента мне запретили это делать, так как в шахматах присутствует «азарт», а «азарт от дьявола» (эта логическая цепочка напоминает мне другую, которую на полном серьезе вывел один мой верующий знакомый: церковные песнопения хорошие? — Хорошие.

— Музыка Pink Floyd похожа на церковную? — Похожа. — Значит, курить траву хорошо, потому что Pink Floyd курили, когда сочиняли свою музыку).

Также необходимо учитывать, что старец был человеком своего времени и социального круга (советское православие, члены которого чувствовали себя в осажденной крепости, окруженной сплошными врагами), поэтому разговоры о конце света все-таки были (хотя и не совсем радикальные, а в духе «если не придет в ближайшее время православный царь, то придет антихрист»). И советы он давал, исходя из своего опыта, в том числе и церковного, что достаточно сильно повлияло на мою жизнь.

Депрессия

Несмотря на пламенную религиозность, мой отец не мог справиться со своим алкоголизмом и скатывался в болезнь все дальше. Он становился все агрессивнее, жить с ним было опасно, денег дома почти не было. Мать хотела от него уйти, но «старец не благословлял», насколько я понимаю, именно из-за общецерковного представления о том, что женщина должна терпеть и, наверное, таким образом «зарабатывать себе венец» в семейной жизни. Частично благодаря этому мое детство было буквально адом с постоянными запоями, скандалами, ужасом, побегами матери от разъяренного отца и возвращением к нему, и я тоже «заработал себе венец», но другого плана.

Венцом алкоголизма и фанатичной религиозности в семье для меня стала депрессия. Я тогда еще так это не называл, но состояния тоски, отчаяния, безысходности и бессмысленности в 13-14 лет стали занимать очень большую часть моего времени. Я видел, что с другими такого не происходит, они могут жить и чувствовать себя иначе, я же не мог ничего поделать со своим состоянием. Как известно, по-церковному это называется «грех уныния». И с этим надо было что-то делать. Я знал только один выход — религиозный.

Так как до этого я уже читал «Откровенные рассказы странника» и пытался делать то, что там написано, плюс знал о современных исихастах (читал мемуары монаха Меркурия «В горах Кавказа»), то у меня сложилось убеждение, что Иисусова молитва — это ответ на все внутренние вопросы и нестроения. Я стал ее активно практиковать. Не помню, сколько прошло недель или месяцев, но это сработало. Однажды я шел по улице, читал

молитву и вдруг понял, что «уныние» мое ушло. Стало как-то легко и радостно. В семье был жуткий кавардак, но внутри у меня было хорошо благодаря молитве, поэтому я решил, что религия — это действительно решение всех проблем.

Духовная жизнь

Это один из поворотных пунктов в моей жизни. С тех пор в течение последующих 20 лет я свято верил в то, что в случае любых проблем единственный правильный выход — более глубокий уход в религию. Благодаря этому убеждению, когда в моей жизни возникали кризисы, и я фактически опускался на дно, религия всегда помогала мне это дно пробить и опуститься еще ниже.

Но тогда я думал, что нашел волшебное средство, поэтому удвоил свои усилия. И до этого момента мы строго соблюдали все праздники, раз в месяц причащались, постились в пламенном неофитском духе: если слышали, что сверху хлебный батон мажут яйцом, то в пост его не ели, а если в шоколадке в составе не было молока и яичного порошка, тогда ее можно было и в пост есть. А тут я решил причащаться каждые две недели (с благословения старца). И если церковные люди постятся все 4 больших поста, плюс по средам и пятницам почти круглый год, то по традиции перед причастием надо было поститься еще и в субботу.

Тема причастия и исповеди в жизни православных особая, и подход к ней особый. Самое главное — подготовка, которая заключается уже в упомянутом посте, посещении вечернего богослужения и вычитывании достаточно большого правила перед причастием. По идее, надо прочитать последование ко причащению, каноны покаянный, Богородице и ангелу-хранителю. Вместе с полными утренними и вечерними молитвами и вечерней службой все это занимает точно больше половины дня (если читать внимательно).

Из забавного помню, что утром в воскресенье нельзя было чистить зубы, чтобы, проглотив зубной пасты, не нарушить евхаристический пост.

Ну и конечно абсурд исключительно русского православия XX-XXI веков — обязательная исповедь перед причастием. Я всегда готовился по «Восьми главным страстям» Игнатия Брянчанинова, так как это было первое пособие «в помощь кающемуся» в нашей семье. Как и остальные писания

Брянчанинова, эту брошюру отличал возвышенный стиль и наличие таких грехов, как скоктание, малакия и тайноядение. Собственно, каждый раз вместо метанойи, которая вроде бы должна была быть (ну хоть когда-нибудь!), у меня получался отчет о проделанных грехах, который за все годы религиозной жизни никак не изменился по составу, разве что за исключением того, что к концу исчез пункт «не слушался родителей».

Некоторых это заставило бы задуматься о методах, которые предлагало мне православие (молись, кайся, причащайся — вот ответы на все вопросы), но не меня. У меня в голове не было и мысли о возможных сомнениях относительно методов и обрядов, ведь я все религиозное воспринимал как божественное откровение. При этом «благодать» после причастия ощущалась сильнее, если «больше нагрешил», то есть были какие-нибудь «тяжелые грехи» (особенно блудные), и ее было меньше, если грехов было меньше. Это были такие психологические качели между виной, стыдом и облегчением: чем сильнее качнешь в сторону вины и стыда, тем сильнее облегчение и «прощение» от бога. Тогда я так этого не понимал, но если было мало «грехов», вместо того, чтобы радоваться, я начинал выискивать в себе что-нибудь. Помню, написал в исповеди, что «пел песни, противоречащие евангелию», разумея под этим безобидные «Прогулки по воде» Nautilus Pompilius.

Таким образом эта широко распространенная духовная практика частой исповеди закладывала привычку к постоянному самобичеванию, слежке за собой, самообвинению. Фактически, это была основа «духовной жизни», как ее сегодня понимают в церкви, и вся она заключалась просто в раскачивании психологических качелей вины и магической веры в абсолютную силу причастия, которое способно «спасти» человека. Главным тезисом было — «перед смертью причаститься любой ценой», а так как смерть могла застать в любой момент, надо было причащаться как можно чаще. Ты мог прожить какую угодно жизнь, но если перед смертью ты причастишься — ты спасен, а также верен и обратный тезис — если ты прожил «духовную» жизнь, но перед смертью не причастился, тут уж никто не знает, что тебя ждет за гробом в этом случае. Сам виноват, как говорится. Все это прекрасно выразил иеромонах Роман в своих унылых песнях: «Что еще искать мне в жизни этой? Дай мне православным умереть». Эти слова стали девизом всей моей последующей религиозной жизни.

В итоге набор духовных средств включал следующее: причастие плюс исповедь, ежедневные утренние и вечерние молитвы, ежедневное чтение евангелия и апостола, чтение молитв до и после еды, регулярное посещение богослужений, посты, редкие посещения старца, чтение духовной литературы, чтение Иисусовой молитвы, «блюдение помыслов». Все остальные типы духовности, которые не практиковались в церкви, были запрещены. Также были запрещены и виды духовности, которые в церкви практиковались, но могли привести к «прелести». За это отдельное спасибо Брянчанинову и его популяризатору Алексею Осипову. Их тезис: «высокая» духовность не для всех, а только для подвижников, мирянам же главное — видение своих грехов. Если ты отступаешь от протоптанной дорожки, то ты находишься в «прелести», а это верная гибель. Отсюда отсутствие творческого подхода, подавленность, необходимость следовать единственно правильному «духовному» пути, скука. Скучно становилось из-за того, что вся твоя религиозно-духовная жизнь была расписана практически до конца жизни. Если отступишь от этого — можешь потерять спасение, а если, не дай господь, что-то сам начнешь выдумывать — то и погибнуть можешь, попав в лапы сатаны.

Я строго следовал по этому пути и не мог помыслить об ином. Свято верил в то, что существует единственно правильная «духовная жизнь», и пытался понять, «как на нее настроиться». На фоне семейного ада религия давала успокоение и какую-то основу в жизни, хотя и требовала взамен больших жертв. Я подчинил свою жизнь жесткой системе, которая в обмен на определенные ортопраксические и мировоззренческие установки обещала решить все мои проблемы. Существенный минус этой системы — невозможность проверить ее результативность. В качестве успешных примеров приводили художественно обработанные мифические жития святых, примеру которых надо было следовать. При этом проверить действенность других систем (неважно каких, религиозных, мировоззренческих, духовных) было нельзя, так как православные говорили — только у нас истина, адепты других взглядов попадают в ад. Получалось, что если ты ошибешься и решишь выбрать какую-нибудь другую систему, то ты 100% погибнешь. В итоге у меня в голове выстроилась четкая логическая цепочка: цена ошибки — вечная смерть. Тут уж явно не место для какого-либо творчества или поиска.

Также получалось, что если система не работает для тебя, то проблема не в самой системе и ее методах, а в тебе самом. Все эти установки почти идентичны так называемой «вере в справедливый мир», который описывал М. Лернер, или «Великий план», как его называет Дороти Роу. Согласно этой идее, мир устроен справедливо, и люди в жизни получают то, что заслуживают в соответствии со своими личными качествами и поступками: хорошие люди награждаются, а плохие — наказываются. Иными словами, с хорошими людьми происходят хорошие вещи, а с плохими людьми происходят плохие вещи. Так маленький ребенок из алкогольной или другой неблагополучной семьи, вокруг которого происходят семейные скандалы и избиения, начинает считать с младенчества, что он плохой. И если со мной в религии происходят «плохие» вещи, значит я «плохой». Виноват именно человек, а не система.

А «плохие» вещи со мной происходили — временами я «впадал в блуд», и возвращалось состояние (или «грех») «уныния». Я жил в иллюзии, что «настроюсь» на правильную «духовную жизнь», но реальность была другой. Я был обычным человеком со своими отрицательными и положительными чертами, только если другие обычные люди в целом принимали себя такими, какими они были, я принять свои отрицательные черты («грехи») не мог, потому что они «лишали меня спасения». На дворе была середина 2000-х, а я жил под лозунгом неофитских 90-х: все или ничего, православие или смерть. В итоге обóжиться и стать святым у меня не получилось, но мне было трудно это признать.

Я ушел в жертву и стал «страдать». Мерой моего страдания была пропасть между моим представлением об обязательной святости для того, кто хочет спастись, и моей реальной жизнью. Снова вернулась вина, только многократно усиленная религиозностью, ведь теперь я знал «путь спасения», но не следовал по нему, так как прекратил приступать к таинствам. И чтобы себя не уничтожить и ничего не чувствовать, мое сознание снова погрузилось в депрессию.

В это время я уже заканчивал один светский вуз, куда поступил по благословению старца, и так как я понял, что мне ничего не поможет, сознательно «погружался в пучину греха», как мне казалось. Я начал курить, употреблять алкоголь и легкие наркотики, распутничать, в целом, жил обычной студенческой жизнью, но для меня это было «падение». Причем

если мои товарищи просто получали от этого кайф и наслаждались жизнью, то с моей стороны всегда прибавлялось сознание морального падения, что-то в стиле героя «Записок из подполья» Достоевского, который вроде бы хотел чего-то хорошего, но в конце концов стремился к тому, чтобы все было еще гаже. Теперь я понимаю, что просто наслаждаться жизнью мне мешал внутренний инквизитор, который прочно поселился во мне после стольких лет религиозности. Я не мог полностью отдаться настоящему моменту, инквизитор всегда оценивал внутри меня мои действия и все окружающее и осуждал.

Постревоцерковление

Видят во сне осколки империй
православные мистики.

Мы тоже могли стать героями фильма,
но пали жертвами гнусной статистики.

Ермен «Анти» Ержанов

Отчаяние

Дошло до того, что я больше не мог выдержать то напряжение, которое создавалось заложенной во мне необходимостью быть святым, чтобы быть с богом и достигнуть царствия небесного, и тем, каким я был в реальной жизни. Все это создало во мне ощущение отделенности от бога, и меня захлестнуло уныние и отчаяние. При этом я не ставил под сомнение учение церкви о человеке (грехопадение, влияние бесов на людей, святость как единственная возможность «спасения» и т.д.), и получалось, что единственной лишней деталью во всей этой концепции был я сам, потому что во мне было «зло». Я все так же считал, что главная цель человека в жизни — достигнуть царствия небесного, которое приобретается через православные таинства. Но грехи, которые человек начинает совершать, в итоге отвращают бога от человека, и люди гибнут.

Я полушутливо вывел идеальную концепцию спасения всего человечества, вполне в духе Великого инквизитора: брать младенцев, крестить их, а потом убивать, и тогда они сразу попадают на небо (вспомните вифлеемских младенцев), а крестить надо потому, что некрещеные в царство божие не попадут, а убивать надо, пока они в состоянии безгрешности и благодати.

Интересно, что, приняв эту концепцию, я принял, что во мне зло, но чтобы как-то защитить себя от уничтожения, я пытался понять, почему бог не мог сразу сотворить мир «хорошим»? Почему я должен отвечать за то, что во мне было с самого рождения? Почему люди идут в ад за смертные грехи? Самое интересное, что я ставил под сомнение благость бога, но не мог хотя бы на миг допустить, что то, чему меня учили с самого детства в церкви, радикально не соответствует действительности. Церковь была важнее бога.

Суицид

Я достиг почти последней степени отчаяния и депрессии. Началась ангедония, когда я практически потерял способность чувствовать радость от чего-либо. Очевидно, у меня было серьезное психическое расстройство, но так как был тотальный запрет на то, чтобы ставить мнение церкви и старца под сомнение, то я все это держал в себе, а если это прорывалось на сознательный уровень, то считал, что это бес уныния во мне говорит и пытается меня соблазнить. На внешнем уровне все было замечательно: я закончил вуз, переехал в мегаполис, у меня была хорошая работа с перспективами и неплохой зарплатой, появилась невеста, но однажды я попытался совершить самоубийство от невозможности выдержать боль и мрак внутри.

В конце концов я позвонил матери. Она рассказала об этом старцу, и он благословил поехать на 10 дней в один крупный монастырь избавляться от уныния. Мне было так плохо, что я был наготове на что угодно, лишь бы хоть чуть-чуть облегчить свое состояние.

Монастырь

Это была моя первая встреча с монастырским православием. Иеромонах, на исповеди выпытывающий подробности моей сексуальной жизни, поведение трудников, которые там жили просто для того, чтобы перекапывать зимой, а по теплу опять разъехаться, и другие факты подорвали мое идеальное представление о монастырях.

Больше всего убивало ощущение тотальной несвободы, строгий режим дня, деление на касты (в порядке убывания: настоятель, иеромонахи, монахи, иноки, трудники и все остальные). Легче там точно не стало. В попытке хоть как-то облегчить этот ад внутри, я позвонил старцу, мы немного поговорили, и он меня «утешил», сказав, что уныние — это мой крест, и за то, что я буду

его терпеть, меня ожидает награда в царствии небесном. Получалось, что благой и любящий бог дал мне крест уныния, чтобы я мучился в этом мире, при этом изменить я ничего не могу, нужно просто потерпеть еще лет 50 максимум и тогда наступит облегчение после смерти, если буду вести «духовную жизнь». Радости в этом было мало.

Когда я вернулся в «мир», сильное ощущение депрессии ушло только через пару месяцев, но я все равно приписывал это чудесному влиянию монастыря и старца, потому что просто не мог думать по-другому. Опыт жизни свидетельствовал одно, но я не мог обойти детские религиозные установки. Снова религия помогла мне пробить очередное дно.

Ревоцерковление

То суицидальное состояние было настолько ужасно, что я готов был любой ценой не возвращаться в него. Я поверил, что именно религия мне помогла, и, хотя кардинально ничего не менялось, через какое-то время снова стал ходить в храм, исповедоваться, причащаться и т.д. В особо трудных вопросах пытался найти ответы в православии.

Через несколько лет съездил в еще один монастырь, потому что хотя депрессия не была очень сильной, она и не проходила, и продолжали давить внутренние вопросы, так как я их никак не решал, а просто забивал религией. В том монастыре предложили остаться и стать монахом, я отказался. Там также были приступы очень тяжелого уныния и отвращение от всей несвободы, свойственной монастырям, и я уехал оттуда.

Внутренние проблемы требовали разрешения, вопрос о смысле жизни оставался открытым, я пытался что-то искать и видеть во всем какой-то замысел, но ясных ответов не было. Я не мог их найти в том числе и потому, что искал не там, не внутри, а снаружи. И бог для меня всегда был именно снаружи. Не заканчивалась вялотекущая депрессия, которую я продолжал считать грехом уныния. С определенного периода я оставил попытки что-либо изменить в своей жизни. Я ходил на службы, строго соблюдал посты и православные праздники, регулярно приступал к таинствам, читал духовную литературу. Да, мне было временами очень плохо, периодами я ощущал ад в душе, но считал, что так и надо, что мне больше никто не поможет, бог дал мне этот крест, и я должен просто терпеть. Фактически, в качестве убеждений у меня остались пессимизм (мир ожидает ужасный

конец, мне самому осталось жить в лучшем случае 30-40-50 лет, а потом смерть и т.д.) и детерминизм (не имеет смысла что-либо менять, все совершается по воле божией, слава богу за все, молись и кайся и хватит с тебя).

Так я протянул еще несколько лет. За это время я прочел еще больше духовной литературы, заодно читал книжки по богословию, основные работы по истории церкви, библеистике, успел попреподавать на богословских курсах, думал получить образование в церковном вузе, как-то связать свою жизнь с церковью еще более плотно, потому что с детства в меня было заложено — спасение только в церкви. Чтение расширило мой кругозор, я стал понимать, что не все, написанное в житиях святых, — это правда, что там очень много сказок (если не бóльшая часть), что писание — это не спущенные с неба указания бога, а человеческое описание (очень часто приукрашенное и неточное) определенного опыта, что история церкви — это не история святых мужей, которые переходили от силы к силе, а история вполне себе человеческой организации с кровью, грязью и обманом (при том, что это не отрицает того хорошего, что в церкви было). Я мог ответить практически на любой вопрос с точки зрения церкви, обосновать церковную точку зрения, оправдать любую чушь, которая когда-либо возвещалась церковью на протяжении двух тысяч лет. Я не мог сделать только одного: хотя бы на секунду поставить под сомнение то, что церковь во всем права.

Также наблюдалась интересная закономерность: чем выше была степень моей религиозной интеллектуализации, тем хуже было на душе, потому что все эти умственные упражнения по факту были просто стеной между мной и богом, людьми, миром.

Перелом

Когда у меня родился сын, я впервые в своей жизни столкнулся с безусловной любовью. Я полюбил его просто так, за то, что он есть. Это было абсолютно новое для меня чувство. Я ничего от него не хотел, он не должен был что-то для меня делать, служить мне, восхвалять меня, благодарить меня, в отличие от бытового православного образа бога. Я был рад просто тому, что мой сын существует. И тогда я подумал, что я же не лучше бога. Говорят же, что любовь бога непревзойденно больше любви человека, и если я так люблю своего сына, то как же бог (который как бы

любовь по писанию) должен любить меня и вообще людей. И что люди должны сделать такого ужасного, чтобы бог перестал нас любить и отправил нас в ад или заставлял мучиться здесь, на земле. Я впервые очень четко осознал, что мой личный опыт расходится с тем, что рассказывается в предании и чему учит церковь. Хотя к тому времени я выстроил очень гармоничную систему теодицеи, она дала брешь при встрече с безусловной любовью к сыну.

Также в связи с рождением сына начали меняться мои политические взгляды. До этого я был сторонником гундяевско-путинской идеи русского мира, ожидал многого от русской весны, но безумный поток пропагандистской лжи, беспринципность российской верхушки, которая оставила именно мирных жителей востока Украины страдать от бессмысленной бойни, откровенно нефтяная война в Сирии и наплевательское отношение олигархического правительства к простым людям заставили меня повернуться на 180 градусов. Я не хотел, чтобы мой ребенок жил в такой стране. Как и у многих православных, национальная идеология (Москва — третий Рим, русские — народ богоносцев) была очень тесно переплетена с религиозностью, поэтому переворот политических взглядов способствовал тому религиозному перевороту, который произошел позднее. Фактически, я — продукт этой новой религиозно-политической системы, которая сложилась в законченном виде сейчас, но зародилась еще в 90-е. И когда у меня начали меняться политические взгляды, я стал по-другому смотреть на многие религиозные вопросы.

С 2014 года я стал читать блог Андрея Кураева, и гомоскандал произвел на меня сильное впечатление. Тогда я придумал очередную рационализацию, оправдывающую церковную систему, но мысль о том, что благодать передается исключительно через возложение рук бородатых мужиков в реконструкторских костюмах, стала вызывать некоторое подозрение. Особенно сильную брешь пробила информация о человеческом происхождении благодатного огня, так как с молодых ногтей везде и всюду я доказывал всем правильность и богодухновенность православия тем фактом, что благодатный огонь сходит именно под православную пасху.

Но всех описанных выше фактов было недостаточно. Я не мог не верить в большинство церковных сказок, которые мне рассказывали в детстве,

не мог просто так с ними расстаться, так как это заставило бы менять свою жизнь и причинило бы мне боль, а я ужасно боялся боли.

Однако рождение сына дало не только опыт безусловной любви к нему, но и опыт семейных трудностей. Я все больше отдалялся от окружающих и снова начал погружаться в свой собственный пессимистически-детерминированный ад, при этом продолжая оставаться довольно активным в церковной жизни: утренние и вечерние молитвы, каждодневное чтение евангелия, регулярное приступание к таинствам, соблюдение постов, запрет на секс в праздники и другие подобные обрядовые установки продолжали оставаться важнейшей частью моей жизни. На словах, в беседах с друзьями и знакомыми я рьяно защищал православие, но депрессия оставалась со мной и становилась глубже. Я больше не мог нормально работать, внутри я потерял всякую надежду. Вернулись суицидальные состояния и мысли, и я очень сильно испугался.

Надо было что-то делать, и только тогда стало очевидно, что ничего из того, что я делал раньше, не помогало. Я должен был признать: не помогала даже религия, которая обещала дать ответы на все вопросы. Судя по информации в интернете, мне надо было садиться на таблетки. Для этого нужно было получить консультацию психолога, но мне было настолько стыдно («у воцерковленного человека не может быть проблем») и это было слишком дорого для меня тогда, так что после одного сеанса я оставил эту мысль.

Честность с богом

Через какое-то время в одной из статей я прочитал про одну из 12-ти шаговых групп, где помогают людям с теми проблемами, которые переживал я. Тогда я был готов на любой выход. Когда я пришел первый раз на собрание, я подумал, что это какая-то секта — читают какую-то странную молитву, которая похожа на молитву Оптинских старцев, но и не она, называют бога «Высшей силой», да еще и говорят о «боге, как я его понимаю». Весь мой православный бэкграунд восставал против таких неблагоговейных и неблагопристойных вещей. Какой, простите, «бог как я его понимаю», если все уже объяснено и рассказано у отцов и старцев? Я же ведь бога никак познать не могу, только через таинства и святую! Но там я впервые увидел людей, которые успешно справились с проблемами, подобными моим, и помогла им совсем не религия, хотя

некоторые были и оставались вполне себе и религиозными, и православными. Но именно так начался путь моего внутреннего исцеления.

Основное, что со мной произошло сначала — я разрешил себе чувствовать любые чувства. Если в церкви приветствуются только «благообразные» чувства смирения, умиления, ощущения благодати, раскаяния, вины, а случаи гнева и раздражения я должен был старательно вносить в свой исповедальный «отчет о проделанных грехах» перед каждым причащением, то теперь я поступал по-другому и разрешил себе даже негативные чувства.

Это было очень больно. Мой собственный образ благополучного воцерковленного человека разлетелся в прах, изнутри выходила немотивированная, как мне казалось, агрессия, временами я буквально рвал и метал. После первых месяцев гнева я понял, что меня просто раздирает обида на бога. Настоящие православные знают, что это тоже грех. И этот грех высокопарно называют «ропотом», при этом, как с любым грехом, с ним надо бороться и его надо исповедовать, потому что потом ропот может перейти в ужасный грех «богохульства». Я был очень этим напуган, и так как в 12-шаговых программах достаточно православных священников, я решил поехать к ближайшему «программному» священнику и рассказать о своих состояниях. Мы хорошо поговорили, но он ужаснул меня тем, что рассказал, что тоже иногда обижается на бога, спорит с ним и даже грозит ему. Я уехал от него в недоумении, как же так можно, но подумал, что вот же, кому-то даже хуже, чем мне, раз он допускает такое «богохульство». Знал бы я, что со мной будет происходить дальше.

С какого-то момента я четко понял, что религиозность и духовность — очень разные вещи. Я видел людей, которые не были религиозными, но были духовными и чувствовали себя хорошо, а мне по-прежнему было не очень со всей моей религиозностью. И постепенно церковные запреты стали спадать. В конце концов я разрешил себе гневаться на бога. Тот поток нецензурной лексики и претензий, который я отправлял ему вместо молитв на церковнославянском, оказал на меня волшебное действие. В моих отношениях с богом появилось то, чего до этого не было никогда: честность. С самого детства я общался с богом через свою религиозную маску, ведь написано же в писании, что бог слышит только праведных, поэтому я старался быть хорошим и «праведным», то есть правильно, «православно» все делать в своей жизни. Поэтому я был уверен, что я не нужен богу такой,

какой я есть, и обращался к нему из «идеального образа себя» — из иллюзии. И никакой встречи не происходило. А на самом деле мне хотелось послать этого бога куда-подальше и «вернуть билет», а также спросить с него за все те косяки, которые он допустил (начиная с Адама и Евы, например). И только после того, как я все ему высказал, я смог допустить, что обычное церковное представление о боге для меня не работает, но это касалось именно представления о боге, а не самого бога.

Благодаря 12-шаговой программе я стал получать опыт ощущения и общения с новым для меня представлением о боге (любящем, всепрощающем, родном, теплом, успокаивающем, умиротворяющем, дающем силу, мудрость и т.п.). При этом моя религиозная жизнь протекала параллельно — я продолжал жить «церковной» жизнью. Но с определенного момента работы в программе я вдруг понял, что у меня пропал «мистический» страх. Я перестал бояться бесов, темноты, сглаза, порчи, мести бога и других важных и просто неотъемлемых для меня атрибутов религиозности. Я понял, что бог меня действительно любит и хочет мне только хорошего.

Выход из религиозности

С тех пор мои церковные практики как-то сами собой стали уходить из моей жизни. Получалось, что в религии я почти все делал из какого-то своего детского страха, который вдруг пропал, когда я повзрослел и стал брать ответственность за собственную жизнь. Но это касалось внешней жизни. Детские установки о карающем боге никуда не делись, при этом в мою жизнь уже вошла любящая высшая сила, и вот тут началось самое интересное. Внутри меня стали жить два разных представления о боге: карающий бог религии (наказывает за грехи, заставляет мучиться на этом свете, большинство людей держит в неведении относительно истинной православной религии и т.д.) и любящая высшая сила. С этим надо было что-то делать, но мне по-прежнему было страшно менять свои детские установки.

Осознание религиозного насилия

Так как одной из главных установок была: «тот, кто критикует церковь, от дьявола», то хотя я знал про «Исповедь бывшей послушницы» Марии Кикоть, я боялся ее читать, потому что знал, что там будет «критика церкви». Но прошло несколько лет, мои представления о боге изменились, и я все-таки

решился. Я прочитал эту книжку с интересом, но никакой «критики церкви» я там вообще не нашел и очень удивился. «Нормальная церковная книжка про жизнь в монастыре», — подумал я и полез в интернет узнать, из-за чего весь сыр-бор поднялся. Почитал и впервые осознал, что обычные нецерковные люди воспринимают описанную в книге ситуацию унижения личности системой по-другому. Я понял, что, возможно, дело не в том, что ими управляет дьявол для критики церкви, а в том, что у меня самого «сбит прицел», и в том, что система неправильная, а не человек такой плохой, что он не смиряется.

В какой-то степени это похоже на то, как я воспринимал свое детство — я считал, что запои, скандалы и избиения — это норма обычной семейной жизни. Позже я узнал, что это не так. Тут же получалось, что я считал, что унижение другого человека «для смирения», сознательный обман и различные манипуляции виной и страхом ради «спасения» этого человека — это норма «обычной церковной жизни». И только после прочтения отзывов я узнал, что это не так.

После этого были книги Спиридона Кислякова и других, которые открыли, что, оказывается, в самой церкви можно иметь другое мнение по поводу самой церкви.

С определенного момента моя депрессия куда-то совершенно испарилась, я никогда до этого не чувствовал себя так хорошо. Для меня открылась новая и честная жизнь без религиозных страхов. Вместо имитации духовной жизни в виде осуждения себя (и всех остальных) и взращивания неизбывного чувства вины началась настоящая внутренняя работа над собой, которая стала приносить результаты.

На определенном этапе этой работы я столкнулся с совершенно непонятными мне на тот момент внутренними установками: у меня был запрет заниматься чем-либо, что приносит мне удовольствие, и я не видел смысла вообще что-либо делать в жизни. Оказалось, что, хотя я полностью отказался от внешней обрядовости, внутри сама структура моей личности строилась из кирпичиков религиозных установок, поэтому неудивительно, что я не мог себе разрешить сделать для себя что-то приятное, ведь страданиями входят в царствие небесное, блаженны плачущие, бог терпел и нам велел и т.д. И также я не видел смысла в «мирской» деятельности

потому, что мир во зле лежит, грядет конец света, не имеет смысла жениться, рожать детей, заниматься чем-либо в миру.

В конце концов я просто сел и выписал все религиозные убеждения, которые транслировались мне с самого детства, и ужаснулся. Я рассказал об этом другому человеку, тоже верующему, но который пришел в религию уже сложившейся личностью, и он не мог поверить, что такое возможно. Самое интересное, что я тоже начал сомневаться в том, что со мной происходило все то, что я описал здесь. Я помню, что в течение какого-то времени ощущал, что буквально схожу с ума — мое сознание ушло в сильное отрицание, я не мог поверить в то, что подобное религиозное насилие происходило со мной (а не только с Марией Кикоть, к примеру). Думаю, это очень похоже на то, что происходит с жертвами сексуального насилия в детстве: сознание не выдерживает того, что произошло, и просто отрицает сам факт случившегося и буквально стирает все из памяти (см. очень яркий пример в книге «Узник иной войны» Мерилин Мюррей). Но то, что я все это тогда записал на бумагу, помогло мне сохранить здравость. Я это не придумал, это действительно случилось со мной, а не с кем-то другим.

После этого мое представление о мире рухнуло. Моя религиозная картина мира рассыпалась буквально за несколько дней, и все сомнения и вопросы, которые так долго были внутри, вырвались наружу. Раньше я с ужасом смотрел на людей, которые отошли от церкви, потому что думал, что они «потеряли благодать», а старец говорил, что если господь заберет от человека благодать, то он за одну секунду станет великим грешником, блудником или наркоманом. То есть вся система была построена на страхе.

Теперь же я полностью отошел от церкви сам, но почувствовал только радость и потрясающую внутреннюю свободу. Мир снова стал обретать краски. Жизнь из унылой подготовки к смерти стала превращаться в дар любви. Человеческая история, которая по учению церкви была просто непрерывным падением вниз, превратилась в творческий поиск с ошибками и достижениями. Окружающие нецерковные люди перестали быть врагами бога. «Грехи» перестали быть стеной, которая навсегда отделяла меня от бога и ввергала в ад, потому что я понял, что жил в мире «перевернутой духовности»: кому вообще могла прийти в голову идея, что то, что я занимался сексом с женщиной до того, как у нас появился штамп в паспорте, или что я разгневался на кого-то («смертные» грехи), способно

«отвратить» от меня бога, который все сотворил? Как вообще можно было себе представлять бога настолько мелочным и обидчивым, что он покидает человека за какие-то «ошибки»? А так как все это теперь было не нужно, во мне умер мой внутренний религиозный критик, который постоянно оценивал каждое мое действие, был голосом «православного бога» внутри.

Самоидентификация

Моя внутренняя перемена произошла очень быстро, и в каком-то плане я не доверял себе, не мог поверить, что все именно так, и можно ПРОСТО ЖИТЬ без религии. Все мои прошлые убеждения и опыт противоречили этому. И мне важно было убедиться, что я не сошел с ума и что я не один такой, нужны были идентификация и взаимная поддержка от таких же людей, как я. Сначала идентификацию я нашел на «Ахилле», читал статьи из серии «Исповедей анонимных прихожан», ухожан и т.д. Мой опыт был очень похож на то, что писали авторы сайта.

Потом в 12-шаговом сообществе начались группы в Скайпе по религиозному насилию, и я был удивлен тем, скольких людей (и не только православных) это затронуло. Большинство были благодарны, что есть просто возможность честно об этом поговорить, потому что тому, кто пережил религиозное насилие, трудно объяснить это человеку со стороны или даже психологу, если у того не было подобного опыта.

Выводы

Основные выводы, которые я сделал для себя в ходе работы в группах, благодаря идентификации и поддержке других участников:

1. религия помогала мне всю жизнь оставаться в позиции жертвы. Когда, казалось бы, внутренняя боль и обстоятельства подталкивали меня к тому, чтобы что-то изменить, я все равно выбирал путь наименьшего сопротивления. Идея «смирения» и бездумного полагания на «божью волю» приносили мне облегчение практически без каких-либо усилий и внутренней работы с моей стороны, и я раз за разом в течение десятилетий бессмысленно делал одно и то же: молился, каялся и приступал к таинствам. Отсюда беспомощность, инфантилизм и пессимизм.
2. Только в ходе этой работы я понял описанную причину своей депрессии и обнаружил, что это самая яркая черта подавляющего большинства людей, переживших в детстве религиозное насилие. Причина в огромной разнице

между бесконечно завышенными ожиданиями (быть лубочным «святым», чтобы «спастись» и попасть в царствие небесное) и реальным самим собой. Любой человек — это просто человек, а не бог, и он не может все время левитировать и пребывать в молитве и посте. На самом деле это тяжелая антиномичная установка даже для психики здорового взрослого человека, а ребенка эти противоположные убеждения заводят в полный тупик, из которого он уже не может выбраться. Посмотрите, как взрослые в церкви рационализируют и пытаются найти выход из этого противоречия между неумолимым богом, карающим за грехи, и необходимостью спасения: придерживаются точки зрения, что «бог всех помилует», несмотря ни на что, ну или помилует хотя бы всех православных (такой локальный апокатастасис), католики для этой цели придумали чистилище, православные придумали мытарства, а один мой православный знакомый, который воцерковился уже в сознательном возрасте, вполне серьезно утверждает, что хотя он и не святой жизнью живет и позволяет себе «запретные» удовольствия, но бог после смерти даст ему немного помучиться, а потом все равно в рай. И я этому знакомому по-настоящему завидовал, потому что я приобрел эти установки в детстве, а любой ребенок — максималист, он понимает все буквально. Как следствие — безысходность и выученная беспомощность без надежды что-либо изменить в своей жизни или мире вокруг себя.

3. Православие извода конца XX и начала XXI века для меня было системой религиозного и идеологического насилия. Дело даже не в том, правильные вещи говорились или нет. Дело в том, что любая система насилия коверкает душу. Сейчас для меня основное свойство бога — свобода. Там, где насилие, бога для меня нет. При этом религия не сработала конкретно для меня, но я не центр вселенной, и если она кому-то помогает, это прекрасно. Мне это тоже это помогало, но помогало пробивать очередное жизненное дно и опускаться ниже.

4. Одна из основных православных травмирующих установок была такой: бог не принимает меня таким, какой я есть, поэтому я обязательно должен делать что-нибудь «этакое», чтобы он меня любил и принимал. В конце концов я понял, что если бы всемогущий бог хотел, чтобы люди были исключительно «религиозно-духовными», он бы создал их такими. Но я такой, какой я есть. Основная проблема моей религиозности — запрет быть собой. Сейчас я чувствую, что «прощение от бога» — это принятие себя.

Также хотел бы упомянуть о еще одной особенности. У человека с опытом детской религиозности выход из религиозной системы насилия особенно затруднен в силу того, что такой человек просто не может представить себе жизни без веры в хоть «какого-нибудь» бога. Сама эта мысль об отсутствии веры вызывает страх. И в каком-то смысле в этом есть своя правда: теоцентричное мировоззрение, то есть система взглядов и убеждений, в которой бог является центром всего, ничуть не хуже остальных систем, и даже имеет определенные преимущества (по моему личному мнению). И вот тут у православия отличный козырь — оно говорит, что альтернатив нет: отклонение в другую религию является ересью, а потеря веры — это атеизм, «духовная смерть» по факту. Для религиозного же человека 12-шаговая программа предлагает возможность другого понимания духовности без религиозных установок, в каком-то смысле даже трансформацию и более глубокое понимание «старой» веры за счет повышения уровня осознанности и личного контакта с богом.

Возможные возражения

Предвижу, что на все написанное от рьяных православных может быть два основных возражения:

а) моя «ненормальная религиозность» — следствие исключительно воспитания в ненормальной семье/в ненормальное время/в ненормальной стране (нужное подчеркнуть). Думаю, что в этом есть доля правды, хотя я не выбирал ни семью, ни эпоху, ни страну (ни религию, кстати). Но это и не очень важно, потому что религия с самого детства обещала решить все мои проблемы («главное — духовность, все остальное приложится»). То есть это снова обычный «церковный аргумент» — причина в чем угодно, но не в системе. Именно для этого нужна идентификация от других людей, чтобы понять, что это неправда. Чтение статей на «Ахилле» и общение в группах помогло мне понять, что «сбоит» именно система, и «ненормальная религиозность» заложена в самой системе;

б) апологеты «сферического православия в вакууме» скажут, что все описанное — «перегибы на местах», в целом все умирительно и благодатно, посмотрите, какое в церкви духовное сокровище и сколько всего хорошего. С одной стороны, не могу с этим не согласиться. С другой стороны, православие со своей двухтысячелетней историей, как и другие религии, обладает полным набором инструментов для чего угодно от действительно

прекрасного до самого ужасного. Просто почему-то в моей жизни и в современной общецерковной жизни актуализируются именно дисфункциональные практики. Я знаю, что есть не только отрицательный опыт религиозности, из XX века можно навскидку вспомнить Александра Меня, Антония Сурожского, Софрония Сахарова. Только обратите внимание, что их всех, таких разных, объединяет одна интересная черта: никто из них не был человеком «системы».

Эпилог

Последствия любого насилия, в том числе религиозного, не исчезают сразу. Хотя качество моей жизни сейчас несравнимо лучше, чем было до этого, какие-то вещи оказались слишком вшиты в структуру моей личности. Это может показаться смешным, но до сих пор, когда кто-то каким-то образом хоть немного критикует церковь или какой-то аспект церковной жизни, у меня внутри срабатывает условный рефлекс, и я против своей воли чувствую раздражение по отношению к этому человеку, хотя сам часто согласен с этим человеком и говорю более «ужасные» вещи. Периодически в глубине моего сознания возникает образ карающего православного бога-садиста и психопата вместо образа по-настоящему любящего бога. Секундами мне кажется, что карающий сумасшедший бог-тиран, который «любит до ревности», придет и накажет меня или мою семью за то, что я не выполняю обряды и не «ублажаю» его. Просто гоню эти мысли. Думаю, что образ этого бога — это в какой-то степени экстернализация моих страхов, а тогда коллективный образ бога — это экстернализация коллективных страхов. Нахожу все больше подтверждений этой мысли.

Мне понравилось, как один человек рассказывал, что в течение обычной жизни он обращался к образу бога, который был отражением не самых лучших черт этого человека, но в периоды особой опасности и боли он мог прорываться от этого образа бога к «надбогу», который действительно помогал и отвечал. Мне нравится мысль, что сейчас мне не надо находиться в состоянии боли или страха, чтобы общаться с «надбогом».

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ РЕЛИГИОЗНОГО НАСИЛИЯ В ПРАВОСЛАВИИ

Тот же автор

Этот текст — попытка более-менее системного описания последствий того, что мне дало почти 30-летнее пребывание в РПЦ. Очень подробно свою религиозную жизнь я описал в предыдущих статьях, поэтому ниже краткий пересказ того, что со мной происходило.

Я вырос в крайне религиозной семье образца неопитских 90-х годов. Дело еще осложнялось тем, что мой отец был запойным алкоголиком, а мать созависимой. Моя детская религиозность под влиянием семьи началась в 5 или 6 лет, в 13 лет у меня начались депрессии, после чего я еще глубже погрузился в религию. Я был также чадом «духоносного» старца. Потом был отход от церкви, попытка суицида и очередное возвращение в церковь с теми же печальными результатами топтания на одном месте, пока после 30-ти у меня не произошел очередной кризис, после которого я попал в одно из 12-шаговых сообществ, а позже в группу по преодолению последствий религиозного насилия. После этого я прекратил религиозные практики и занялся собой.

На «Ахилле» поднимался вопрос реабилитации клириков и монахов после выхода из церкви, но миряне страдают от церковной системы не меньше. Единственным отличием считается, что бывшие клирики и иноки тяжелее социализируются, им надо заново учиться заботиться о себе финансово. Но многие миряне также связывают свою жизнь с церковно-приходской жизнью и начинают зависеть от церкви и финансово. Мне кажется, что дело тут не в сани или обетах, а в том, что чем сильнее человек погружается в религиозную систему, тем сильнее она его травмирует.

Меня заинтересовала проблема религиозного насилия и то, как религиозность повлияла на мою жизнь. Из той литературы, которую я нашел по этой теме на русском языке, я ознакомился с книгами «Маски авторитарности: очерки о гуру» Дж. Крамера и Д. Олстед и «Освобождение от психологического насилия» С. Хассена, а также со статьями в интернете по этой теме. Наиболее полная классификация религиозного насилия приводится у Хассена в его ВІТЕ-модели, также он приводит множество других вариантов.

Надо отметить, что большинство классификаций относятся вроде как к насилию, которое совершается в т.н. деструктивных сектах. Но в ходе чтения я обнаружил, что хотя я был в мейнстримовом православии, практически все признаки религиозного насилия применимы и к моему

опыту. Единственная разница состояла в том, что в некоторых сектах (но далеко не во всех!) манипуляции и искажение сознания на почве религии делаются сознательно и с умыслом. Православию же я это приписать не могу. До сих пор уверен, что подавляющее большинство священников и прихожан делают все это «от чистого сердца». Но как бы то ни было, результат один и тот же.

Религиозное насилие — это мировоззренческие манипуляции, которые ведут к разрушению человека. Насилие проявляется в том, как религиозная система реализуется в жизни отдельно взятого человека, который, следуя дисфункциональным установкам, или не удовлетворяет свои потребности, или разрушает себя, или причиняет ущерб окружающим, или делает все это одновременно, как это было в моей жизни.

Ниже я буду последовательно приводить описание признаков религиозного насилия, и рассказывать о последствиях, о том, как это проявилось в моей жизни.

Несколько необходимых предварительных замечаний:

— цель статьи — не критика церкви или христианства как такового. Но оказалось, что у меня были такие близкие отношения с Христом, церковью и религией, что описывать свой опыт в отрыве от писания и предания не представляется возможным.

Все религиозные установки, которые я привожу, оказались почти намертво встроенными в мою личность. Соответственно, я описываю вещи, которые были трагичными и болезненными лично для меня, и об этом следующее замечание;

— мой религиозный опыт был именно таким в том числе из-за того, что я был очень чувствительным и восприимчивым ребенком, и не все мои сверстники из религиозной среды, в которой я вращался, принимали все так близко к сердцу, как я.

Я прекрасно понимаю, что то, что наносило ущерб мне, взять, например, представления о скором конце света, вообще может не задеть другого ребенка или взрослого. В силу особенностей своей личности, возраста, семьи и социального окружения я был особенно чувствителен к идее конца света и во всем искал признаки грядущего апокалипсиса. Но чтение православных или бывших православных авторов утвердило меня во мнении, что я был

такой не один, и этой паранойе было подвержено достаточно много людей, в том числе взрослых, и среди них вполне образованных и интеллектуалов. И отсюда вытекает последнее замечание о том, для кого этот текст;

— я писал его исключительно для двух категорий людей. Во-первых, для тех, кто, как и я, пережил подобный травмирующий религиозный опыт в детстве или уже во взрослой жизни, и на ком все это оставило болезненный отпечаток. Вкратце, смысл был в том, чтобы показать последствия, осознать их и понять, что выход есть. И во-вторых, для тех, чьи дети могут соприкоснуться с религиозной системой на каком-либо этапе жизни (православный детский сад, гимназия, воскресная школа, курсы, семинария и т.д.). Совершенно не факт, что из исходных предпосылок, которые я описал, они сделают такие же выводы, как и я. Новое время предполагает новую интерпретацию. Но существует вероятность того, что среди ваших сыновей или дочерей есть впечатлительные и особо чувствительные к определенным вопросам дети, и если после прочтения вы задумаетесь о том, как могут религиозные установки повлиять на вашего ребенка, этого будет достаточно. Мои родители, к сожалению, не имели такой возможности.

Учение о карающем боге

Можно бесконечно писать о «совершенной» евангельской этике любви, но факт остается фактом: Новый Завет — прямой наследник Ветхого Завета, а в некоторых моментах он обострил те вещи, намеки на которые только начали появляться в иудейских писаниях. Существование ада, о котором говорится в евангелиях в виде геенны огненной с червями и огнем, муки вечной, огня вечного, просто ада как такового, предполагает наличие судьи и карателя, т.е. того, кто осуществляет наказание.

К сожалению, в христианстве крайне неудачно судья, прокурор и палач объединены в одном лице — всем этим занимается сам бог. В этом плане позднейшие апокрифические истории с мытарствами и преисподней, наполненной бесами, — это как раз одна из попыток оправдания бога и снятия с него ответственности за это безобразие. Напомню, что там в роли прокуроров и палачей выступают бесы, а светлые силы (ангелы, святые, сам бог) просто стоят в сторонке и фактически разводят руками, если вы не удосужились поднакопить добрых дел. Но в евангелиях не так: из речи Иисуса прямо следует, что именно бог отделяет овец от козлиц, никакие

бесы в качестве посредников обвинения и исполнения наказания ему не нужны, поэтому бог однозначно карающий.

Как бы то ни было, если вы приходите в религию в более-менее зрелом возрасте, у вас есть возможность порационализировать на этот счет, подыскать какие-то оправдания, как-то примириться с этой несуразицей. Но я был ребенком и ничего противопоставить этой идее не мог. Мне пришлось смириться с идеей всецело карающего бога.

Все это обильно подкреплялось историями Ветхого Завета, житиями древних и современных святых и подвижников, которые я потреблял в больших количествах. Там уж бог во всей красе разворачивался и за грехи косил народ направо и налево, что только успевай уворачиваться, причем занимался он этим всегда. Начиная со всемирного потопа, нечестивых Содома и Гоморры, древних египтян с египетскими казнями, несчастных семитских народов, которых угораздило поселиться на обетованной земле до евреев и которые за это были вырезаны почти начисто с божественной помощью, бог не переставал посещать своих верующих (и неверующих) своей милостью в виде обильного урожая смертей. Приход спасителя начался с легендарного геноцида невинных вифлеемских младенцев, а логический итог пришествия своего сына милосердный и всепрощающий бог подвел, начисто уничтожив Иерусалим с нечеловеческими пытками и мучениями его населения. Помните за что? А это еще в евангелии доступно объясняется — за то, что не приняли своего спасителя. Не имеет значения, что на тот момент в городе жили сыновья и внуки тех людей, для такого бога времени не существует. Далее милосердная рука бога проявлялась в средневековье и, конечно, кровавой русской революции и советском периоде, которые были «карой божией» за грехи русского народа.

В связи с этим меня сейчас совершенно не шокируют высказывания священников и епископов о том, что ковид — это божья кара за грехи. Это абсолютно вписывается в манеру поведения этого разъяренного бога. Тут надо удивляться и служить благодарственные молебны за то, что это психованное верховное божество сейчас убивает меньше людей, чем обычно на протяжении истории.

Если подвести некий логический итог проявлению идеи карающего бога в писании и предании, то ее хорошо выражает на личном уровне концепция «страха божьего». Да, конечно, этот страх потом должен переходить

у совершенных в любовь Божию, но я вот на протяжении почти 30 лет в церкви не смог этой любви достичь, поэтому с самого детства приходилось довольствоваться страхом.

Но религиозная жизнь включала также обширную устную традицию, которая передавалась из поколения в поколение. Когда с детства постоянно слышишь «боженька все видит», «споткнулся — это бог наказал», «бог ему судья», «бог накажет» и т.п., трудно становится верить в милосердного бога.

Последствия: страх, тревога, ожидание наказания и кары, потеря желания вообще что-либо делать, если никак этого карающего бога удовлетворить нельзя.

Надо отдать должное А.И. Осипову, именно запись его лекции «Бог есть любовь» открыла мне идею божественной любви в более-менее адекватном виде. До сих пор помню, как я рыдал, когда впервые слушал ее в юности. Кто знает, может быть, я бы раньше ушел из церкви, если бы лекции и книги Ильича не открыли мне новой глубины в казавшейся тогда пустой церковной действительности, так что я продолжал барахтаться в ней еще 20 лет после этого.

Но вы думаете, что любовь бога способна компенсировать его карающий характер? Для меня нет. Все-таки пропасть огромна. Уверен, что многие более-менее адекватные клирики пытаются смягчить последствия этой идеи, понимая ее несостоятельность хотя бы на подсознательном уровне. У меня к ним много сочувствия, потому что жизнь в постоянном раздразе между непрерывным утверждением гневливости бога и попыткой ее отрицать несмотря ни на что приводит к невротизму, как это было со мной.

Запрет на критическое мышление в отношении религиозных установок и безоговорочное подчинение религиозным авторитетам

С самого детства я абсолютно некритично воспринимал то, что мне говорили о боге родители или люди в церкви. Это уже была прекрасная база для того, чтобы выключить мозг в отношении религии. Читая соответствующую литературу, я находил все больше подтверждений тому, что любые размышления на тему божественного бессмысленны, а то еще и вредны, потому что я не освободил своего сердца от грехов для чистого богомыслия. Да, в этих же книгах утверждается, что рассуждение — главная добродетель, но может ли каждый верующий сказать, что он этой добродетелью

обладает? Если нет, тогда нужно руководство или более опытных (старцев), или соответствующей литературы (как известно, оскудели учителя и надо учиться теперь по книгам). Плюс бесконечные примеры из отечников, лугов духовных, историй о старцах XIX-XX вв. о том, что чада и ученики должны безоговорочно подчиняться авторитету своих наставников, иначе милосердный бог их покарает для их же блага.

В подростковом возрасте и старше я стал уже бояться более серьезных вещей. Начитавшись Брянчанинова и других подобных авторов, я стал опасаться впасть в прелесть. Механизм впадения в прелесть можно кратко описать выражением «шаг влево, шаг вправо — расстрел». По мнению отцов, о духовных предметах можно было мыслить только в состоянии предельного покаяния и смирения (читайте «вины»), все остальные состояния вели к бесовским соблазнам. Бесы могут опутать мысли истинно верующего и совлечь его в падение. Критериев падения было несколько: впадение в смертный грех (гнев, блуд и т.п.) или же самое опасное падение — (!!!) думать о божественном не так, как написано в писании и у отцов. Вот и захлопнулась мышеловка.

Следует постоянно держать в голове, что в религиозной жизни все очень серьезно. На кону успешная или неуспешная загробная жизнь. Поэтому верующий готов отказаться от неподобающих размышлений о боге ради рая после смерти. Ему кажется, что это вполне выгодная сделка.

Страх прелести — это фактически запрет на собственный опыт и его интерпретацию, отсюда в православии практически панический страх всего нового (новых форм богослужения, языка, одежды и т.д.).

В православии есть раз и навсегда определенная точка зрения, других мнений не допускается, все разрешенные мнения должны лишь подтверждать исходные предпосылки. Нельзя подвергать сомнению основные постулаты: божественность Христа и его безгрешность, описание бога, которое содержится в Символе веры, все позднейшие надстройки вселенских соборов. Как всем известно, это вещи, даже думать о которых православному по-другому нельзя, потому что тогда он автоматически переходит в разряд еретиков и подвергается неиллюзорной анафеме, которая зачитывается в день Торжества Православия и содержит такие слова: «Дерзающим глаголати, яко Сын Божий не Единосущный

и не Равночестный Отцу, такожде и Дух Святой, и исповедающим Отца и Сына, и Святого Духа не Единого быти Бога: анафема».

Последствия. Во всем этом есть одно преимущество: не надо сильно напрягаться по поводу собственного выбора, все уже и так известно.

Недостатки: опять страх, на этот раз страх думать, покорность, отсутствие творчества и интереса, скука. В самой церкви мы наблюдаем полнейший тупик литургического и богословского творчества. Даже акафисты новопрославленным святым — почти всегда унылое и бездумное повторение мертвых шаблонов византийского словоблудия.

Отсюда, кстати, необходимость защищать всю чушь, которая накопилась в религии за тысячелетия. Сколько умственных усилий тратится на то, чтобы отстаивать каждое слово писания и предания, которое противоречит науке и элементарному здравому смыслу. Мы видим бесконечных батюшек, которые повествуют о мифических подвигах мифических святых.

Внимание верующего повернуто исключительно в сторону прошлого. В этом запрете на свободное размышление, возможно, кроется причина всплеска интереса к переводам и изучению древних и средневековых отцов, который произошел в конце XIX века и продолжался достаточно активно в первой половине XX века. Наверное, была надежда на то, что уж «святые»-то отцы все объяснят и разъяснят, уж им-то бог все открыл. Но надежда не оправдалась, сейчас патристикой серьезно увлекаются только узкие специалисты, не ища в ней советов на все случаи жизни.

Хотя я лично слышал, как Тихон (Шевкунов) на проповеди рассказывал, что мы до сих пор можем вживую общаться с великими старцами и находить у них ответы на все вопросы, имея в виду сборники высказываний Оптинских и иных старцев. Что ж, кому-то, возможно, и хватит забавных выражений типа «нужно жить нелицемерно и вести себя примерно, тогда наше дело будет верно, а иначе выйдет скверно», но реальная жизнь все-таки немного сложнее.

Деление на черное и белое, священное и дьявольское

Я затрагивал эту тему немного в своей первой статье, когда писал о «черноте» и глубоко раздвоенном религиозном сознании. В моей жизни бонусом к светлой стороне религии шли все эти истории про порчи, сглазы, ведьм, колдунов, бесов, демонов, дьявола, ад. Абсолютно все делилось на

две категории, потому что носитель религиозного мировоззрения прямо-таки заморожен идеей разделить весь мир и ощущать себя на светлой стороне. Очень приятно быть на передовой этаким джедаем, который борется против вселенского зла. Инструментарий для подобного разделения практически необъятен, масштаб можно подстраивать под себя и свои запросы. В моем окружении в 90-х годах все начиналось с мелочей — святая/несвятая вода, освященный хлеб (просфоры)/обычный хлеб, освященная/неосвященная квартира, а потом все переходило на более серьезные уровни — верующий человек/неверующий человек, православная страна/неправославная страна, христианский мир/нехристианский мир.

Все можно было отнести к определенной категории, причем критерии отнесения пахивали бредом и паранойей. Навскидку вспоминаю, что запрещалось называть животных христианскими именами (кошка Машка, собачка Боня (Вонифатий!) и т.д.) потому, что животные «нечистые», поэтому таким образом мы богохульствуем, давая нечистому «чистые» имена. Или в карты нельзя играть потому, что крести символизируют крест, буби — голгофскую губку с уксусом, пика — копье воина, который ранил Христа.

Примеры бесчисленны, как песок морской. Шутка ли — разделить весь мир на две части! Это действительно серьезная работа. Но самое страшное, что приходилось рассекать самого себя. Само понятие духовной жизни в том изводе православия, в котором я варился, предполагало постоянное блюдение помыслов и слежение за собой, отлавливание плохих (греховных) движений.

Постоянному разделению себя и, как следствие, сосредоточенности на плохом в себе очень способствовала практика частой исповеди, когда нужно было рассказывать богу в лице священника о том, как ты плохо себя вел или как плохо думал. Кроме вечных качелей от чувства вины до исповеди к облегчению и «освобождению от грехов» после исповеди это ни к чему конструктивному не приводило. Каждый настоящий православный знает, что бесконечное перечисление своих недостатков и промахов не дает никакого результата, годами эти списки не меняются, да и не могут измениться, потому что то, что называется, например, «блудными помыслами», «печалью» или «гневом» — это нормальные стороны человеческой жизни, без которых люди превращаются в биороботов, ну или

в православных биороботов в платочках, длинных юбках, с очами, опущенными долу.

Последствия. Снова эта вечная раздвоенность сознания, ведущая к невротизму, и снова необходимость убеждать себя в том, что это белое, а это черное, хотя, как известно, четких границ не существует. Самое страшное — необходимость постоянного осуждения себя и каждого своего внутреннего движения. В итоге это привело меня к попытке самоубийства, о которой я писал, потому что мне говорили «все хорошее от бога, все плохое от меня», и получалось, что я являюсь средоточием зла и ничего не могу с этим поделать, только уничтожить себя.

Деление на мы и они

Это очевидное продолжение темы разделения на черное и белое в более узком социальном аспекте. И снова перед верующим расстилается безбрежный простор для масштабирования этой идеи: верующие/атеисты, христиане/нехристиане, православные/католики и протестанты, «правильные» православные, которые признают Халкидонский собор/нехалкидонские церкви, снова «правильные» православные/старообрядцы, «правильные» православные Московского патриархата/все остальные раскольники, «правильные» православные нашего прихода или окормляющиеся у нашего старца/все остальные православные. На горизонтальном уровне можно делить всех, с одной стороны, на грешников и праведников, с другой — на фарисеев и мытарей. Уже от этого бесконечного разделения можно свихнуться, но это только цветочки.

Дальше абсолютно логичен переход на уровень нации и страны. Знаменитое «мы русские, с нами бог» — это прямое следствие этой установки. Вокруг враги, которые хотят нас поработить, потому что мы такие хорошие и праведные. Опять мы участвуем в битве добра и зла, на этот раз на государственном уровне. Даром, что у нас верующих несколько процентов, но страна-то православная! И в моем детстве и до сих пор достаточно много православных считали и считают, что мы — избранные, на нас держится мир. Если не будет в мире православных, если «держай» исчезнет, то мир падет и наступит конец света.

Отсюда, кстати, эта пламенная любовь большинства верующих к конспирологии. Самые безумные теории заговора прекрасно вписываются в эту идею разделения. Ну и заодно можно свалить вину за все неудачи на них, на врагов. Очень удобная позиция.

Последствия. Лично для меня это снова обернулось катастрофой, потому что с такими идеями в голове я был не способен к нормальной социализации в школе и даже институте. Я постоянно ощущал себя, с одной стороны, избранным, потому что соблюдал все религиозные предписания, участвовал в таинствах, чувствовал действие благодати в моей жизни, а с другой, белой вороной. Как следствие, я не мог не осуждать других за то, что они не такие (необходимость этого осуждения постоянно транслировалась в храмах на проповедях и постулировалась в книжках), и у меня возникли сложности в построении близких и доверительных отношений с людьми, которые не являются членами моей конфессии. Ребенку и подростку достаточно сложно переживать собственную изоляцию, и выход я снова искал в религии. Опять замкнутый круг.

Манипуляции греховностью, виной и загробными мучениями

В церкви мне говорили, что с самого начала человеческая история не заладилась. Адам и Ева согрешили, ослушавшись бога, и так в человечество проник первородный грех, который привел к череде необратимых негативных последствий, и изначально в том, что произошло, виноват именно человек. Непризнание собственной вины православие расценивает как гордыню. Таким образом, есть только один путь — путь бесконечного погружения в эту вину через постоянное осознание собственной греховности.

Этой идеей пропитана вся литургика, все акафисты, каноны, молитвы, жития. Каждую минуту на богослужении слышишь слова «помилуй», «грешный» и «грехи». Эта идея постоянно вбивается верующим в голову, и сопротивляться ей нет никакой возможности. Я закинул стандартный текст Последования литургии Иоанна Златоуста в анализатор частотности слов, и неудивительно, что после слов «господь», «бог», «отец», «дух», «век» следующим значимым словом стоит «помиловать». Постоянная исповедь в качестве допуска к причастию также вгоняет в вечную вину.

Иногда мне кажется, что религия была придумана исключительно для того, чтобы экстернализировать чувство вины, которое откуда-то возникает и которым человек бессознательно мучается. Религиозные же убеждения и истории выводят эту вину в сферу осознанности, делают ее в некотором роде внешней по отношению к человеку, и так с ней становится легче справляться.

Про ад я писал в первом признаке. Добавлю только, что никакая теодицея не способна дать оправдание концепции преисподней, ада или вечных мучений. Это тоже явно человеческое рационализирование по поводу идей справедливости. Карма, чистилище, перерождения, загробные мучения — для меня это всего лишь попытки человека как-то справиться с ощущением несправедливости этого мира и перенести справедливость хотя бы в «тот» мир.

Последствия. Постоянное ощущение страха, подавленности, серьезнейшей ответственности за каждый свой шаг и непрестанное культивирование вины. Как следствие — неприятие себя, вечное недовольство собой и самобичевание. Религия прямо говорит, что бог не принимает меня таким, какой я есть. Чтобы он меня принял, стал общаться со мной, чтобы я мог установить личные взаимоотношения со Христом, я обязательно не должен быть самим собой, а быть каким-нибудь другим. В итоге никакого нормального общения с богом не возникает, потому мое иллюзорное придуманное я общается с иллюзорным придуманным богом.

Также из этого вырастают убеждения о необходимости добродетели терпения. Духовно авторитетные люди говорят, что надо потерпеть, что все плохое происходит из-за наших грехов, господь наказывает нас за наши грехи. Это основа всем известной пассивности, которая присуща современному православию. Каждый православный знает: лучше потерпеть здесь, чем мучиться в аду.

Когда у меня был пик депрессий, старец утешал тем, что это у меня крест уныния. Если я вынесу его здесь, на земле, то в царстве небесном мне будет за это венец. Идея классная, но получается, что, начав заниматься своим внутренним миром и избавившись от депрессии, я этот «венец» потерял. На этой же идее, кстати, основываются представления о том, что только своими страданиями и кровью можно искупить грехи, поэтому некоторые особо рьяные верующие болезни не лечат, потому что верят, что за это бог

дает им прощение их же грехов. Например, тот же старец, у которого я окормлялся, после смерти одной своей духовной дочери, которая много физически мучилась, говорил, что она так она искупала грехи своего заблудшего неверующего брата. Пусть это и не католическая идея о сверхдолжных заслугах святых, но уже близко. Тут страдание используется как разменная монета в торговле с богом, который может тебе отпустить твои грехи, если ты достаточно настрадался. Будучи глубоко верующим человеком, я в те времена не задумывался, а зачем же тогда умирал Христос? Получается, что его страданий недостаточно? Зато сейчас понимаю, что во всей этой истории с искуплением концы с концами не сходятся.

Постоянное ожидание конца света в ближайшей перспективе

Эсхатоложничать начали, конечно, не современные православные, но они успешно продолжают эту прекрасную традицию. Моя мать мне говорила в детстве, что миру осталось существовать максимум лет 20, а потом конец света, так что я ни заводить семью, ни иметь детей не собирался. Тоже самое говорил старец, у которого окормлялась наша семья: если в России не появится православный царь, то наступит конец света.

Пример из относительно недавних историй: на приходе, который я посещал, одна сердобольная преподавательница воскресной школы настолько запугала детей апокалипсисом, что они после этого пришли домой и начали прятать конфеты. И если сейчас это кажется немного маргинальным, то в 90-е годы это было мейнстримом.

Последствия. Тому, кто не испытывал этого ощущения на себе, трудно понять, что такое жизнь под постоянным эсхатологическим давлением. Возникает убеждение, что бессмысленно что-то делать в настоящем. В этой жизни ничего не имеет ценности, все самое главное исключительно за гробом. Отсюда тотальный пессимизм и ощущение бессмысленности жизни. Да, бог создал этот мир вроде как для радости, но человек его, видите ли, так испоганил, что теперь остается только одно — спалить его полностью.

Жизнь в отблесках апокалиптического зарева придает существованию особую изюминку. Я помню, что помимо обесценки настоящего и ощущения бессмысленности, у меня в связи с этим присутствовал также особый тип «благоговейного ужаса». Я читал «Видение Григория Мниха о Страшном

суде», и сердце мое замирало от ужаса, и я даже не скажу, что это было неприятно. Как вам, например, такое? Вершится Страшный суд и все народы стоят перед Христом. Григорий описывает «неидеальных» христиан:

«Согрешившие же в христианстве и без исповеди скончавшиеся казались по виду скверными и нечистыми, с темными и мрачными лицами, и было их много. У одних лица были цветом подобны земле, смешанной с пеплом, или как гной, у других лица казались изгнившими, и черви кишели на лицах их».

По-моему, это классно. В ужасе на самом деле есть что-то притягательное, не зря же одни смотрят ужастики, а другие крапают такие вот видения. И заметьте, что эта участь ожидала не страшных грешников, а просто верующих, которые «согрешили в христианстве», но не успели исповедаться перед смертью. Вполне вероятное развитие событий для многих верующих в случае неожиданной смерти, например, и очередное подтверждение магического «культа постоянного причастия», активно сейчас распространяемого.

Из этой же серии, уже во взрослом возрасте, я с удовольствием читал «Расторжение брака» К.С. Льюиса и «Мои посмертные приключения» Ю. Вознесенской. Да, это лайт-варианты, вместо червей там бессмысленная работа и серое существование в стиле «грешные россияне после смерти снова попадают в РФ», но суть одна и та же.

В предании подобные рассказы разбросаны по разным источникам, когда какой-нибудь полуправедник впадал в кому или был на грани смерти, он видел место посмертных мучений и рассказывал потом живым. Из последних подобных откровений я помню фильм «У черты вечности». В нем женщина после клинической смерти также очень красочно рассказывала все в таком же духе. Несомненно, в этом есть что-то завлекающее и притягивающее своей неотмирностью.

Это сейчас многие стали просвещенными, читают современных богословов и пытаются воспринимать все это «метафорически». На протяжении первых 10 лет моей религиозной жизни у меня такой роскоши не было. И кстати, современные почти просвещенные времена не гарантируют, что не придет следующее поколение, которое будет снова понимать Откровение Иоанна Богослова буквально. Потому что конец света в пределах одного поколения

совершенно недвусмысленно заложен в писании. Как раз попытки оправдаться, почему Христос так долго не приходит, выглядят достаточно жалкими. Они мало чем отличаются от оправданий каких-нибудь адвентистов седьмого дня, над которыми зря потешаются православные апологеты, по поводу того, что у адвентистов точная дата второго пришествия все откладывается и откладывается. Тут не над чем смеяться. Самим плакать надо, как говорится.

Все эти истории с антиИННэнистами и уходами в подполье, которые происходили в 90-е, сошли сейчас на нет. Но вполне возможно, что это очередное затишье перед бурей, и опьяненное религиозное сознание сейчас ищет очередную зацепку, чтобы погрузиться в пучину апокалиптических переживаний, которые, кстати, позволяют ему чувствовать себя ближе к возжеленному богу. Современная обстановка дает для этого много поводов.

Обещание «спасения» только в рамках одной единственной конфессии или общины

В моем случае это было постоянным утверждением православия как единственно верной религии и единственного истинного пути к богу.

В каком-то смысле это логическое продолжение деления на мы и они. Просто тут акцентируется внимание на критерии этого деления — правильности пути к спасению. Интересно отметить, что эта правильность всегда внешняя по отношению к человеку.

Самый простой случай, это когда избранность православия или христианства доказывается выражениями типа «так говорит библия/церковь/бог/Христос», т.е. идет ссылка на могущественные авторитеты, мнение которых как бы не подлежит обсуждению. Но есть определенное количество людей, которых это объяснение не удовлетворяет, тогда возникают такие дисциплины, как сравнительное религиоведение и апологетика. Тут уж всякий пускается, кто во что горазд. Один апеллирует к тому, что именно в православии совершается самое большое количество чудес (аналогичные необъяснимые явления в других религиях и культурах не в счет, они «не истинные»), другой твердит, что именно в православии больше всего мощей («дублирование» одних и тех же органов у одних и тех же святых не учитывается, и вопрос про то, почему культ мертвого тела

должен быть аргументом, не возникает), третий убеждает, что именно в христианстве больше всего мучеников (очевидный ответ в том, что христианство — самая распространенная религия, но это тоже не важно, и снова на другие религии внимание не обращается). Но самое классное — это благодатный огонь. Это аргумент, с помощью которого мы утираем нос католикам и армянам, потому огонь работает исключительно по старому стилю, и снисходит только на православную пасху, даром что греческий патриарх его сам зажигает.

Самый серьезный аргумент, на мой взгляд, это концепция любви, которая, по мнению А. Кураева, самая совершенная именно в христианстве. Но лично для меня сейчас нормальное гуманистическое отношение к человеку выше евангельской морали, которая обрекает жителей Иерусалима на жуткое уничтожение из-за того, что они не распознали в блуждающем иудейском проповеднике мессию, и в итоге приводит к причинению человеку добра и нанесению пользы без его воли, зато ради его спасения.

Этот признак — один из основных стимулов для религиозного насилия вообще. В картине мира верующего человека настоящая жизнь преходяща, значение имеет только загробная участь. Если с точки зрения верующего какой-то человек духовно погибает, то спасти погибающего — это добродетель. Как пишут отцы: за это много грехов простится. Это похоже на то, как если бы вы спокойно плавали в море, наслаждаясь прозрачной водой и солнцем, а тут вдруг к вам подплывает амбал, который подумал, что вы тонете, хватает вас за волосы и тянет на берег. С вашей точки зрения, над вами совершается достаточно грубое насилие, но с точки зрения амбала — он спаситель, и в этом деле любые средства хороши. В этом, кстати, была логика инквизиции, ведь в средневековье считали, что уничтожая тело ведьмы в огне, спасают ее бессмертную душу.

Очевидно, что в вопросе «правильности пути к спасению» работают исключительно субъективные критерии. Вполне возможно, что для кого-то действительно работает православная модель, кому-то это действительно «заходит», и люди от этого прямо кайфуют. Я допускаю, что как раз святые были из разряда подобных людей, которых аскетический путь православия «заводил». Но распространение этого пути на все человечество похоже на заявления о том, что я ношу ботинки 43 размера и не могу понять, почему всем остальным они не подходят?

Главная проблема этого признака религиозного насилия в моей жизни, в том, что про эту субъективность критериев никто не говорил, но заявляли о единственном пути, с которого нельзя сворачивать.

Кстати, если вы думаете, что вы весь такой современный православный и признаете хотя бы частичную истину в других религиях или их путь, спешу вас разочаровать: вы не православный, а мерзкий еретик. Вот еще одна цитата из уже приводимой мной анафемы: «Неприемлющим благодати искупления Евангелием проповеданного, яко единственного нашего ко оправданию пред Богом средства: анафема».

Последствия. Я безоговорочно верил в то, что православие — единственная верная дорога к светлому загробному будущему. Получалось, что есть единственный верный путь, указанный самим господом, есть рай, попасть в который я стремился, и есть я, который не соответствовал критериям этого пути. Все это привело меня к попытке суицида в 22 года. Подумать о том, что неправильной деталью во всем этом был не я, а церковное мировоззрение, которое «возлагает бремена неудобноносимые» и приводит к постоянной вине, тревоге и страху, я не мог. Слишком уж въелось в меня, что «церковь всегда права».

Из других очевидных последствий следует упомянуть ощущение избранности. Бог ко мне благоволил, и я — член единственной правильной церкви. Это достаточно заманчивая перспектива. Прицепом идет интеллектуальная гордыня и отношение к не членам церкви свысока или с состраданием (т.е. тоже свысока).

Также отсюда следует закрытость и непринятие другого опыта. Если мы избранные, то самое правильное у нас, все остальное — сор. В этом причина всех этих глупых осуждений верующими различных музыкантов, спектаклей, фильмов. Ведь истово верующий на полном серьезе верит, что это вопрос жизни и смерти для него и народа, поэтому цель (спасение души) оправдывает средство.

Отвращение и брезгливость по отношению к сексуальности и собственному телу

Тут даже много расписывать смысла не имеет, в православии это вполне очевидные вещи. Тело — средоточие греховности, это «осел», по выражению отцов, которого надо держать в узде. Практически вся

религиозная жизнь недвусмысленно свидетельствует об отношении к грешной плоти: бóльшая часть года занята постами, на долгих церковных службах и домашних молитвах надо исключительно стоять. Все направлено на обуздание плоти. Про примеры святых и говорить нечего: изуверства типа проведения жизни на столпе до червей в ногах, кормление гнуса собственной кровью по пояс в болоте, заключение себя под землю в тесные пещеры и т.п. — это норма, на которую надо ориентироваться.

Цель — райская жизнь, жизнь «бесплотная» в буквальном смысле. Духовно-религиозный идеал православия — бесплотное иноческое житие.

Секс — это практически синоним блуда, если не совершается для чадородия. Секс с самим собой — непреодолимое препятствие для входа в царствие небесное. Господь не дремлет и все силы почти свои тратит на то, чтобы строго следить, чтобы человек не самоудовлетворялся, ибо это верный путь к гибели. Поллюция — почти такой же страшный грех. Тема блуда (секса вне брака) с «бесплатными проститутками», по выражению Дмитрия Смирнова, уже и так достаточно широко освещена.

Церковь контролирует, когда люди должны заниматься сексом: где-то прямо запрещается, а где-то не рекомендуется сходитьсь во все постные дни, а также в дни перед церковными праздниками, так что «сексуальный» пост по количеству дней строже пищевого. И также церковь контролирует, как люди должны это делать: прямо запрещены определенные виды секса, а в некоторых случаях даже определенные позы. Например: «всяка жена вседаючи на мужа б лет да покается».

Последствия: так как я никогда не страдал сексуальными расстройствами, то мои проявления сексуальности у меня самого вызывали во мне стыд. Священники на исповеди укоряли меня, я глубже погружался в вину. И я очень сомневаюсь, что моя история — это исключение.

Запрет на выход из конфессии или общины (отказ от религиозного мировоззрения означает «духовную смерть» и невозможность спастись)

Это логическое следствие выводов из предыдущих признаков (деление на мы и они и обещание спасения только в рамках православия).

Утверждается, что всякого, кто откажется от единственной истинной религии, в любом случае ждет «духовная смерть». Так как этот человек отказался от истины, то ничего хорошего в его жизни не будет. Опять же в житийной

литературе достаточно примеров с самых древних времен и вплоть до XXI века по поводу того, как бог наказывает отступников от веры различными способами: мучительной смертью, обычной смертью, мучительной жизнью, несчастной жизнью и так далее. Все сводится к тому, что если православие тебе не подходит, то ничего тут не поделаешь. Или мучайся в нем до конца жизни, или ожидай неминуемой кары от любящего православного бога, если осмелишься уйти из системы.

Это неосознанная манипуляция страхом и страшный запрет пробовать что-то другое среди духовных учений. Убеждение в том, что мы — осажденная крепость, а вокруг — сплошная смерть.

Последствия. Ощущение несвободы и насилия. Нет никакого выбора, а раз нет выбора, то нет и ответственности, нет взросления и зрелости. Настоящий православный — это вечный ребенок в духовном детском саду, за ограду которого ему никогда нельзя выходить, ведь там прячутся серые волки ересей и духовного либерализма, а то еще и атеизма.

Контроль над решениями в личной жизни

В моей жизни был «духоносный» старец, и мои родители не делали никаких важных дел без его благословения. Так же поступали и остальные духовные чада старца. Старец не был изувером или человеком, который упивался духовной властью над другими людьми. Это был вполне хороший человек, который хотел добра, но сама концепция старчества, которая черпалось из книг, автоматически предполагала жесточайший духовный авторитаризм, причем без желания и воли и старца, и его чад.

Я уже писал, что моя мать не разводилась с отцом, который не выходил из запоев и превратил мою детскую жизнь в ад из череды скандалов, драк и нищеты, исключительно из-за того, что старец ее не благословлял это делать. Причина — церковное учение о том, что жена должна терпеть и не оставлять мужа.

Профессию за меня также выбрал старец, и я поступил на соответствующий профильный факультет. Мне даже в голову не могло прийти, что я могу поставить его авторитет под сомнение и поступить по-другому. Я был классически религиозно пассивен и настолько боялся социальной жизни, что мне было все равно, чем заниматься.

Многие другие православные, у которых старцев под боком нет и которым лень к ним ездить, используют более мягкий вариант «духовного руководства» со стороны белого и черного духовенства. Изуверские истории о том, как отдельные священники благословляют подряд всех девушек и парней идти в монастырь, можно почитать и в душеспасительной православной литературе XIX-XX вв., и в еще более душеспасительных историях на «Ахилле».

У многих верующих вырабатывается привычка жить «по благословению». Это всячески поддерживается и восхваляется. Пришла эта привычка к мирянам из монастырей, особенно в XX в., когда в коммунистические времена опорой православия стали именно члены разогнанных монастырей, а также стало процветать тайное монашество. В свою очередь, эти отношения учитель-ученик монахи последнего времени скопировали из древневосточных монашеских общин. В итоге эта концепция была бездумно перенесена на отношения прихожанин-батюшка со всеми вытекающими последствиями («батюшка, благословите поехать отдохнуть в Турцию», «благословите купить куртку», «благословите покушать»).

Да, в той же литературе и те же батюшки рассказывают об опасности «младостарчества», когда неопытный наставник ведет своего ученика к «духовной гибели». Но по факту между старчеством, «младостарчеством» и «духовным руководством» в церкви нет никакой разницы. Суть одна и та же: есть люди, которые лучше тебя знают, как тебе жить. Просто если тебе будет нравиться результат, ты будешь называть их старцами или духовными наставниками, а если результат тебя устраивать не будет, будешь называть учителя младостарцем.

Последствия. Результат (младо)старчества и духовного руководства в церкви в любом случае один — пассивность, покорность, перекладывание ответственности за свою жизнь на другого и инфантилизм. Чадо привыкает во всем полагаться на решения своего духовного отца. Если же духовный наставник считается «прозорливцем», то пиши пропало. Духовный сын или дочь будут трактовать все слова «батюшки» как прозорливые и в связи с этим строить свою жизнь, жизнь своих детей и близких. Все это может проводить к очень страшным результатам. Никто не знает, сколько жизней было поломано по советам «прозорливых» старцев.

Эта установка также подкрепляет отношение к священникам и епископам, как к святым духоносным отцам, выстраивая стену между прихожанами и клириками.

Завышенные требования к «праведности», которые невозможно исполнить

Тут снова очевидна очень сильная связка православия с ветхозаветным иудаизмом. Мои родители, например, в моем детстве на полном серьезе обсуждали, можно ли употреблять в пищу определенных животных, если про них написано в Ветхом Завете, что они нечистые? Также они осуждали людей, которые держат дома собак, потому что это тоже нечистые животные. Слава богу, хоть котов можно было дома держать.

Практическая религиозная жизнь верующего в моем детстве складывалась под влиянием советского православия, которое в свою очередь формировалось на основе монастырских предписаний. При этом с 7 лет детям поблажек никаких не делали.

Перечислю просто то, что мне как православному подростку необходимо было выполнять в 90-х:

Посты. Не употребляется мясо, молочка, рыба. Четыре основных длинных поста, почти все среды и пятницы в году, за исключением нескольких «сплошных» недель, однодневные посты в дни особых событий (усекновение главы Иоанна Предтечи и т.п.), посты в те субботы, когда я причащался в воскресенье (каждый месяц или каждые две недели), ну и евхаристический пост в само воскресенье перед причащением. Если служба ранняя, то еще ничего, а если долгая, то не ешь ничего до полудня или часа дня.

Но пост не только в пище заключается, как известно. Также у нас в семье в длинные посты по благословению старца запрещалось смотреть телевизор. Только отец разрешал себе смотреть новости. Вообще запрещались развлечения — чтение развлекательных книг (только серьезную православную литературу надо читать), прослушивание светской музыки (про запрет рок-музыки история отдельная), также мне нельзя было посещать в посты развлекательные школьные мероприятия (дни рождения и праздники какие-нибудь). Громкий смех тоже был под запретом, это было «дурносмешие». Или родители или кто-то в храме мог сказать «сегодня

Христос умер за нас, а ты смеешься». С того времени у меня сложилось ощущение неприятной тяги и запретов на все в дни постов.

Я перестал соблюдать все эти ритуальные запреты несколько лет назад, но до сих пор могу идти по улице, наслаждаться начинающейся весной, а потом может прийти ощущение какой-то тяготы и давления.

Я автоматически вспоминаю, что сейчас начало апреля, например, это значит, что скорее всего идет великий пост, когда даже радоваться нельзя. А потом появляется радостная мысль «да это же меня больше не касается», и становится снова легко на душе. Я не знаю, сколько еще лет во мне будут автоматически всплывать все эти религиозные установки, но моя ответственность сейчас в том, чтобы осознавать их реактивный характер и действовать по-новому.

Следующим важным предписанием было посещение богослужений. Обязательно во все воскресенья, если же причащаешься, то нужно еще и в субботу прийти на всенощную. Но вообще-то это служба единая, поэтому каждую субботу тоже надо приходить. Причем выстаивать надо от начала до конца. По этому поводу очередная история из житийной литературы: приходить надо к самому началу и уходить надо после окончания службы, тогда ангел тебя помажет невидимо святым маслом, и эта служба тебе на небесах зачтется. А если раньше уйдешь, то считай, что и не посещал храм. Плюс надо обязательно быть на службах (и вечером, и утром) во все большие праздники. Ну и другой довесок: во многих храмах после литургии начинают устраивать молебны и панихиды. Ты несколько часов уже настоялся на литургии, потом еще нужно стоять на молебнах, ну а после этого утомительное стояние в очереди, чтобы приложиться ко кресту, а потом обойти перецеловать все иконы и мощи в храме (кстати, как сейчас с этим в храмах в связи с ковидом? ничего не поменялось?).

Помимо молитв в храме есть обязательные домашние молитвы. Обычно это утренние и вечерние молитвы по молитвослову. Если более-менее внимательно читать, то в сумме на них уходит где-то час или полтора времени в день. Иногда их дозволялось заменять т.н. Серафимовым правилом (три раза Отче наш, три раза Богородице, три раза Верую), но это не приветствовалось. Тогда надо было исповедоваться священнику в нежелании молиться (по полтора-то часа каждый день подростку!).

В довесок к ежедневному чтению утренних молитв добавлялось чтение одной главы из евангелия и одной главы из Деяний и апостольских посланий. Как и молитвы, все это тоже читалось обязательно только стоя, перед домашним иконостасом.

Жизнь настоящего православного христианина невозможно себе представить без участия в таинствах. Регулярно нужно было исповедоваться и причащаться (причину смотрите выше в 6-м признаке, там достаточно убедительно все описано). Большую часть времени отнимала подготовка: нужно прочитать Последование ко святому причащению и три канона. Если делать это внимательно и неспешно, то занимало это достаточно много времени. Плюс не забывайте, что вечерние и утренние молитвы никто не отменял, т.е. еще полтора часа ежедневных обязательных молитв было в довесок. Также обычно вечером надо было еще готовиться к исповеди. Подготовка заключалась в составлении списка своих грехов, которые совершил со времени предыдущей исповеди.

В приходе, который я посещал с родителями, исповедь обычно начиналась за час до литургии, то есть надо было приходить еще на час раньше, чем обычно. Короче, пока в субботу и воскресенье утром готовишься, настолько умолишься, напостишься и наслушаешься молитв, что после причастия действительно становится благодатно на душе просто от того, что это все закончилось, и осталось только прочитать благодарственные молитвы после причастия и можно наконец-то сесть поесть. Неудивительно, что я чувствовал реальную силу таинств, проявляющуюся в состоянии измененного сознания после такой подготовки.

Молитва должна сопровождать жизнь христианина всегда, так как это единственный вариант связи с богом (другие виды общения православный бог не понимает, очевидно). Поэтому молиться надо до еды и после еды, а также перед началом всякого дела. И еду и дело надо крестить, прежде чем с ними что-то делать. Также перед сном надо крестить ложе и комнату, в которой спишь.

Плюс надо было выполнять указание апостола о непрестанной молитве. Для этой цели использовалась Иисусова молитва («Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного»). Ее нужно было постоянно повторять сначала вслух губами, потом она должна была повторяться сама в уме, а потом войти в сердце. Опять же под влиянием определенного

монастырского течения прошлых веков эта практика в мое время считалась чуть ли не обязательной для всех мирян. Когда я пишу «постоянно повторять», это значит действительно постоянно повторять с утра до вечера, когда находишься в сознательном состоянии, но лучше, чтобы она повторялась и во сне, в бессознательном состоянии. При определенной практике это вполне достижимо. Считается, что если у тебя постоянно на уме имя бога, то бог с тобой. Классическая формула исихазма: «имя бога есть сам бог».

Согласно отцам, непрестанная молитва весьма способствует выполнению другого предписания — блюдению помыслов. Оно заключается в постоянном отлавливании в себе плохих помышлений на разной стадии (прилог, сочетание, сосложение, пленение) и постоянному укорению себя, и покаянию за них перед богом. В идеале, настоящий христианин должен победить свои страсти и стать неким православным суперменом, но если не победил еще, то должен усердно вести борьбу. При этом запрещается гнев, блудные помыслы, помыслы чревоугодия, сребролюбия и т.п. Если достаточно долго практиковать блюдение помыслов, как это делал я, например, внутри поселяется некий религиозно мыслящий инквизитор, внутренний критик, который уже автоматически начинает все отслеживать, осуждать, оценивать, укорять. Наверное, это похоже на сумасшествие.

Также настоящий духовный воин должен читать настоящую духовную литературу. Я подразумеваю не всякие попсовые книжки типа «Несвятых святых» или «Лета Господня», а книги про духовную войну, типа «Добротолубия», «Лествицы» или «Невидимой брани». Тот, кто их читал, знает, что те признаки религиозного насилия, которые я привел выше, это еще цветочки по сравнению с тем, что написано в этих книгах. Дело в том, что если убрать «либеральную» пенку православия последнего столетия, то останется только махровый духовный тоталитаризм, так что «Домострой» покажется детской книжкой.

Подобная литература укрепляет верующего в том, что он идет по правильному пути, менять ничего не надо, надо просто делать. Основной послыл: даже если не хочется, делать надо все равно.

Последствия. Я бы назвал последствия этого признака «православным материализмом». Налицо очень сильная сосредоточенность на физической стороне жизни, регулирование мельчайших проявлений деятельности

человека. Напоминаю, что для взрослых еще были сексуальные запреты. Вопрос: зачем это все нужно? Для самой религиозной системы это нужно для еще бóльшего увеличения контроля и доминирования над обычным верующим.

Лично я все это делал, во-первых, потому, что так заведено, так принято. Я действительно не знал, что можно по-другому. Кроме того, хотя идея «заслуг» верующего через дела напрямую постоянно отрицается, косвенно в той же литературе, и древней, и современной, восхваляются подвиги, их количество и качество у многих святых и праведных. Т.е. со стороны обычного верующего цель та же, что и у всей религиозной системы: контроль. Только в этом случае контроль самого бога. За праведные дела я планирую получить спасение.

Но такая идея может присутствовать только поначалу. Со временем наскучивает делать одно и то же. А так как у православного верующего нет возможности заняться другими духовными практиками, то он просто перестает что-либо делать. Это моя история. На протяжении десятилетий я то загорался, то охладевал. В конце очередного периода охлаждения я начинал чувствовать вину, и снова погружался в религию. Так и жил я в этих циклах между виной и скукой, пока мне не надоело играть в эту бессмысленную игру.

Хочу добавить, что идеально выполнить ни одно из предписаний невозможно: нельзя вечно читать Иисусову молитву, невозможно не отвлечься в течение многочасового богослужения и чтения одинаковых домашних молитв, в пост, даже если не употребляешь скоромного, можно переест, и это тоже грех. Получается, что чтобы я ни делал в духовной жизни, этого всегда мало и недостаточно. А отцы себя поддерживали словами Христа «будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный».

На этой почве вырастает потрясающий перфекционизм вкупе с огромной виной за неисполнение предписаний. Фактически, это доведение до абсурда воспитания в стиле повышенной моральной ответственности, при котором ребенок вырастает невротиком, потому что от него постоянно требуют невозможного.

Можно спросить себя, зачем тогда вообще всем этим заниматься, если все так ужасно? Но везде есть другая сторона медали. Последствия этих

признаков религиозного насилия для кого-то будут отрицательными, а для кого-то положительными. Например, потеря желаний что-либо делать из первого признака про карающего бога вкупе с пассивностью позволяют ничего не делать, и это положительное следствие для того, кто делать боится или не хочет. Инфантилизм и перекладывание ответственности на других людей и авторитеты избавляют от необходимости самим делать выбор, что-то думать, решать, отвечать за последствия собственных действий. Перфекционизм, изоляция и ощущение избранности дают право судить других и чувствовать над ними превосходство. Очевидно, что все это характеристики классической жертвы из треугольника Карпмана.

Как видите, позиция жертвы дает очень много. Кроме одного — жертва не может быть счастливой. И у жертвы нет свободы, потому что основной мотиватор жертвы — это страх. И страх — это следствие каждого перечисленного признака.

Кроме того, не забывайте, что в религии есть еще внешняя форма: почти театрализованное богослужение, наполненное глубокими символами, прекрасное пение, восхитительная иконопись и т.д. Мне кажется, что с самого зарождения русского православия в соревновании между эстетикой и этикой побеждала именно эстетика. Уже в летописи о выборе веры князем Владимиром послы руководствовались именно внешней формой храма и богослужения, плюс все эти бесконечные разговоры о великой православной культуре, «богословии в красках» и т.д. Впору задуматься, а почему у нас богословие только в красках было? Не потому ли, что другие виды размышления были запрещены, и сейчас, при внешнем накопленном за века эстетическом богатстве, мы наблюдаем плоды катастрофического отсутствия этики у современных спикеров патриархии и пастырей, придерживающихся «генеральной линии».

Завершая тему религиозного насилия, стоит сказать о характере и направленности этого насилия. Если изначально ребенок некритично впитывает все, что говорят ему авторитетные лица, то уже в юности и во взрослом возрасте он, казалось бы, может сопротивляться тем разрушительным вещам, которые в него были заложены в детстве. Но особенность ментального насилия в том, что внутри жертвы насилия начинает формироваться внутренний насильник, и человек уже просто насилует сам себя даже без внешнего воздействия. Это замкнутый круг.

Если бы несколько лет назад мне просто показали этот текст (а не сказали бы, что, не дай бог, его напишу я), я бы, возможно, ответил, что есть перегибы на местах, но цель (обожение/установление личных взаимоотношений со Христом/приобретение царствия небесного/царство божие, которое внутри) оправдывает средства. Сейчас мои взгляды поменялись кардинально, но прошло еще не очень много времени, и те характеристики личности, которые я приобрел в религии (страх мира, страх собственного мнения, страх ошибки и наказания, беспомощность без авторитетов и ощущение себя жертвой, запрет на радость, инфантилизм, и т.д.), все еще остаются со мной. Вполне допускаю, что некоторые из этих дефектов останутся со мной до конца жизни, но я знаю, что могу свести их последствия до того, что они почти не будут влиять на то, что я делаю и как я себя чувствую.

Для меня выход заключался прежде всего в осознании того, что религиозное насилие произошло в моей жизни, и принятии последствий. Из всего этого выбираться мне помогают психологические терапевтические группы, работа по шагам в 12-шаговых сообществах (в моем случае это ВДА — взрослые дети алкоголиков и дети из дисфункциональных семей), группы по преодолению последствий религиозного насилия. Я знаю, что многим также помогает индивидуальная терапия с психологом.

Момент осознания того, что я могу жить без внутреннего инквизитора и больше не руководствоваться в жизни религиозными установками и запретами, был для меня эйфорическим. Я впервые, наверное, за долгие годы почувствовал внутреннюю свободу и радость от этого. Но это не дорога, которая усеяна цветами. Есть определенная цена, которую надо заплатить за выход из дисфункциональной системы, которой для меня была церковь.

В качестве последствий я получил полное изменение картины мира, когда оказалось, что все не так просто, как говорили в религии. Отсюда вполне естественные страх, тревога и неуверенность. Кроме того, стало необходимо начинать делать действия самому, а не искать визы бога, старца или духовного учителя. Для меня это до сих пор страшно. Остался смешной страх наказания из-за периодических мыслей о том, что вдруг православный бог действительно существует и он отомстит мне за отступничество.

Но плюсы для меня намного перевешивают минусы, потому что я избавился от постоянного религиозного давления в виде установок, запретов, сентенций на все случаи в этой и загробной жизни, а также получил внутреннюю свободу, в том числе свободу строить личные отношения с высшей силой, а не делать это по чьей-то указке. Я уверен, что радость и счастье возможны только в свободе.

ПОТЕРЯ ВЕРЫ ОКАЗАЛАСЬ ДЛЯ МЕНЯ НЕ ТРАГЕДИЕЙ, А БЛАГОСЛОВЕНИЕМ

Анонимный автор

Я родилась в небольшом городе, в исконно православной семье, не слишком воцерковленной, но и про Бога в ней не забывали. Отец мой к вере относился практически нейтрально, мама с детства считала себя верующей и ходила в храм, и даже в советские времена, будучи пионеркой, тайно в кармане носила крестик. Как положено, меня крестили в младенчестве. С детства рассказывали о Боге, о святых, иногда, хоть и не очень часто, водили в храм. Это зажгло во мне искру и меня стало тянуть к вере, я захотела стать ближе к Богу. С семи лет я начала осознанно молиться перед сном. А в десять лет началось уже серьезное систематическое увлечение православием.

Каждое лето я уезжала в поселок к родственникам по матери и проводила в нем все каникулы. Там жила моя двоюродная сестра, мы с ней хорошо ладили, ее тоже интересовала религия. Однажды мы нашли книгу, которая называлась «Закон Божий». Мы прочитали ее, старались каждый день вместе молиться и выполнять все заповеди и правила. Как-то раз, проснувшись утром, мы услышали колокольный звон и решили по воскресеньям ходить в храм. Он находился недалеко от дома, и взрослые отпускали нас одних. И вот мы, дети, каждое воскресенье были на службе, исповедовались и причащались. Это совершенно не тяготило, а, наоборот, увлекало и приносило радость. Мы с сестрой часто говорили о Боге, вместе думали, как поступить в той или иной ситуации, чтобы это было по-христиански, делились своими успехами на этом поприще. Наша вера была детской, искренней и светлой. Хотя, естественно, в том возрасте духовные поиски совсем не были глубокими и не затрагивали никакие философские темы, а скорее были направлены на усвоение православного мировоззрения

и соблюдение обрядов. Все, что мне говорили, я запоминала, ничего не анализируя и ни в чем не сомневаясь.

Потом наступала осень, я возвращалась в город и продолжала свой духовный путь уже одна. В городе мне было гораздо тяжелее, родители поддерживали мои духовные поиски, но сами особо в них не участвовали. Ходила я в обычную светскую школу, и среди моих знакомых не было практически никого, с кем бы можно было поговорить о православии и поделиться духовными переживаниями.

Но мое сердце искало Бога. Я старалась жить по-христиански, ежедневно молиться, читать духовную литературу, которую могла найти. Доступной мне православной литературой, разумеется, были не серьезные труды святых отцов, а книги, купленные в церковной лавке, из серии «как правильно жить». Во время молитвы я испытывала радость, и мне казалось, что я была на небесах. Вера вдохновляла меня. Я стала пытаться по мере возможности соблюдать все заповеди, следила за своими поступками и мыслями.

Но примерно лет в 12 мои отношения с Богом стали ухудшаться. Случилось одно очень странное событие, которое сильно на меня повлияло. Однажды во время молитвы ко мне стали приходить очень плохие, оскорбляющие Бога мысли. Нет, я не хотела сказать Ему ничего дурного, я очень любила Его, но почему-то все равно так подумала. Меня охватил леденящий ужас и стыд. Как я могла подумать настолько оскорбительные и неприемлемые вещи о Самом Господе! Это же богохульство, тяжкий грех, который не простится ни в этом веке, ни в следующем. Я, конечно же, сразу начала каяться. Но потом такие мысли пришли ко мне еще раз. А потом еще раз. А потом стали постоянно крутиться в моей голове. Я пыталась от них избавиться, но чем больше прилагала усилий, тем чаще они приходили.

Все! Я самая страшная грешница, я попаду в ад, и нет надежды, нет спасения. От осознания этого мне стало физически плохо. У меня дрожали руки, поднималось давление, тошнило, мне сложно было сосредоточиться на чем-то постороннем, я боялась оставаться в тишине и спать одна.

Потом, конечно, я немного успокоилась и у меня появилась надежда, что Господь все-таки помилует меня и избавит от этих грехов. И я продолжила с ними неравный бой. Я изо всех сил старалась держать разум в чистоте, но ничего не получалось. Тогда я старалась заменять «плохие» мысли

«хорошими». И чтобы избежать греха, я старалась постоянно произносить про себя «хорошие» фразы. Это все сильно мешало мне, я стала хуже учиться и меньше общаться со сверстниками.

Обычно объяснением такого состояния служило влияние бесов. И мне становилось невероятно жутко от того, что нематериальные злобные существа, желающие моей гибели, захватили мой разум и управляют им. В христианской литературе описываются случаи искушения святых бесами. Они в таких случаях вставали на камень и молились непрерывно в течение 40 дней, после чего бес покидал их. Для двенадцатилетней школьницы, живущей в городе, такой способ явно не подходил.

В таком состоянии страха и отчаяния я прожила почти год, со временем мое состояние все-таки немного улучшилось, богохульные мысли стали приходить реже, хотя полностью от них избавиться я смогла только через пять лет.

Все ухудшалось еще и тем, что я не могла ни с кем поделиться своими переживаниями. Моя мать, конечно, замечала, что со мной что-то не так. Я попыталась ей рассказать о том, какие у меня грехи, но она, видимо, плохо поняла и отнеслась к этому несерьезно, сказала попросить у Бога прощения и больше не думать об этом. Но для меня это было слишком страшно и болезненно. Еще один раз я попыталась исповедаться, но батюшка также не понял моей проблемы. И больше я никому ничего не рассказывала, так как очень стыдилась.

Тем не менее эта ситуация сподвигла меня еще глубже погрузиться в религию. Я испытывала большое чувство вины, пыталась искупить свой тайный страшный грех. Обретение прощения стало смыслом моей жизни в последующие годы. Я начала ходить в храм каждую неделю, стала еще больше молиться, еще больше читать религиозную литературу, и еще усерднее стараться исполнять все заповеди. Под их соблюдением я понимала отсутствие грехов. А их у меня было много: ложь, осуждение, зависть, гордыня, уныние, праздность. И вот, если я обманывала в каких-нибудь мелочах, не слушалась родителей, думала что-то негативное о людях, пропускала молитвы, я старалась сразу осуждать себя за это, пыталась пробудить чувство вины, вспоминала об уготованных грешникам адских страданиях. Вроде именно так советовали бороться с грехом в книжках, которые я читала. Из-за этого я постоянно находилась в напряжении.

Иногда на меня внезапно и почти без причины нападала тоска. Глубокое бездонное чувство тоски, страха и отчаянья. И я не могла с этим чувством справиться, и ничего не помогало. Тогда я шла к иконам, падала на колени, вспоминала свои многочисленные грехи и просила у Господа за них прощения, начинала рыдать, потом вставала, успокаивалась. После этого я чувствовала невероятное умиротворение и радость. Мне даже казалось, что я становлюсь ближе к Богу, и в этот момент я любила весь мир. Правда, через какое-то время эта тоска снова возвращалась и так по кругу.

Время от времени я исповедовалась и причащалась, но это не приносило мне облегчения. Обычно на исповедь выстраивалась большая очередь, все старались быстро перечислить свои грехи и пойти на причастие. Такой формат не располагал к душевному откровенному разговору, и мне совсем не нравился, я хотела поговорить с батюшкой, спросить пастырского совета, но этого всего не было. Поэтому я подходила, в двадцатый раз перечисляла грехи вроде лжи, осуждения и непослушания, а о том, что меня действительно беспокоило, всегда молчала.

Так прошло еще несколько лет. Религия постепенно заполнила практически все. Если в церкви говорили, что какой-либо поступок или действие является грехом, то для меня это становилось законом, и я ни в коем случае в этом не сомневалась. Да и кто я такая, чтобы сомневаться в воле Творца! Я вообще старалась как можно меньше думать своей головой, чтобы не надумать всяких ересей и не погубить душу. Церковь определяла почти все — выбор круга общения, музыкальные предпочтения, любимые книги, политические взгляды. Там не было понятий вкуса или мнения, а были понятия «правило» и «грех».

С одной стороны, я ощущала себя невероятно порочной, грязной и неправильной. С другой, было чувство причастности к чему-то огромному и запредельному, недоступному большинству людей. У меня была иллюзия, что я знаю дорогу к истине. Что мне нужно просто выбрать Христа, проявить силу воли и перестать грешить, и тогда жизнь полностью преобразится, станет радостной и светлой, и я уже не буду так мучиться из-за своих грехов. Надо просто приложить побольше усилий. Мне было тяжело, но я знала, что иду той узкой дорожкой, которая ведет к спасению, и это помогало мне справляться с трудностями.

В то же время я была подростком, и мне хотелось общаться со сверстниками. Я всегда была очень застенчивой, друзей у меня было мало и мне приходилось прилагать большие усилия, чтобы влиться в социум. Большинство моих друзей также были православными, но в их обществе радикальная религиозность не принималась и даже высмеивалась. Например, рядом с ними я стеснялась читать молитвы перед едой. Но я считала, что этим я предаю Христа. Ведь если я буду стесняться своей веры в Него сейчас, то когда попаду на Страшный Суд, Господь постесняется меня взять в Свое Царство.

Еще мы иногда сплетничали, слушали «неправильные» песни, играли в карты, гадали. Я участвовала во всем этом, но потом меня сильно мучила совесть, что я такая слабая, сама не могла противостоять греху и своих друзей не смогла спасти. Самых близких я, конечно, пыталась «просвещать», рассказывала о вере, звала в церковь, но они почему-то не горели желанием окунуться в религию. Мне оставалось только молиться, чтобы Господь не лишил их Царства Небесного, ибо они не ведают, что творят.

Из-за этого противоречия между православным идеалом и обычной жизнью у меня стало появляться ощущение раздвоения личности на повседневную и религиозную части. «Обычная я» ходила в школу, гуляла, смотрела фильмы, в общем, жила жизнью простого подростка. «Религиозная я» была праведной и скромной, вела войну с пороками, ходила в храмы и бесконечно просила прощения за грехи обычной себя. И эти две личности постоянно боролись друг с другом.

В будущем я очень хотела уйти в монастырь, ведь служение Богу — это самое главное в жизни, ее цель, ее смысл, так зачем оставаться и тратить время на всю эту мирскую шелуху? Там бы мне не пришлось подстраиваться под внешний мир, и я смогла бы посвятить всю себя Богу. На худой конец, хотела уехать в деревню, жить в деревянном доме, желательно без электричества, завести большую семью, заниматься сельским хозяйством. В общем, примерно так, как было в прекрасные дореволюционные времена, когда все были праведными и жили по закону Божьему. Но оставаться в городе точно было нельзя, тут на каждом шагу были грехи и искушения.

Позже, на пике моей религиозности, к навязчивым мыслям добавились еще и навязчивые действия. Я боялась, что если дотронусь до иконы или молитвослова грязными руками, то оскверню их, поэтому перед тем как их

взять, несколько раз мыла руки. Боялась, что согрешу невнимательной молитвой, поэтому перечитывала каждую по несколько раз, пока мне не покажется достаточно внимательным. Крестила все вокруг, чтобы защититься от нечистых сил.

А как-то раз меня благословили каждый день перед сном читать молитвы. Я и так старалась это делать, но все-таки иногда пропускала. Но потом я решила, что теперь пропускать нельзя несмотря ни на что. И даже если я болела, мне приходилось ложиться на час позже, но отменить свое правило я никак не могла. И эта необходимость, и неизбежность молитвы, даже когда она совсем не радует, начали тяготить меня. В православных источниках я, разумеется, нашла, что нежелание молиться — это бесовское искушение, грех и неуважение к Богу. И вообще молитва, которая дается с трудом, гораздо более ценная, чем легкая молитва. И я продолжала читать, через силу, через «не хочу». Но потом для меня это стало совсем невыносимо, я уже не справлялась. И когда приходило время вечерней молитвы, у меня наступали приступы истерики. Я становилась очень нервной, я плакала, злилась, но все равно шла и читала эти ненавистные молитвы, так как не могла нарушить благословения. Я была уверена, что Господь может меня наказать за непослушание. Потом мне каким-то чудесным образом удалось испросить разрешение иногда не молиться и прекратить эти мучения.

Чтобы отвлечься, перед сном я стала читать. Как-то раз мне попала книга по психологии, в которой один известный врач рассказывал о своем опыте работы с пациентами. И в одной главе он описывал пациентов с обсессивно-компульсивным расстройством. Мне стало интересно, что это за заболевание. Тогда у меня уже появился интернет, я залезла в него, открыла первую статью на википедии и стала читать.

Там сообщалось, что при ОКР у больного непроизвольно появляются навязчивые, мешающие или пугающие мысли (обсессии). Они не поддаются контролю, и пациент не может избавиться от них волевым усилием. Для облегчения тревожности создается ритуал или даже система причудливых, странных ритуалов, называемых компульсиями. Индивиды, страдающие ОКР, полностью осознают болезненность своих переживаний, их состояние их угнетает.

Дочитав эту статью, я с удивлением обнаружила, что в ней детально описана вся моя ситуация. Я стала искать дальше, оказалось, что существуют и

различные религиозные формы ОКР. Людей с этой проблемой мучили скверные мысли о Боге или святых, навязчивая необходимость молиться, слишком частое перечитывание священных текстов, навязчивый страх согрешить. Я поняла, что все эти истории невероятно похожи на мою. Получается, что это не я такая грешница, и даже не дьявольское наваждение, а психическое расстройство? Я думала, что совершила самый страшный грех, который только возможно, что я проклята, иду в ад, а оказалось, это обычное психическое расстройство, которым страдают тысячи людей? Для меня это стало большим открытием. Впоследствии этот диагноз подтвердился. После этого мое рвение к духовности немного ослабло, но я продолжала оставаться православной.

Потом я окончила школу. На удивление, я хорошо сдала экзамены и поступила в университет в другом городе на биологический факультет. Там стала жить в общежитии, в комнате с еще двумя девочками. Конечно, из-за этого образ жизни сильно поменялся. Привычная мне духовная жизнь со всеми религиозными практиками прекратилась. Необходимость приспособливаться к жизни в одиночку в другом городе, трудная учеба и постоянное общение отвлекли от заикленности на своих мыслях и концентрации на мелких грехах. Я немного чувствовала вину за то, что не удастся так же тщательно следовать религиозным предписаниям, но по-другому не получалось.

Учиться мне очень нравилось. У нас были талантливые преподаватели, которые очень многое в нас вложили. Это сильно расширило кругозор и изменило мышление. Я наконец-то позволила себе думать и анализировать информацию. И это столкновение рационального мышления с моей слепой наивной верой оказалось фатальным.

У меня начали появляться сомнения по поводу своих религиозных взглядов. Мне стало казаться, что для Бога уже совсем не остается места. Я пыталась бороться, искать ответы, но те ответы, которые я получала, меня не удовлетворяли. И в один момент я просто осознала, что это все неправда, что я больше не верю, и материалистическая картина мира мне более близка и понятна.

Когда я поняла, что больше не верю, я испытала двойные чувства. Сначала я ощутила себя невероятно свободной. Было чувство, как будто я долго находилась под водой и вдруг вынырнула на поверхность и вдохнула глоток

свежего воздуха. Теперь я могу свободно мыслить, придерживаться той точки зрения, которую сама считаю правильной, а не той, которой обязана. Я могу свободно познавать мир без поправки на древние тексты, и больше не должна избегать того, что им противоречит. Я даже решила пуститься во все тяжкие и углубленно изучить теорию эволюции, к чему раньше советовали относиться с крайней настороженностью. В своей повседневной жизни я не обязана втискивать себя в узкие православные рамки с их странными запретами. А еще я наконец обрела целостность, моя искусственная религиозная часть умерла и осталась только я настоящая. На удивление утихли и мои навязчивые мысли.

В то же время, потеря веры стала для меня личной трагедией. Было чувство, что мир вокруг рухнул. Она была единственным смыслом моей жизни многие годы, и я просто не знала, как жить дальше. Я испытывала буквально сильное горе, как будто умер кто-то очень мне близкий. Я плакала и ненавидела себя и всех, кто подтолкнул меня к изменению моих взглядов. Но вернуться назад к религиозному мировоззрению я уже не могла.

Хочу сказать, что я утратила именно веру в существование Бога. В церкви я никогда не разочаровывалась и ни с каким негативным отношением к себе я там не сталкивалась. Для меня она до последнего оставалась святой. И, конечно же, мне было грустно оттого, что придется ее покинуть.

Я попыталась компенсировать свою внутреннюю пустоту внешними ритуалами. Я приходила в храмы, стояла на службах, целовала иконы, молилась в никуда. Я хваталась за них как за последнюю соломинку, которая соединяла меня с утерянной верой. Я стала поститься, читать Библию, стала посещать православный волонтерский клуб. Это все немного успокаивало, но назад к вере не вернуло.

Кроме того, в моей семье все были верующими, религия занимала в ней большую роль, сплачивая нас. И теперь, отказавшись от религиозных взглядов, у меня возникало чувство, что я всех предала. Я ощущала себя неправильной, сломанной, чужой. И долгое время я притворялась, что ничего не изменилось. Мы продолжали все вместе ходить на богослужения, участвовали в таинствах, поздравляли друг друга с религиозными праздниками, я крестила своего племянника. Но это все было притворством, и мне было морально тяжело в этом участвовать. При этом я долго не могла никому признаться, мне казалось, что меня не поймут и не примут.

Через какое-то время я все-таки рассказала о своих взглядах маме. Для меня было очень важно, чтобы кто-то о них узнал, чтобы я могла открыто о них говорить. Конечно же, для нее это были плохие новости, мы с ней много спорили. Она до сих пор считает это подростковой глупостью и надеется, что скоро все пройдет и я вернусь обратно. Но это все равно лучше, чем притворяться.

А мне все же пришлось смириться с тем, что как раньше уже не будет. Деваться некуда и приходится жить дальше. Я стала учиться жить без веры и принимать себя. Стала пытаться искать смыслы в простых повседневных вещах — приятной работе, общении с близкими людьми, природе, изучении нового. Я обнаружила, что среди моих знакомых оказалось много неверующих и большинство из них приятные адекватные люди, которые живут, радуются жизни и совершенно не страдают без Бога. Это очень успокаивало меня. А ведь раньше я почти всерьез думала, что атеисты — это такие демоны во плоти, которые ненавидят все хорошее, а религия — это единственное, что защищает нас от того, чтобы пойти зарезать друг друга.

Со временем, после того как мне перестало угрожать жестокое вечное наказание за неправильные мысли, я стала постепенно переосмысливать свой духовный опыт. Если сначала я считала, что была жутко порочной, постоянно грешила, а потом предала веру, то со временем я стала понимать, что недостатки были не во мне, а в той концепции, которой я пыталась следовать. Я обнаружила в православии столько бессмысленных, ложных или даже опасных вещей, которые раньше старалась либо в упор не замечать, либо оправдывать всеми силами. По сути, вся моя духовная жизнь сводилась к тому, что я пыталась переделать себя, сломать свою личность, чтобы стать идеальным шаблонным христианином, а если быть точнее — идеальным рабом. И я была уверена, что обязана им стать, иначе Бог не примет меня и не будет любить. А такая, какая я есть, я никому не нужна, и будет справедливо отправить меня на вечные муки. При этом я не стала ни добрее, ни счастливее, ни лучше, а только стала слишком невротичной. Я не встретила там ни свободы, ни любви. Для меня христианская свобода воспринималась так же, как свобода человека, встретившего в темном переулке банду вооруженных грабителей, добровольно отдать им все свои деньги под дулом пистолета. Да, ты можешь поступить не так, как тебе говорят, но это будет стоить тебе жизни (в данном случае, вечной).

Также я поняла, что основную роль в становлении моей религиозности сыграла моя болезнь, мое ОКР. Именно она запустила во мне чувство вины, от которого я пыталась избавиться многие годы. И потребовались большие усилия, чтобы признать, что те мои страшные богохульные помыслы не были моими, а являлись частью болезни. Она сильнее меня, я не могу полностью контролировать свои мысли, и я не несу за них ответственность, и поэтому совершенно не обязана просить за них прощения. Да это касается и здоровых людей, наши мысли, как волны, приходят и уходят, и не в нашей власти полностью ими управлять. А в Церкви большое количество правил связаны с чистотой помыслов, нас призывают опасаться их и каяться как за совершенные действия. По сути, от человека требуют невозможного, а когда он не сможет выполнить, вменяют ему это в вину. Конечно же, мое ОКР появилось не из-за религии, это особенность моей психики, которая начала проявляться еще в детстве. Но только в обычной жизни оно проявляется незаметно, вроде проверок закрытой двери, выключенного газа и будильника, а на благодатной религиозной почве из-за всех этих правил оно разрослось до колоссальных масштабов, принося огромные моральные страдания.

Ну и отдельная тема — подозрительное отношение многих верующих к психологической помощи как к чему-то негативному и чужеродному. Священнику без образования гораздо больше доверия, чем врачу, так как на первом «благодать». Люди считают более правильным объяснить свои проблемы влиянием сверхъестественных существ и лечиться молитвой, поклонами и святой водой (чем занималась и я), вместо того чтобы пойти к специалисту и использовать доказанные медицинские практики. Это является откровенным мракобесием, но в церкви широко культивируется.

С тех прошло уже несколько лет. Я закончила учиться, работаю в науке. Наверно, сейчас я воспринимаю Бога как безличную совокупность всех процессов, происходящих в мире и влияющих на нас. И верю только в законы природы и гармонию этого мира. Тем не менее религия продолжает меня интересовать, но больше уже, скорее, в образовательных целях. Какое-то время я даже посещала евангельский кружок от нашего волонтерского клуба. Там была теплая дружеская обстановка и приятные люди. Мы обсуждали глубокие темы, делились жизненным опытом, там допускались разные точки зрения. Организатор был очень вежлив, выслушивал всех и старался поддержать. Там я поняла, каким может быть настоящее

христианство, основанное на любви, а не на бездумных правилах и суевериях. Я очень благодарна этим людям за интересный опыт общения.

Но все же я часто вспоминаю годы своей воцерковленности и пытаюсь понять, почему все было именно так? Я искренне хотела стать лучше, правильно поступать, быть ближе к Богу, а в итоге превратилась в неадекватную фанатичку с поврежденной психикой, низкой самооценкой и неумением общаться с людьми. Конечно же, кроме меня в этом никто не виноват. Никто не заставлял меня с такой страстью погружаться в духовность: ни родители, ни духовник. Все это я делала по своей инициативе и с радостью. С другой стороны, мне все-таки обидно, в том возрасте я была наивной и попала в достаточно радикальную церковную атмосферу, где все делилось на черное и белое, существовало только мнение церкви (за которым могло стоять мнение отдельного священника или даже отдельной группы прихожан нашего храма) и неправильное. Постоянно внушалась идея, что мир лежит во зле, что он опасный и страшный и нам надо изо всех сил спасаться. Бог представлялся достаточно жестоким, готовым наказывать, посылать страдания и отправлять в ад за любое незначительное отклонение от нормы. Но верующих такой Бог почему-то полностью устраивал, и они считали это нормальным и справедливым. Ну и использовались различные манипуляции, которые, пожалуй, уже все знают и нет смысла их перечислять. Моей детской психике было сложно этому противостоять.

Опять же, все люди рядом со мной находились в таких же условиях, но они смогли остаться нормальными. Хотя, смотрю я на своих родственников и знакомых, которые всю жизнь, несмотря ни на что, были верующими, и понимаю, что для них Бог был явно не на первом месте. Для них сначала идет семья, потом близкие люди, работа, увлечения, здоровье и только потом идет Бог. Он служит скорее инструментом, который помогает прожить эту тяжелую жизнь, чем ее целью и смыслом. А многие церковные правила они просто игнорируют и живут так, как им удобно. Раньше я считала, что это неправильно и малодушно, но теперь понимаю, что они были правы. Пожалуй, это единственный способ сохранить себя и не выгореть. Жалко только, в церкви об этом никогда не скажут.

И, в общем, не знаю, какой из этого сделать вывод, такой вот странный у меня религиозный опыт, и, наверно, стоит только порадоваться, что все это закончилось. Видимо, потеря веры оказалась для меня не трагедией, а

благословением, а то бы до сих пор кроме храма и молитв света белого не видела и продолжала мучиться от бесконечного чувства вины и собственной никчемности. А может, и додумалась бы все бросить и уйти в монастырь, как я и хотела. Сейчас я чувствую себя более свободной, более гармоничной, и мне даже кажется, что я сильнее люблю жизнь и окружающих людей. К сожалению, многие религиозные установки по-прежнему остаются со мной, они намертво впились и продолжают негативно влиять на меня. И, думаю, потребуется еще много работы над собой, чтобы освободиться от них. Я еще только в начале пути.

ЦЕРКОВЬ, СЕМЬЯ, СЕКС

И ВОТ ЗДЕСЬ ПОЯВИЛСЯ ТЫ, ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ

Анонимный автор

Если бы мне рассказали эту историю год назад, я бы, наверное, посмеялась... или посоветовала рассказчику обратиться в специализированное учреждение для душевнобольных. Причем, второй вариант был бы предпочтительнее.

«Именем Господним, благослови, отче»

Год назад каждый из нас жил своей жизнью. У тебя — 20 с лишним лет служения, люди, требы, семья и дети. Ты не принадлежишь себе, как практически любой хороший священник — на телефоне, требы, службы, «батюшка, приезжайте скорее в реанимацию». Бежишь, едешь, успеваешь к умирающим, отпеваешь младенцев, вытаскиваешь. Жена и быт, которые за эти годы съели часть твоей души и привели ее к семейному состоянию «все равно, как у всех».

У меня — много меньший по стажу брак, попытки завести детей, дележка мужа со свекровью и поиски себя в Церкви.

Нужно сказать, что мои отношения с РПЦ были всегда неоднозначными. Родители в ту пору, когда можно было воспитывать и влиять, относились ко всему этому весьма прохладно, но мне «посчастливилось» во время своего подросткового возраста попасть в период неофитства бабушки, что

закончилось обмороком на голодный желудок перед причастием, выносом моего тельца с резко упавшим давлением под змеиные шепотки местных кликуш «в ней бес, нужно везти на отчитку», после чего волевым решением родителей принудительные походы на службы были закончены.

Первый раз осознанно в церковь я зашла многие годы спустя, уже после смерти бабушки. Что-то сподвигло меня к тому, что за нее необходимо молиться, кроме того, коллега по работе рассказала, что рядом есть церковь, куда, «представь себе», можно зайти в джинсах, и оттуда никто не выгонит, а если под рукой нет платка (какая современная девушка сейчас носит в сумке платок?), то его выдадут. Я стала заходить туда после работы или в обеденный перерыв, молилась о бабушке, стояла перед иконой Богородицы и считала на тот момент себя человеком, близким к чему-то... к чему же?

Потом был неудачный брак, когда муж бросил меня одномоментно, внезапно и очень больно. И тогда я поняла: мне нужно туда, к Богу, в церковь. Не зайти и поставить свечку, мне нужно что-то большее. Первый раз за много лет я пошла на исповедь. Рыдала в несчастного священника о своей неудавшейся жизни и задерживала очередь исповедующихся. Мне стало легче, и я поняла для себя, что буду искать верующего мужа. На тот момент, мне это казалось гарантом того, что меня не предадут вот так — оставив одну, с долгами и подорванной психикой.

Дениса я нашла на «Азбуке веры». Мы общались, я поменяла жилье ближе к его дому. Начали жить вместе, расписались и обвенчались.

Единственной проблемой на тот момент, как мне казалось, была его мать, человек нездорово верующий, при этом стремящийся устанавливать одной ей ведомые порядки, прикрываясь христианством, вплоть до пределов нашей супружеской постели. Мне неоднократно рассказывали, что, как и когда нельзя и почему из-за этого у меня могут родиться дети-уроды. Денис или отшучивался, или ссылался на мамино нездоровье. Говорил о том, что нужно относиться ко всему проще, благо, живем мы отдельно.

Но мне все же хотелось докопаться до истины, обычных приходских священников было спросить неловко, особенно в формате исповеди-конвейера. И я стала искать их на интернет-ресурсах, в социальных сетях и прочих «безопасных» площадках виртуального общения. Медийные батюшки, отцы-блогеры, батюшка ответит, батюшка онлайн. Ответы на свои

вопросы я получила, но оставаться в этой среде мне было интересно. Появились группы с адекватными православными молодыми людьми, без елейных картиночек, обсуждение важных для меня проблем — богослужение на русском, открытость людям, Льюис, критика Ткачева.

И вот здесь появился ты, отец Алексей.

Я искренне не помню, как завязалось это общение. Кажется, ты написал что-то, я поставила лайк. Потом ты зашел на мою страничку, я — на твою. Обнаружилось сходство интересов.

В тот момент в моей жизни происходил очередной виток попытки завести ребенка, который наконец-таки вылился в то, что я забеременела. Первая беременность за мою жизнь! Я боюсь ходить и даже дышать стараюсь через раз. Меня долбит дикий токсикоз, врачи кладут на сохранение, но все же я иду в воскресенье на службу. Я не могу там долго стоять — живота еще не видно и никто не посадит на лавочку, а по глупости своей попросить мне неудобно. И я решила спросить тебя.

— Отче, как мне быть, я хочу исповедаться и причаститься, но я не могу в таком состоянии выстоять и половины службы. Натощак у меня начинает кружиться голова, да и пост сейчас.

— Варя, прекратите, какой вам сейчас пост? Ваша беременность и есть пост. Нужно исповедать и причастить? Я могу приехать, как буду в ваших краях. Берегите себя и малыша.

Потом все закончилось. Резко, больно, неожиданно. Тот ужас и тяжесть утраты поймет, наверное, только женщина, пережившая потерю своего долгожданного первенца.

Я написала тебе не сразу, прошло время, несколько недель. По случаю, ты был в моем городе, и мы смогли встретиться. Я никогда не забуду этот вечер в парке. Подходит к концу рабочий день. Мимо бегут люди, гудят машины в пробках, а мы сидим с тобой на лавочке. Первая исповедь, мои вопросы: за что, за что мне это, отче, я, наверное, заслужила, я отвратительный человек.

— Варя, а ты думаешь, я человек хороший? Или кто из нас свят? Почему? Я не могу ответить тебе на этот вопрос. Я могу только плакать с тобой, потому что я чувствую, как тебе больно.

Наверное, со стороны картинка выглядела весьма необычной. Сидит на лавочке заплаканная девушка, рядом с ней сидит священник, они разговаривают, плачут, потом он открывает требник и что-то читает...

— Вот и все, Варенька. На этом все и закончилось. Пойми, пожалуйста, это ушло. Уйдет и твоя боль. А я... я всегда буду рядом. Поддержу. Выслушаю. Пиши мне, не забывай.

И ты уехал. Врачи дали мне полгода на восстановление. Я поняла, что нужно что-то менять в своей жизни — сменила работу, поехала в отпуск. Мы переписывались. Ты увлекся фотографией и присылал мне свои работы — природа, цветы, моменты церковной жизни.

«Слава Тебе, показавшему нам свет»

Незадолго до Нового года ты оказался в моем городе. По твоей просьбе я забрала посылку для твоего младшего сына. Как-то все не складывалось, предпраздничные пробки, суета. И вот, у меня есть ровно 15 минут до работы, мне нужно бежать вести тренинг, и ты спешишь ко мне на такси сквозь снегопад. Забрать посылку. Важное дело. Перекинулись парой слов. На прощанье ты благословил меня, и тепло разлилось по моему сердцу. «Какой же хороший священник. Как посчастливилось мне встретить такого».

Переломный момент наступил на Рождество. С 7 января была связана одна личная моя история — в этот день мы впервые встретились с Денисом, поэтому в качестве семейной традиции было выбрано ежегодное повторение этого первого свидания — мы ездили гулять на место нашей первой встречи, заходили в то же кафе, заказывали тот же чай. Но в этом году все пошло по иному сценарию — муж со скандалом уехал к свекрови, я приехала туда же, ссора, выяснение отношений. Наверное, до конца жизни я не забуду эту картину — напротив меня, на диване сидит мой муж и его мама. И я, как провинившаяся школьница, на стуле напротив них. Они — одним фронтом, и я, одна, одна, Господи, почему же я одна?

Я написала тебе. Плакала, закрывшись в ванной, и писала, писала как никогда. И ты плакал вместе со мной.

— Помни, пожалуйста, всегда помни, что я рядом... Мне так больно за тебя.

Прошло несколько дней, закончились новогодние праздники. И тогда... Ты первый раз мне позвонил. Помню, как бежала в переговорную, ох уж этот

ужасный интернет, половины не слышно, но ты позвонил. Спрашивал меня, как дела, наладилось ли все. Наладилось ли?

— Знаете, отче, я в тот вечер хотела сесть в машину и приехать к вам. У меня никого нет, мама далеко, а они вот так против меня, одним фронтом. Ведь правда хотела приехать. Не выгнали же вы бы меня с матушкой?

— Конечно не выгнали, приезжай как захочешь, приезжайте с мужем, покажу вам город.

Наше общение стало теплее. Я замечала периодически, что что-то темной тенью накрывает тебя и ты становишься менее разговорчивым.

— Здравствуйте, отче. Как ваши дела?

— Жив, спасибо, отслужил. Чаша была большая, теперь вот немного прихватило поджелудочную. Это пройдет.

Бегут, бегут дни, вьется, тонкой вязью вьется наша с тобой переписка.

— Где вы сейчас, чем заняты?

— Я сейчас за 80 километров. Друг попросил послужить за него в будни, не мог отказать.

— Но как же вы там один, где вы там живете?

— Тут есть приходской дом, здесь все условия, не переживай.

— Но ведь вечер сейчас, и вы один. Вам, наверное, грустно? А что ваша семья? Они, наверное, переживают?

— Они рады, что избавились от меня на несколько дней. Так всем проще.

Издались? Но как же? Как же крепкая семья священника, много детей, матушка — надежный тыл?

— У вас интересная прическа. Очень здорово. (Присылаю картинку «у меня самый стильный духовник».)

— Тебе правда нравится? А дома скандал был.

По сути, не было в переписке нашей ничего криминального. Потому, естественно, я и не скрывала ее. Денис периодически язвил на тему «ну иди на меня этому попу пожалуйся». Наверное, нужно было что-то отвечать вроде «езжай опять среди ночи к маме, она же не берет трубку». Не

отвечала. Жена должна терпеть. Маму, отсутствие поддержки, игры до ночи, сон в разных комнатах.

— Отче, что мне делать? Мой муж переселился в другую комнату. А я так не могу, я же живой человек.

— Это печально... я тоже не идеален, но стараюсь всегда делать так, как Ей удобно. Может, зря.

По работе я поехала на несколько дней в Санкт-Петербург. Ты попросил меня купить тематические монетки, а потом я помню, как ты позвонил мне. Стоя на берегу Невы, обдуваемая ледяным ветром, я говорила с тобой. И ты был рядом.

— Знаете, отче, меня вчера на вокзале полиция остановила. Говорят, девушка, а не угостите ли нас кофе? Ничего себе прикольчики, я чуть не опоздала на последнюю электричку.

— Просто ты очень красивая, вот и решили познакомиться. А что, никто не встретил?

— Да не думаю, что я уж такая красивая после поезда. Нет, не встретил.

Воскресным утром я вышла из дома. Прошла несколько метров, гололед, скользко... Боль, резкая ужасная боль. Я не понимаю, как я упала, но уже понимаю, что дело плохо. Бегут люди, скорая, заспанное лицо Дениса, до которого я не смогла дозвониться, в полуобмороке объяснила, что дом рядом, кто-то из прохожих дошел до квартиры и разбудил его. Перелом со смещением. Осколки. Нужно ставить костное вытяжение, сейчас же, срочно, в больнице только дежурный врач. Звонила всем, тебе — первому.

— Понял, понял, о Господи, какой кошмар, я бегу в храм, буду молиться за тебя.

— Будет операция, мне так страшно.

— Прошу тебя — держись. Скажи мне, ты точно останешься в этой больнице? Может быть, куда-то в другую? У меня есть хороший врач знакомый, только бы хорошо собрали ножку, только бы хорошо...

— Да вроде бы тут все подключились, операцию будет делать заводделением, я не знаю. Мне очень страшно.

— И я далеко, что же делать. Пришли мне хотя бы снимки, я покажу своему доктору.

Меня прооперировали. Выписали из больницы. Первые дни со мной была мама, но ей пришлось уехать. Потянулись невеселые дни моего медленного выздоровления. По хозяйству приходила помогать свекровь, Денис, как обычно, приезжал поздно вечером, ужинал, садился до ночи за онлайн-игры. Просила его все-таки начать спать в одной комнате, но теперь была новая отговорка: «у тебя нога болит, вдруг задену».

По счастью, на работе мне разрешили вести некоторые дела из дома, и это хоть как-то сглаживало мои серые будни.

Начался Великий пост. И ты пропал практически на всю первую неделю. Я не задавала вопросов... или я просто уже научилась тебя чувствовать?

— Отче, я волновалась, что вас так долго не было. Все ли в порядке?

— Спасибо, Варенька, я жив. Первая неделя поста, сама понимаешь.

— Понимаю, конечно. Мне удалось доехать на такси до ближайшего храма, на костылях кое-как забралась по лестнице. Сидела с переводом Канона Андрея Критского.

— Вот и молодец. Но стоило ли напрягать ножку? Кстати, у меня есть несколько переводов отца Георгия Кочеткова, собственноручно им подписанных.

— Скажите, не собираетесь постом в наши края?

— Собираюсь. Есть некоторые дела. Заодно надо одного хорошего человека заехать посоветовать.

— Ага, может, и ко мне заедете.

— Под хорошим человеком я имел в виду тебя.

— А я сделала вид, что не поняла.

Шла вторая половина поста, я успела съездить на несколько дней к маме, честно говоря, уже и не ждала, и не надеялась...

— В понедельник буду в твоём городе. Напиши адрес, я приеду.

— Отлично, буду вас ждать.

В подготовке к нашей встрече я не могла найти себе места. Что со мной такое? Поняла, я, наверное, волнуюсь, как я смогу тебе исповедаться, ведь ты же знаешь меня хорошо и мне будет стыдно. Не перед тобой как священником, но перед тобой как человеком. И вообще, о чем я думаю? Нужно думать, чем я смогу угостить тебя в пост.

— Я выехал. Скоро буду у тебя.

— Спасибо, жду вас. Волнуюсь почему-то. Может быть, перед исповедью.

— Может быть, но, Варенька, это не повод не спать в 2 часа ночи. Я видел, во сколько ты была онлайн. Так нельзя. Нужно беречься. Вот еще что хотел спросить. Хочешь соборование на русском языке?

— Конечно хочу, а что, так можно?

— Конечно можно.

Клянусь, в этот момент я буквально видела, как ты негромко засмеялся в усы, и морщинки лучиками побежали от твоих глаз.

Ты приехал. Краем глаза я видела, что, когда ты облачался, кот пытался играть тесьмой твоих поручей. Соборование на русском языке! Все понятно! И ты молишься вместе со мной о моем здоровье, а я смиренно сижу на диване... без платка.

Ты пробыл у меня не долго, вечером пришел с работы Денис. Ужин, «мне нужно работать» — ушел играть в игры.

— Спасибо вам большое еще раз что приехали! Огромное спасибо. Вы уже едете домой?

— Да за что спасибо. Нет, я у друзей, уеду только завтра вечером.

— Завтра? А вы знаете... может быть, днем... попьем кофе?

— Я с удовольствием. Кто выбирает локацию?

— Я выбираю. Это будет сюрприз.

Куда же пойти пить кофе? Вот дилемма то... пост же... так, думаем. Вегетарианцы какие-нибудь, веганы... Ну конечно же, индийский ресторанчик!

Мы встретились с тобой недалеко от центра города, ты ждал меня с другой стороны торгового центра. И вот я вижу, что ты идешь мне навстречу, приветственно машу тебе костылем, ветер и апрельское солнце играют в твоей бороде, ты улыбаешься, я так рада вам, так рада, обнимаю...

До ресторанчика мы доехали с тобой на такси. Далеко на костылях я не уйду — ты был предупредителен, помогал, выскакивал открывать дверь машины, люди косятся на немного странную пару. До твоего поезда 3 часа, и мы ведем какие-то странные светские разговоры, а мне кажется, что не о том я хочу говорить сейчас с тобой, но как я смею так думать. Время пролетает стремительно, и ты сажаешь меня в такси, тебе пора спешить на поезд.

— Как вы, все в порядке, успели?

— Да, еду, думаю... а прекрасный же был сегодня день, не правда ли?

Близится к концу пост, и вот уже Страстная неделя на пороге, а я понимаю. Когда же я стала это понимать? И что именно? Что без твоего «доброе утро» оно не доброе, что мне хочется говорить с тобой все больше и больше, и что чувства мои — не как ко священнику, духовнику или другу. Я мучилась несколько дней. Плакала ночами, плакала перед иконами, что же это, Господи, если плохо это, пожалуйста, забери это от меня, что там нужно делать, молиться, жечь венчальные свечи, кричать в голос, что нужно делать? Но ты... я не могу не выяснить.

— Почему грустные смайлики? Что случилось у тебя?

— Да вроде бы все хорошо... но как-то непонятно?

— Что непонятно?

— А я вот вам песенку пришлю.

Наив. «Мое сердце не остановилось». У нас с тобой специфичные музыкальные вкусы. Не зря я по Питеру для тебя разыскивала монетки с Егором Летовым. Вкусы, у нас? О чем же ты думаешь, Варя?

Наступил следующий день. Страстная седмица. У тебя службы каждый день. А я не нахожу себе места, и хочется поговорить, и очень, очень страшно. Была не была.

— Скажите, отче, как вы думаете. Я зря тут сижу плачу?

— Плачешь? О чем... подожди.

Пропал из сети. Думала, что все понял и все кончено. Иду плакать на балкон, уже не останавливая слезы. Как хорошо сейчас, что одна дома и никто не видит. Звонок, твой звонок...

— Ну, и что там у нас за слезы? Говори.

— Да я... да нет... ничего, я просто понять не могу и мне страшно.

— Давай я начну?

— Давайте.

— Знаешь, когда я был там у тебя дома... Хочешь, я скажу тебе правду? Наверное, ни в одном любовном романе не описано того, что я чувствовал. И чувствую сейчас.

— Так значит... (рыдания)

— Значит да. Я люблю тебя. Ты бесконечно мне дорога. И прекращай, пожалуйста, плакать.

— И вы мне, и я тоже...

Что же дальше? О, трижды благословенные мессенджеры! Что бы мы делали без вас. Ты звонишь мне утром по дороге на службу. Я вижу твой город, вижу твою улыбку. И мне начинает казаться, что я дышу с тобой одним воздухом. Видел ли кто-то когда-нибудь литургию глазами священника, если ты не священник? Если ты просто его любишь и просто смотришь на все происходящее со своей стороны экрана. Как бесценно дороги мне эти моменты, какую великую драгоценность ты подарил мне, мой родной, мой несравненный, мое ясное апрельское солнышко.

Вечером наступает режим тишины, и я панически боюсь написать что-то лишнее, но не писать я не могу, не могу не говорить с тобой, не могу не смотреть в твои бездонные глаза.

Тебе ставят дополнительные службы, и случается так, что на одной из всемогущих нет никого. Только ты и я — по ту сторону экрана.

— Варенька, открывай последование, и будешь мне помогать. Я без певчих сегодня. Пожалей мой голос.

— Но ведь... ты что... я же не умею петь!

— Ничего, все ты умеешь, и получается все очень даже мимимишно.

Дома отношения не меняются. Вечером у каждого свои дела. У Дениса — игры, а у меня... О, мой милый, несравненный друг. Кажется, я могу говорить с тобой часами, днями, сутками. Алешенька, любимый, родной.

На праздники я уезжаю к маме. Мне, конечно, стыдно, но телефон не успевал заряжаться, потому что мы разговаривали бесконечно. Иногда мы просто с тобой включали видеосвязь, и каждый занимался какими-то домашними делами или работой. Просто быть рядом. Быть рядом всегда.

И вот, я решила приехать к тебе. В очереди домашних скандалов и проблем, несмотря на то, что ситуация не улучшалась, а на претензии мои относительно образа жизни Денис смотрел не иначе как на бабью придурь, я смогла уехать. И это одни из самых счастливых дней моей жизни.

На вокзале меня встретил староста твоего прихода. Всю неспешную дорогу до гостиницы сердце выскакивало у меня из груди, а ты писал мне, посылал смешные картинки и торопил, торопил, скорее, приезжай скорее. Я поселилась в гостинице недалеко от твоего прихода. Смешная ситуация — ты бежишь ко мне, но я не могу тебя обнять, город совершенно маленький и практически каждый друг друга знает. Но нам удалось немного прогуляться, поговорить и у меня есть несколько минут, чтобы переодеться и бежать на всеобщую. Ну как бежать... насколько это возможно — бежать человеку с одним костылем.

Заканчивается служба, люди потихоньку расходятся, я сижу на лавочке у стены и вижу, как ты выходишь из алтаря. Ты садишься рядом со мной, и никого нет, и я могу обнять тебя, могу вдохнуть твой запах, могу дотронуться до твоей руки. На какой-то момент ты уходишь обратно в алтарь, возвращаешься с требником. Чин копия. Ты будешь молиться о том, чтобы я поправилась. Но вот незадача — у меня нога сломана в голени, и как выходить из ситуации? По правилу, острием копия священник должен прикасаться к больному месту человека. Я сижу на лавочке. И ты опускаешься на колени, звучат слова, но я не слышу их. Твои волосы завиваются на лбу в небольшие кудряшки. Запах ладана, свет заходящего солнца, гулкая тишина пустого храма. Иконы смотрят на меня, и ты, мой любимый, мой бесконечно любимый человек тут, рядом со мной. Как давно ты рядом, почему же я не понимала этого раньше.

— Скажи, Варенька, стояли перед тобой священники когда-нибудь на коленях?

— Нет, конечно не стояли, я...

Слезы начинают наворачиваться у меня на глаза. Мы совершаем небольшую прогулку по городу, и я вижу, как тепло, спокойствие разлиты по этим древним улочкам. Неспешно прохаживаются люди. Кто-то здоровается с тобой. Кто-то смотрит с любопытством — новое лицо, какая-то девушка, да еще с костылем.

Утро, исповедь.

— Отче, я грешна, я полюбила другого человека.

— Но ведь есть мотив, я понимаю, это же любовь... Прости, что я говорю тебе... Господь и Бог наш, Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия да простит ти, чадо Варвара, и аз, недостойнейший протоиерей...

После службы мы решаем сбежать. Сбежать от всех взглядов, людей, я хочу держать тебя за руку. Ты хочешь обнимать меня и не оглядываться по сторонам. Мы садимся в такси и уезжаем в другой город. Здесь много меньше вероятность попасться кому-то на глаза. Мы гуляем и дурачимся как подростки — кормим друг друга пирожным с ложечки, и я понимаю, что не хочу, чтобы этот день когда-нибудь заканчивался.

«Плач и скрежет зубовой»

Это не могло длиться вечно. Мы с тобой потеряли бдительность, растворились друг в друге.

— Алешенька, у меня плохие новости. Будет вторая операция, кости криво срослись.

— Успокойся, сейчас главное успокойся.

И ты находишь, ты решаешь все — лучшие врачи, лучшая больница. И вот как раз в тот момент, когда я скачу на одной ноге из перевязочной, по дороге я натыкаюсь на перекошенное от злобы лицо мужа.

— Что это такое???

Он следит уже давно. Он дождался, дождался того момента, когда я абсолютно беззащитна. Факты они и есть факты. Переписки и фотографий достаточно для того, чтобы создать тебе проблемы. При условии твоих натянутых отношений с благочинным, и того, что ты чувствуешь, что на твое место хотят поставить кого-то из своих. Этого достаточно и для скандала дома, а может быть, и развода. Она не из тех, кто прощает.

— Теперь послушай сюда, ты. Если ты хотя бы дернешься, я приеду и привезу все этого его жене. И в епархию. Ты сама понимаешь, что будет твоему любимому. Выбирай.

Звоню. Ты все понял без слов.

Добро пожаловать в мой маленький филиал ада.

Пепел розы, была или небыла,

Сколько песен еще не спели.

От тебя до меня — небо,

Синь весны и капель апреля...

Прощай, отец Алексей. Я люблю тебя

Конечно же наша история имела продолжение. Больше двухсот комментариев на «Ахилле» — кажется, это был вызов обществу, хотя не было и близко такой цели. Кто-то действительно понял, кто-то поддержал, некоторые посмеялись, а кто-то осудил со стопроцентной уверенностью, что уж в его-то благочестивой жизни никогда ничего подобного случиться не может, и привел в пример аскетические практики.

Как написал кто-то, невозможно такой поток чувств оборвать, нет такой гранитной плиты, которая бы смогла остановить эту мощь. Слишком сильно и слишком глубоко. В моей голове смешалось все: ты действительно мудрый священник, который руководил моей жизнью, разделял взгляды, научил по-другому смотреть на многие моменты православия, и я постоянно задавалась вопросом: «неужели так можно?» Ты бесконечно, до кончиков пальцев, любимый человек, поддерживающий и разделяющий мои интересы, утешающий в тяжелые моменты, умеющий взбодрить, находящий решения и помогающий. По крайней мере, до определенного момента. И конечно же, ты потрясающе притягательный мужчина, с легкой грустью

во взгляде, виски соль с перцем, пушистая мягкая борода, бархатный голос, романтический герой, одним словом.

Каждый из нас понимал внутри себя и то, что не может эта история иметь хорошего логического конца. Но как можно прекратить это общение, которое наполняет каждый мой день смыслом, понимая всю пагубность этой зависимости? Я не могла заставить себя слезть с этой иглы. Мне нужен был твой голос. Мне нужно было видеть тебя. Мне важно было убежать от всех, спрятаться и зарыться в тебя, и казалось, что только ты в этом мире единственный, кто понимает, с кем мне хочется дышать одним воздухом и с кем я хочу провожать закаты.

— Алешенька, мне лететь 10 часов. Это ведь другой конец света. Я так боюсь, скажи, а могу я тебе исповедаться?

— По телефону? Вообще я всегда осуждал такие вещи, но вот, например, Иларион практикует, как я знаю. Давай попробуем. И ничего не бойся. Я буду за тебя молиться, все это время пока ты летишь.

Благодаря тебе, даже за тысячи километров я смогла быть на Литургии в храме твоего «уездного города N».

— Ну вот и отслужили. Когда ты выучишь молитву на благословение кадила? (смеется)

— Мне так стыдно, но вот, видимо, не принимает у меня душа церковнославянский.

— Выучи на русском. Просто ты сама понимаешь, кроме нас с тобой это никому не нужно, люди приходит зачастую в храм помедитировать, смыслы мало кому важны.

Проходило время. И я начинала замечать, что мой любимый человек становится холоднее, а вопросы его — конкретнее, и звонков твоих я стала ждать все дольше. И наконец до меня дошло осознание, что при всей нестандартности нашей ситуации, отбросив все титулы и регалии, саны и статусы, наши отношения по сути вряд ли чем-то отличаются от отношений двух несвободных людей. Меня не мучила совесть. Меня мучила острая нехватка тебя, как человека, как мужчины, с которым я хочу быть рядом до боли, до ночных истерик, до панических атак днем.

Я собралась с силами и написала тебе, что не могу так больше. Попросила меня не мучить. Или принять, наконец, какое-то решение.

Два месяца молчания. Два месяца колебаний — может быть, позвонить, написать. Ах нет же, нет, бить себя по рукам и кусать губы. Однако, меня радовало то, что страничка — как твоя личная, так и твоего прихода, — обновляется, значит, с тобой все в порядке, по крайней мере, ты жив и здоров, службы идут, и я очень надеюсь, что ты помнишь и молишься обо мне. За эти два месяца попыталась реанимировать свою семейную жизнь, но пришла в очередной раз к выводу, что «живут не для радости, а для совести», хотя Дениса, похоже, все устраивало, он с оптимизмом занимался своими делами, с радостью съедал приготовленный ужин, регулярно посещал маму, принося от нее кучу «гадостей о нерадивой невестке», и был всем доволен.

— Добрый день. Как ножка?

Твое сообщение застало меня за рулем и чуть было не стало причиной аварии. Мне показалось, что на минуту у меня остановилось сердце, потом оно рухнуло куда-то, очень глубоко, и застучало чаще, чем при самом быстром беге.

— Я решил позвонить. Скажи мне, как ты?

Как я? Как я жила без тебя эти месяцы? Ты мог догадаться и без моих слов. Как брошенная собака. Как цветок без воды. Как человек, у которого вырвали сердце. Но зачем я буду говорить тебе то, что ты и так знаешь?

— Я писал тебе, на твою вторую почту. Я нашел твои объявления в интернете по номеру и увидел, что ты продала телефон. Если бы ты сейчас не ответила, я бы приехал к тебе на работу.

— Но ведь это так далеко, несколько сот километров. Впрочем... Скажи, ты можешь приехать?

— Я могу и приеду. Варя, скажи мне, что мы никогда с тобой не потеряемся. Больше никогда. Я так не могу. Я не могу без тебя.

Когда я увидела тебя, спустя столько времени, мне показалось, что меня ударило током или, может быть, чем-то тяжелым по голове. Хотелось плакать и смеяться, хотелось держать тебя за руку, хотелось обнять тебя

и как всегда спрятаться, зарыться, убежать от этого мира, к тебе, с тобой, только с тобой.

— Алеша, как же мне тебя не хватало. Ты не представляешь даже, как. Я выходила на балкон и разговаривала с тобой, я говорила в пустоту, в ночное небо, но казалось, ты меня слышишь.

— Я слышал тебя, я все чувствую.

— Не знаю, что мне делать, но две вещи я поняла для себя точно. Я не могу без тебя. Мне хочется выть, мне хочется умереть. Но и любовницей твоей я не буду.

— Не будешь, будет все как ты скажешь, ты моя любимая.

Мы уходили с этой встречи словно пьяные, ничего не решив, но в очередной раз сходя с ума. Тебе предстоял долгий путь домой. Большая ли цена, чтобы побыть вместе пару часов? Нет, нет у этого никакой цены.

Жизнь бежала своим чередом. У тебя службы, требы, причастить с утра, этот умер от рака, отпевание, я обязательно позвоню тебе после.

У меня работа, поездки, самолеты, исповедь тебе по телефону. И вот однажды...

— Алеша, у тебя в друзьях на странице — кто это? Почему у этой женщины все те песни, которые ты отправлял мне тогда, почему ты следишь за всеми ее фотографиями? Алеша, Алешенька, объясни, пожалуйста, мне очень страшно...

— Так, значит, ну тогда пока.

Пропал. Исчез. Наказал. За что? За что мне это? Разве это любовь, Лешенька, когда постоянно больно и лишь иногда хорошо? Почему, почему все сроки, о которых ты говорил когда-то, они давно уже прошли, а ведь помнишь, этот пост мы хотели встречать с тобой вместе и совсем в другой стране. И снова мои слова летят в пустоту морозной ночи. Я никогда не забуду тебя, и мне не за что тебя винить, и признание за все то, что ты сделал для меня — оно в каждом моем шаге, ведь хожу я только благодаря тебе и той самой операции.

Я люблю тебя, отец Алексей. Прощай.

РЕЛИГИЯ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ, ИЛИ ПОЧЕМУ Я НЕ ПОПАДУ В РАЙ

Анонимный автор

Время от времени, когда есть свободная минутка, читаю сайт «Ахилла», и вот, наконец, решилась написать о том, как я ушла из церкви. Конечно, были сомнения, а нужна ли кому-то моя история, интересна ли.

Но я надеюсь, что кому-нибудь пригодится, а еще мне просто хочется излить свои душевные переживания, но некому.

Семья у меня верующая. Бабушка сохраняла веру еще в советское время (тайно, конечно), дед, правда, был атеистом и таковым остался до конца своих дней. Мама тоже верующая, она и по сей день ходит в храм, исповедуется и причащается. Также приучает к вере и свою внучку (мою дочь).

Поначалу и я была верующей, училась в православной гимназии, очень хорошо знала такой предмет как Закон Божий, который нам преподавали. У меня всегда были пятерки. Помню, как один мальчик в нашем классе хотел стать священником в будущем, но у него было сложности с этим предметом и когда он не мог в очередной раз ответить на вопрос учительницы, то всегда отвечала я, на это он очень злился. Но углубляться и рассказывать здесь об обучении в православной гимназии я не буду, об этом, может, напишу отдельно. Здесь я хочу рассказать том, как я ушла из церкви, а также эта заметка содержит в себе некоторые советы женщинам и девушкам, сомневающимся делать или не делать аборт, стоит ли венчаться.

Итак, вот я, как и все православные девушки, хранила девственность до свадьбы. Честно говоря, думала, что уже вообще не выйду замуж, так как женихов, которые это могут оценить и еще согласиться на венчание, сейчас мало. Но в конце концов я нашла такого, мы обвенчались.

После свадьбы пошли первые нехорошие звоночки. Естественно, до свадьбы мы не жили вместе, и я не знала о том факте, что его отец алкоголик, причем буйный. Все это от меня скрывали. Как примерная жена, я переехала жить к мужу и вынуждена была лицезреть ужасное состояние его отца в алкогольном опьянении (мат, нападки на мою свекровь и т.д.). Помню, муж решил освятить квартиру — приехал батюшка, стал освящать, а свекор закрылся в одной из комнат и матерился оттуда. Эту комнату так и не освятили. Причем муж и свекровь считали это в порядке вещей и ничего

не хотели менять. Сейчас я понимаю, что уже тогда нужно было бежать из этой семьи, но я боялась, как же, ведь у нас было венчание, а это один раз и на всю жизнь. Какой же я была дурой!

А через два месяца я узнала, что беременна. Муж воспринял эту новость очень негативно. Он считал, что нам еще рано иметь детей. Не скрою, у меня тогда проскользнули мысли об аборте, но я же верующая, не могла такой грех допустить. В результате мне все равно пришлось уйти из этого дома, потому что жить там, чтобы ребенок все это видел, стало невозможно. Ушла я к своей бабушке и маме (отец умер, когда мне было 7). Муж отказался уйти вместе со мной. Нашей дочке уже 10 лет, но мой муж и по сей день живет со своими родителями, его отец продолжает пить, несмотря на ухудшающееся здоровье. Сейчас муж платит алименты и иногда видится с дочкой. Какое-то время он встречался с одной православной девственницей 27 лет, они все вместе ходили в церковь, у них не сложилось, в церковь он больше не ходит.

Теперь переходим к самому главному, почему я все же ушла из церкви. Когда мы расстались с мужем (а это было практически сразу после рождения ребенка), мне было всего 22 года. Естественно, перспектива жить одной меня не радовала. Муж сам подал на развод и уже к тому времени жил в блуде с другой женщиной. Поэтому по церковным канонам я имела право выйти замуж снова. Но когда я начала искать нового мужа, то поняла, что с ребенком выйти замуж очень трудно, тем более, что по тем же канонам я снова не должна была иметь никаких отношений с мужчиной до брака. Мужчины не хотели иметь дело с женщиной с ребенком, да еще и с такими заморочками.

Никакие молитвы мне не помогали. Поначалу я молилась, чтобы бывший муж вернулся в семью, но потом поняла, что это безрезультатно. Батюшка на исповеди мне сказал, что, мол, мы тут в церкви не возвращаем бывших мужей. И я прекратила. Потом я молилась, чтобы снова выйти замуж, но опять ничего, молитвы не помогли, к каким святым я только ни обращалась!

А потом я забила на все это. Я ведь живу не в монастыре. В монастырь меня не возьмут, потому что сперва мне нужно вырастить дочку. Соответственно, живя в миру, я хожу на работу, езжу в транспорте и везде встречаю мужчин. И как нормальной здоровой женщине мне хочется мужской ласки.

Длительное воздержание оказало негативное влияние на мое психическое здоровье. Я стала раздражительной, нервной, стала ссориться с людьми на работе. И даже моя начальница советовала мне найти себе мужчину для секса, наблюдая изменения в моем характере. Что говорить, работа для меня важна, и я не могу позволить себе не работать. И здоровье тоже важно, потому что мне еще воспитывать ребенка. Да, я нашла себе мужчину для секса.

На исповеди я рассказала об этом батюшке. Естественно, он сказал мне, что это смертный грех, что он не допустит меня до Причастия. Но что мне делать в этой ситуации, он не сказал. И другой батюшка тоже ничего не смог посоветовать. Вот уже несколько лет я не причащаюсь. Конечно, и в храме бываю из-за этого редко. И в рай я не попаду! Несмотря на все мои изначальные старания жить правильно по заповедям Божьим.

Что я в связи с моей историей могу посоветовать молодым девушкам:

1. Не нужно венчаться с мужчиной, если вы не прожили с ним много лет! Мои бабушка с дедом не венчались и прожили вместе 40 лет, а мой бывший венчанный муж бросил меня с ребенком, хотя после родов у меня разошлись кости таза и я первое время еле ходила.
2. Если после венчания вы обнаружили серьезные проблемы у мужчины (как в моем случае алкоголизм его отца и нежелание мужа ничего менять) — бегите от него и даже не думайте сохранять брак из-за того, что было венчание.
3. Конечно, я не могу советовать вам делать аборт, потому что потом у вас может не быть детей вообще. Но вы должны знать, что с ребенком мужчину будет найти очень трудно, хотя на православных сайтах вам красиво распишут, что якобы все у вас будет хорошо и мужчину найдете, потому что Бог пошлет. Не пошлет!

Кроме того, обычно женщине, которая стоит перед выбором рожать ребенка или нет, православные промывают мозги тем, что если она сделает аборт, то совершит страшных грех и будет вечно гореть в аду после смерти.

Вы должны помнить, что в любом случае в рай вам будет попасть трудно, это хорошо видно из моего примера.Abortов не делала, но в рай не попаду, меня даже к Причастию не допускают!

ДУХОВНИК В ПОСТЕЛИ СУПРУГОВ: ТРАДИЦИЯ, ОСВЯЩЕННАЯ СВЯТЫМИ ОТЦАМИ?

Григорий Нефедов

Думается, из людей воцерковленных мало кто не слышал об этой проблеме: духовнике как «третьем» в постели православных супругов. Некоторые не только слышали, но и испытывали это на своей шкуре. Мы не можем себе представить, сколько семей было из-за этого разрушено или сколько семей годами жили и живут в этом нелепом состоянии, ориентируясь в своей супружеской, сексуальной, интимной жизни на мнения духовников. Жаль, нет такой статистики, никто не взял на себя такое исследование: пройтись по нашим приходам и добиться откровенности от достаточного числа прихожан, чтобы они рассказали, какие духовники этим отличаются и как часто лезут они в семейную постель со своими советами.

Да, известны некоторые имена знаменитых, почитаемых духовников, из монашествующих в основном, которые с увлечением расспрашивают своих чад на исповеди как, сколько раз, с какой стороны и с каким пылом супруги исполняют свой «долг», получают ли они при этом «наслаждение» греховное, или только тщательно и методично «работают» над производством потомства, бормоча про себя Иисусову молитву и акафист «Прибавлению ума». Но сколько еще таких «духовников» на Святой Руси? Представляется, что немало.

Конечно, нельзя забывать, что предложение появляется вместе со спросом. Как в церкви большинство прихожан — женщины, то и с подобными вопросами к духовникам обращаются процентов, наверное, на 90-95 именно женщины. Мужчины редко склонны обсуждать свою постель с духовниками, да и те остерегаются слишком лезть, когда на исповедь мужчина приходит — неровен час получишь кулаком прямо в благодатную бороду...

Но было бы поспешным считать, что духовники-«постелеведы», спецы по православной камасутре появились только недавно, будто это специфика только российского «возрождающегося» православия последних десятилетий, как некоторые склонны объяснять. Мол, в церковь пришли люди, потерявшие духовную традицию, невежественные в правильной церковной жизни, они приняли сан, стали быстро духовниками, но духовного опыта не приобрели, отсюда, мол, и такие перекосы.

С одной стороны, возможно, и так, я вот не знаю, лезут ли в постель к своим чадам греческие, румынские, американские и так далее православные духовники, вдруг кто расскажет из читателей «Ахиллы» — как там, за кордоном? Но если мы обратимся к опыту святых отцов — как и положено поступать православным, — то что мы найдем?

А найдем мы советы, вернее, толкования на апостола Павла непререкаемого в духовной мудрости святого отца — Иоанна Златоуста. Послушаем же его:

«Ввиду того, что многие воздерживаются и имеют чистых и целомудренных жен, притом воздерживаются сверх должного, так что воздержание делается поводом к прелюбодеянию, ввиду этого апостол Павел говорит: каждый пусть пользуется своею женою (ср.: 1 Кор. 7, 2). И он не стыдится, но входит и садится на ложе днем и ночью, обнимает мужа и жену и соединяет их друг с другом, и громко взывает: не лишайте себе друг друга, точию по согласию (1 Кор. 7, 5). Ты соблюдаешь воздержание и не хочешь спать с мужем твоим, и он не пользуется тобою? Тогда он уходит из дому и грешит, и, в конце концов, его грех имеет своей причиной твое воздержание. Пусть же лучше он спит с тобою, чем с блудницей».

Как вам? «Не стыдится, входит, садится на ложе, соединяет мужа и жену»... Нет, понятно, что это возвышенные метафоры, аналогии, аллегории и прочие аллюзии, но стоит только погуглить эту фразу, как мы узнаем, что современные батюшки РПЦ регулярно используют эту цитату, когда объясняют (вполне справедливо), что супруги должны больше сексом заниматься, меньше воздерживаться, потому как вреда от последнего больше, чем пользы, как учит тому Иоанн Златоуст со ссылкой на апостола. Но если у нас часто аллегорические толкования Писания толкуют вполне буквалистски (вспомним только пресловутое «плодитесь и размножайтесь», которое нынешние адепты многодетности толкуют как призыв к россиянам XXI века бороться за демографию путем перманентной беременности, в то время как эту конкретную заповедь Господь дал конкретной первой паре людей на — напомним — еще пустой планете), то почему же и нынешние духовники не могут себе позволить буквально толковать эти слова? Они ведь даже не приходят ночью в квартиру духовных чад и не шуршат в их кровати под одеялом с инспекцией и фонариком — они лишь дают такие советы и задают на исповеди такие вопросы, за которые в любом нормальном обществе дают по физиономии, как за непрошенное хамство и вульгарность.

Я уж тут не буду вдаваться в разбор других цитат из этой, казалось бы, такой правильной выдержки из толкований Иоанна Златоуста (я ее привел в сокращении, погуглите полную версию), вроде «пусть лучше спит с тобой...» — жена в устах святого отца тут нечто вроде, извините, сливного ведра, куда мужчина «законно» и безгрешно... ну вы понимаете.

Вообще тема «православного секса» и всего вокруг этого — большая тема для обсуждения, я не берусь ее сам решать в короткой заметке, лишь затрагиваю маленький аспект проблемы. Но мне видится в этой теме один большой вопрос: насколько вообще правомерно и необходимо православным супругам в своей интимной жизни ориентироваться не только на мнение духовников, но и на мнение святых отцов, даже на первый взгляд вполне себе правильное мнение? Мало того, дерзну высказать совсем крамольную мысль: насколько вообще даже слова Писания могут хоть каким-то боком относиться к супружеским отношениям в современном обществе? Может, это та сфера, куда вообще пускать «религию» и ее «первобытнообщинные» и средневековые правила — грех? Грех, потому что «промашка», ошибка, потому что вредно, неуместно в XXI веке. Может, даже Бог в таких случаях стыдливо отворачивается и не лезет не в свое дело, уважая свободу двоих в их постельных утехах и их право на закрытые двери?..

О ТОМ, КАК ЦЕРКОВЬ БОЛЬШАЯ МОЖЕТ УНИЧТОЖИТЬ ЦЕРКОВЬ МАЛУЮ...

Анонимный автор

Меня зовут Ольга (имя изменено). Мне 44. В русском православии 20 лет — с двадцати до сорока.

Родилась в Ленинграде, крещена я была лет в 10 в городе Одесса. В моем роду был человек в священном сане — он был благочинным в Одессе в 1960-х годах. Не могу сказать, что церковные традиции передавались как-то в нашей семье, я была обычным советским ребенком. Из детства помню только одну молитву, которую произносил дед-фронтовик со мной перед едой: «Господи, благослови». На этом все. Крещение никак не повлияло на мое ощущение жизни тогда, в 10 лет. Зато прекрасно помню ужасное ощущение опасности и ненадежности нашего мира в связи с общей

атмосферой холодной войны и непрекращающейся политической истерией в СМИ и школе, а также в связи с домашним неблагополучием.

Училась я неплохо, поступила в институт. Девяностые годы. Обычная студенческая жизнь с мимолетными влюбленностями и симпатиями и первыми «взрослыми» отношениями, которые мне в общем весьма понравились.

Курсе на втором мы отправились на практику по рисунку в Псковские Печоры, знакомиться с памятником древнерусской архитектуры.

Приехала я одним человеком, а уехала совершенно новым. В Печорах мы провели много времени — около трех недель. За это время я успела зарыться в литературу и перечитать все, что стояло в церковной лавке при входе в монастырь (тогда еще за бесплатное чтение не гоняли), побывать не раз в Пещерах Богом Зданных (тогда еще за вход не брали мзду), уверовать, что все написанное в этих необыкновенных книжках — правда, горько порыдаться о своих грехах, исповедоваться и причаститься.

Накрутила себя не на шутку — честно прочитала все каноны и, видимо, они загнали мои нервы в «штопор», так как я к тому моменту хорошо усвоила, что надо вдумчиво читать и буквально проживать каждое слово. Что я как старательный студент и сделала.

Причастие же произвело совершенно другое действие — это была невыразимая и какая-то огненная радость, и абсолютная вера в то, что я нахожусь сейчас вот там, где на иконе над царскими воротами сидит Христос с учениками и раздает им Хлеб и Вино.

С этого времени начался период моего горячего неофитства, дружба с единомышленниками-студентами. Это все было так непохоже на тот холод, в котором я выросла. Однако же и в первые недели «новообращенности» я повидала и всяких околмонастырских ненормальных, заносчивых монахов с радиотелефонами (девяностые годы, это была редкость), полусумасшедших «молитвенников» с медными крестами на лбу, лающих бесноватых и многое другое...

Позже видела и злющий коллектив монастырской кухни на Коневце, и некоего батюшку, явно не в себе, в Александро-Невской Лавре, там же в Лавре — дико злою даму, которая шипела «главное — послушание»,

и девиц, замотанных в платки ненормального вида. Основная масса церковного народа, признаюсь, производила весьма странное впечатление.

Когда я задавала себе вопрос «а хочу ли я быть похожей на них?», ответ внутри меня был однозначно «НЕТ». И тем не менее волей-неволей я стала похожа на «них». Потому что мне казалось, что если я буду все делать, как говорит Святая Мать-Церковь, то непременно будет результат! В Царство небесное взобраться по лестнице ну очень уж хотелось, а упорства в моем характере достаточно.

Внутри произошло раздвоение — обычные человеческие желания — сексуальной близости, радости, смеха, хорошей еды, песни, танцы, шутки, желание заработать, иметь материальные блага — все это определялось церковью в лице монашества как греховное и вредное для христианина. И я, если считаю себя христианкой, должна принимать это учение. Положа руку на сердце, это все было сплошной мукой — читать 4 канона к причастию, ежедневные правила, знать, что опять и опять надо заниматься самокопанием на исповеди, помнить постные дни, выискивать «следы молока» в продуктах, ощущать весь мир враждебным к тебе и полным соблазнов.

Чуда не произошло — я все равно интересовалась мужчинами, и когда случалось «падение», очень переживала по этому поводу и ощущала как большой грех.

Вскоре мы познакомились с моим будущим мужем. Конечно я не утерпела, и до брака мы знали друг друга.

Он совершенно не имел никакого отношения к вере, найден был мною не в церкви. Видя поведение своих странноватых церковных друзей-юношей, я испугалась связывать с ними свою судьбу. Я уговорила своего мужа покреститься и очень надеялась, что все же его сердце зажжется верой так же, как и мое. Думала, что покажу ему пример, который ему понравится, и духом мы будем едины. Но, увы, этого не случилось. Он был со мной в Печорах уже несколько позже, прочел там вместо Аввы Дорофея историю церкви от революции до наших дней в каком-то альманахе (кажется, там было как раз о поместном соборе 1917-18 гг., сергианстве) и сделал железные выводы о том, что с этой организацией связываться не стоит.

Неизбежно произошел конфликт между ним и мной на религиозной почве. Не открытый, но подспудный и ежедневный.

Позже он в ярости кричал про КГБшную церковь, про манипуляции сознанием, тотальный контроль самых важных сфер человека — секса и смерти, про «пустые глаза», глядящие с икон, про то, что церковь рада забрать у человека последнее имущество. А я ему не верила.

Он был красавец мужчина с нормальной мужской физиологией и нормальным желанием быть с любимой женой, как только представится возможность. А «любимой жене» важнее была «духовная жизнь» — разумеется, посты, духовные разговоры, молитвы и богослужения. Говоря проще, я предала своего мужа и его любовь ко мне. Отвернулась, потому что не секрет, как морально давит церковь человека в интимном вопросе. «Если не можешь в пост отказать мужу — просто лежи, ну или хотя бы сокрушайся тихо о том, что у тебя вот такая неполноценная христианская жизнь», «супружеское сладострастие — грех», «краситься — грех», «красиво одеваться — грех»; про содержание «Номоканонов» молчу. И как максимум — «кто тебе дороже — муж или Бог?»

И вот, «горячая штучка», с которой познакомился когда-то мой муж, очень быстро превратилась в заиндевевшее праведное «бревно» в постели. Мне сейчас безумно стыдно и горько перед моим мужем, перед нашей семьей, и перед самой собой и Богом, что я так измывалась над ним. Итог был закономерен — мой добрый и искренний супруг помучился-помучился, поставил крест на мне и полюбил другую женщину.

Дома начались многолетние скандалы, упреки, злоба, которые я сносила с «христианским смирением», абсолютно не понимая, что происходит. Он стал вечно пропадать в командировках, бросая меня одну с двумя младенцами, один из которых был весьма сложным ребенком. В те недолгие моменты, когда он бывал дома, был холоден как скала, презрителен и просто невыносим. Интимные отношения между нами прекратились совершенно, по его нежеланию. Я и это пыталась сносить «с христианским терпением», увлеклась пением на клиросе и как-то абстрагировалась от этого вопроса. В конце концов, дети рождены, чего глупостями-то заниматься. Вон, у святых было принято по монастырям расходиться, когда дети подросли, и ничего, чудесно жили...

При всем этом семью я считала «святым делом», как учит Церковь, прилагала массу усилий, чтобы везти семейный воз с максимальной отдачей. Рядом с домом построили храм, спасаться стало легче, с певчими-друзьями шутила, что вот, почти монастырская жизнь — утром молитва, день проходит по своим делам, вечером молитва в храме — как чудесно! А семьи у меня уже давно не было. Только я этого не замечала.

Православное воспитание детей тоже не задалось. Я их крестила, пока были малые, приходили к Чаше. Читали Евангелие, жития, молились дома перед едой. Кратко, как мне казалось — без фанатизма. Когда подросли, стало сложнее. Когда сам делаешь усилие над собой, чтобы пойти на исповедь, приходится насиловать и ребенка, впрочем, где-то детская исповедь помогала и даже была чудесная помощь. Как это бесило моего мужа, я узнала много позже.

Через пару-тройку лет отсутствия супружеской жизни я крепко приступила к нему, пытаюсь выяснить, что все-таки происходит? На что была основательно послана нафиг с пожеланием найти себе кого-нибудь другого. При этом мы оставались в браке и жили в одной квартире, он обеспечивал нас с детьми и не только нас... Земля ушла у меня из-под ног...

И скоро будто бомба разорвалась внутри меня. Я стояла на одном из великопостных богослужений, и вдруг в голове зазвенело: «Я не могу больше это слушать, это невыносимо, я не могу больше это все видеть!!!» Меня морально дико тошнило. «Мой мужчина меня давно бросил и больше не любит. По-настоящему не любит. Мы умерли. У меня больше нет семьи...» — наконец-то дошло до меня сквозь розовый православный туман. Дым рассеялся в одночасье. Я помню этот момент — как я вышла из храма и закрыла дверь навсегда. «На свободу!»

Не знаю, стоит ли описывать дальнейшее подробно? Я сорвалась с цепи... я разметала в щепки и клочья все, что было... Обида и оскорбление отвергнутой женщины...

Муж забился в скорлупу, ни в чем не признавался, я считала искренне, что он рехнулся, сошел с ума. Раз так без причины меня ненавидит. Я решила взяться за ум и хоть через N лет стать нормальной женщиной. Лучше поздно, чем никогда. Спортивный зал, стилистика, восточные танцы, наряды, кремы, выступление на сцене... изучение наконец-то вопроса, а что же хочет

мужчина от женщины и в плане тела, и в плане души... что им нравится, чем они живут...

Новый мужчина в моей жизни не заставил себя ждать...

Муж долго посмеялся надо мной, говорил, «не верю тебе, ты все равно вернешься в свою церковную нору». Долгое время его сердце было закрыто, занято другой женщиной и ребенком, который у нее был от него.

Оказывается, сначала он не желал меня, потому что любил ее, потом это стало невозможно, потому что он получил расстройство интимной сферы на нервной почве из-за расставания с ней. Все это он рассказал мне сам через 12 лет после начала этой истории... С 30 до 42 лет — вычеркнутые годы из жизни...

На пятом десятке я обнаружила, что человек устроен не так, как нас убеждает церковь, что у мужчины действительно компас, во многом определяющий его поведение, находится в нижней части тела. Что это Второй закон Всемирного тяготения и точка. Не надо говорить про то, что это «греховно», «не духовно» и прочая... это ничего не изменит. Это такая же нормальная потребность человека, как поесть и одеться, и даже намного больше, потому что тут замешано сердце! Будешь идти против, «поворачивать реки вспять» — больно получишь по голове от жизни, как и я получила за свои иллюзии.

С одной стороны я счастлива, что упали с меня эти бессмысленные церковные оковы в виде постов, предписаний, самокопания, самобичевания на исповедях, отрицания сексуальности человека, с другой — я лишилась внутреннего стержня. Было ощущение, что из меня вытряхнули позвоночник. Сказала об этом мужу. «Ну что ты рад? Не хотел жену верующую, получи неверующую».

Проблема отрицания важности интимных отношений и раздираня семейных уз идет с апостольских времен — многие жены стали отказывать мужьям уже тогда.

Интересно, как человеку предлагается не прелюбодействовать, если жена не дает? Или дает, но с видом мученицы? Вопрос риторический.

На это, правда, есть простой ответ — неверующий если хочет, пусть разводится. Второй брак — «в Господе», а там уже и жизнь «как брат с сестрой» — нормально. Тогда зачем лгать про ценность семьи с язычником

или атеистом? Думается, это одна из ключевых причин, почему в мечети мужиков полно, а в наших храмах — по пальцам пересчитать. Потому что ну не нужно это мужикам — становиться бесполоыми ангелами. И правильно делают. И проблему гомосексуализма в церкви никогда не решить, покуда отрицается и не уважается в человеке его влечение к другому полу.

Кто я сейчас? Где я сейчас? Это вопросы открытые. Любовник-мусульманин меня любит, стал последнее время буквально «ломать дверь» и звать замуж. Выйти невозможно, потому что не хочу разорять свой дом и оставить детей без матери. Хотя де факто по количеству телесного и нежного душевного общения мужем уже давно является именно любовник...

Вот такую дурь можно получить на выходе из мясорубки под названием «духовная жизнь».

Разумеется, я читала церковную полемику на этот счет, мне встретилось буквально два-три автора, которые заявляли о том, что «духовнику не место в супружеской спальне». Остальные — в мейнстриме «секс — допустимое зло ради зачатия».

Кто-нибудь спросит: а где же Христос в вашей жизни, Ольга, был ли Он?

Я намеренно ничего не писала о тех благодатных моментах в моей жизни, которые Его Дух даровал мне, о паломничествах, чудесах и маленьких глупых подвигах, которые безусловно были.

Смерть отношений я ощущаю очень болезненно. Сейчас как-то все поутихло, но далеко не решилось.

Мне вообще дико оказаться в такой ситуации, ведь семья — это действительно святое. И раздирая ее надвое, мы имеем однозначно «четыре трупа возле танка».

Что бы дальше ни было — ясно одно: как раньше любить мы друг друга уже не сможем никогда.

Кто ответит за эту отвратительную историю? Патриархия? Схоласты? Монахи?

Ответ известен: самадуравиновата.

Предупреждаю: невнимание к супружеской жизни опасно для жизни!

КТО МНЕ ПОКАЖЕТ ПРИМЕР, КОГО СТРАДАНИЯ И БЕДНОСТЬ ДЕЛАЛИ ЛУЧШЕ?

Анонимный автор

Вот как оно бывает — когда оказалась на противоположной стороне. И просто больше не хочешь быть, потому что не только не стала лучше, но и растеряла — все, что было. Стала одной из презираемых язматерей многодетных, которые радуются соцвыплатам, живут в ужасных условиях, с выпивающим мужем, матерящихся в порыве гнева на собственных детей. Только пить и курить не начала — видимо тоже — пока.

Десяток же лет назад я была мечтательной, доброй, шкодливой девочкой — с набором: арт-хаус, книги, рок-н-ролл — в софт-версии — без извращений, вредных привычек и мата — потому что «верующая». Много ухажеров, много друзей, восторг от грядущей взрослой жизни. Лечу, куда захочу — оказалась в городе мечты с любимым. Хорошее начало для хорошей жизни, но все пошло не так.

Взрослая жизнь как-то сильно начала хлестать по неокрепшей психике: ни денег, ни жилья, но мы же любим — хотим ребенка. Есть — скитаемся по коммуналкам, я в полной изоляции с ребенком, ну чего, второй — ладно — мы же любим, тем более этот подросток. Есть — продолжаем скитания. Дети подросли — немного. Свекор купил квартиру в доме, о котором мы так мечтали, конечно маленькая, плохая планировка, без ремонта, но в центре и мечта. Потихоньку сделаем — вот выйду сейчас тоже на работу. Неожиданная беременность — постоянные слезы отчаяния — нет, пожалуйста, я устала, я больше так не могу... Думать об аборте я себе не позволяла. Ну вот они мы — в дерьме, да не в обиде: ремонт отложен на неведомый срок, как и моя жизнь, муж все чаще выпивает, пролежал с грыжей полгода (в итоге я нянькалась с новорожденным и с ним в придачу, не забываем еще двоих детей), моя психика стала давать сбои, но на психиатра нет денег.

На самом деле — в обиде; будучи с детства убежденной христианкой, я в семье старалась жить правильно — патриархат и вот это вот все, ненавидя при этом быт и готовку, в постоянном хаосе вечно подрастающих, вечно сосущих (в том числе — в прямом смысле) меня детей. Надеялась — Боженька видит, как я страдаю, мучаюсь, как мне тяжело, горестно —

поможет. С третьим ребенком все мои веры, убеждения, надежды и любви пали. Так совпало, что я в поисках истины разуверилась в религии, как нам ее преподносят, начала материться, начала злиться, стала с улыбкой думать о смерти.

Страшно, ребята, оказаться в сумрачном нескончаемом лесу бытовухи и безденежья с широким кругозором, зная, что есть искусство, есть красота, есть уют, есть заботливые мужья. Нет, на суицид душка не хватит, детям психику ломать я не могу. Просто умереть, но желательно мгновенно, безболезненно. Похоже, я перешла на темную сторону, да? Но кто мне покажет пример, кого страдания и бедность делали лучше? — как нам о том говорят попы. «Кого люблю, того наказываю» — это про Бога. А, так я, видимо, у него в первых любимчиках?

Жалко себя, свой потенциал, который есть, но десять лет закован дома, для чего мне были все эти «экзистенциализмы», философии, поиски смыслов, истин, стремление к красоте (вне мейнстримового дерьма вокруг), рисование, если в итоге жизнь перекроила меня в озлобленную, жаждущую скорейшего небытия тетку. Да, пусть я выгляжу все еще молодо, пытаюсь читать, пытаюсь развиваться, лечусь музыкой, но все это так тщетно и тонко во все чаще нахлыывающие моменты полнейшего отчаяния. Жалко детей, на которых у меня — все чаще — нет эмоциональных сил, которые не раз были свидетелями моей беспомощности, моих истерик.

Особенно интересно, когда просишь Бога просто о временном покое, чтобы немного восстановиться, а тебя окатывает новой проблемой, новым отчаянием (заметим, что у меня и падение вилки на ногу иной раз триггер еще тот). Нервы просто оголены, будто меня подталкивают к краю. Я не знаю, что думать, иногда возникают даже мыслишки про «порчу с проклятием». Просто жить в режиме — либо невыносимые тягостные будни — либо очередной неприятный форс-мажор, вот совсем без приятных неожиданностей. Как же так? Неужели так оно и должно быть?

МНОГОДЕТНЫМИ БЫТЬ (,) НЕЛЬЗЯ (,) ПОМИЛОВАТЬ

Ева Минеева

Сколько раз говорено нам из всех православных источников об обязанности быть многодетными! А насколько эти призывы звучат категорично для неофитских ушей молодых девчонок! Так ведь спят и видят, как они будут десятилетиями убирать горшки и вытирать сопли, развешивать ползунки и размазывать кашу по тарелке, чтобы быстрее остыла...

Помню, как моему второму ребенку было 6 месяцев, в то время как старшему было 2 года, и я развешивала ползунки. И вместо материнского счастья я испытывала сильную тоску, что этот процесс — развешивание ползунков — никак не заканчивается. Была я одна с этими милыми малышами, все время одна. Конечно, я молилась о том, чтобы справиться, встать утром и приготовить покушать всем нам. Потом, чтобы нам выйти погулять, спускаясь с четвертого этажа с двумя детьми и коляской, а потом снова поднимаясь с ними и еще с парой пакетов продуктов. Потом молилась, чтобы прибраться, чтобы дождаться мужа с работы, чтобы не сойти с ума. А попытки были — под крики моих славных малышек. И я так пишу совсем без иронии, потому что конечно же дети — цветы жизни, они ни в чем не виноваты, и срываться на них — стать низшим видом человека, может, даже недочеловека. И я в этом грешна.

И вот, вспоминая этот жесткий период, я понимаю, что только сердце, полное энтузиазма, зажженное верой в прекрасный идеал семьи, могло выносить это, несмотря ни на что. Ни на отсутствие элементарной помощи со стороны, ни на минимальную зарплату мужа, ни на почти постоянно отсутствовавшего мужа из-за поглощающей его работы, ни на отсутствие постоянного и хоть сколько-то обустроенного жилья, ни на отсутствие перерыва между рождением прекрасных малышек.

Зачем? Потому что надо. Потому что вещают, что женщина спасется чадородием. Вот просто бери и рожай, и все будет.

Да только вовремя как-то надо заметить, что следующая беременность может оказаться последним событием в твоей жизни. И все, дети останутся без мамы. Я, конечно, искренне благодарна Создателю, что все еще жива, что могу написать и даже пожаловаться! Но ведь нам дана разумность. Многочадие — это прекрасно, здорово. Но при определенных минимальных условиях. И эти условия надо прямо в приложении к руководству по созданию благочестивой христианской семьи писать, черным по белому:

0. У вас есть папа. Да, участвующий, переживающий, жертвующий, любящий и который хотел семью и этих детей.

1. У вас есть желание быть многодетной семьей. Готовиться, узнавать как это; пожить, если есть возможность, в многодетной семье, потому как, пока сам не окажешься в этой обстановке, так и не поймешь. Кстати, выходцы из многодетных семей редко выбирают путь своих родителей.

2. У мамы есть здоровье. Необязательно это проявится сразу, может, после первого ребенка, может, после второго, но это крайне важно.

3. У вас есть жилье. Постоянное хотя бы на ближайшие 2-3 года.

4. У вас есть помощь. Кто-то может прийти и побыть с ребенком, пока мама съездит к врачу или съест бутерброд с чаем.

5. У вас есть постоянный заработок. На пособия, конечно, какое-то время можно продержаться, но недолго и не всем.

Вера. Вера, конечно, окрыляет, поддерживает, не дает опуститься в озлобленную тетку с нечесаной головой. Храм, община может еще оказать моральную помощь, социализировать, если он есть рядом. А вот если его не окажется рядом, как у меня когда-то... Живы и слава Богу.

Рождение последующих детей случилось так же в нестабильных условиях. Переезды, отсутствие мужа дома, так же маленькие, хоть и старшие дети... А ведь я никогда не думала быть многодетной, никогда! То есть я не зарекалась, но и не мечтала. Принимала как данность, как дар. И не важно, что в детстве меня всесторонне развивали, дома я почти не находилась, все ведь вклад в будущее. Да вот только никто мне не сулил место у плиты или с тряпкой для пола в руках.

Образование. Зачем оно, если максимум, что тебе пригодится в ближайшие годы — умение читать и гулить, улыбаться и придумывать простейшие игры из подручных средств. А если ты еще и поработать не успела между ЗАГСом и роддомом, то, считай, схоронила свои личные амбиции и годы усердного труда за успешные оценки.

А если ты верующая? Которая с раннего детства старалась исполнять церковные уставы, молилась, постилась (только радио «Радонеж» не слушала), то насколько тебе придется «смириться» с тем, что теперь ни молиться, ни поститься ты уже «полноценно, как раньше», не сможешь.

Нет, конечно, можно себя заставить, чтобы не лениться, чтобы не растерять накопленные духовные плоды, но только если ребенок тебе даст ночью выспаться (а это в ближайшие два года после рождения редко кому светит), иначе ты начнешь чувствовать, как твоя измотанная нервная система дает сбой, и ты уже не можешь улыбаться, как раньше, сосредотачиваться, как раньше, на своих потребностях, начнешь многое забывать и путать. А тебе всего 30 лет! Но ничего, это так надо, так спасаемся... Но на самом деле, ты ждешь, когда придет кто-то и спасет тебя. Но может быть так, что ты уже и не захочешь быть спасенной.

Поэтому! Многодетность — это путешествие в свое собственное сознание, в свои силы и немощи. Испытание себя на прочность. Только испытание это не временное, а на всю жизнь. Дети появляются из сердца и остаются там навсегда.

ЦЕРКОВЬ И ДЕТИ

КОНЦЕНТРИРОВАННЫЙ ЛАГЕРЬ ОТЦА К.

Анонимный автор

В начале XXI века отец К. приобрел ветхий дом и огромный участок в деревне N, да еще в таком месте, куда маршрутка ходит три раза в день. Дом куплен, но надо его как-то восстанавливать, и отец К. с матушкой Н. придумали, как восстановить его недорого и за счет чужих рук. Так был создан православный лагерь на базе воскресной школы прихода.

Учеба в воскресной школе предполагала обязательный выезд в лагерь минимум на пять дней в летний период, причем как детей, так и взрослых, обучающихся в воскресной школе, также в лагерь брали детей из школы-интерната, и они были вынуждены находиться в лагере все лето. В лагерь брали всех, независимо от пола, возраста, расы, было только одно требование: ты должен быть прихожанином храма, где служит отец К., либо быть из интерната. Проживание в лагере стоило (в те времена) 100 рублей в сутки.

Для лагеря был разработан устав, уклад, моральные и духовные правила, план по восстановлению дома и т.п. Лагерь состоял из огорода и трехэтажного дома: где одна комната на 20 лиц мужского пола, две комнаты по 6 человек на лиц женского пола, комната семьи отца К. и чердак.

Так получилось, что пару-тройку лет мне приходилось ездить в этот лагерь. Детей там воспитывали сурово: в начале лета назначался хранитель времени — человек, который должен был перед началом молитвенного правила, трапезы звонить в колокол; хранитель устава — стукач, который должен был доносить на трапезе о косяках, провинившихся; на завтрак и обеде было запрещено разговаривать между собой. Согласно уставу лагеря, такие нарушения, как мат и рукоприкладство, карались изгнанием из лагеря, но хотя и были случаи с матерщиной, за этим обычно просто следовал вынос мозга — из лагеря никого не выгоняли.

В трапезной лагеря было три стола: стол отца К., мужской стол и женский стол — при этом садиться за стол нужно было по возрасту: чем старше, тем ближе к отцу К.

Перед приездом в лагерь надо было предоставить медицинскую справку: в первый год — только о санации полости рта, в последующие — о медицинском осмотре, при этом в один год решили провести осмотр в воскресной школе при храме, куда пригласили медицинскую сестру — прихожанку, которая могла заставить снять трусы, несмотря на то, что в это время находились в помещении воскресной школы другие люди, придиралась к прыщам, к ранкам, могла написать на бланке всякую ерунду или несуществующий диагноз, главное — написать «разрешен выезд в лагерь». Многие после такого «осмотра» отправлялись в районную поликлинику на обследование, где им говорили, что все с ними в порядке, а такого диагноза, который написала медицинская сестра, в природе не существует.

В день приезда все жители лагеря младше 18 лет были обязаны сдавать свои телефоны матушке Н., а также документы, деньги, ценные вещи на хранение (при выезде все возвращалось).

Днем открытия летнего сезона был день рождения отца К., все дети и подростки должны были в этот день сделать подарок батюшке: нарисовать открытки, собрать букеты, а взрослые, в том числе весь педагогический

коллектив, должны были сделать мини-выступление и обязательно сказать добрые речи, поблагодарить отца К. за то, что он тратит свое время на лагерь и воспитание его обитателей.

День начинался с зарядки в 6.30 утра для подростков, взрослые в это время еще спали, в 7.30 — молитвенное правило, которое состояло из чтения утренних молитв, Евангелия и пения десяти тропарей. До молитвенного правила разговаривать было запрещено — каралось наказанием. Далее следовал завтрак, во время завтрака, как и в любой другой прием пищи, нужно было смотреть на отца К., пока он не засунет в свой рот ложку — начинать есть раньше отца К. было нельзя, каралось тем, что могли лишиться сладкого или свободного времени.

После завтрака следовало распределение по объектам: кто моет посуду, кто работает в огороде, кто штукатурит стены, кто еще чем занимается.

После полудня обед — во время обеда нужно было слушать жития святых. Тут важно упомянуть, что по звонку отца К. приносили второе и третье блюдо; когда был наплыв «жителей лагеря», то случалось такое, что не всем успевали принести первое блюдо, как отец К. требовал уже компот, в итоге если ты не успел нормально поесть, у тебя было всего 10 минут, чтобы доесть еду после того, как обед кончился. Часто бывало, что в перерыве между супом и горячим отец К. устраивал разбор полетов, и пока он вещает, к еде нельзя было притрагиваться, только когда он давал знак, отец продолжал читать житие и можно было дальше есть.

Во время любого приема пищи надо было полностью съесть то, что тебе положили, и обтереть куском хлеба тарелку, чтобы ее было легче мыть. Если ты что-то не съел, то на следующий прием пищи тебе приносили твою тарелку с остатком твоего завтрака или обеда.

Далее следовал тихий час — нельзя ни ходить, ни разговаривать: можно только спать, либо читать книжку.

После тихого часа — катехизационная беседа: матушка Н. брала книжку отца Максима Козлова и по ней учила жить несовершеннолетних жителей лагеря.

После беседы — труды во славу лагеря, ужин и подведение итогов дня. Перед ужином кто-то из несовершеннолетних должен был украсить стол отца К. — чтобы проявить о нем заботу и сделать ему приятно.

После ужина — свободное время, но ты обязательно должен сообщить матушке Н., куда идешь и чем будешь заниматься, причем матушка могла запретить проводить свободное время так, как ты планировал изначально, и нужно было придумать себе другое занятие. Провинившихся лишали свободного времени — заставляли работать после ужина до молитвенного правила, после которого совершался крестный ход и был отбой.

Заболевших не отправляли в больницу или поликлинику, их оставляли в лагере, но на работу не вызывали. Если ты заболел, из лагеря просто не отпускали, матушка Н. не отдавала документы, говорила, что «нельзя из лагеря уезжать больными». У Ф. поднялась температура до 38.5, матушка Н. не отпускала его в больницу, на просьбы его матери отпустить, она отвечала, что «Бог поможет Ф. выздороветь». Тогда мать Ф. позвонила своему мужу, который примчался лагерь и заявил, что забирает ребенка, на возражения матушки Н. он ответил, что если ему сейчас не отдадут документы на сына, то он поедет в прокуратуру — документы отдали и Ф. поехал с отцом в больницу, в которой потом и пролечился около месяца.

Трудовая дисциплина состояла из того, что тебя назначают на объект, где ты должен трудиться: например, мыть посуду. Посуду мыли в трех тазиках, для экономии воды, к колонке подключался шланг, набирался куб воды и оттуда включали воду по необходимости, а сливали воду в компостную яму, до которой надо было еще дойти.

На строительных работах надо было выполнять требования старших: пилить доски, штукатурить стены, клеить обои. У М. была аллергия на пыль с детства, но на четвертый год его пребывания в лагере отец К. сказал: «у тебя аллергия должна была уже пройти», и отправил его штукатурить в храм, после чего М. чихал три дня круглыми сутками. При этом отец К. сам аллергик, но, видимо, посчитал, что у него «особая аллергия», а у других это временное явление.

На огородном послушании нужно было сажать рассаду и снимать урожай. Однажды на огороде украли кабачок, матушка Н. устроила разборки, в тот день на обед всем дали только суп и компот без горячего, потом выяснилось, что кабачок украл кто-то из местных жителей.

Наказать могли за что угодно: плохо поклеил обои, разбил тарелку, не съел то, что дали на обед, ходил в туалет во время тихого часа, разговаривал

утром или вечером. Наказания были такими: земные поклоны, лишение еды, свободного времени, сладкого, но самым жестким наказанием были вызовы на ночные педсоветы: педсоветы начинались после вечернего крестного хода и могли закончиться в 5 утра, что тебе в 6.30 надо вставать, никого не волновало.

На педсоветах обсуждалось: какие молодцы педагоги, что они ради детей делают все, чтобы им было комфортно и проще было жить в будущем; как подростки ведут себя не по-христиански: не ценят труд взрослых, а надо бы взрослых благодарить за то, что они их учат жить. Один раз воспитанник интерната высказал во время ужина свое мнение, что методы воспитания в лагере не могут считаться христианскими, на что матушка Н. ответила, что «вас здесь никто не держит». Реакция от воспитанника последовала незамедлительно: он встал и ушел за территорию, и вернулся только через сутки. Пока его искал весь педагогический коллектив, он гулял по поселку, но волновались, скорее, не так за него, как за себя: если бы пропал воспитанник интерната, то лагерем бы заинтересовалась прокуратура, которая бы выявила бы не одно нарушение, но воспитанник вернулся, и прежняя жизнь лагеря вернулась на круги своя.

Отдельное внимание следует уделить богослужениям: в поселке есть храм, но он разрушен, и священник К. проводил богослужения в трапезной: убирались столы, становились жители лагеря и начиналась служба.

В лагере служились всенощные бдения и обедницы: бдение шло около пяти часов, обедница — три. Иногда служились бдения после вечернего молитвенного правила — они заканчивались в три утра, а обедница начиналась в семь. В воскресные дни служились изобразительны беспоповским чином, так как отец К. уезжал в город служить на приходе. После воскресной обедницы все жители лагеря шли в храм крестным ходом с иконами и пением тропарей через половину поселка, в храме пелись воскресные тропари и запевы, затем все возвращались в лагерь и далее следовал обед.

Богослужения в трапезной не вдохновляли отца К., и поэтому на месте одной комнаты был построен домовый храм, после чего встал вопрос — как служить литургию. Отец К. придумал брать с собой в лагерь антиминос из больницы, приписанной к храму, где летом литургии не совершаются.

Испытывая любовь к богослужению, отец К. стал в день своих именин служить ночную службу, которая начиналась в 12 ночи и заканчивалась в 7 утра. Когда однажды В. спросил у него, зачем читали кафизмы на утрене, то отец К. ответил: «это вы стояли молились, а я просфорки вынимал, мне надо было отдохнуть». При этом храмовое помещение не отапливалось, люди стояли в куртках и мерзли.

На свои именины отец К. благословлял приезжать своих духовных чад, и люди приезжали с подарками. Но через пару лет отцу К. надоело, что люди привозят ему сувениры и прочие вещи, и сказал прямо, чтобы ему дарили деньги. Так получилось, что я был свидетелем, когда сестра И., которая привезла отцу К. икру из Финляндии, просила у другой сестры пять тысяч рублей в долг, чтобы их подарить отцу К.

В субботу в лагере был банный день: в первый год около туалета была деревянная пристройка: мальчики (12-16 лет) кипятили на костре воду и вливали ее в бак на крыше пристройки — это был душ; через пару лет появилась баня, теперь мальчики ее просто растапливали, чтобы помылись жители лагеря. Первым всегда мылся отец К. — один, остальные мылись, как правило, по два-три человека одновременно, и вместе с мальчиками в бане должна была находиться сестра, которая следила за процессом. Когда у матушки Н. спросили, зачем сестра следит в бане за тем, как моются парни, она ответила, что это «для их нравственного воспитания».

В праздничные дни проводились мероприятия: надо было ставить командами сценку по поводу праздника, либо рассказать сказку. Один раз на дне памяти Сергия Радонежского сын отца К. вместе с А. показали сценку, как Сергей Радонежский изгоняет беса (А. был Сергием), и в этот момент матушка Н. схватила бутылку со святой воды и всю выплеснула на своего сына, сказав: «срочно читай 90 псалом».

В день апостолов Петра и Павла было решено устроить поход в деревню за 10 километров от лагеря. Службы в лагере в этот день не было, так как отец К. уехал в город, и утром в день похода у одного взрослого жителя лагеря пропал телефон. Были скандалы, разборки, два часа все сидели в трапезной и не могли никуда выйти, всех несовершеннолетних пытали, кто украл телефон, пока О. не сказал, что он взял телефон, хотя он его и не брал, но взял вину на себя, чтобы избавить остальных от допросов. После этого весь лагерь пошел в поход. Не помню, нашли ли тогда телефон, но через какое-то

время стало известно, кто украл телефон, но того человека в лагере уже не было.

В конце августа происходило консервирование лагеря и прощальный костер. Парни и мужчины делали костер, и вечером отец К. брал гитару, и пели песни. При этом по кругу пускали две супницы: детскую с кока-колой и взрослую с кагором, и когда у тебя супница оказывалась в руках, ты должен был сказать речь и обязательно поблагодарить семью отца К. за то, что приняли тебя в лагерь. Отец К. всегда ждал благодарности от всех, и если кто-нибудь не поблагодарил его, то потом не смущался напоминать этому человеку, что нужно учиться благодарности.

Вообще благодарность была больной темой отца К. — он ждал ее всегда. Так О. поступал в семинарию и сдавал экзамены. О том, что О. поступает в семинарию, отец К. вспомнил только за ужином и сказал: «ну давайте помолимся задним числом». Когда О. приехал и рассказал, что он поступил в семинарию, отец К. ему сказал: «почему ты меня не благодаришь, ты был должен меня поблагодарить за то, что поступил». После таких слов О. больше никогда не приезжал в лагерь.

Пару лет после смены несовершеннолетним жителям лагеря выдавались грамоты «за успешное прохождение трудового воспитания в условиях православного лагеря», к грамотам ничего не прилагалось, но взрослые считали почетным, что их ребенок из лагеря привез грамоту.

Несовершеннолетние жители лагеря подросли и просто перестали в него ездить: большая часть из них ушла из церкви, несколько человек осталось в храме. Некоторым было достаточно один раз съездить в лагерь, чтобы больше туда не приезжать, другие ездили туда 6-7 лет подряд, а то и больше. Многие поняли, что их просто эксплуатировали для достижения своих целей: территорию и дом привели в порядок, уже не то что основной корпус лагеря восстановлен, но и новый построен.

Сын отца К. стал священником, дочь — жена семинариста. Вроде отец К. построил счастье для себя и своих детей, но какой и чьей ценой? Или это только мнимое счастье, из-за которого вчерашние дети ушли из храма, часть педагогического коллектива тоже ушла из его прихода?

Подменяя понятие человечности, ставя священство и начальство выше человеческого общения, отец К. показал, каким нельзя быть, но, к

сожалению, многие жители лагеря до сих пор считают его правым во всем, несмотря на то, что из-за отца К. их собственные дети ушли из Церкви, и очень сомнительно, что они когда-нибудь снова переступят порог храма. Не зря говорят — детские обиды самые сильные и их не забыть до конца жизни.

ПОЧЕМУ НИКТО НЕ СКАЗАЛ МАЛЕНЬКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МАШЕ, ЧТО ОНА НЕ ПЛОХАЯ?..

Анонимный автор

Мне 28 лет, и у меня тревожно-депрессивное расстройство. Маленький ребенок на руках, неустойчивое настроение и постоянная тревога, которая то обостряется, то утихает. Сейчас я чувствую, как сжимается диафрагма, как сутулится моя спина. Это непростой день.

Я бы хотела описать мой опыт в православной церкви. Хочется освободиться от тяжести, которую несусь на себе.

Я пробывала активным членом РПЦ около 20 лет. И прошла классический путь «хорошей» православной девочки. Сейчас я чувствую сожаление от того, что раньше не поняла, что можно думать и жить по-другому. Вне системы ценностей и понятий Церкви.

У меня были горящие верой родители, волны начала 1990-х. Папа, импульсивный и увлекающийся, пришел в храм вслед за мамой. Этому событию предшествовало выбрасывание им креста из окна двенадцатизатяжки. Мамина история воцерковления дивна: она включает в себя чудесный эпизод с молитвой знакомого монаха за папу и последовавшее за этим обращение отца в христианство.

Папа подолгу после этого трудничал на Валааме. Привозил мне морскую гальку из паломничеств.

Одни из самых светлых моих воспоминаний о детстве — это храм, вся наша семья там, вместе, под настенной росписью Веры, Надежды и Любви. Или ждем друг друга перед входом в церковь. Июнь, теплый ветерок по ногам, небо и много зеленого цвета. Мне надежно. Скоро мы пойдем домой, есть желтую кашу (так мы называли пшенку). Папа будет сидеть во главе стола,

а мама и старшая сестра слева и справа. Это был период мира и безопасности, мне было около четырех лет.

Хождение в храм по воскресеньям и субботним вечерам было фоном моей жизни много лет. Домашние иконы, хранящиеся годами бордовые пасхальные яйца, ругань за описанный котом календарик с Иисусом Христом.

Я пытаюсь представить свою жизнь без всего этого, и не могу.

Хорошие воспоминания перемежаются со страхом. Помню, как рассматривала икону и уронила ее ликом на стол, мама здорово расстроилась и сказала, что я теперь виновата, с Богом нельзя так поступать. Божье наказание за грехи и моя вина были для меня, Маши из детского сада № 92, реальны. Это позже, через много лет я прочитаю о том, что пока кора головного мозга ребенка не сформирована до конца, он принимает на веру абсолютно все, без возможности критически осмыслить сказанное взрослыми. Любыми.

Радуйтесь, авторы православной литературы. Все, говорившееся в книгах с золотым крестиком на корешке, было для меня авторитетом. Я читала о том, что гордость — страшный грех, а раздражение — его верный симптом. Я диагностировала у себя самые отвратительные человеческие качества, а когда делала что-то дурное, все больше понимала, что я действительно плохая.

Сейчас это вылилось в неистребимую мысль о том, что со мной все давно ясно, и, вообще-то, кончено. Мне 28, у меня чудесная двухлетняя дочка, любящий муж, — и глубокое отторжение себя. Я знаю, почему я стала такой. Ежемесячная исповедь, начиная с семи лет, субботние копания в себе над листком с надписью «Грехи» опустошали. И приучали выискивать в себе плохое. И ненавидеть себя за любое хорошее 15 лет подряд. Гордость же, смертный грех.

Я выросла, и за годы жестоких самобичующих тренировок приобрела свой собственный внутренний голос, который совместил в себе строгость родителей и непререкаемость мнения Церкви. Он судил меня строже всех, обвинял и делал больно. Любое прочитанное мнение святых отцов било по мне, присоединялось к сонму правил и было обязательно к исполнению.

Тем временем я окончила школу, семья распалась, папа ушел от нас.

Я поступила на вполне светский исторический факультет, и даже тогда

не утратила, а только закалила свой «православный фильтр» для входящей информации. Отсекала и моментально забывала любые утверждения преподавателей, которые не вписывались в рамки моей веры. Но я все же думала, вопросы не иссякали никогда. Я давила их в себе, запрещала. Но подспудно я понимала, что мир может оказаться шире, и от этого было не по себе.

В моей жизни тогда были статьи на епархиальные сайты, проведение экскурсий, руководство паломническими группами, приходское консультирование, супер-активное участие в православной «молодежке», игра в миссионерском театре. Но этого, очевидно, мне было мало, и на 3 курсе университета я добавила в это «резюме» обучение детей в воскресной школе и самой себя на катехизаторских курсах.

Можно сказать, что я не копала глубоко. Не читала «Лествицу» и «Добротолубие», имена святых отцов Церкви были хорошо знакомы, но мне не хотелось штудировать их труды от корки до корки. Воспитание в семье, где на каждой книжной полке были православные книги, сделало свое дело, и я разбиралась в священной истории и иконописи лучше, чем кто бы то ни было с моего курса.

Звучит все это отлично: при посещении Эрмитажа я могла свободно рассказать одноклассникам, что происходит на большинстве полотен. Это — Юдифь, а это — Давид. Все понятно. И не все было черно, как может показаться из рассказа. Когда я смотрю на фотографии из своих паломнических поездок, вижу, что тогда мне было хорошо. Я была среди единомышленников, и чувствовала себя в безопасности.

Сейчас немного страшновато, когда встречаю в сети или в родном городе своих православных знакомых. Один публично делит людей на «хороших» православных и презренных «остальных». Другая моя талантливая знакомая, в прошлом глава молодежной общины, все больше теряет себя. В нашей общине было много странных людей. Придирчивые искатели благочестивых невест, книгочеи в очках и, собственно, сами невесты. Было среди них немало странных субъектов, как в любом православном сообществе. Сегодня я не общаюсь ни с кем из своих церковных друзей. С большинством отношения разладились сами собой. Когда я говорю кому-то из них, что в храм я больше не хожу, меня тактично расспрашивают, как о болезни.

И общение прекращается. То, что связывало нас помимо веры, теперь не считается. Я заразна, я — не вернулась.

Сейчас я чувствую отчаянное желание поговорить с такими же, как я, «невозвращенцами». Вне храма я чувствую себя менее защищенной, менее спокойной, ведь опереться на ясные и понятные догмы больше нельзя. Теперь у меня нет уверенности в том, как правильно выстраивать свою жизнь. Приходя на службу в свой храм, я знала, что я нахожусь в потоке, который принесет туда, куда нужно, если я ему доверяю. И жизнь была, действительно, проще и легче. Был Бог, который лучше знает и направит, были четкие критерии для выбора всего: книг, друзей, еды.

Большую роль в моем «отпадении от Церкви» сыграл отъезд из-под мамино крыла. Первая исповедь вне дома показалась мне вторжением в мягкую и ранимую меня. И это ощущение с годами усиливалось. Я стала читать научно-популярные книги, открыла для себя мир биологии и антропологии. Юваль Ной Харари, Ася Казанцева и Ричард Докинз. После книг этих авторов я не смогла думать о мире так, как раньше. Теперь ход мыслей изменился. Вопросы, которые годами одолевали мой ум, получили шанс прозвучать открыто. И стало так легко.

«Не лезь под юбку Матери-Церкви!», «Церковь свята, а потому всегда права», «Отпадение от Церкви — самый страшный грех». Все это до сих пор вертится в моей голове, и вызывает то раздражение, то агрессию, и один главный вопрос: почему никто не сказал маленькой семилетней Маше, что она не плохая? Почему в православии самобичевание прививается так рано, и на всю оставшуюся жизнь?

Нет, теперь я попробую полюбить эту девочку в себе. Она не была виновата, и я готова ее защищать. Спасибо вам за возможность сказать это публично.

«ПРАВОСЛАВИЕМ В ВАШЕЙ СЕМЬЕ И НЕ ПАХЛО»: МАЛЕНЬКАЯ МАША И ЧИТАТЕЛИ «АХИЛЛЫ»

Привет, «Ахилла».

Это Маша, та, что бывшая и хорошая.

Мне хочется сказать спасибо за поддержку, которую мне оказали все те, кто прочел статью, лайкнул или мысленно обнял меня в комментариях.

И отдельно я благодарю людей, которые продемонстрировали целый спектр мнений относительно моей жизни.

Читать записи под статьей было отдельным, ни на что не похожим удовольствием. Особенно запомнились следующие мысли, оформлю их в группы. Дерзну предложить редактору увековечить их в рубрике «Юмор» «Ахиллы».

Итак, пристегнитесь:

1. «Православием в вашей семье и не пахло». ©

Вариации:

«Кааак так — папа ушел из семьи? Фу, фу, фу, так бы сразу и сказали, что вы не из чистокровных православных».

«Деточка, ты просто недостаточно молилась, постилась, и радио не то слушала. А вот я... (разнообразные воодушевляющие на подвиг духовный варианты)».

«Кстати, ничего из описанного не имеет никакого отношения к истинной вере в Бога. Я 9 лет в храме, и у меня и близко нет, что конкретно я плохая». ©

2. «Миленькая, ты же все о себе да себе думаешь. Плохой ли, хорошей, неважно. Сделай хоть что-то Христа ради. Ну хоть бумажку на улице подними и в мусорку отнеси». ©

Вариации:

«А вот раньше-то люди в поле рожали и не жаловались на всякие депрессии! Неженка, шоб ее!»

«Бред какой-то... какое самобичевание?.. в царство небесное идем в праздничных одеждах... на брачный пир. Откуда взяли эту депрессивную?» ©

«Во всей этой истории жаль мужа и дочку». ©

3. «Что после смерти будет с вами, не задумывались?!» ©

Вариации:

«Желаю вам одуматься и удалить эту статью, а потом жить в Боге радостно». ©

4. «Эволюционное учение... как можно верить этим обезьяньим построениям??» ©

Вариации:

«К тому же если бы она действительно интересовалась наукой, то знала бы, сколько ярких личностей из среды ученых верили в Бога». ©

«Антропологам и подобным деньги платят за то, чтобы они теорию эволюции защищали, доказательства они всегда найдут, работа такая». ©

«Ахаха, сейчас она как почитает Коран, в ислам убежит, знаем мы таких».

5. «Я щас расскажу, как все обстоит на самом деле!»

Вариации:

«На самом деле, сейчас в церкви не так уж и навязывают самобичевание». ©

«Что-то вы, по-моему, загнули. Никогда не слышал, чтобы попы призывали выискивать в себе плохое и каяться в этом постоянно». ©

6. «Не верю!» ©

«Да блин, опять вы под разными личинами на Церковь наезжаете, Ахилла! Мы вас рассекретили, оболтусы, пишите исчо».

«Много хороших добрых отзывов... а я не верю этой девушке. Ну не верю. Мне кажется, статья написана с целью очернить православие и православных. Забитые, фанатичные, бесправные, униженные. Но ведь это не так. Вера дает радость, уверенность, мудрость, спокойствие, критический взгляд, доброту. Много чего». ©

P.S. У Маши все налаживается. Спасибо вам еще раз.

«АФГАНСКИЙ СИНДРОМ» — НЕ НА ВОЙНЕ, А ПО ДОРОГЕ В ЦЕРКОВЬ

Надежда А.

Каждый раз, натыкаясь на историю детей неофитов в духе девочки Маши, которая развивалась по сценарию «родители начали ходить в церковь

и стали воцерковлять меня», я внутренне вздрагиваю и понимаю, что сейчас наверняка увижу историю разломанной на куски души человека.

Вздрагиваю я потому, что подобная история произошла в моей семье, и результатом ее стал мой диагноз — посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), который у военных называется «афганский синдром». В мирной жизни он случается с человеком, столкнувшимся с тем уровнем страха и чувства беспомощности, который психика не в состоянии обработать.

Мне повезло: когда моя мать начала ходить в церковь, у меня уже начинался подростковый период и базовые основы моей личности были заложены во вполне традиционной семье ученых. Кроме того, мне сильно повезло в том, что в роду моего отца религия имела глубокие корни, которые остались нетронуты советским периодом, благодаря чему мне передалась интуитивная уверенность в том, что здоровая вера должна укреплять, а не разрушать человека. Два этих фактора, а также системная работа с талантливым психологом помогли мне выжить, когда меня, уже взрослого человека, по полной накрыло духовным кризисом и последствиями опыта подростковых лет. Мне удалось добиться ремиссии в ПТСР, собрать свою душу и личность из тех руин, которые остались после воцерковления и взросления эпохи девяностых.

Почти вся история моего отрочества — это сопротивление тому нездоровому пониманию связи с Богом и путей к нему, которое хлынуло в мою жизнь с уходом матери в церковь.

Все началось, когда мне было 12 лет: мой отец умер, а мать с головой окунулась в религию. С тех пор я осталась, по сути, без родителей. Моя мама жива до сих пор, но ее родительская роль так сильно изменилась с воцерковлением, что удар по мне получился, как будто я осталась сиротой.

В церковь люди часто обращаются в момент тяжелых жизненных испытаний и кризисов. В случае моей матери, это была депрессия на фоне смерти мужа, резкого снижения уровня доходов и статуса, развала науки, экономики и идеологии в масштабах страны. Ей требовалась духовная помощь и психологическая поддержка. Но вместо этого она получила классического «строгую бабушку» в качестве духовного отца, а с ним и уверенность в непосильной тяжести своих грехов, бездонное чувство вины,

самоуничтожение и пожирающий душу страх, именуемый почему-то Божьим. Ее любовь к Богу до сих пор больше похожа на «стокгольмский синдром» заложника.

Так как матери было плохо, а помочь оказалось некому, она начала агрессивно спасать всех вокруг себя. И чем страшнее и тяжелее было ей, тем сильнее она «спасала» людей вокруг, хотя в тот момент не могла помочь даже самой себе. Ей казалось, что кругом все тонут. Она не научилась плавать сама, но бросалась к плавающим людям, барахталась, захлебывалась, висла на них и пыталась всех тащить в сторону берега с табличкой «спасение тут», на котором она сама никогда не была.

Нужно ли подробно рассказывать, как сильно это отразилось на моей жизни? Тут все шло по очень узнаваемому сценарию: на меня навешивались чувства вины, стыда и призывы каяться, молиться, поститься, спасаться. Попытки лечить меня святой водой, маслицем, целебными тапочками с мощей святых. В нашем доме стало так много некротической темы, что я, которая хотела жить, задыхалась. Я ходила в воскресную школу, где было невыносимо скучно и непонятно.

В одно лето мама отправила меня в православный (по сути — трудовой) лагерь в монастыре. Нашу группу подростков повез туда человек, который проявлял повышенный интерес к юным девушкам. Это была открытая информация, почему-то все вокруг знали, и говорилось, что «он борется со своим соблазном». Доподлинно не знаю, насколько он преуспел в своей борьбе, но спиртом от простуды он растирал тела девушек собственноручно и очень вдохновенно.

Там же меня учили плавать, сбрасывая на глубину озера с причала, — так себе по эффективности метод, надо признать, а со страхом глубины я работаю до сих пор.

Я очень старалась быть хорошей девочкой, соответствовать новой версии своей мамы и снова найти ее любовь, но чем больше я старалась, тем выше поднималась планка требований. И очень скоро я запротестовала так, как умеют протестовать подростки: перестала учиться в школе, уходила из дома, стала вращаться в компаниях с наркотиками и алкоголем. В 14 лет у меня была попытка суицида, чтобы хоть как-то обратить внимание матери на то, как мне больно, плохо и как мне нужна помощь. После нее мне стало еще

хуже — усилилось чувство вины за то, что я подталкиваю мать в могилу, она страдает только из-за меня и моего плохого поведения.

Я прошла подростковую депрессию, и у меня были все шансы не дожить до последнего звонка и выпускного. Помогли мне выйти из кризиса пара школьных учителей, которые просто увидели в бунтующем малопривычном и грубом подростке страдающую душу и дали понять, что им не все равно и они готовы за меня побороться. И окончательно я сделала выбор в пользу жизни, влюбившись в парня самой обычной подростковой любовью.

После школы я пошла работать, с третьей попытки поступила в лучший вуз страны и окончила его с красным дипломом, стала востребованным специалистом, вышла замуж за хорошего человека. Но в середине жизни травматичный опыт все-таки взял свое, мне пришлось к нему вернуться и собирать свою разбитую душу по частям, лечить полученные ожоги на этой войне за себя. Сложный, страшный, болезненный, но очень красивый и сильный процесс.

А маленькой православной Маше хочется сказать, что она не просто не плохая, а, судя по ее письму, просто прекрасна. И пожелать ей собрать свою душу из руин, увидеть ее целостность, красоту и силу. А также пожелать вспомнить, что она создана ни много ни мало, но «по образу и подобию»... Духовные кризисы на то и даются, чтобы сбросить с себя навязанную роль правильного и удобного человека, становиться настоящим собой, иметь выбор. Маша, милая, ты этого достойна, не сомневайся.

ХРИСТИАНСТВО, ПРАВОСЛАВИЕ, РПЦ – ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ

ЦЕРКОВНОЕ ОБНУЛЕНИЕ: ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

Олег Курзаков

Еще пару лет назад казалось, что лишение сана о. Андрея Кураева — что-то, хоть и ожидаемое, но маловероятное. Уж слишком значимая фигура, медийно-известная личность. Чтобы избежать общественного резонанса, лучше держать в бессрочном запрете. Но вот это случилось и... И ничего не произошло. В светских изданиях эта новость заняла гораздо более

скромное место, чем баталии вокруг схиигумена Сергия Романова. Теперь тоже бывшего. Каток прошелся от края до края церковной жизни, запечатав в асфальт и ультраправого ортодокса, и человека, пытавшегося показать православие с человеческим лицом, за что его все время обзывали либералом. Внутри православной церкви ни то, ни другое событие не вызвало какого-либо движения. Всем уже как будто все равно. Отсутствие совестливой, нравственно-болевого реакции. Онемение безразличия и страха? Десятки священников и десятки тысяч верующих пришли в церковь благодаря лекциям и книгам о. Андрея. И теперь они молчат.

Штука в том, что самому выдающемуся миссионеру в современной церкви не только не осталось места из-за его взглядов и его образа православия, но и просто работы, обыкновенной миссионерской работы. Миссионерство сейчас невозможно и морально неприемлемо. Спорить с иеговистами и протестантами, когда их преследуют и сажают в тюрьмы, невозможно. Уже немыслимо представить сегодня переполненные актовые залы провинциальных университетов с вопрошающими юношами. Этим юношам сейчас наглядно показана реальная церковность. Уже без иллюзий. А ведь это было. И ушло. Одинокий, стареющий протодьякон, который отдал церкви все свои лучшие годы жизни, всю полноту таланта, ради которой был порой и резким до ругани, и несправедливым к оппонентам, и которого теперь вышвырнули за дверь как использованную ветошь. И никто не возвысил голоса в защиту.

Это значимый симптом происходящего внутри РПЦ и событие-символ: кураевская рать окончательно разгромлена, ее светло и призывно реявший стяг тонкого интеллектуализма и христианского гуманизма втопан во мрак невежества и покрыт толстым слоем праха имперского патриотизма. Всякое несогласие перемалывается тяжелой поступью деревянных солдат патриарха. Изумрудный город-град окончательно оккупирован. Церковное разнообразие, которое, как казалось в 90-х, станет цветущим лугом, превратилось в забетонированный армейский плац для победных маршей, переходящий в булькающее болото.

Прошедший год с начала пандемии стал годом стремительного обнуления церковной жизни в смысле потери ее значимости в общественном пространстве. Государство избавило церковь от всех внешних врагов и конкурентов, поместив ее за железные прутья зоопарка госпропаганды.

Можно прийти полюбоваться на попугая, который повторяет тэвэшные речевки. Его сыто кормят, оберегают от любых покушений, но строго стерегут.

В разваливающейся конструкции общественно-государственных отношений, где, казалось, венчающим замковым камнем свода должна была стать православная церковь с суповым набором традиционных ценностей, патриотизма, духовности взамен советской идеологии, православие сейчас выпадает никому не нужным булыжником. Секулярное в своей основе общество воспринимает церковное вмешательство в его жизнь почти враждебно, никак не желая напяливать на себя всю эту сбрую традиционных ценностей. Для государства РПЦ стала слишком дорогим и не оправдывающим надежд проектом. Если уж в своих рядах столько времени патриарх не мог укоротить схиигумена и протодиакона, то что уж говорить о влиянии на ширнармассы. А с другой стороны, допусти подобное влияние — как оно может вывернуться в трудную годину для государственных мужей? Это изначально было нерешаемой задачей: чтобы слабая и зависимая церковь, не отсвечивая на фоне нацлидера, а лишь создавая ему светозарный ореол, при этом оказывала большое влияние на население в смысле его лояльности той власти, которая от Бога, и заменяла своим учением идеологию.

За последний год появилось стойкое ощущение, что большинству стало просто неинтересно то, о чем говорит патриарх, епископы и священники. Потому что повторяется это в сотый раз. Никто не ждет ничего нового. Сказка про церковное и национальное возрождение закончилась. Кому не нравится, кого что-то не устраивает — на выход!

Общество, пусть криво и косо, но меняется, хотя бы поколенчески, предъявляя новые вопросы и запросы, которые остаются со стороны церкви без ответа. Конечно, запрос на магию, в сторону которой сильно съехала современная православная церковность (из которой не сильно и выезжала), будет еще долго высоким. Но на этом поле — суровая конкуренция с гадалками, знатоками кундалини-йоги и открывателями чакр. И это уж точно обочина общественной жизни.

В ситуации общественной поляризации, где речь идет о справедливости и законности, невозможно остаться в стороне или быть одновременно с властвующими и поработченными. Церковное руководство уже сделало

свой выбор и начало активно его защищать. Простое духовенство — кто как. Большинству обыкновенных приходских священников плыть в одной лодке с народом, мучительно пытаюсь подчиняться требованиям архиереев. До той поры, когда это станет невозможно и придется шагнуть в одну из сторон.

Не нужно быть провидцем, чтобы понять ближайшее будущее РПЦ. Монструозная, нежизнеспособная структура власти как могильная плита придавливает остатки живых церковных сил. Удушает и обескровливает. Казалось бы, сейчас внутри церкви побеждены все расколы, всяческие пятые и шестые колонны, достигнуто полное и безоговорочное единство. И вот этой единой силой да жажнуть бы по безбожникам! Просветительствуйте и миссионерствуйте! Вам даже зачистили пространство религиозной конкуренции! Плохому танцору все время неровный пол мешает? Более идеальных условий для церковной деятельности трудно себе представить. Но какая же скука и формализм, как будто смотришь представление кукольного театра Карабаса Барабаса, где все вынуждены исполнять свою заученную роль, без дерзновения и созидания в свободе Духа, без открытости силой Евангелия. Как посмотришь на лица сослужащих священников, на которых усталость, скука, унылость, — в запой уйти хочется! Отчего у вас такие лица, если вы постоянно во святая святых, причащаетесь и молитесь?! И кого вы можете вдохновить, зажечь, преобразить, повести за собой, унылые и малодушные пастыри?

Патриарх хотел, чтобы главный, непререкаемый и единственный голос церкви был его голосом. Он этого добился. И теперь он похож на кладбищенского сторожа, который в гробовой тишине обходит с колотушкой свои владения.

Впереди тяжелый и затяжной кризис с нарастанием психологии сектантства с его нетерпимостью, замкнутостью и враждебностью ко всему новому и не похожему на себя. Это реакция испуганных и не сумевших найти опоры в современности людей перед идущим куда-то в свое будущее миром, в котором придется стать реликтом прошлого.

Сейчас мы с улыбкой снисхождения смотрим на папуаса, украшенного перьями, что танцует перед туристами. Архиереи в раззолоченных облачениях, обвешенные всяческими бирюльками, в каждой из которых безусловно заключен глубочайший символизм, традиция, обряд (как и в каждом пере попугая и ожерелье из зубов у папуаса), тоже активно

подтанцовывают под там-тамы земной власти. Это смешно и жалко и не вызывает уже благоговения, трепета и мистического ужаса перед шаманской силой.

Мы все родом из этого племени. Трудно выйти из подобного сродства и отправиться в свой неведомый Ханаан, оставив предания старцев и руководствуясь одной верой.

Я не думаю, что РПЦ как-то реформируема. Это так же безнадежно, как и попытка Лютера остаться честным католиком, но убрать всяческие индульгенции. Потому что без индульгенций, мощей и далее по списку (за А у вас неизбежно последует Б) у вас уже будет не католичество, а протестантизм. Это настолько не пластичная, жесткая, застывшая структура, от которой можно лишь отломиться, отколоться. Поэтому в православии возможен только уход в раскол или ересь с точки зрения самой православной церкви. С измененным богослужением, внутрицерковными отношениями, ограничением епископской власти, всем, что кто-то хотел бы сделать более близким к евангельскому духу, это уже будет не православие, а что-то совсем другое, хотя при этом вы не меняете ни одной буквы в Символе веры и в Евангелии. Поэтому впереди, с одной стороны, — церковное усыхание и окукливание РПЦ, а с другой, с трансформацией политического режима в стране — уходы отдельных верующих, а потом и общин, а может, и епархий в расколы и переформатированное постправославие. Я уж не говорю про широкую волну тех, кто просто откажется от всякой церковности.

Надежда в том, что для верующих, которые дерзнут жить свободно взрослой верой с принятием личной ответственности во всей ее полноте за каждый свой выбор, Евангелие не устареет и Христос останется тем же. Все происходящее сегодня будет когда-нибудь вспоминаться темной эпохой отступничества от истины и правды, веком идолопоклонства, из которого изведет Господь свой Израиль малым остатком весной света, что не в силах объять никакая тьма.

ФИЛОСОФИЯ МЕЧА, ИЛИ ПРОВАЛ МИССИИ

Мария Аргентова

Правда нынче дорогого стоит. Составить объективное представление о событиях, прямым участником которых не являешься, — задача в наше время почти невыполнимая, врут со всех сторон, идет информационная война. Информации сколько угодно, только истинной не найти. Постепенно привыкаешь ничему до конца не верить и в конце каждой новости ставить знак вопроса. И вдруг несколько дней подряд прямой эфир на фейсбуке, и, несмотря на безумное расстояние, становишься немым свидетелем событий. Но увиденная правда настолько глубоко входит в душу, что немым зрителем быть уже не вмоготу.

Поэтому сажусь писать. Человек я, можно сказать, совсем со стороны. Какое мне дело до строительства храма в каком-то парке Екатеринбурга, в котором я ни разу не была? Какое это может иметь ко мне отношение? Однако реальность такова, что я с сильным внутренним волнением смотрю и читаю абсолютно все материалы «Ахиллы» о протестных выступлениях горожан, защищающих излюбленное место досуга.

Что меня зацепило в этих прямых эфирах? Искренность защитников сквера, их открытость, доброжелательность, прозрачность их намерений и аргументации. Их цивилизованное отстаивание права на собственный город. Их единство, основанное на заботе друг о друге, о детях, об экологии, о будущем. Это видно из многочисленных интервью, спонтанно взятых редакцией «Ахиллы» у первых встретившихся людей. Их уважение друг к другу, их спокойные, улыбающиеся лица, их юмор, их возмущение несправедливостью, с которой они находят силы мирно бороться в конце трудового дня. Их рассуждения о том, что нужно восстанавливать заброшенные поруганные храмы и строить новые там, где они действительно нужны. Их терпение, в конце концов, их осторожность и аккуратность перед выставленной против них убойной силой.

Да, это народ России, и он изменился. Если его игнорируют и презирают, он протестует. Но протестует в мирном единении.

Мне очень хотелось услышать аргументы и инициаторов строительства храма и всех заинтересованных в этом лиц. Была ли я предвзята? Признаюсь, да. Потому что скорее склонялась к тому, что лучше пусть будет еще один храм, почему бы и нет? Но этот настрой быстро испарился, после первого же видео, показавшего бойца с тяжелым лицом гопника, охранявшего в числе

подобных ему «спортсменов» территорию будущей застройки, на которую, по какому-то закулискому согласованию, у них есть право.

Следующим ударом по репутации поборников храмостроительства стала беседа бросившегося в толпу протестующих о. Максима Миняйло, похоже, не совсем подготовленного для разговора на столь животрепещущие темы. По крайней мере, четкого ответа, почему понадобился именно сквер для строительства храма, так и не последовало. На видео с о. Максимом зафиксирован типичнейший формат стихийного общения с народом: все кричат одновременно, перебивают, высказаться до конца никому не удается. Это понятно: модератора нет, народ взбудоражен, эмоции через край. Отца мне, откровенно говоря, было жалко, поскольку провал его дипломатической миссии произошел на первых же его словах о Христе, который принес в мир меч. Все, что он говорил потом, уже не имело особого смысла: в контексте меча и «церковь не обязана удовлетворять чаяния всех людей» все остальное звучало беспомощно и неубедительно. Попытки взять тон усталого, но снисходительного отца детей-идиотов, которых приходится вразумлять, а они не вразумляются в силу слабоумия, не увенчались успехом: «дети» вели себя слишком напористо и связной вразумительной речи не получилось. Бедный защитник строительства под конец совсем потерял голову и, прилюдно дав обещание устроить в свежестроенном храме хранилище для скейтов (исключительно в миссионерских целях, как думается), подкрепил свое слово крестным знаменем. Сюда же, как говорится, до кучи, он добавил заявления в стиле просветленного провидца, предсказав, что чья-то внучка придет в будущий храм отмаливать нынешние протесты.

Окончательно от защитников строительства меня отвратили их параноические обвинения горожан в «проплаченности», сотрудничестве с Госдепом США (это мамы с колясками-то? пенсионеры? резвящаяся на газоне молодежь?) и прочий бездоказательный бред. Их высокомерие «держателей истины», их презрение к тем, кто не разделяет их взгляды. Их миссионерская несостоятельность и богословская безграмотность. Их неискренность, оперирование газетными клише («дестабилизация ситуации», «разрушение основ государственности»), за которыми сквозит неумение говорить человеческим языком, формализм, официоз, пустота и глухота, а главное — полная невнятность аргументации в пользу строительства. Кое-кто ссылался на желание самих верующих, что их-де

собралось 20 тысяч на крестном ходе, и все 20 тысяч молились, чтобы храм св. Екатерины был возведен. Неубедительность этого аргумента состоит не только в том, что стало известно, что верующих на крестный ход привозили откуда-то на автобусах (а значит, явно не все из них жители Екатеринбурга), и не столько в том, что просочилась информация о денежном поощрении молитвенников (300 р. за участие, если верить источнику), а в том, что остается совершенно непонятной их заикленность на сквере и нетерпимость к идее перенести стройку на окраину города, где действительно не хватает храмов. Откуда такая одержимость местом? Ответы напрашиваются не в пользу верующих.

События в Екатеринбурге навели меня на некоторые размышления. Я полагаю, что происходящее вокруг строительства храма — не частный и досадный случай неудачного взаимодействия местного населения, местной власти и местной епархии. Нет, это случай типический, показательный — он ярко продемонстрировал нынешние болезни РПЦ, о которых надо говорить, которые надо обсуждать, которые надо лечить.

Не берусь вскрывать абсолютно все обнажившиеся язвы, но остановлюсь на некоторых из них.

Во-первых, совершенно понятно, что протестующий народ в принципе не против строительства храма. Он против того, что его не спрашивают. Против того, что все переговоры представителей местной епархии с властью и спонсорами проводились тихо и незаметно, место выбирали, не сообразуясь с тем, каковы желания народа. Почему мне, посмотревшей хронику этих дней из Москвы, это видно и понятно, а какому-нибудь о. Георгию Максимову, всяким Соловьевым и митрополиту Кириллу (Наконечному) — нет? Мы видим по их выступлениям, что из всей полноты сложной реальности выбраны только те эпизоды, которые происходили в ночи, когда цивилизованные, трезвомыслящие и работающие горожане по большей части расходились по домам. В позднее время (как, впрочем, и в любое другое) присоединиться к протестной акции могли весьма маргинальные элементы, провокаторы, люди, которым, может быть, даже и дела нет до сквера, но есть желание покуражиться. Кто угодно может воспользоваться случаем и влить свою ложку дегтя даже в самое мирное выступление. И внимание православных заостряется именно на этом моменте.

Именно про-православные СМИ подхватывают эту фрагментарную информацию, выплескивая с водой ребенка, обобщают ее, и фрагмент действительности выдают за исчерпывающую картину. И вот, уже навешаны ярлыки на всех без разбора: «организованная, проплаченная акция», «храмоборцы», «бесы» и пр. А почему не послушать живых людей, не посмотреть им в глаза, не поинтересоваться, чем они живут, что их тревожит? Нет, этого от них не дождешься. Потому что в этом случае немедленно опрокинется вся система их взглядов и придется признать собственную неправоту. А это — упаси, Боже. «Наше дело правое», — сказал митрополит Кирилл. Так что лучше игнорировать, лучше не замечать ничего такого, что может поколебать привычку считать себя всегда правым. И вот здесь выходит на поверхность еще одна глубокая язва.

В РПЦ очень заметен крен в сторону деления людей на «своих» и «чужих», «воцерковленных» и «невоцерковленных», «верных чад» и «заблудших душ» (это в лучшем случае; в худшем — неисчерпаема фантазия наших пастырей, щедро клеймящих нецерковных людей налево и направо). При этом, разумеется, «своим» внушается идея абсолютной правоты, непогрешимости церкви (как общественного института) во всех без исключения вопросах с соответствующим неприятием всего того, что предполагает иное мышление, иную картину мира, иной подход к жизни. Отсюда неистребимая привязанность к ритуалу, то есть к своду определенных правил и строгой последовательности действий, что обеспечивает «своим» безопасное единообразие мнений — отступление от ритуала и единомыслия воспринимается как смертный грех.

И речь идет отнюдь не о единомыслии в отношении догм Православной Церкви, речь идет всего лишь о практических аспектах повседневной жизни. «Свой» должен со всем соглашаться — хотят строить храм, вырубив деревья и залив все живое бетоном? Принимаем! Хотят запретить к показу очередной фильм? Принимаем! Хотят вводить во все школы обязательные ОПК (читай — Закон Божий) — принимаем! Если у тебя на этот счет другое мнение — ты уже не «свой», ты сомнительный, подозрительный тип, на тебя начинают смотреть недружелюбно, с недоумением. С тобой перестают считаться. Человек в этой системе рассматривается не как уникальная личность, достойная любви и внимания лишь потому, что он человек, а как соответствие некой идее, некой системе правил. Если человек не во всем соответствует принятой модели, то любви он не достоин, он не ближний, он

враг, он еретик, он бес. Отсюда страшная нетерпимость к инаковости, к многообразию, новым веяниям времени и вообще всякому обновлению, а следовательно к самой реальности, потому что она всегда изменчива и многогранна, всегда больше нашего восприятия, всегда сложнее.

Такая позиция деструктивна не только для консолидации общества. Она провальна с точки зрения христианской миссии в мире. И здесь возникает еще один немаловажный вопрос. В каком состоянии находится сейчас наша христианская миссия? В чем она состоит? Поделив людей на два лагеря, поставив барьер «свои» — «чужие», невозможно выстроить диалог, невозможно услышать другого человека, высовываясь на секунду из собственного окопа «правой веры». Не услышишь другого — не услышат тебя. Мы хотим, чтобы «свет Христов просвещал всех»? Мы вообще в состоянии привлечь к христианству людей? Или наша цель — оттолкнуть от него всех, даже симпатизирующих, и, нахохлившись, как злая птица, прикрывающая широко раскинутыми крыльями своих безмозглых и таких же злых птенцов, «верных чад», отключивших разум, свирепо шипеть на мир, видя в нем сборище бесов и болящих? Сделать христианство привлекательным в глазах людей, далеких от него, то есть привлечь их к нему возможно лишь силой любви, проявляющейся в бескорыстном служении людям, которых не делишь на «своих» и «чужих». А это означает в том числе, что если кому-то плохо от твоей деятельности, выйди к нему и поговори с ним. Что тебе важнее: мир или собственные амбиции? Может быть, это ты что-то делаешь не так? А если все же «дело твое правое», неплохо бы вспомнить тот эпизод из Евангелия, когда весь город вышел навстречу Иисусу и просил Его отойти от пределов их. Что Он сделал? Просто ушел и все. Никаких ссылок на «законные основания» и «согласованность действий с властями». Может быть, потому что Он не согласованиями занимался и не спонсоров искал, а с народом был?

Вся миссия в РПЦ пошла не туда, все пошло вверх, но не к небу, а к власти и деньгам, а надо было просто к людям. Неважно, какие убеждения у людей — если относиться к ним действительно по-христиански, то каждый прекрасен как образ Божий. А наши пастыри-миссионеры называют не «своих» козлами из ада, болящими и дураками. Кто же за ними пойдет? Что они знают о тех, кого называют «адским месивом либералов»? Когда у митрополита Кирилла (Наконечного) спросили, почему, по его мнению, народ выступает против храма, он, театрально вздохнув, ответил: «Они живут в своем мире сегодня.

Этот мир ограничен у них своими, там, гаджетами». После просмотра многочисленных видео и интервью с места событий, предоставленных редакцией «Ахиллы», как-то не бросается в глаза, что у людей мир ограничен «гаджетами», а вот то, что Владыка страшно далек от народа и вообще понятия не имеет, чем тот живет, видно невооруженным глазом.

«Что происходит, Владыка?» — спрашивает благоговейный юноша от «Спаса» у митрополита. Владыка, не моргнув глазом, безапелляционно заявляет: «Меньшинство не хочет принять мнение большинства».

Удивительная неосмотрительность митрополита: единым высказыванием мгновенно подорвал к себе доверие. Каким образом он насчитал большинство, если вообще людей, регулярно посещающих храмы в России, по данным официальной статистики, не более 3%? Даже до проведения каких бы то ни было опросов и референдумов, априори известно, что «воцерковленных», кому действительно и любой ценой может понадобиться храм на строго определенном месте, несоизмеримо, несопоставимо меньше, чем тех, кому не только храм не нужен на месте сквера, а кого в принципе религия не волнует ни в каком виде. То, что христианство в версии РПЦ мало привлекательно в глазах большинства людей, становится вполне понятным, если послушать подобные выступления, построенные на лжи, передергиваниях, манипуляциях и навязчивых идеях о вражьих кознях.

Все у нас говорит о запущенном состоянии миссии. Я вовсе не имею в виду «миссионерскую работу», сводящуюся к катехизации широких народных масс и крещению людей целыми селами. Я имею в виду ежедневное служение на своем месте людям, в рутине обыденной жизни, внимание к ближнему и его нуждам, мирное житие, свидетельство о внутреннем свете через гармоничные отношения в семье, с друзьями, коллегами... Вот пример: все тот же приснопоминаемый митрополит Кирилл призывает теперь верующих молиться об умягчении злых сердец («храмоборцев», надо полагать), об искоренении всякой злобы и об умножении любви. Прекрасно. Только посмотрим, в каком контексте звучит этот призыв: местной епархией создан конфликт, разделивший людей на два лагеря, инициатива сильно ущемляет права большей части людей, их мнение выставляется неправильным только на том основании, что хотеть храм правильно, а не хотеть — неправильно.

Вот суть метода РПЦ: создать проблему, раздуть конфликт, стравить людей, а потом молиться об умножении любви. Но создание конфликтной ситуации разве не есть действие против любви? Эта абсурдная линия поведения настолько типична и распространена, что проследить ее можно не только в высших кругах церковного руководства, но и в любой семье, где всем на беду заводится ревностный благочестивец. Он начинает отравлять жизнь домочадцам, инициируя тяжелые конфликты, чтобы ему не мешали следовать строгим канонам благочестия, а потом бьет поклоны и читает акафисты об умягчении злых сердец, имея в виду, конечно, не себя и не свою дурную голову, а несчастных ближних, разбираться с которыми теперь почему-то должен Бог. А идет это все из того же источника — «философии меча», деления на «своих» и «чужих».

В одном из прямых эфиров в кадре появился парнишка с надписью на куртке «Мы вам не верим. Дайте нам сквер». Это тоже, на мой взгляд, показательная тенденция, а не единичный случай. Молодежь, дети первых поколений неофитов из 90-х, уходят из церкви. Явление это, увы, массовое. А что им может предложить нынешняя РПЦ? Унылые серые лица прихожанок среднего возраста? Злых старух-фарисеек? Доктрину многодетности как единственный долг семьянина? Невнятное бормотание бесконечного византийского словотворчества на чужом языке? Косное мышление, панический страх перед новыми технологиями, рабское пресмыкательство перед богатством? Но молодежь третьего тысячелетия — это люди нового мышления, и бесполезно сетовать и вздыхать, что у них нет ничего святого. Они другие, потому что свободнее и честнее, чем те, кто берется наставлять их в веру. Они не признают условностей, данности, авторитетов по умолчанию, и они намного добрее и остроумнее, чем их обличители. Миссия провалена и на этом фронте, господа пастыри...

Если все-таки стройка храма на месте сквера состоится, это будет не столько неудача защитников сквера, сколько еще один позорный провал миссии РПЦ. Парадоксальным образом видимая победа обернется поражением, потому что авторитет церкви как института стремительно падает в обществе, разочарование в ее руководстве растет, молодежь все больше отдаляется от церкви, кредит доверия исчерпывается.

Пора расставаться с философией меча, основанной на превратно истолкованных словах Христа и погрузившей мир в ад кровопролития. Эта

философия завела РПЦ в непроходимое болото, откуда не видно света. Пора вспомнить слова Христа о том, что «не в храме сем будете поклоняться Отцу моему, но в духе и истине». Дух не в роскошных резиденциях иерархов РПЦ и не в их сверкающих митрах и драгоценных панаягиях, а истина не в количестве отстроенных холодных храмов, слепящих своей безвкусицей и испозолоченных до крайности. Дух и истина в сокровенной жизни любящего сердца, отданного Богу через служение людям.

ЦЕРКОВНЫЙ ГЕНЕРАЛИТЕТ, ИЛИ ПОЧЕМУ В РПЦ ТАК ВСЕ БЕЗНАДЕЖНО

Григорий Нефедов

Почему в нынешней РПЦ так все безнадежно? Почему все разговоры о «революции» в ней или даже о «реформах» не идут дальше обсуждения перевода богослужения на русский язык?

А потому что главная беда РПЦ, то, что на самом деле нуждается в кардинальной реформе, а то и в реальной революции — это сама система жизни РПЦ. Система, которая выстроена в последние десять лет вокруг личности одного человека — патриарха Кирилла.

Но беда не в существовании этого авторитарного лидера, вернее, не только в нем.

Мы читаем «Ахиллу» и видим, что критикуемые нами, порой часто и довольно жестко, священники все же, хоть иногда, хоть не массово, хоть анонимно, а порой и вслух — все же пытаются возмущаться Системой. Критикуют, раскрывают ее признаки, ищут какие-то способы решения проблем, ну или просто разрывают с Системой и уходят в мир.

Но Система стоит и не шатается, никакие «бунты» на коленях в среде духовенства или прихожан ее не трогают, так, может, слегка портят настроение временами, но не более. Система сильна и незыблема потому, что уверенно стоит на «твердом камне», на «скале» — на епископате.

Вы слышали хотя бы про одного современного архиерея РПЦ, который где-нибудь когда-нибудь вслух хоть словом, хоть намеком покритиковал бы патриарха Кирилла? Выразил недовольство его решениями? Сказал бы, что в Системе жизни РПЦ произошел критический сбой? (Нет, я не имею в виду

ситуации, когда епископ в пьяном виде в бане что-то недовольно и матом прокомментировал по поводу указа патриарха о переводе его, преосвященного деспота, в другую епархию, пока смазливый иподиакон массирует ему плечи, на которые давит возложенный Церковью груз ответственности за паству...) А вот так — в интервью, в личном блоге, на епархиальном сайте? Чтобы кто-нибудь и когда-нибудь сказал: «Знаете, я не согласен с решением о разделении нашей епархии на несколько частей. Я считаю, что правильнее было бы...» Или так: «Решение Синода о разрыве евхаристического общения с Константинополем — поспешное, необдуманное решение. Надо было бы созвать Архиерейский Собор, попытаться найти другие пути выхода из кризиса...» Или: «Согласно канонам, епископ обручается с его паствою, епархией, поэтому переводы епископов без всякой причины, по прихоти патриарха, недопустимы. Призываю патриарха блюсти каноны Церкви и не лезть в дела не своей епархии. Он первый среди равных, а не папа Московский». Или: «Повышение взносов в патриархию из епархий — вредное решение. Мы наши епархиальные деньги предпочитаем тратить на нуждающихся местных жителей, а не на обслуживание полетов патриарха на бизнес-джетах или на поддержание ХПП „Софрино“ с его ширпотребом». Ну хоть что-нибудь вы слышали подобное?

Да, скажет кто-то, как же: есть целый такой епископ — заштатный Ишимский, Евтихий (Курочкин)! Он и по поводу других епископов может высказаться, и в адрес патриарха отмочить чего-нибудь нелицеприятно, в общем, герой и на язык остр. Правда, он на покое, со своеобразной биографией и репутацией. То ли юродивый, то ли просто фрик, которого игнорируют как маразматика. Епархией он не управляет, а что он там лопочет у себя на странице в ВК, причем довольно безграмотно, — не страшно, только поржать и рукой махнуть.

Вот и все. А все остальные? А у остальных на все один ответ, как мы читаем на «Ахилле» — «В Церкви, как в армии — приказы и благословения не обсуждаются». Это главное кредо, единственный символ веры для российского епископата, который мыслит себя генералитетом. Верховный Главнокомандующий (Путин) и Верховный Жрец (патриарх Кирилл) — вне зоны критики, иначе это измена родине, предательство веры, за такое — расстрел через повешение. Или еще хуже — перевод в самую глухую

епархию, где попов меньше, чем архиереев, и на твоём суперджипе можно развезать только по болотам, навещая медведей...

Поэтому и стоят они плечом к плечу, поддерживая эту систему, которая позволяет им сытно и крепко жить, получая все блага и удовольствия, какие может себе позволить епархиальный владыка. Даже если его переведут в другую епархию — ну что ж, всегда можно насобирать с собой несколько грузовиков добра, захватит пару-тройку любимчиков попов и иподьяконов с собой на новое место, и там начать окучивать православные грядки и стричь духовную отару.

Поэтому и всякое возмущение священства давится на корню — ведь что это за генерал, если у него солдаты и младшие офицеры бунтуют? Непорядок в церковной армии? Подавить, на «губу», разжаловать, расстрелять! Равняйся, левой, левой, равнение на сrrrrредину! Служу Российской Федерации и главному Храму Вооружённых сил! Исполла эти деспота! Виват, патриарше Кирилле! Многая лета и сытое брюхо владыке Нажорию!..

Так что забудьте про революции, про реформы, бубните там по своим блогам, жалуйтесь на тяжёлую епархиальную жизнь на «Ахиллу» (но только анонимно! ни-ни под своим именем, с указанием епархии — не подставляйте своего архипастыря!). Глядишь, разрешат вам служить с открытыми воротами или паримии читать по-русски — а что, Москва не сразу строилась, там, лет эдак через сто — разрешат ещё и лавки в храмах поставить, чтоб сидеть на службах, и даже — о! — женщинам без платков ходить и в штанах (но это я загнул, это уже лет через триста).

Главное — саму Систему не трогайте, она этого не любит, нежная она. Как пирамида Хеопса.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ЦЕРКВИ: МОГ ЛИ БЫТЬ ПОВОРОТ К СВОБОДЕ?

Ольга Прядкина

Один фейсбучный френд утомил приглашениями в созданную им группу. Мне туда не надо, ибо неинтересно.

Человек много лет провёл в православных духовных практиках, разочаровался, потерял веру и теперь обвиняет церковь и всех причастных

в легальном распространении опиума для народа и пытается открыть глаза всем одурманенным. Поднимает шум, как любой только что прозревший. Такие люди кидаются обращать в свою вновь обретенную веру, положительную или отрицательную, с великой страстью.

Мне кажется это бессмысленным так же, как при разборе травм развития в психологии. Вот чувак узнает, что в целой куче его проблем взрослой жизни виноваты его отношения с родителями в его розовом детстве. Ему сразу же хочется поубивать родителей, потом хочется разорвать с ними отношения навсегда, потом высказать им все свои обиды в лицо. Но это бесполезно и несправедливо. Потому что причинно-следственные связи есть, а виноватых нет. Родители не виноваты, потому что имели свои проблемы, вынесенные из своего детства. Они дали чаду то, к чему имели доступ сами. К чему доступа не имели, того дать не могли.

Художник, не имеющий личного опыта счастья, не сможет его нарисовать на заказ, сколько ни объясняй и ни расписывай ТЗ. Человек, совсем не имеющий личного опыта свободы, не сможет ее разглядеть, даже заметить в других людях и обстоятельствах. Это относится ко всем людям и любым состояниям: в чем не имеет опыта, того не сможет дать другим и вообще создать. Даже если прочтет библиотеку гайдов, детальных или образных описаний.

Но то же самое, что к одному человеку, относится и к большим сообществам. Если собралось некое количество людей с целью создать нечто, в успехе проекта решающее значение имеет — есть ли у них хоть небольшой опыт в этом.

Например, в условно девяностые годы масса народа пришла в православие, чтобы возродить церковь и духовную жизнь, порушенные прежним режимом.

Какая у этого большого числа людей была цель? Возродить (считай, создать заново) церковь как преддверие рая на земле, как сообщество любви и свободы во Христе, как школу духовной жизни для подготовки к вечности в компании Бога и святых, и прочих возвышенных вещей. Цель — прекрасная.

Когда приступают к реализации цели, ее переводят на уровень задач. Цель — это куда мы идем, задачи — это что сделать, чтобы прийти.

На уровне задач, уже при их постановке, а особенно, при решении, вот тот опыт, о котором я выше сказала, становится решающим.

Какие задачи поставили себе эти массы новообращенных православных? У них был опыт свободы? А опыт любви?

Немного отвлекусь. Я не знаю, каким предварительным опытом располагали апостолы и их ученики. Но подозреваю, что

- Господь не кого попало взял в ближайšie ученики, Он таки выбирал — тех, кто максимально был способен открыться Богу;
- среди массы народа, ввалившейся в церковь в девяностые, далеко не все пришли в результате встречи с Богом, получив хотя бы минимальный, но настоящий опыт Бога.

Возвращаюсь к теме. Реального опыта жизни с Богом не было практически ни у кого. Исключений были буквально единицы, в советское время жившие незаметно и в новое время не замеченные и ни на что не повлиявшие.

В «возрожденной» церкви рулили неофиты. Итак, какие задачи были поставлены и решались (и продолжают решаться по сей день)?

«Мы не знаем, как это — жить в любви и свободе, но слышали, что так было раньше». Поэтому самая масштабная задача — сделать все «как раньше». Восстановить-воссоздать-реставрировать-возродить. Возрождали что? То, что были способны, на что хватало внутреннего опыта. В основном, недвижимость и управленческие структуры.

Во внутренней жизни отсутствие опыта стали пытаться компенсировать гайдами. Не обратив внимание, для кого они были написаны. Наоборот, создали почти идеологию из тезиса некоторых канонизированных писателей, как Игнатий Брянчанинов и Паисий Величковский, что в отсутствие живых наставников руководить нами должны книги святых отцов. Опять не заметив у того же Игнатия Брянчанинова и других предостережения:

неподготовленным, несведущим не лезть в серьезные практики, мирянам не лезть в то, что могут осилить даже не все монахи — это небезопасно.

Чем располагал внутренний опыт вчерашних советских людей?

Страхом, выученной беспомощностью, фигой в кармане по отношению к власти и любому начальству, иронией как средством защиты от кошмара жизни — в версии скептиков и циников. Лозунгами, комсомольскими

ударными стройками, готовностью пахать за одни моральные стимулы, строгим блюдением морального облика соседа, сослуживца и каждого встречного, отсутствием частной, неподконтрольной коллективу и обществу жизни — в версии идейных. У тех и других въевшееся в подкорку убеждение, что масштабные дела требуют примерно военных мобилизации и методов руководства. Чтобы повернуть северные реки, сделать индустриализацию и полететь в космос — нужны пятилетки и ГУЛАГ.

Все, кто после потери этой идеологии повалили в церковь, пошли, разумеется, по пути идейных. А дела предстояли масштабные. Мы восстановим порушенные святыни. Ради этого мы готовы на любые подвиги и лишения. Павка Корчагин и Алексей Маресьев научили нас: общее дело — все, человек — винтик великой идеи, незаменимых нет.

В наставлениях святых отцов и старцев увидели и восприняли только то, что было знакомо, откликалось на внутренний опыт: железная дисциплина, слепое послушание, не надо думать, с нами тот, кто все за нас решит, Большой Брат всегда прав, повторяй за ним и спасешься.

Можно ли было по-другому?

В популярной книге для пишущих «Пиши, сокращай» есть такой пассаж. Объясняется, как организовать статью: определить цель, прописать задачи. Дальше цитата: «Почему именно эти задачи? Потому что мы так выбрали. Можно было подобрать другие аргументы и другие ходы — угрозы, шантаж, давление, какой-нибудь экстравагантный гипноз или техники унижения. Мы выбрали спокойно рассказывать правду и работать с трудностями».

Книга вышла в 2015 году. Тогда было уже достаточно много людей, способных выбрать спокойно рассказывать правду и работать с трудностями. В 1985 и даже в 1995 могли выбрать только «другие ходы» — угрозы, шантаж, давление, массовый гипноз и техники унижения. То, что было знакомо, привычно. Ведь цель оправдывает средства. Мы были на этом воспитаны.

Были разговоры о свободе среди любителей таких разговоров. Но на вкус свободу не знали и они. Никто не знал из выросших в Советском Союзе. Возможность сделать поворот в сторону свободы некому и нечем было заметить.

Сейчас есть прогнозы о будущем церкви после того, как рухнет нынешняя структура и церковная жизнь будет переформатирована. Мол, нас ждет бедная церковь. Бедная, вероятно, по умолчанию подразумевает свободная. От тех пороков, которые у всех уже вызывают отвращение. Я думаю, что реально новую и свободную церковь смогут строить только люди, имеющие личный опыт свободы, и внешней, и внутренней. Иначе будет просто очередной виток прежнего пути, имеющий все шансы вернуться «на круги своя». Скорее всего, это будут люди нового поколения. Говорят, нынешняя молодежь совсем другая и намного лучше, чем принято думать о молодежи. Из нашего поколения вряд ли кто-то увидит землю обетованную. Главное, чтоб новопрозревшие не стали новыми гуру.

НИМБ ИЛИ КОРОНА?

Алексей Добровольцев

С древнейших времен Homo religiosus наделял царственным достоинством высшие силы, которым поклонялся, приносил жертвы и возносил молитвы. Аналогия между образом могущественного сверхъестественного существа, управляющего судьбами смертных, и идеей политического господства, выраженной в фигуре родового, племенного, государственного вождя, представляется вполне оправданной. Подобно тому, как жизнь, свобода и право подданного гарантируются и зависят от воли правителя, так в еще большей степени все бытие смертного человека зависит от воли божества, представляемого в образе «царя небесного».

К тому же, уже в древнейших религиях высшие силы выступают и в роли законодательной власти, устанавливающей как законы мироздания, так и правила общежития смертных, основы морали и т.д., что также позволяет сравнивать их с главой человеческого объединения, будь то племя или государство. В богах, как и в верховных правителях, люди видели последнюю инстанцию, к которой можно обратиться в проблемных ситуациях, а также источник свободной от закона милости. Абсолютный монарх, будучи законодателем и гарантом права, был волен переступить собственные законы, например, своим произволением миловать уже осужденного преступника, что имело место в правовых традициях прошлого. Впрочем, как и обратный произвол, приводивший к заточению или гибели неугодных.

И власть монарха исторически оправдывалась божественным установлением: даже в таких империях, как Византийская, где часто власть не передавали, а захватывали силой и кровопролитием, огромное значение имел статус правителя как «помазанника божьего». В воле Небес полагалось основание безраздельной власти, произвол которой условно ограничен лишь подразумеваемым личным благочестием. Казалось бы, и здесь своя логика: монарх здесь, на земле — это отражение в миниатюре, несовершенный образ совершенного первообраза «небесного царя».

Но в результате укоренения образа бога-монарха на него переносятся и такие черты, которые неизбежно присущи земной власти, но плохо увязываются с идеей всемогущего, всезнающего и самодостаточного сверхъестественного существа. Многим сильным мира сего раньше и теперь присуща жажда внимания и любви подданных, которую они готовы принимать в виде льстивого славословия и превознесения в памятниках. Сходную потребность приписывали и продолжают приписывать люди высшим силам: боги нуждаются в жертвах, торжественных ритуалах, воскурениях и хвалебных песнопениях, роскошных храмах — «домах божьих», которые нередко преподносятся царями земными владыкам небес как своего рода личный подарок. И, как часто это в мире смертных, восхваления, почитание и подношения имеют своей целью взаимное внимание и благоволение. «С нами Бог!» — гласят на разных языках девизы государств прошлого и настоящего.

Кроме того, противоречащая идее, но неотделимая даже от абсолютной монархии потребность во вспомогательных политических институтах находит свое отражение и в образе «царства небесного», где, как и на грешной земле, появляются свои придворные советники, министры, генералы, воинства и т.п. Думаю, это представление подкрепляется и тем, что большинство молитв, представляющих собой прошения о помощи в житейских делах, не получают удовлетворения. Конечно, существует вероятность, что на усердно молящегося о богатстве все-таки свалится денежный мешок, о чем он непременно заявит как о чуде и знаке божьей милости. Но я убежден, что большинство бедолаг, кто молился об излечении кариеса или аппендицита, находили избавление у простого земного врача или не находили его вовсе. Дюжинная голова скоропалительно выводит из этого несуществование высших сил и ударяется в поверхностный, вульгарный атеизм, будто до него тысячелетиями не страдали люди,

сохраняя, между тем, свои верования. Из факта превратности судьбы, страдания и смерти во все века мыслители развивали концепции теодицеи, «оправдания бога», стремясь объяснить, как в мире уживаются всеблагая высшая сила и зло. Но проблема все же существует, не теряя актуальности, и получает порой на свой вызов такие ответы, которые едва ли не хуже атеизма.

К примитивным формам теодицеи я и отношу «политическую» концепцию «царства небесного», «небесной канцелярии», связанную с миром столь непрочно и несовершенно при своем сущностном совершенстве, что для их взаимодействия нужна иерархия проводников и посредников, эдаких фельдъегерей или чиновников, через которых простые смертные вынуждены передавать свои прошения в высшую инстанцию. И, как это бывает в системах коррумпированной бюрократии, всем промежуточным звеньям необходимо воздать свою долю почестей, тем самым рассчитывая ускорить дело.

Подобная сложность видится мне вполне органичной в политеизме, когда богов не просто много, но даже в разных странах могут вполне правомерно обитать свои боги. Оказавшись в их владениях, разумно обращать свои упования именно к ним, как путешественник, пострадав, например, от воров, обращается в местную полицию. Так поступали в Античности, в мире, воистину кишавшем богами, некоторые из которых даже работали на две-три ставки одновременно под разными псевдонимами, объединяя такие непохожие народы, как египтяне и римляне. По-своему это очень уютный и удобный мир: если тебе не помог Юпитер в Риме, всегда можно попытаться удачи у Сераписа в Александрии. Еле заметные следы изначального, наивысшего божества в этих культурах практически никуда не ведут: *deus otiosus* к молитвам глух и убогими землянами не интересуется. Абсолют бесчеловечен, да при том и не особо нужен, когда есть куда более понятные, близкие и человеческие небожители, разделяющие с людьми даже пороки, только в различных масштабах...

Совсем иное дело — строгий монотеизм Библии, лежащий в основе авраамических религий. При последовательном прочтении священных книг Ветхого Завета может сначала показаться, что Бог иудеев ведет себя подобно прочим богам древнего мира: он ревнив, требует жертв и почитания, предстает как грозная стихийная сила, обрушивающаяся на врагов своего

избранного народа и карающая отступников от строгих религиозных законов, дотошно регламентирующих все аспекты жизни общества. Если для иудеев Бог Ветхого Завета был одновременно Творцом Вселенной и народным (т.е. в определенном смысле «языческим», где «язык» — племя, народ) божеством, то для римлян, завоевавших Иудею, он был лишь еще одним местным сверхъестественным правителем, коих в мире много. Ему бы даже нашлось свое место в Пантеоне, если бы евреи не отстаивали фанатично свое единобожие.

Но связанный в единое целое с Писанием Нового Завета, Ветхий Завет предстает как повествование о раскрытии истинного Бога в развитии его отношений с человеком — развитии постепенном и двухстороннем, происходящем не только волей Бога, но и при участии, пусть даже второстепенном, человека. Бог, который требует жертв и воскурений, жестоко карая за малейшие нарушения Закона, на страницах библейских книг также ненавидит «праздники и новомесечия», а главной жертвой признает лишь «сердце и дух сокрушенны». Бог иудеев, народное божество, как бы постепенно разворачивается в действительную, универсальную Сущность, перед лицом которой равны иудей и эллин, мужчина и женщина, богатый и бедный. Идея божества в Библии достигает апофеоза в Боге, который с человеком буквально «на ты», в глубоко интимных отношениях абсолютного Духа и каждой отдельной человеческой души. Закон, который некогда был нерушимой основой жизни еврейского народа, трансформируется в свод универсальных правил, при этом сосуществующих с идеей совершенного милосердия, которое в подлунном мире можно сравнить только с милосердием царей, освобождающих от плахи приговоренных уже преступников.

В подлунном мире невозможно найти более подходящую аналогию, чем «Бог — царь», с тем условием, что последнее понятие абсолютизируется и очищается от всего, что его ограничивает условностями нашей реальности, не вмещающей всю полноту божественной сущности. Это действительно хорошая аналогия, но, к сожалению, несовершенная и таящая в себе опасность «усложнения через упрощение». Так идея посмертного воздаяния за грехи, не столь уж определенная и дающая гигантский простор для домыслов, в целях большей понятности приобретает образ застенка с заплочных дел мастерами — бесами, чертями, терзающими грешников орудиями из арсенала вполне земного палача. Значит ли это, что если

предел представления о воздаянии для человека, скажем, Средних веков — пыточная камера, то и реальная судьба нераскаянных грешников за гранью смерти должна быть такой: с кипящей смолой, щипцами и трезубцами? Или образ рая, как плодоносного сада, где можно пребывать в блаженной праздности, вкушать фрукты и петь Богу благодарственные гимны — это ли предел возможного для воплощения идеи Блаженства? Для смертного, при жизни сгибающегося под бременем забот, борьбы и страданий — может быть, но не по меркам абсолютного Духа, сотворившего бесчисленное количество галактик, туманностей и созвездий, не говоря уже о высокохудожественном разнообразии явлений земной природы! Чистая белая одежда, неограниченный запас яблок и беззаботная Вечность — это не Рай, а сладкий сон смертного человека. Ад же с чертями и огнем — его страшный сон.

Образ Бога как небесного царя вполне уместен в христианстве, но уже в первые века истории Церкви он теряет свой абсолютный, «неземной» характер и также «усложняется через упрощение»: Бог в представлении широких слоев верующих буквально становится «царем за облаками», который иерархически выше, например, римского императора или местного варварского короля, обладает большими полномочиями, но в то же время разделяет с ними все земные аспекты монархического правления, вплоть до нравственных пороков: потребности в восхвалении и жертвах, подношениях, самоутверждении через подчинение своей воле, доходящее до жестокости.

Ритуал христианства, видимо, менялся параллельно с образом Бога, и потому может служить наглядной иллюстрацией: от евхаристических трапез и катакомбных собраний до пышных литургий под сводами византийского собора-дворца. Первые формы, хотя они обусловлены и политическим статусом ранней Церкви, вполне соответствуют образу сокровенного Бога, сошедшего к людям и ставшего человеком, разделяющего с братией хлеб и вино, радости и горести.

Второй пример — это действительно «царский», «придворный» церемониал (в Византии церковный и светский ритуал были тесно переплетены). Бог обзаводится собственным двором, придворными и т.д., часть из которых все еще здесь, с нами, на земле, — в особую элитарную прослойку выделяется

священство, которое, конечно, уступает канонизированным святым, но все же стоит к престолу ближе, чем простой мирянин.

В эпоху сближения Церкви и государства у Господа, наконец, появляются по сию сторону и свои воины, и свои земельные владения (некоторые уделы достаются отдельным святым, не иначе как по принципам феодализма), и свои богатства, и свои рабы. Ни в чем не испытывающий нужды, самодостаточный и бесконечно превосходящий все мыслимое Царь Небесный становится и на земле буквально царем: с резиденциями, придворными всех рангов, церемониалом, посредниками между ним и подданными, земельным фондом, экономическими ресурсами и т.д. У него есть свои наместники, без которых ни один земной монарх не сможет управлять обширной империей — видимо, и Бог не может.

Есть такая старая русская поговорка, квинтэссенция безысходности: «до Бога высоко, до царя далеко». Разница между двумя царями здесь лишь в отношении вертикали к горизонтали. Тот и другой обитают где-то далеко от нашей захудалой деревеньки или губернского городка, в золотых дворцах, куда босяка с его прошением никогда не пустит зоркая стража.

Их отгораживают от простых смертных ряды приближенных, в золотых ризах и ливреях. До них не достучаться — один из миллиона прорвется лично к царю на прием, да и то не факт, что владыка преклонит свое ухо к нежданному посетителю, нарушающему строгий этикет. Так чего дурью маяться, когда ближе, много ближе в этой иерархической системе к простым смертным стоят царедворцы, слуги государевы, офицеры, губернаторы, чиновники — через них, глядишь, и управится дело, только подступаться нужно правильно, «чин по чину, честь по чести»...

Обвинения в язычестве сыплются на христианство давно, в том числе со стороны самих христиан, критиковавших сложившееся в Церкви положение. Ответы на такие обвинения всегда одни и те же: «это не то же самое!», «вы не понимаете!». Иногда все сводится к будто бы необходимости иерархии и порядка, «иначе бунт, смута», иначе «люди не поймут». Иногда раздаются речи про элементарную человечность и «послабление по грехам нашим» — лично для Господа мы слишком грешные, грязные, недостойные, до него наши молитвы не доходят, «только до лампочки долетают». Не может всесильный, всемогущий, всезнающий и даже наперед прозревающий всевозможные варианты будущего Бог

слышать и воспринимать молитвы грешных людей — донести их до него могут лишь посредники, которым он доверяет и мнением которых интересуется. И где же здесь существенная разница с отношением язычников прошлого к «праздному богу»? Он когда-то сотворил мир, поигрался с материей, а потом, видимо, нашел проекты поинтереснее — дела ему до нас нет, поэтому лучше иметь дело со второстепенными богами. Ведь и многие языческие мыслители древности считали, что разноликая толпа богов — всего лишь проявления того священного Единого, что лежит в самой основе бытия. И через них, стало быть, действует та же энергия. Так ли уж отличается это от идеи, что без прямой связи с Богом верующие получают благодать через святых и святыни? И Бог тут, и боги при деле, и жрецы не скучают.

Мне встречался такой тезис: «земная власть — икона божественной». Есть вполне логичное (в религиозных рамках) объяснение почитания икон, согласно которому человек через образ (икону) обращается к первообразу. Тут тоже можно привести аналогию: когда дорогой нам человек далеко и мы не можем обнять его, поговорить напрямую, мы обращаемся к его фотографии. Сентиментальные люди могут говорить с фотографией (разумеется, не так, как с неодушевленными предметами беседуют сумасшедшие), поглаживать ее, целовать. Но это же не значит, что объектом всех сильных чувств этого человека выступает сама фотография, изображение, бумага, краска и т.п.! Хотя, конечно, некоторые злоупотребляют и сентиментальностью. Но на примере превращения того странного Бога, который открылся людям через полноту Священного Писания, в «царя небесного», облаченного в золотую хламиду и усыпанный драгоценными камнями венец, восседающего на троне в окружении придворных, подобно любому земному государю, мы видим, как образ затмил первообраз. Последний оказался и слишком прост, и слишком сложен для понимания, и не только какими-то абстрактными «простецами», которым для наглядности нужны троны, короны, райские яблоки и черти с трезубцами, чтобы усвоить идеи всемогущества, благости, божественной любви или гнева.

История христианства показывает нам, сколь сложной оказалась простейшая из истин, та самая, которая посрамила «мудрость мира». Быть может, слишком сложной не для понимания, а для принятия — ведь с этой истиной

необходимо жить, она сама и есть подлинная жизнь. А с царем жить оказалось проще, чем с Богом.

ВОПРОСЫ К ПРАВОСЛАВНОМУ ХРИСТИАНСТВУ. ГРЕХОПАДЕНИЕ, СПАСЕНИЕ И ЧТО ДАЛЬШЕ?

Елисей Платонов

О чем этот текст

Это попытка осмыслить то, что православное христианское вероучение, как оно выражается на практике и на уровне обыденного сознания, говорит о любви Бога к человеку. Я не задаю вопросов по поводу трансцендентной части учения о Троице, свойствах Бога, загробной жизни, потустороннем мире и т.д. Можно сказать, это попытка выразить простыми словами отношения между Богом и человеком на основе учения о грехопадении и спасении и посмотреть, к каким результатам все это приводит.

В заголовке специально указано, что вопросы не к христианству, так как это слишком широкое понятие, и не к православию, так как некоторые виды народного православия не имеют отношения к христианству, по моему мнению. Вопросы именно к православной разновидности христианства.

Структура следующая:

— вопрос

— ответ

— трактовка ответа в отношении к православно-христианскому учению об отношении Бога к человеку.

Я излагаю ответы на поставленные мною же вопросы на основе «усредненной» точки зрения, как я ее понимаю. Например, причина грехопадения у разных отцов и интерпретаторов писания может быть разной, я привожу самую распространенную версию о нарушении воли Бога в отношении запрета на вкушение плода.

Не претендую на научную объективность, это просто размышления вслух.

Немного о себе

Так как я хотел бы услышать ответную реакцию на эту статью, то чтобы не понижать уровня дискуссии в комментариях до простых советов почитать катехизис, отцов, труды по догматике, экзегетике и т.п. или до цитат из этих по-своему замечательных книжек, сразу напишу, что я много чего читал (и применял на практике, по возможности). Мой церковный стаж насчитывает не одно десятилетие, но определенные внутренние процессы заставили меня взглянуть на религию в целом и православное христианство в частности с другой точки зрения.

Вопрос первый и основной: зачем нужно христианство?

Ответ: для спасения человека от греха. Первые люди совершили грех, преступив заповедь Бога, следствием чего в мир вошли страдание, смерть и т.д.

Комментарий: тут Библия не сильно отличается от аналогичных мифов в других культурах. Миф об Адаме и Еве — вполне очевидная рационализация некоторого внутреннего состояния «что-то не так», в человеке и окружающем мире.

В принципе, вся последующая христианская теодицея базируется на учении о грехопадении, вся вина за зло, страдания и смерть спихивается на участников этого рассказа (змей/жена/муж), а процентное соотношение (кто виноватее) определяет каждый толкователь для себя сам, исходя из собственных вкусов и домыслов. Для темы статьи важно отметить, что вина первых людей в этой процентовке никогда не равна нулю. Далее сюда можно присоединить первородный грех, степень влияния которого разнится от толкователя к толкователю и от конфессии к конфессии, но это не так важно. Важно помнить, что в соответствии с учением о грехопадении человек в любом случае виноват.

Вытекающий отсюда **вопрос:** неужели всемогущий Бог сделал так, что люди совершили ошибку, но при этом ответственность за эту ошибку несут последующие поколения?

Ответ: да, но зато через несколько тысячелетий пришел Христос, который принес в мир возможность спасения.

Комментарий: логичный вопрос «что же делать с людьми, которые умерли до пришествия и после пришествия Христа, не познав Его», получает очередную (неклассическую) рационализацию: «в загробном мире Христос

тоже спасает людей, даже если те Его не знали». Прекрасный ответ, но он очевидно обесценивает первый и основной вопрос «зачем нужно христианство?», потому что в соответствии с этой либеральной точкой зрения достаточно быть просто «хорошим» человеком, даже не будучи христианином, и Бог тебя «спасет». Но тогда лучше не быть христианином и быть хорошим человеком, так как в этом случае возможность спасения выше, потому что с того, кто больше имеет, больше и спросится.

В целом, вопрос со спасением нехристиан (не православных христиан) очень важен для вопроса об отношениях между Богом и человеком. Потому что если Бог спасает только христиан, тогда он превращается просто в какого-то дикого маньяка, который обрекает почти все человечество, за исключением избранных, на вечные мучения (как бы эти мучения ни понимать: как средневековый ад или как состояние, когда человек сам отвергает Бога). В этом случае человек — просто жалкая игрушка небесного садиста, и разговаривать тут особо не о чем.

Если же нехристиане могут спастись, тогда опять возвращаемся к первому вопросу. В связи со спасением нехристиан может быть такая рационализация: иноверцы (или даже атеисты) могут спастись, но христианство — это наиболее удобный и проверенный путь спасения. У профессора А.И. Осипова в лекциях был пример про летчиков, которые в случае повреждений выпрыгивали из самолета, парашют не раскрывался, но они спасались случайно, упав в толщу снега на откосе, например.

Тут христианство представляется неким парашютом. На первый взгляд это хороший образ, но как-то сложно говорить о любви Бога, когда жизнь с этой точки зрения представляется падением вниз с огромной высоты, а Бог тот, кто решает, кому дать парашют, а кому нет (имеется в виду правильная религия), или как тот, кто предлагает падающим парашюты, но они, видите ли, сами эти парашюты не берут (не становятся христианами или не ведут «правильный» образ жизни) и несут ответственность за то, что упадут и разобьются в лепешку.

Если вся проблема в грехе, то возникает следующий **вопрос**: что с этим делать? Каким образом осуществляется спасение от греха?

Ответ: через пришествие Иисуса Христа, который основал Церковь и дал людям таинство Причащения, с помощью которого они соединяются с Богом.

Комментарий: хочу повторить, что проблему современной практической реализации учения о спасении я рассматриваю с точки зрения «усредненного православия», которое видит его в участии в таинствах, а особенно в таинстве Причащения. Можно восторгаться прекрасными беседами Антония Сурожского или штудировать тексты Иоанна Зизиулуса, но это маргинальные течения. Напомню, что меня интересуют именно практические выводы, а не то, каких высот может достигнуть какое-то богословское направление. Конституция Российской Федерации — замечательный документ, но ее современное применение на практике очевидно обесценивает ее прекрасное социальное содержание.

Итак, православие гордится тем, что обладает проверенным и надежным путем к спасению через Причастие. Какие практические выводы можно из этого сделать? Вырисовывается следующая общая схема: первые люди согрешили — грех проник в мир и остальных людей — чтобы спасти людей и мир Бог посылает своего Сына, который преобразует человечество в самом себе и основывает Церковь — для спасения от греха и соединения с Богом надо участвовать в церковном таинстве Причащения.

Основной вопрос к православному христианству: неужели Бог решил спасти человека именно тем, что определенное (очень ограниченное) количество людей, состоящих в определенной организации, будет пить вино и кушать кусочки хлеба из определенного сосуда, произнося определенные слова? Даже если начать вводить расширительные толкования, говоря о возможности «причастия во осуждение», о том, что церковь — это тело Христово, а чтобы быть Его телом, надо еще делать дела и иметь соответствующие намерения, то в итоге все равно получаем: Бог спасает определенное количество людей определенной организации, если они делают определенные действия и выполняют определенный ритуал (в хорошем смысле этого слова, потому что Причащение — это определенно ритуал).

Замечание по поводу добавления в схему «определенных действий». Получается, что для младенцев и детей эта схема не работает, потому что они эти действия еще не делают.

Если относиться к этой концепции буквально и очень серьезно (по-православному), то можно попасть в реальность некоторой волшебной сказки, где для того, чтобы получить хорошую загробную жизнь

от Верховного существа, надо выполнять магический обряд и все будет хорошо. Стоит ли удивляться практически неразрывному соединению православия с оккультным сознанием на приходском уровне?

Но даже в таком виде в этой концепции спасения слишком много логических неувязок. Самая очевидная: как примирить любовь Бога к человеку и необходимость спасения? Некоторые примиряют с помощью подпорки «богословскими костылями». Самый крупный костыль — это учение о всеобщем спасении после смерти, но тогда снова возникает вопрос — зачем тогда вообще христианство? Снова замкнутый круг.

Небольшое отступление по поводу православного учения о том, что только принадлежность к правильной религии дает право на спасение. Получается как минимум две возможных интерпретации.

Если вы верите в магическую сторону принадлежности к конфессии, то таинства крещения и остальные, совершаемые православным священником, автоматически вас делают «спасенными». В этом случае Бог основал некоторую франшизу в этом материальном мире (в нашем конкретном случае РПЦ), которой преподал ограниченное количество благодати (через которую происходит спасение), которую работники этой франшизы (священники и епископы) преподают ограниченному количеству людей. Ну а что с остальными людьми происходит, об этом лучше не задумываться (но мы-то знаем!).

Если магический уровень вы считаете неудовлетворительным, тогда вы переходите на вероучительный уровень, на котором данное учение о спасении преобразуется так, что спасение дает именно «правильная вера», т.е. определенный набор убеждений. В очень кратком виде для этого варианта можно привести классический пример из повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», где описывается, как принимали казаков в Запорожскую сечь:

«Пришедший являлся только к кошевому; который обыкновенно говорил:

— Здравствуй! Что, во Христа веруешь?

— Верую! — отвечал приходивший.

— И в Троицу Святую веруешь?

— Верую!

— И в церковь ходишь?

— Хожу!

— А ну, перекрестись!

Пришедший крестился.

— Ну, хорошо, — отвечал кошевой, — ступай же в который сам знаешь курень».

Думаю, что для вероучительного варианта даже формулировку можно оставить такую же. Более продвинутые будут отвечать, что правильная вера важна потому, что приводит к правильным действиям и образу жизни, которые ведут к спасению. Но, по-моему, сути это не меняет, потому что в кратком виде формула остается такой же: спасение = правильная вера, и сколько знаков равенства поставить после очередного определения, значения не имеет (как вариант, спасение = правильная вера = руководство старца Сергия (Романова) ИЛИ Иоанникия (Ефименко) ИЛИ непринятие ИНН ИЛИ чтение отцов, etc.).

В данном случае жизнь предстает как некая игра с четкими правилами. Вот алгоритм получения спасения:

- родиться в православной семье ИЛИ в той части света, где можно стать православным;
- принять таинство Крещения;
- иметь православные убеждения;
- вести православный образ жизни;

Обновление 2018 г.: если ты православный Константинопольского патриархата или поместных церквей, которые поддерживают ПЦУ, то ты проиграл (усложнение правил игры).

- умереть в православной вере.

При этом надежды на «выигрыш», судя по писаниям тех же отцов, очень мало. Лично мне трудно совместить эти игры с идеей любящего Бога.

Общая картина из учения о грехопадении и спасении следующая: Бог создал человека, который согрешил, и чтобы избавиться от греха теперь человеку надо снова соединиться с Богом через Причащение. Какие практические выводы из этого следуют?

а) Бог ошибается (ссылка на К.С. Льюиса с его идеей о том, что из «маленького зла» Бог делает «большое добро» — очередной очень хрупкий и неубедительный богословский костыль), и Бог определенно не всемогущ.

Всемогущий Бог однозначно мог бы исправить свою ошибку. Например, один из вариантов в качестве шутки: Бог погубил динозавров и тысячи только видов (!!!) живых существ до появления человека, но решил сохранить жизнь первым людям, которые накосячили. Если продолжить эту идею, то получается, что последующие миллиарды людей умерли, очень многие насильственной смертью, да еще и намучились в жизни, из-за ошибки первых людей. Не проще ли было уничтожить Адама и Еву, чтобы не губить всех остальных? Тот аргумент, что другие первые люди все равно накосячили бы, еще раз подтверждает тезис о том, что Бог изначально не смог все сделать нормально. Есть шутка о том, что Бог создал мир за 7 дней, а все остальное время исправляет свои ошибки. Для религиозного человека это не так уж и смешно. Один из важных практических выводов: Богу не во всем можно доверять.

б) Бог в любом случае недоволен человеком. Чтобы человеку соединиться с Богом, нужно предпринимать какие-то определенные действия. Человек с самого начала если не плохой-плохой, то во всяком случае «не такой, как надо». В соответствии с православным учением наша задача насильно делать из себя религиозно-духовных существ. Взять хотя бы идею о преимуществе ангельского жития (монашества), аскезе, отказе от себя. Получается, что Бог не может любить человека просто так, безусловно. Чтобы завоевать Его любовь, нужно обязательно что-то делать, и отсюда постоянное желание верующих быть кем угодно, но не такими, какие они есть на самом деле.

в) Смысл жизни и какой-либо деятельности в жизни с «духовной» точки зрения заключается в исправлении собственной «неправильности». Получается, что жизнь — это некий марафон (или, скорее, даже лотерея), когда как загнанная лошадь ты бежишь к финишу, по правилам, придуманным кем-то другим, за наградой, которую ты никогда не видел.

В связи с этим последним выводом я хотел бы поставить еще один **вопрос**: Что дальше со всем этим делать и чего ждать человечеству?

Ответ в отношении человека: молись, кайся, причащайся. Практическая сторона достижения личного спасения достаточно подробно расписана, тут вопросы особо задавать незачем. Творчество и развитие не имеют смысла. Все уже давно известно, надо просто следовать тому, что уже написано отцами (знаменитый лозунг Георгия Флоровского «Вперед — к отцам»), идти по их пути.

Ответ в отношении человечества: согласно Откровению Иоанна Богослова, человечеству надо достигнуть последней степени развращения, после чего случится Второе пришествие Христа и дальше Страшный суд.

Комментарий: по поводу судьбы отдельного человека и комментировать особо нечего. Изначальное учение, которое принесло в мир весть о личности и внутреннем мире («Царство Божие внутри вас»), в православном христианстве сводит личность к обычной функции, функции выполнения определенных практик (потому что даже если не фокусироваться на обрядах, «внутренняя жизнь» сводится опять же к определенным практикам: блюдения помыслов, Исусовой молитве, чтению духовной литературы (богомыслию) и т.д.). Тезис о функции подтверждается строжайшим иерархическим разделением на мирян, священников и епископов. В церкви функция — это главное! Но функция — это тупик.

С человечеством ситуация похуже, мягко говоря. Если небольшая возможность личного спасения присутствует, то для социума надежды нет однозначно. Отсюда минимальная социальная церковная активность (зачем что-то чинить в падшем мире?), а на уровне сознания — социальный пессимизм и, как следствие, апатия и безразличие к тому, что происходит в жизни отдельного человека, страны или мира в целом.

Выводы и заключение

Конечно, я не пытаюсь сводить все православное христианство исключительно к учению о грехопадении, спасении и эсхатологии. Можно находиться в религии и совершенно этими вопросами не задаваться, не наблюдать логику этих ответов и не делать никаких выводов. Помимо вероучительной стороны, которая может быть даже неинтересна обычному прихожанину, есть прекрасные обряды, возвышенный язык, чудесное пение, основные понятия о личности Христа, богословие иконописи, интересные книжки, да и чего только интересного не накопилось за несколько

тысячелетий? В конце концов, даже простой «инаковости» православия хватает, чтобы по-настоящему привлекать людей и давать какое-то отдохновение тем, кто устал от быстрого ритма современной жизни.

Просто мой стаж в церкви позволил мне заинтересоваться этой темой, и я пришел к выводу, что современное христианство по-своему прекрасно, но те практические выводы и логические ошибки, которые вытекают из учения об отношении Бога и человека, абсурдны и разрушительны лично для меня. Это приблизительно как если бы врач лечил мне руку, но при этом давал препараты, которые всю оставшуюся жизнь заставляли бы меня жить в тревоге, вине, всех вокруг подозревать и смотреть на все окружающее с пессимизмом. «Понеже бо пришел еси во врачевницу, да не неисцелен отыдеши». Я задумался, а нужно ли мне такое исцеление?

Самый общий вывод — буквальное понимание и абсолютизация основных ответов на поставленные выше вопросы приводят к тому, что Бог предстает неким сумасшедшим карающим капризным тираном, который издевается над своим творением. Если кого-то эта концепция устраивает, не имею ничего против. Лично мне она кажется неудовлетворительной. Попытка совместить эти ответы с идеей любящего Бога заканчивается выстраиванием сложных конструкций с подпоркой «богословскими костылями». А эти костыли, в свою очередь, обесценивают любые ответы на вопрос «зачем нужно христианство».

Предполагаю, что кто-то может сказать, что любая попытка более-менее связно и логически ответить на все эти вопросы провальна. Можно все списать на апофатику или что-то вроде: «после смерти разберемся. Да, сейчас есть определенные дыры, но потом все разрешится». Вполне может быть. Основной вопрос: зачем нести последствия этих разрушительных представлений? Зачем в себя инкорпорировать опыт, который разрушает меня изнутри через вину, стыд, заставление себя верить в противоречивые и абсурдные утверждения?

Я считаю, что представления о любви и справедливости совершенствуются и развиваются, в том числе благодаря той роли, какую церковь сыграла в Средние века. Но это не значит, что нужно навсегда оставаться на этом же уровне и придерживаться средневековых же принципов и убеждений.

Церковную точку зрения можно выразить также следующим образом: зачем что-то менять и пересматривать, если все и так работает? Христос пришел, дал спасение через церковь, определенные люди (православные) «спасаются», все ок. Это пример стандартного подхода «цель оправдывает средства». Цель — спасение любым путем, средства — учение церкви «во всей полноте», включая приведенные мною ответы, так что зачем пересматривать то, что уже и так работает? Своя логика в этом тоже есть.

Если бы я сам себе задал эти вопросы, на вопрос: «а что не так?», я ответил бы «не знаю». Ведь это на самом деле хороший вопрос. Действительно, что-то не так внутри меня, но сейчас для меня это не значит, что я плохой или кто-то в этом виноват (я или мои предки). Как это часто бывает, заслуга христианства именно в постановке вопроса, а не в ответе. Плюс, если сравнивать Ветхий и Новый заветы, то тут ответы и вопросы переносятся из плоскости социума в плоскость личности. Но, как и с любой идеей и инструментом, эта концепция имеет свои плюсы и минусы (в плюсах развитие гуманизма, от которого так сильно отрешивается патриарх Кирилл, а зря, а в минусах абсолютизация идеи личного Бога, которая имеет очень сильные ограничения и вызывает ряд вопросов и противоречивых последствий, которые не относятся к теме этой статьи).

Лично я воспринимаю все описанные здесь «усредненные» ответы, как вполне подходящие для архаичного или средневекового сознания, при этом ни в коем случае не принижая их или относясь к ним с пренебрежением. То, что Моисей, Соломон или апостол Павел не знали ничего о строении атома или Солнечной системы, не делает их хуже или глупее современного человека. Те ответы, которые давала религия, помогали (и помогают сейчас) определенным людям как-то жить и действовать в этом сложном мире. Эти ответы помогали и мне когда-то. Но с определенного момента их авторитарность и неизменяемость стали препятствием для дальнейшего развития и просто нормальной и полноценной жизни.

Поэтому мой вопрос о том, зачем христианство нужно «обычному» человеку, который не чувствует за собой вины и у которого есть опыт общения с Богом вне религии, для меня остается открытым.

Значит ли это, что я считаю опыт церковных людей неправильным или неистинным? Нет. Я думаю, что Бог свободен и действует, где хочет, в том числе и в церкви, почему нет? Другое дело, что мне кажется, что надо

отвязать логически абсурдные выводы учения определенной конфессии от опыта богопознания.

СЕМЬ ТИПОВ ПРАВОСЛАВНЫХ РПЦ

Елисей Платонов

Думаю, правильнее было бы назвать статью «типы людей, посещающих православные храмы», но это может запутать читателя. С одной стороны, это небольшой очерк по социологии православия, с другой, эта статья — комментарий к выражениям «церковь говорит, что...», «церковь учит...», «по-церковному надо то-то и то-то». Когда слышишь подобные выражения, неплохо разобраться, что имеется в виду под «церковью». Мой вариант ответа: церковь состоит из определенных групп людей, которые можно условно разделить на 7 типов, и в зависимости от того, представитель какого типа говорит, таков и будет ответ на поставленный вопрос.

Оккультное православие

Воззрения и практики представителей этого типа очень далеки от христианства, и, по сути, отношения к религии не имеют. Основная цель посещения храмов и вообще религиозных действий — работа с порчей, сглазом, заговорами, призывание удачи (здоровья, денег, etc.). Фактически, это магия в чистом виде. Студентка, которая первый раз зашла в храм поставить свечку, чтобы хорошо сдать экзамен, тоже относится к оккультному типу. С этого вполне можно начать дальнейшее путешествие в религию, так что священники на приходах поступают совершенно верно, когда потакательски относятся к подобным вещам. В каком-то плане это достаточно хорошая миссионерская позиция.

Понятно, что трудно вообразить какого-нибудь римского ремесленника во втором веке, который случайно забрел на агапу христиан, чтобы попросить себе удачи в сбыте своих горшков. Но для этого у ремесленника были другие варианты, представленные обширным пантеоном языческих богов, к которым он мог совершенно спокойно обратиться. В современной России с этим напряженка, а у предпринимателей, например, потребность в сверхъестественной удаче остается, поэтому приходится удовлетворять ее так, как получается.

Наличие оккультного православия — это прямое следствие монополии РПЦ на связь с высшими силами. В буддистских и мусульманских регионах ситуация аналогичная, так что обвинять саму церковь в этом не имеет смысла. В данном случае она выступает как некий центр притяжения всего, что связано с религиозностью и духовностью, и поэтому несет определенные издержки.

Народно-религиозное православие

Тут религия выступает как отдельная сфера жизни, часто ограниченная исключительно праздниками, обрядами, а также приметами и суевериями. Люди с такими взглядами появляются в храмах по большим праздникам, очень любят взаимодействие с материальными предметами (святая вода, куличи, вербочки). От оккультного типа отличаются не сильно, но считают православие все-таки больше религией, чем магией. Для них религия — это то, что соединяет человека с чем-то высшим. Возможно, у них нет возможности или потребности для перехода на следующую ступень, но важно то, что есть хотя бы это что-то высшее, что согревает душу.

Иногда их называют захожанами. Некоторые священники считают, что подобные захожане — причина их выгорания. Молодой священник-идеалист не признает народно-религиозного течения и жаждет активно с ним бороться, у него есть желание переделать таких людей во что-то другое, более соответствующее идеальным представлениям неопытного иерея. Почти никогда это не дает результата, представитель народной религии так и остается захожанином, а вот разочарование иерея все увеличивается, и не случайно, потому что захожан очень и очень много, поэтому разочаровываться при желании можно до бесконечности.

Идеологическое православие

Среди адептов этого типа широко представлены патриоты, казаки, вообще все, для кого религия как связь с чем-то высшим неважна, а важна именно как «вера предков» (вспомним поправки в нашу Конституцию). Тут православие выступает как средство национальной идентификации. Работает классическая формула «русский значит православный». Апелляция к скрепам из уст нашего вождя — это как раз ориентация на достаточно многочисленный «идеологический» электорат. Среди всех остальных типов, они как раз реже всего появляются в храме или вообще могут туда

не заходить, потому что тут функция религии сведена исключительно к национальному символу.

Воцерковленные

В этом случае у меня были проблемы с названием типа, потому что если быть точным, то нужно бы назвать этот тип ортопраксическим православием (от греч. ὀρθοπράξια — «правильное действие»), т.е. тип, для которого важно выполнение правильных действий. Призыв «молись, кайся, причащайся» они понимают буквально и воплощают его на практике. Эти люди часто действительно ищут Бога или избавления от своих проблем и верят в религию, в то, что она приведет их к спасению (через правильные действия, естественно). Иногда их пренебрежительно называют верунами, что по сути правильно, но из-за отрицательных коннотаций я бы не стал употреблять такой термин.

В отличие от захожан, классические воцерковленные люди составляют бóльшую часть прихожан (помимо ультраправославных). В целом они удовлетворены теми ответами, которые находят в церкви. Их позицию можно выразить следующим образом: «все уже известно, просто делай, что говорят».

Ультраправославные

Это фундаменталисты, ортодоксы самых разных толков, люди, которых обвиняют в ПГМ. По факту, это упомянутое выше ортопраксическое православие, только более пассионарное и доведенное почти до логического конца, включая следование самым разным старцам и иным экзотическим направлениям. В каком-то смысле, это социальные маргиналы, нашедшие свою идеологическую основу. По моим впечатлениям, в церкви их намного больше, чем в любой другой социальной группе (и это повод задуматься вообще о «болящих» разных сортов в церкви).

Ультраправославных интересуют теории заговора, жидомасоны, антихрист, число зверя, царь Николай и т.д. Они проживают очень интересную и увлекательную жизнь, которая мало соотносится с реальностью.

Клерикальное православие включает священников и епископов, которых, по-хорошему, можно четко разделить на две группы, но суть одна и та же: большинство из этих людей живет в своих отдельных мирах, многие верят, что благодаря определенным ритуалам Бог выделил их в отдельную группу

и они получили дары благодати и учительства, вынесения своего суждения о том, что происходит вокруг, дар видения душ и понимания воли Бога. Если обычный православный мирянин в каком-то смысле ощущает собственную избранность из-за принадлежности к правильной религии, то представьте, какие искажения восприятия реальности могут проявиться у человека, который является избранным среди избранных. Несмотря на то, что большинство священников, по моим впечатлениям, в целом адекватные люди, практически никто из них не защищен от профессиональной деформации. Про епископов же я вообще молчу, потому что представить себя «деспотом» среди избранных из избранных — выше моего понимания.

Либеральное (или интеллигентское) православие

Это авторы и читатели Правмира, Фомы и т.п. Очень часто это городская интеллигенция, как правило, люди с высшим образованием, прошедшие этап первоначального и «срединного» воцерковления и приходящие постепенно к «православию с человеческим лицом», причем очень разными путями и с очень разным результатом.

Можно выделять еще более мелкие направления, типа академического или монашеского православия, православия церковных старушек и т.п., но это не сильно меняет картину, как мне кажется. Также важно отметить, что социальные группы и типы православных не совпадают. Можно быть и интеллигентом, и ультраправославным (яркий пример — митрополит Тихон Шевкунов). Ну и конечно, четких границ между представителями типов нет, никто не носит соответствующие знаки отличия, хотя часто по выражению лица, манере одеваться и говорить можно точно сказать, кто перед тобой — либерал или ортодокс. Один тип может плавно перетекать в другой или же в одном человеке может совмещаться несколько типов одновременно.

Все эти группы объединяет идеализм и формальная принадлежность к православию, плюс почти неизбежный консерватизм в нравственных и социальных вопросах. Как логическое продолжение почти обязательный консерватизм в политических убеждениях, но есть одно исключение — либеральный тип оправдывает свое название, и представители этого типа действительно могут иметь либеральные политические взгляды.

Основная разница между типами, как мне кажется, заключается в ответе на вопрос о том, насколько религия должна определять жизнь человека, семьи, государства и мира в целом. Как известно, отделение религии от государства, а также от идеологии, семьи, политики, философии, нравственных убеждений и т.п. произошло совсем недавно, в Новое время. Но в современном православии религия до сих пор не отделена в сознании многих верующих. В каком-то смысле это последствия архаичного сознания, которым православие просто пронизано, и которым очень гордится.

Если описывать эти типы по степени проникновения религии в указанные сферы, получается следующая картина:

- максимальное проникновение религии во все сферы — у ультраправославных (религия должна проникать во все);
- степень меньше — классические воцерковленные (религия определяет жизнь человека и семьи, государство желательно, но не обязательно);
- клерикалы — проникновение в сферу работы и семьи (при этом у епископов религия также должна проникать во все остальное, тут они сближаются с ультраправославными);
- интеллигентское православие — как минимум жизнь человека (внутренняя жизнь);
- далее по убывающей идеологическое православие — религия не проникает в жизнь человека и семьи, но желательно постулировать ее на уровне государства;
- народно-религиозное — очень узкая сфера традиций и семейной или национальной идентичности, но даже до уровня идеологии не дотягивает (разве что в стиле «русский значит православный»).

Отдельно стоит сказать об оккультном православии, которое к религии отношения не имеет, но, как ни странно, достаточно сильно проникает именно в религиозность, т.е. это такое противотечение. Об интересе к оккультизму в самом православии уже написано, и это затрагивает все слои общества от самых высоких государственных постов до самых низов и маргиналов.

Каждый тип обладает своим набором убеждений, инструментов, легенд, мифов, своим набором ответов на основные вопросы. Например, несмотря на постоянную трансляцию священниками универсального ответа «молись, кайся, причащайся», многие священники исповедуются чуть ли не раз в год

духовнику епархии. Вообще проблема представителей идеалистов клерикального типа (к которым можно отнести т.н. «профессиональных православных»-мирян) в том, что они хотят изменить всех остальных и превратить их как минимум в воцерковленных, а потом в какую-нибудь общину Духа, где каждый проникнут благодатью и стремится попасть на небо под мудрым руководством своего богопросвещенного наставника. Столкновение с приходской реальностью эти мечты развеивает и заставляет идти на компромиссы, часто со своей совестью и взглядами, что создает внутреннее напряжение, которое приводит к выгоранию, безразличию, снятию сана и т.д.

Когда в дискуссии, к примеру, на просторах интернета, встречаются представители разных типов, то если читать либералов, складывается впечатление, что именно их точка зрения на православие и вообще религию и веру самая правильная, и дальше все должно развиваться именно по тому плану, который они себе представляют. Воцерковленные часто просто повторяют то, что слышали в церкви или читали в книжках, и имеют право на это, потому что это сработало для них. Появляется какой-нибудь священник, высказывает что-нибудь богомудрое, и кажется, что все умолкают, но для ультраправославных авторитетов нет, кроме того, что они сами считают авторитетным, и своим безапелляционным напором они сметают все.

Так как сана у меня не было, я не принадлежал никогда к клерикальному типу, но во все остальные погружался сполна. Начинал я с народно-религиозного православия и через разные этапы (в том числе ультраправославных с теориями заговора и примесью оккультизма) дошел до либерального типа, пока в жизни не произошел переворот, после которого получилось посмотреть на все это со стороны. Надо сказать, что когда я был на каждом этапе, именно это конкретное течение я считал самым правильным и не признавал остальные. По прошествии определенного времени, отстранившись от самой религии, я стал видеть доводы (чаще не логические, а, скорее, эмоциональные) каждого направления и понимать его «правду» и ограниченность одновременно. В конце концов, это очень интересно, что такие разнородные группы с разным представлением о конечной цели считают себя частью единой организации.

ЛЮБЯЩИЙ БОГ ПРОТИВ ДОГМАТИКИ

Елисей Платонов

Введение

С одной стороны, это ответ на комментарии на мою статью «Вопросы к православному христианству. Грехопадение, спасение и что дальше?», с другой — попытка дать ответы на эти вопросы так, как мне это видится сейчас, по прошествии определенного времени вне религии.

Сначала я пишу о том, что православная догматика в современном виде и представление о любящем Боге несовместимы, в качестве главной причины указывая засилье тотального буквализма в церкви. Затем объясняю, почему церковь и отдельные верующие не могут и не хотят уйти от этого буквализма, а в самом конце предлагаю вариант решения этой непростой проблемы.

Несовместимость догматики и любви Бога

Сразу перейду к сути: неправильные предпосылки, на которых основана христианская религия, совершенно закономерно ведут к неправильным выводам и последствиям. В первой статье я пытался донести мысль о том, что сами исходные положения (понятия греха, вины человека, спасения и т.д.) неправильны, потому что толкуются большинством верующих буквально. Поэтому любой ответ, который апеллирует к этим же понятиям, запускает порочный круг определения через постоянное повторение одного и того же.

Любовь Бога к человеку не может выражаться в том, что Он кидает нас в этот мир с огромной высоты, а потом решает, кому дать парашют, а кому нет. Проблема в том, что православная догматика и любовь Бога несочетаемы, хотя нас пытаются убедить в обратном и пугают, что если вы не согласны, то остаются только другие «страшные» варианты: или что Бога нет, или что Он нас не любит. То есть в православии любовь Бога всегда подается с дополнительными услугами в виде исходных предпосылок о грехе и спасении, что, по моему мнению, обесценивает само понятие любви.

Я предлагаю стать все-таки на сторону того, что Бог любит человека, и уже с этой точки зрения посмотреть на некоторые вопросы христианской догматики и практики. Причем сделать это без повального отрицания всех

религиозных обрядов, обычаев, традиций, учения и т.д. Если догматы и любовь Бога несовместимы, для меня это не значит отрицание всего, что было и есть в религии. Можно просто пойти глубже.

Проблемы буквализма

Главная причина несовместимости в буквальном понимании религиозных писаний, догматов и практик. Что я имею в виду под буквальным пониманием? Вот некоторые примеры.

Конкретно для православия характерно буквальное понимание таинств, особенно причастия. Именно вокруг евхаристии выстроена сама концепция спасения, что в самой вульгарной форме, принимаемой большинством православных, звучит как «причащайся, и Бог тебя спасет». О других вариантах понимания я писал в первой статье, но, повторяю, сути это не меняет.

Вообще практическая сфера наиболее подвержена буквализму, точнее, она на 100% из него состоит. Православным настолько важно, что живой Бог приходил на землю и есть среди них, что им очень надо, чтобы все это выразилось очень материально. Отсюда насыщенность священным: просфоры, святая вода, свечи, ладан, иконы, богослужебные принадлежности, облачения, масло, мощи, пространство храма, прихрамовая территория, Святая Русь, в конце концов. Общение с Богом происходит на физическом уровне: целование икон, ношение крестика, помазание елеем, принятие Христа внутрь через причастие, целование руки священника, которая касалась чаши, принятие благословения, поклоны, прикладывание к мощам. Сюда же можно отнести буквальное понимание постов, сексуальных и социальных запретов, которое досталось от бесчисленных соборов, выдававших бесконечные правила и каноны, так что в итоге они противоречат друг другу.

И это только поверхность, которая характерна для среднего прихожанина и обычного священника. Если опуститься на уровень народно-религиозного сознания, то там кроме буквального понимания нет вообще ничего.

Крещение понимается как акт защиты от темных сил, когда в крещении каждому дается ангел-хранитель, который отныне будет его защищать. Бесконечные бессмысленные требы совершаются именно в угоду народу, все эти молебны, освящение квартир, отпевания, освящение машин

(«освящается колесница сия во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа»). Кстати, почитал чин освящения колесницы для точной цитаты в предыдущем предложении, и в молитве освящения все оказалось еще круче: «ниспосли благословение Твое на колесницу сию и Ангела Твоего к ней пристави». То есть священник таким образом распоряжается ангелами, и у каждой освященной машины появляется свой ангел.

В принципе, подобная буквалистская позиция имеет право на существование, почему нет. Не уверен, что всем нужно заниматься богословием или изучать догматику. Кому-то действительно хватает освящения колесниц и святой воды, кому-то хватает постоянного участия в таинствах и «блюдения себя» без задавания каких-либо вопросов.

Но кажется, что если мы поднимемся на уровень выше, на уровень богословия, толкования писания, то подобный буквализм должен исчезнуть. Однако церковная система настолько им пронизана, что освободиться от него совершенно не представляется возможным.

Самое главное, о чем стоит упомянуть, это то, что буквальное понимание писания приводит к буквальному пониманию того, что человек на самом деле виноват «по праву рождения», он пропитывается греховной природой и начинает совершать «грехи», которые закрывают его от единства с Богом, и людям нужно это единство восстанавливать (или строить заново) через Христа и далее по тексту.

Буквализм присутствовал в христианстве с самого начала. Не зря пишут, что в каком-то смысле христианство — это изобретение апостола Павла. Послания Павла — первые христианские писания, и для них как раз характерен уход от буквализма, а евангелия появились позже. Если бы в канон Нового завета вошли только евангелия, то с очень высокой долей вероятности расцвел бы такой буквализм, который бы дал фору мусульманскому на много очков вперед. Это можно видеть по тому, в какой пропорции позднейшие истории об Иисусе в апокрифах наполняются чудесными событиями.

На первый взгляд странно, что церковь, которая сегодня всеми силами пытается отрешиться от апокрифических писаний, продолжает праздновать рождество Пресвятой Богородицы, введение во храм Пресвятой Богородицы или почитает ее родителей Иоакима и Анну, хотя все это взято

из сказочного протоевангелия Иакова. Но эта сказочность нарастает и в канонических евангелиях с объяснимой закономерностью: чем позднее написано евангелие, тем больше там чудесных и невозможных исторических событий. Начинается все вполне мирно с самого раннего евангелия от Марка, где Иисус появляется в момент проповеди Иоанна, но авторы евангелий от Матфея и Луки уже не могут удержаться, начинают с мифического детства мессии, и на сцене появляются совсем уж волшебные персонажи в виде волхвов у Матфея и архангела Гавриила во время благовещения у Луки, а дальше все идет по нарастающей, и доходит до того, что в самом позднем евангелии от Иоанна Иисус уже даже выгоняет торговцев из храма, что невозможно, и уже за это можно было получить суровый приговор, однако авторов евангелий не интересует такая вещь, как историческая достоверность. И если бы не апостол Павел с его метафорическими толкованиями жизни Христа, то христианство с самого начала превратилось бы во что-то наподобие мистического восточного культа, типа культа Митры, которых было великое множество в I-м веке на территории Римской империи.

Подобных примеров очень много, но остановлюсь на самом главном и ключевом моменте: стремление к буквальному пониманию также отразилось на толковании жизни Иисуса. В нагрузку от ветхозаветного сознания христианство получило обязательное представление о необходимости заместительной жертвы, откуда пошли представления об искуплении человечества Христом. Это необратимо повлекло за собой укрепление представлений о грехе и вине человечества, которые с тех пор намертво впечатались в догматику.

Буквализм пронизывает всю церковную систему от низа и до верха. Кроме того, в любой религии есть одна особенность — даже самые простые вещи превращаются в ритуальные, а значит очень важные и святые, за которые и убивать можно (достаточно вспомнить споры со старообрядцами).

В религии присутствует тяга к кристаллизации. Когда Иисус пришел в иудейское общество, там уже было кристаллизовано абсолютно все, и он это разбивал. Но, видимо, это одно из свойств религии — превращать живое в мертвое (зато красивое и даже сверкающее).

Последствия буквальному пониманию

Последствий очень много. Приведу самые важные и очевидные.

О главном последствии я уже сказал — это несовместимость ключевой для меня вести евангелия (любви Бога к человеку) и догматики. Тут верующему предлагают выбирать между Богом и религией, и при этом постулируют, что путь к Богу лежит только через религию.

Другая цена, которую приходится платить — это отказ от здравого смысла и критического мышления. Приходится заставлять себя верить непонятно во что, в то, что не выдерживает никакой критики, и копать в богословских тонкостях, чтобы подогнать очередную теодицею и совместить несовместимое, вместо того чтобы заняться чем-то полезным. В конечном итоге религиозные представления вырождаются в идеологию, когда важна уже не истина, а отстаивание определенной точки зрения любой ценой. Потому что если я эту точку зрения не отстаю, то мой мир может разрушиться, а это очень-очень страшно.

Буквальное понимание метафоры греха и спасения, а также пришествия Христа — это тупик. Эти представления работают до какого-то момента для архаичного сознания, дают ему цель и смысл существования, объясняют мироздание. Древнему человеку было спокойнее от того, что плоская земля держалась на трех китах, в этом для него была идея стабильности, устойчивости и безопасности. И это не повод для осуждения. Но если мы хотим на орбиту запустить спутник, представления о китах и плоской земле нам не помогут. Точно так же представления о том, что я грешен и все время своими грехами распинаю Христа, который для меня пришел в этот мир, не способствуют налаживанию моих личных взаимоотношений с Богом, а ведут только к невротизации верующих, которые воспринимают эти идеи буквально. Опять же, подобные идеи вполне работали для людей с архаичным и средневековым сознанием, но в современных условиях даже в плоскую землю верить, наверное, полезнее, чем в грехопадение.

Буквальное понимание закрывает пути для дальнейшего развития подлинного богообщения, которое, как и любое настоящее общение, заключается не в принуждении (понуздании) себя, а в свободе и творчестве. Буквализм превращает церковь из лечебницы в хоспис. В конце концов христиане на определенном этапе настолько сосредоточились на болезни, настолько пропитали ей себя и окружающее пространство, что в итоге болезнь приобрела тотальный характер, так что настоящее исцеление

перенеслось в загробный мир, и единственное, что осталось делать в этом «грешном» мире — это медленно умирать, надеясь получить «прощение Бога» (которое совершенно не гарантировано). О том, что это ведет к понимаю Бога как сумасшедшего тирана-психопата, я уже писал ранее.

Последнее, о чем я хотел бы упомянуть в последствиях буквализма — это извращенное представление о Боге. С одной стороны, мы имеем «беспомощного» Бога, который с самого начала не может сделать «все нормально»: первые люди у него косячат, треть ангелов не слушается и отпадает, самый близкий к нему ангел Денница становится его противником, то есть дословно сатаной. Согласитесь, картинка так себе, и вселием тут и не пахнет. С другой стороны, все же утверждается, что Бог всемогущ, все происходит по Его воле, он все может и всем управляет. Совершенно закономерно, что если он всем управляет, то и несет за это ответственность. Бесконечные попытки все это примирить можно прочитать у отцов и богословов, хотя целостной и внятной картины нет ни у кого.

Благодаря буквализму на уровне обыденного сознания эта антиномия получает отягчающее обстоятельство: личностность Бога понимается буквально, и тогда у верующего возникает сильнейшая скрытая обида на другую личность, которая, вроде, всем управляет, а не может сделать нормально. А так как высказывать все это нельзя, возникает еще один отличный дополнительный повод для постоянной невротизации верующего, который рискует задумываться об этих вопросах.

В связи с этим нельзя не вспомнить парадокс всемогущества: может ли Бог создать камень, который не сможет поднять? Христианская догматика уверенно и абсурдно отвечает, что в этом мире всемогущий Бог может творить такие штуки, потому что первые люди настолько нагрешили, что спасти хотя бы некоторых можно только пришествием на землю и смертью Христа, да и то это не стопроцентный вариант.

Причины. Почему в церкви держатся за буквализм?

Ну хорошо, если такие неприятные последствия буквального понимания очевидны, то впору задуматься, неужели нельзя по-другому? Почему от всего этого нельзя просто отказаться? Однако, если этого направления держатся на протяжении тысячелетий, для этого есть достаточно веские причины, которые я рассматриваю ниже.

Необходимость «сильной» религиозной концепции.

Изначально христианство зародилось в высококонкурентной среде. Иудаизм был религией избранных, и, как я уже писал, все было выкристаллизовано и вписаться туда было достаточно тяжело. Остальные народы римской империи исповедовали самые разнообразные формы язычества, от мистических восточных культов до государственной религии с обожествлением императора, и для распространения необходимо было что-то действительно неординарное. Кроме того, следует учесть, что неординарного также требовало то, что первые христиане переняли буквальное понимание избранности у иудеев. С одной стороны, это была некая защита от инородных влияний, с другой, подтверждение избранности требует соответствующих доказательств, создание некоторой «сильной» концепции, а в этом конкретном случае концепции «богооткровенной» религии.

С течением времени религия стала настолько базироваться именно на этой «сильной» концепции, что разрушение концепции приводит в итоге к падению самой религии, потому что основными становятся не изначальные идеи основателя религии (принятие, свобода, любовь), а именно те идеи, которые подтверждают эту самую «сильную» концепцию: богодухновенность писания, буквальное понимание чудес, которые подтверждали бы божественность Христа, создание свода чудес, подтверждающих «торжество православия» над «еретиками». Обратите внимание на то, что в богословских спорах первого тысячелетия именно усиление буквализма наиболее верно приводило к победе в спорах с гностиками, арианами, иконоборцами, а дальше мусульманами и т.д.

На сегодняшний день церковь считает, что вторичные выгоды несуразной догматики сильнее, чем честность в этом вопросе. Церковь как институт особенно сильно держится за упомянутую мной «сильную» концепцию, и вполне возможно, что отказ от этой концепции приведет к потере единства церкви как целостной организации и дальнейшему развитию по протестантскому пути. При выборе между честностью и единством выбирается единство, что вообще характерно для нашей страны. Я сам лично придерживался этой же точки зрения в течение многих лет, пока не понял, что если, отвергая честность и выбирая единство, я отвергаю любовь Бога, то лично мне такое единство не нужно.

Страх потери Христа.

В ответах на комментарии к моей первой статье меня обвиняли в гордыне, недостаточной начитанности, низком уровне знаний, неискреннем словоблудии, в том, что я читал не то и не тех, в недостаточной духовности, а также в утилитарном отношении к Богу за то, что я задал вопрос «зачем нужно христианство». Я благодарен одному из своих критиков за отдельный пост в фейсбуке, в котором утверждается, что все вопросы к догматике отпадают, если появляется личность Христа, которую можно (и нужно) любить. Чудесный ответ в стиле высказывания Достоевского «если Христос — не истина, то лучше — со Христом». В каком-то смысле это прекрасная позиция, но, по моему мнению, вера в личность Христа — совсем не повод выключать логику и соглашаться на то, что в религиозной «истине» все оказывается шито белыми нитками.

Тут преинтереснейший момент, который я сам только недавно осознал. Мне кажется, что страх отсутствия греха, вины и тому подобных вещей, прописанных в учении, связан с тем, что тогда автоматически отпадает потребность в спасении и искуплении. А тогда и Христос не нужен, и кажется, что вы его потеряете.

Есть люди, для которых христианство действительно явилось проводником ко Христу. Они очарованы его личностью, его учением, они искренне хотят следовать за ним и быть его учениками. И вот это действительно интересно, потому что эти люди думают, что если Христос не нужен им как ветхозаветный искупитель, который должен быть принесен в жертву (Богу/дьяволу/людям), то он не нужен совершенно. Но потеря абсолютной «религиозной необходимости» в нем не означает потери Христа в вашей жизни. Это значит, что у вас убавится эгоистичных мотивов следовать за ним, а значит, уменьшится степень созависимости и принуждения.

Прекрасно, что сейчас есть аппараты ИВЛ, которые спасают жизни людей, но когда мы сравниваем основателя христианской религии с этим аппаратом и до тошноты заставляем себя верить в его неизбежную необходимость в нашей жизни, то совершаем ошибку, потому что тут совершенно теряется свобода. Сложно говорить о настоящей любви человека к аппарату ИВЛ или аппарата ИВЛ к человеку. А вот если эта навязанная необходимость в спасении исчезает, только тогда, мне кажется, можно выстроить подлинные отношения.

Отношения с Христом как небесным Судьей тоже так себе вариант. Потому что с одной стороны он вроде и брат, а с другой — у него фига в кармане, потому что он будет тебя «судить».

Складывание ответственности, нежелание думать и что-то менять.

Это где-то может быть и детской позицией, а где-то подростковым нонконформизмом. Тут буквализм возникает из-за неспособности преодолеть когнитивный диссонанс между тем, что говорится в религии и писании и реальной жизнью. Когда маленький ребенок не хочет слушать то, что ему говорят, он закрывает уши и начинает что-то напевать. Если ревностно верующим задать вопрос «может ли священное писание ошибаться?», им всегда легче ответить, что не может, и твердить про богодухновенность евангелистов и непогрешимость вселенских соборов. Часто намного проще не разрушать свое представление о мире, принять одну сторону и поставить на этом точку. Легче сбросить с себя ответственность, сказать, что писание и предание священны. Отсутствие необходимости думать на самом деле освобождает много душевных и интеллектуальных сил.

Никого не могу осуждать за эту позицию, она вполне имеет право на существование. Но тогда православие через некоторое время может превратиться просто в некое гетто а ля община амишей или в новых старообрядцев.

Кроме того, как я уже писал, нахождение в ситуации неразрешенного когнитивного диссонанса, особенно в таком важном вопросе, как духовность и религия, приводит к невротизации. Поистине, познание умножает скорбь. Для здоровья действительно полезней вообще о подобных вещах не думать.

Также буквализм имеет социально-психологические выгоды: благодаря ему я могу ощущать себя не таким, как все, принадлежать общине избранных или противостоять всему окружающему миру, если у меня есть потребность быть нонконформистом. Это избранность и инаковость, которая часто привлекает в церкви. Кто-то может ее называть красивым словом «неотмирность».

Нельзя сказать, чтобы эту проблему буквализма в церкви не осознавали. На протяжении веков христианские богословы пытались все привести

в систему, но из-за невозможности отказаться от буквального понимания растолковали непонятные места этой системы с помощью «богословских костылей». С одной стороны, это признание собственной слабости, а с другой — то, что мешает увидеть суть религии. Если у мусульман сказано, что священное писание спущено с неба на определенном диалекте арабского языка, и если ты его не знаешь, то ты его не поймешь, или что нужно определенное количество раз делать намаз и все, то тут понятно, что особо сильно с толкованиями не разыграешься, и упираешься в самую суть — буквализм. Христианский же буквализм как будто ускользает от нас за бесконечными волшебными житийными историями, преданиями, толкованиями, писаниями отцов, толкованиями писаний отцов, академическими работами современных богословов и т.д. Если сильно этим не интересоваться, создается впечатление, что кто-то там уже все объяснил, ведь столько умных слов написано. Но это совершенно не так. Возможно, просто страшно признать, что объяснения нет, и нужно двигаться в совершенно другом направлении.

Вариант выхода из проблемы

Выход, как мне кажется, состоит в том, чтобы понимать метафору как метафору и смотреть вглубь.

Вообще стоит задуматься, а в чем смысл «окончательного» откровения, данного раз и навсегда, к которому ничего ни прибавить, ни убавить? Получается, что любящий Бог просто дал некоторые указания (заповеди Моисея + блаженства), показал направление (хотя мог бы с самого начала всех спасти) и устранился. Такой смешной вопрос: если так уж важно то, чтобы люди спасались в церкви и «познавали» Христа, то почему он не мог оставаться на земле всегда? Его дела какие-то отозвали? Вполне мог бы остаться, и все бы еще как верили. Может, тогда суть того, что Христос был на земле, не в этом? То есть не в том, чтобы сделать людей религиозными существами, а в другом чем-то? Может быть, с человеком не все так плохо? Может быть, у человечества есть надежда? В конце концов, может быть, Бог действительно любит человека?

Фигура Христа в евангелиях однозначно революционная и антирелигиозная. Он принимал каждого человека и общался со всеми: правоверные иудеи, самаряне, граждане Римской империи, рыбаки, нечестные налоговики, проститутки и обычные люди. Интересно, что самой жесткой критике

подверглись именно религиозные лидеры, которые закрывают путь к Богу и хотящим войти не дают.

Для меня благая весть Христа не в том, что я червь и прах, а в том, что человек призван в этот мир из любви. Из любви, которая действительно все принимает. Может быть, Христос пришел не для того, чтобы организовать некий религиозный институт, а для чего-то другого? Чтобы показать эту самую любовь? Чтобы показать настоящее принятие? Может быть, основание церкви — это как раз символ единства и принятия? И все, что в ней происходит, это не просто ритуальная магия, а символы более глубоких вещей?

Что, если вообще все в мире идет, как надо? Что, если с миром все нормально, а не нормально с моим восприятием этого мира? Потому что если я держусь идей греха и вины, в любом случае получается, что в этом мире есть что-то неправильное, и религия мне указывает, что конкретно неправильно: это я, мои желания, наклонности и стремления, которые в основном «греховны». А если я не принимаю самого себя, то я просто не могу принять все, что вне меня. Это известная духовная истина: я воспринимаю все внешнее только через внутреннее, и отрицание себя ведет к отрицанию всего остального.

Деление на «правильное» и «неправильное» в христианстве выражается в делении всего на черное и белое, плохое и хорошее, мирское и священное. Опять же буквальное восприятие этой идеи приводит к тому, что для большинства верующих окружающий мир неприемлем («мир во зле лежит») потому, что все хорошее сосредоточено в Боге, и пока какой-то предмет «не в Боге», например, пока машина не освящена, значит, этот предмет плохой или опасный, может таить зло.

Из этой дуальности есть только один «религиозный» выход: если мы серьезно принимаем, что все должно быть «освящено» Богом, тогда единственный логичный выход — это подминание всего под себя, необходимо сделать абсолютно все священным и изгнать или уничтожить все несвященное. В этом суть тоталитарности религии. Именно поэтому любая буквалистская религиозная система (православие в том числе) пытается проникнуть во все сферы и все подмять под себя. Когда обычные люди задаются вопросом «почему церковь лезет во все — в головы, в постель, в школы, в законы, в политику, в государство?», ответ в том, что

для настоящего религиозного человека пролезть во все и как-то это «освятить» — это единственный выход хоть как-то примириться с этим миром. В противном случае ему приходится отрицать все, что не является «священным» с его точки зрения.

В последней части кинотрилогии Матрицы символ религии — это агент Смит, который становится абсолютно каждым человеком в матрице. Аналогичным образом по-настоящему религиозно озабоченный человек не может не пытаться проникнуть везде. Это логическая необходимость, вытекающая из буквального понимания деления вселенной на мирское и священное.

Другой выход из этой дуальности нерелигиозный. Это отказ от деления мира на черное и белое, целостное восприятие. В этом случае предлагается сделать выбор в сторону принятия и принять то, что есть, не цепляясь за то, чего нет (а в данном случае нет содержания у моих идей о «правильности»).

Мне по-другому взглянуть на фигуру Христа уже с настоящей моей точки зрения помогли книги Экхарта Толле. Потому что с определенного момента я перестал видеть какой-либо смысл в религии и во всем, что с ней связано, пока не прочитал его работы «Сила настоящего» и «Новая земля», в которых я увидел новую глубину того, о чем говорил Христос, и что он делал.

Заключение

Все проблемы, последствия и причины буквализма, описанные здесь, могут относиться ко всем религиям.

Буквальное понимание метафоры вполне неплохо, если оно помогает. До какого-то уровня это работает, но при попытке двинуться чуть дальше (в том числе во взаимоотношениях с Богом) получается несурезица. Важно помнить, что буквализм очень узок и закрывает вход многим людям, влечет за собой пагубные последствия для дальнейшего развития и религиозной системы в целом и отдельного человека.

Сейчас мы не понимаем буквально то, что было написано в Ветхом завете, не исполняем указания книг Второзакония и Левит, причем это не выполнялось уже во времена Христа. Тогда с разным уровнем успеха этим пытались заниматься фарисеи и другие иудейские секты, но результата особо не было. Очевидно, что наличие двух заветов свидетельствует о возможности развития и духовности и религиозности. И очень странно

слышать, что все должно остановиться и застыть на уровне первого века или на уровне эпохи вселенских соборов.

В ту эпоху идеи о свободе, принятии и любви выражались именно таким чудесно-буквалистским образом, именно в таком виде люди могли их воспринять и только так до них можно было все это донести. Но проходит время, человеческое восприятие меняется, и буквальное понимание мифов и волшебных историй и попытка построить какую-то стройную и непротиворечивую систему на их основе больше не работают. Можно отмахиваться и говорить, что это вопрос веры, но тогда чем эта вера лучше веры в плоскую землю или летающего макаронного монстра? Я думаю, что христианство намного глубже, и чтобы войти в эту глубину нужна смелость посмотреть на все новым взглядом.

Я согласен с тем, что отцы называли духовную жизнь «наукой». Только если бы мы до сих пор верили в землю на китах, человечество не достигло бы такого прогресса. Как и обычная наука, духовная наука также требует смелости, духа исследования и эксперимента, задавания вопросов и движения вперед, а не застревания навсегда в прошлом.

«НАСТОЯЩЕЕ» ПРАВОСЛАВИЕ И КРИТИКИ КРИТИКОВ ЦЕРКВИ

Елисей Платонов

Уже некоторое время думал написать по поводу «критиков критиков» церкви, т.е. тех, кто в комментариях и статьях критикует людей, описывающих свой опыт разочарования в религии. А тут как раз вышла очередная подобная статья по поводу публицистики священника Георгия Лазарева. В принципе, аналогичные комментарии можно прочитать под исповедями ухожан, статьями жен священников, да и вообще всех, кто так или иначе позволяет себе высказывать свое собственное мнение о происходящем в РПЦ.

Очень кратко суть всех комментариев и претензий к людям, которые разочаровались или позволили себе отойти от религии, можно свести к известной цитате из первого послания Иоанна: «вышли от нас, но не были наши». Так или иначе вся критика идет по одной и той же схеме с разными вариациями на эту тему. Например, автор вышеупомянутой статьи пишет:

«никто из горько разочаровавшихся в Православии на самом деле так и не встретился с ним по-настоящему».

Это типичный случай деления всего на черное и белое. Да, кругом «обрядоверие, цинизм и неверие, прикрывающиеся маской церковности, карьеризм, глупость и жестокость», но вот где-то все-таки есть ОНО, «совершенное» православие. Такое ощущение, что «настоящее» православие увидеть и почувствовать невозможно: оно может только навстречу вам идти, но после этой встречи (обычно в период неофитства), ваши пути расходятся. Как пел Алексей Романов: «если я попался вам навстречу, значит, вам со мной не по пути».

Человека, который придерживается подобной точки зрения, невозможно поколебать. На любые доводы, даже если они говорят о том, что вся система не работает, он будет говорить, что это «частные негативные случаи», а вот есть «настоящее» православие, и оно...

Интересно проследить, где же это «идеальное» православие располагается в представлениях сторонников этой точки зрения? Тут несколько вариантов:

а) в прошлом. Например, «Святая Русь». В 1990-х идеальное православие было в Российской империи; в XIX в. идеальное православие было, по мнению некоторых, в допетровской России; в допетровской России «правильная вера» была у старообрядцев в еще более древней истории, и так до бесконечности. Где угодно, но не здесь и не сейчас.

б) в будущем. Это самый выигрышный и простой вариант: есть церковь земная, а есть небесная. Об этом прекрасно спела мультяшный персонаж Машенька:

«В небе ангелочки летают на цветочках...

А на земле...

Полная жопа, гадость, все дерьмо, все гады, все свиньи, сволочи, п*расы, гадкие вонючие негодяи!»

Даже и добавить нечего, это просто исчерпывающее описание представлений о мире адептов идеальной религии в будущем. Если повезет, после смерти попадешь в рай со святыми, тогда и будет тебе все «идеально», а на земле... далее по тексту.

в) в настоящем, но не здесь, не среди нас, грешных, а скрывается праведность и вера настоящая у старцев, в глухих скитах, в темных лесах, на высоких горах, в общем, где-то очень далеко, за тридевять земель.

г) есть еще клерикальная точка зрения, когда епископы и священники убеждены, что они являются проводниками этого самого идеала, и уверяют в этом мирян, которые радуются тому, что им наконец-то кто-то открыл путь. Но я в этом случае все-таки солидарен с Масыней.

Подобное деление на черное и белое неизбежно влечет за собой непринятие опыта другого человека. И это вытекает из самой сути религии — тоталитарности, о которой я уже писал. По-настоящему религиозный человек не может не делить все на черное и белое и смириться с кажущимся «несовершенством» мира и «несовершенством» своего оппонента, которое проявляется в том, что оппонент придерживается другой точки зрения. Любое деление — это разделение всего на отдельные части, возникновение когнитивного диссонанса, который в религиозном человеке вызывает дискомфорт и может быть решен в рамках религии только одним способом — поглощением всего и подминанием всего под себя.

Прекрасная иллюстрация этого тезиса — дальнейшие рассуждения автора в указанной статье, когда приводятся цитаты на тему того, что духовная жизнь — это война, на которой есть убитые, раненые и искалеченные. И вот это уже интересно. Важен не человек сам по себе, а именно брань, война и, очевидно, какая-то иллюзорная победа, в жертву которой критики критиков православия готовы принести кого угодно.

Вас покалечила религия, обрядоверие, епископ-самодур? Ничего страшного, наша брань ведь не против крови и плоти, можно и пожертвовать сотней-другой священников ради блага, ради «настоящего»-то православия! А если можно священниками пожертвовать, то их семьями и подавно! Ну несет бред Ткачев про необходимость жесткого отношения к женщинам, ну выгорают священники, спиваются, бьют своих жен. Но ведь критичного ничего нет, мы ведь на войне, и несчастные жены и дети — это неизбежные боевые потери. Ну впитывают в себя почти все верующие инфантилизм и набираются выученной беспомощности, страха, вины, пессимизма. Это все издержки духовной брани. Зато цель-то какая? Вы же помните? Да? Ведь «в небе ангелочки летают на цветочках»!!! Ради этого можно и ранить, и калечить, и убивать, конечно.

Тут невозможно не провести аналогии с коммунизмом. Представление о «настоящем» православии, да и вообще современное православие — это идеология в чистейшем виде. А суть любой идеологии в том, что есть что-то важнее человека, и если одного человека можно принести в жертву идее, то можно приносить и всех остальных.

Автор пишет о «морально-этическом кодексе христианства», и сразу вспоминается «Моральный кодекс строителя коммунизма». Сама собой просится известная цитата писателя-католика Грэма Грина, который как представитель католической интеллигенции сказал на встрече с коммунистами: «Знаете, у вас, коммунистов, и у нас, католиков, есть много общего». Грин дождался конца аплодисментов и продолжил: «И у вас, и у нас руки по локоть в крови». И не стоит думать, что то католики, а то мы! Яблоко от яблони недалеко падает, независимо от того, что у этих двух деноминаций диаметрально противоположное представление о том, кто дерево, а кто гнилой плод.

Завершает автор вполне в коммунистическом стиле о том, что слишком сильные сомнения для духовной жизни — это плохо, лучше не сомневаться, потому что в этом случае, по словам Бердяева, «окончательное воцарение аналитического сомнения превращает жизнь в сновидение».

Ну что ж, друзья, давайте не сомневаться в том, что где-то там в пространстве или времени есть оно, «настоящее» православие, ради войны за которое вы можете принести в жертву ваших детей, родных, друзей, да и всего себя, в конце концов.

«СТАРЕЦ» ИОАННИКИЙ ИЗ ЧИХАЧЕВО

КАК Я ВЫЗВОЛЯЛА МАМУ ИЗ «ОБИТЕЛИ» «СТАРЦА» ИОАННИКИЯ ИЗ ЧИХАЧЕВО

Анонимный автор

Часть 1

Все началось вполне невинно — однажды моей маме один знакомый предложил поехать к так называемому старцу схиархимандриту Иоанникию

в село Чихачево. Храм находится в Кинешемской епархии (Ивановская митрополия). Он сказал ей, что это провидец, который помогает людям решить их проблемы, а также видит их будущее и прошлое. Она поехала, так сказать, за компанию.

Тогда я не придавала этому никакого значения: сама я человек верующий, и сам факт существования старца меня не сильно смутил. Мама вернулась, сказала, что отстояла там службу, но самого старца не видела. Так как ей хотелось на него посмотреть, она поехала еще один раз. Вернулась она очень смущенная, сама не своя, но подробно ничего не говорила. Выведать у нее, что же он ей наговорил, было невозможно.

После этой встречи с так называемым старцем Иоанникием мама стала периодически общаться с некой Жанной — женщиной, организующей поездки в «Свято-Никольскую обитель».

Жанна пригласила ее приехать в отпуск «потрудиться во славу Божию» — и мама дала свое согласие. Она собрала сумку и сказала, что вернется через неделю. Я попросила телефон Жанны, а также спросила, как называется монастырь, куда она едет.

Самое трагичное стало происходить позднее: отпуск закончился, а мать не вернулась. Этот так называемый старец внушил ей, что она смертельно больна, и сказал, что если она уедет оттуда, то непременно умрет. Это при том, что никакого диагноза у нее нет и не было. Поехала она туда в принципе здоровой женщиной. Но он так ее запугал, что она осталась там, работать в свинарнике.

Сначала она сказала мне, что на месяц. Но месяц закончился, а она не приехала. Старец запретил ей выходить на работу, сказал ей уволиться. Чтобы было понятно — человек работает преподавателем в одном из московских вузов, ведет свой курс лекций. И с такого места работы господин Ефименко, т. е. Иоанникий приказал ей уволиться!

Тогда-то я и стала сомневаться — а нормальная ли это «обитель».

Стала искать такую обитель на сайте РПЦ, но не нашла. Я позвонила Жанне и попросилась поехать в Чихачево вместе с ней.

Я стала волноваться — ведь еще и нельзя было нормально поговорить с матерью — связи там не было, ее телефон был постоянно вне зоны доступа. Очень редко она писала смс, а звонила не чаще раза в месяц.

Я поняла, что дело совсем неладное, поехала к ней, в Чихачево, и была поражена происходящим там: условия проживания у так называемых «трудников» ужасные — старец запрещает им чистить зубы, запрещает мыться, пользоваться лекарствами, запрещает общаться с родственниками; едят они из одной миски и суп, и кашу, и компот (им не дают даже пользоваться стаканами для воды), спят они на полу храма на грязных матрасах, носят целыми днями тяжелые ведра, работают по 10 часов в сутки, на сон отводится не более 4-5 часов в сутки. Служба там проходит исключительно ночью, начинается около часа ночи, в 7 утра им уже надо выходить на работу. Тяжелый физический труд и скотские условия проживания полностью подавляют волю человека, лишают его способности адекватно мыслить.

На этой службе мне посчастливилось увидеть свою мать, и я ужаснулась. Я с трудом узнала ее. Она похудела, стала хромать, за 2 месяца приобрела искривление позвоночника. На все мои попытки уговорить ее уехать в Москву она ответила резким отказом. Она была настолько запугана тем, что умрет, что не хотела и слышать о возвращении домой.

Таких вот обманутых «трудников» там было много, не меньше сотни. Более того, некоторые из них уже успели постричься в монахи — господин Ефименко лично совершил постриг, дал им новое имя и запретил им общаться с семьей. И эти люди ходили там в черных облачениях в полной уверенности, что они теперь — монахи. Самое интересное, что такие монахи там ходят как мужского, и женского пола. То есть этот «монастырь» одновременно и женский, и мужской — и это никого не смущает.

Мне пришлось вернуться в Москву без мамы. Так как ситуация мне показалась более чем ненормальной, я обратилась в Отдел по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Кинешемской епархии, где мне объяснили, что Иоанникий (Иван Ефименко) является лишь настоятелем деревенского храма в деревне Чихачево, и что никакого монастыря там быть не может.

Но почему же столько людей считают себя трудниками при несуществующем монастыре? Почему же люди отказываются от своих родственников и считают себя монахами?

На мои вопросы я получила ответ из епархии, что все постриги незаконны, а старец Иоанникий не является настоятелем монастыря.

Таким образом, получается, что Иван Ефименко сам себя провозгласил настоятелем монастыря, провозгласил свой приход обителью, а далее путем обмана и запугивания страхом смерти стал удерживать людей рядом с собой. Применяет шантаж, внушает людям, что они больны, запрещает им обращаться к врачам, утверждает, что только вокруг его храма можно вылечиться, называет свою «обитель» «лечебницей». Каждый день проводит исповедь и причастие. Содержит свой приход в жуткой грязи и объясняет это тем, что «только так в храме есть благодать Святого Духа».

Иоанникий приказал своим охранникам отбирать у людей телефоны. В охране у него, к слову, практически все — бывшие уголовники. К Ефименко, якобы в «обитель» возят АВТОБУСАМИ людей, вводя их заблуждение. Новые люди становятся новыми жертвами этого места.

Стало понятно, что если не начать борьбу по вызволению матери из этого места, то она останется там навсегда. В качестве сумасшедшей монахини несуществующего монастыря.

Часть 2

Итак, стало понятно, что моя мать находится не в монастыре, а в непонятном месте, где ее путем запугивания страхом смерти и неизлечимой болезни заставляют жить в скотских условиях и работать по 10 часов в сутки без выходных.

Стало очевидно, что она оставляет там все свое здоровье и что если мы не предпримем никаких мер, то она станет монахиней несуществующего монастыря и мы больше ее не увидим.

Надо было действовать. Первое, что я сделала — повторная поездка в Чихачево с так называемой паломнической службой. Стоит сказать, что таких вот «паломнических» контор в нашей стране очень много. Откуда только не везут бедных обманутых людей! С Владивостока, Харькова, Молдавии!

Им обещают излечение от всех болезней, избавление от алкогольной зависимости и так далее.

Поездка стоит несколько тысяч рублей. Из Москвы, например, это две с половиной тысячи. Людей туда свозят автобусами, ежедневно.

Привозят обязательно к ночи. Мы там оказались к полуночи. Везде темнота, выйти из микроавтобуса запрещают. На мой вопрос «почему» мне говорят, что батюшка не велит. Ведь трудники и монахи спят после десятичасового рабочего дня. Мне становится стыдно — нельзя будить людей. На этом-то чувстве стыда все и построено: я перестаю спрашивать себя, почему же нет никакой гостиницы при «монастыре», почему нет хотя бы теплого места, где можно присесть, хотя бы выпить чая или попросить воды. Все эти вопросы заглушает чувство стыда — ведь есть трудники, которым я мешаю спать.

Это — первый момент, когда начинают ломать мою логику. Я сижу и мерзну в автобусе, я не могу спать, не могу есть, не могу пить. Вокруг — тропинки, превратившиеся в лед. Практически нет фонарей. Я ничего не вижу. Мы просто сидим в машине и ждем. Так проходит чуть более часа.

Далее нам разрешают выйти из автомобиля и направиться к храму. Помню это состояние — поскорее бежишь в храм, чтобы согреться. Уже нет времени рассматривать саму деревню. А сама деревня представляет собой очень интересный объект для рассмотрения: ведь там нет местных жителей! Там никто не живет! То есть сам приход в селе Чихачево де факто отсутствует. Это вымершая деревня! Единственные посетители служб на приходе — либо «паломники», либо такие «трудники», как моя мать, то есть люди, обманным путем привезенные в это место.

Это тот момент, который осознается не сразу, — ведь мало кто ходит по самой деревне, после часа в холодной машине все бегут греться в храм.

Следующий потрясающий момент — это начало службы. Приходят все «монахи» и «трудники», многие из них похожие на тени. Они с трудом стоят на ногах, многих из них шатает, они опираются о стены. Сам храм — в жутком состоянии. Везде паутина, грязь, копоть. А ведь здесь живет около ста человек! Почему же никто из них не занимается реставрацией храма, почему же никто даже не моет здесь стены? Я спрашиваю женщину, которая нас привезла. «Батюшка не велит, — загадочно шепчет она мне, — ведь если убрать паутину, то исчезнет благодать Святого Духа».

Хочу сфотографировать это блаженное место — тут же подбегает так называемый охранник отца Иоанникия и говорит, что либо я убираю телефон, либо он его отбирает. Я пожимаю плечами — в Оптиной Пустыни фотографировать можно, на Селигере можно, а тут фото смерти подобно.

Начинается служба. Идет она с часа ночи до шести утра. Сам Иоанникий на ней не появляется, остается некоей загадочной фигурой, сидящей в соседнем доме. Исповедь — общая. Причастие — для всех. Ко мне подходит вышеописанная женщина и дергает меня за плечо. «Почему не идешь причащаться?» — довольно жестко спрашивает меня. Я отвечаю, что к причастию не готовилась, молитв не читала, пост не соблюдала. «Так то в других храмах требуют, а наш батюшка милостив, все могут причаститься. Тут каждый день причащают. В других храмах такого не найдешь. А после причастия еще и в трапезную пойдешь, еще и все бесплатно трапезничают. Такая милость от батюшки...»

Вот он, второй момент, когда тебя ловят на крючок — ложная доброта Иоанникия. Везде надо стараться, поститься, молиться, а тут приехал — и все грехи тебе простили, причаститься можно хоть каждую ночь, да еще и потом бесплатно покушать. Это подкупает. Народ валит на причастие, расталкивая друг друга в очереди. Я отказываюсь. На меня начинают шипеть. Батюшка-де добрый, можно без исповеди и подготовки, а ты не ценишь. Снова пытаются манипулировать чувством стыда. Но я распознаю эту манипуляцию, выхожу на улицу.

На улице гуляю вокруг храма — понимаю, что деревня вымерла. Здесь нет местных жителей.

После службы и бесплатной еды в трапезной «трудники» несутся на свое «послушание». Я подхожу к матери, она отказывается общаться со мной. «Мне надо срочно на послушание, я не могу оставаться здесь у храма ни на минуту». Никакие мои доводы о том, что ничего не произойдет, если она пойдет на свое «послушание» на 10 минут позже, не помогают. Она напугана, она считает, что неизлечимо больна.

«Тогда я пойду с тобой и помогу тебе таскать ведра». — «Нет, что ты, это еще хуже, тебе сюда нельзя, не ходи за мной, батюшка запрещает». И она убегает от меня.

Самое важное — здесь ничего нельзя. Нельзя ходить по территории деревни. Нельзя общаться с родственниками. Телефоны отбирают охранники. Моя мать прячет телефон в своем сапоге, чтобы не отняли. Бегают мне звонить ночью в лес. Здесь нельзя фотографировать. Нельзя пользоваться лекарствами. Никакими, даже жизненно необходимыми. Нельзя мыться, нельзя чистить зубы. Нельзя уходить гулять в лес вокруг деревни. Нельзя заходить в соседние строения — то есть если ты работаешь в коровнике, то кроме коровника, храма и трапезной тебе никуда больше нельзя.

Не успеваю я отойти от шока, как меня насильно тащат к «батюшке». «Я не хочу, я приехала не к нему, а к маме. Я хочу общаться с ней, я не обязана общаться с ним». В ответ получаю следующее: «Если ты хочешь, чтобы мы не разбились по дороге обратно — иди к нему. А то дорога скользкая, ты же не хочешь разбиться».

Вокруг меня собираются другие «паломники», ехавшие со мной в одном автобусе. Они верят в Иоанникия, боятся разбиться. Я понимаю, что если я не пойду к «старцу» — они просто не дадут мне покоя по пути обратно. Они будут ждать, что мы разобьемся. Верит в это и наш водитель. Я понимаю, что мы и правда не доедем до Москвы — у него уже трясутся руки от ужаса.

Под таким давлением я иду к «батюшке».

Тем временем к «прозорливому батюшке» совершается настоящее паломничество: все причастившиеся и бесплатно поевшие посетители самопровозглашенной «обители» уже толпятся у его дома. Что важно — толпятся они на морозе. Погреться негде. Присесть негде. Максимально неудобные условия для посетителей.

Батюшка принимает тет-а-тет, без свидетелей. Зайти вдвоем — нельзя. Все вещи отбирают охранники. Снять «старца» на скрытую камеру я не могу. Охранники эти — почти все с криминальным прошлым, они этого особо и не скрывают. Но от чего же этот батюшка так пытается себя оградить? Разве нужна такая охрана человеку, который делает для людей добро? Чего же он так боится?

Эти вопросы мне некому задать. С меня снимают сумку и дают четкий инструктаж: перед батюшкой надо обязательно ползать на коленях. Не будешь ползать на коленях — с тобой и общаться не будут. На этих словах охранник толкает меня внутрь.

Я вижу перед собой старого мужчину, без ноги. Он сидит на стуле. Вокруг него — море цветов и подарков от его почитателей. Он очень удивляется, что я ему ничего не принесла. С порога он начинает обливать меня грязью, рассказывать мне мои грехи. Все хорошо, но только я этого не совершала. Останавливаю его поток сознания: «Нет, я такого не совершала, я не хочу это слушать». Он удивляется, говорит: «Не может быть, у меня на плече сидит ангел, он мне все о тебе говорит. Покайся! Я отпускаю тебе все грехи, подойди поближе». Но разве можно спорить с ангелом на плече? Подползаю на коленях, он перекрещивает меня, говорит, что отныне все мои грехи мне отпущены.

Интересная схема — чтобы отпустить любые грехи, достаточно просто простоять около часа под его дверью.

Меня начинает тошнить — ночь без сна, постоянное насилие от организаторов поездки, манипуляции и запугивание дают о себе знать.

«Ты ничего не хочешь меня спросить?» — удивляется Иоанникий.

Я спрашиваю разрешения пройти в ту часть его «обители», где работают трудники. Получив согласие, покидаю его «келью».

Меня уже ждет толпа других страждущих. Я сообщаю им, что мне разрешено ходить по всей территории «монастыря», ухожу искать мать.

По дороге обратно общаюсь с другими «паломниками» — от их рассказов мне становится плохо. Кому-то он говорит уйти из семьи, кому-то — бросить работу, но практически всем говорит переехать жить в Чихачево. Запугивает их либо страхом смерти (как мою мать), либо страхом смерти близких родственников, либо болезнями их детей. Запуганные люди уже смотрят календарь, чтобы взять отпуска...

Ну а что из отпусков немногие возвращаются — эту схему мы уже знаем.

Если в Чихачево секта, то почему Иоанникий Ефименко еще в сани?

Пояснение автора к первым двум частям:

Скорее всего, у читателей нашей истории уже возникло несколько вопросов, и пора на них ответить, прежде чем переходить к той части повествования, в которой будут описаны попытки нашей семьи как-то изменить ситуацию и спасти мать.

Догадываюсь, что многих удивляет, что взрослая умная женщина с ученой степенью могла так легко попасться на этот крючок. Но на самом деле это вполне объяснимо. Во-первых, приехала она туда не по объявлению, а со своим хорошим знакомым, другом нашей семьи, человеком, которому мы все безгранично доверяли.

Во-вторых, сначала ей никто не предлагал переехать жить в Чихачево: речь шла исключительно о недельке-другой трудничества в отпускное время.

В-третьих, ее сразу лишили возможности общаться с адекватными людьми — чтобы не отняли телефон, она прятала его от охраны Иоанникия в обуви. Вокруг же — около сотни человек, полностью подчиненных воле Ефименко. Людей, которые уже не способны критически мыслить. Таким образом, мы получаем человека, полностью оторванного от мира, от семьи, от возможности поделиться происходящим хоть с кем-то, не имеющим отношения к данной секте. А когда вокруг тебя на черное все говорят «белое», рано или поздно начинаешь в это верить. Не может же столько людей так ошибаться.

Отдельное внимание стоит уделить фигуре Жанны — именно эта женщина поехала с ней в «обитель» за компанию. Эта Жанна стала ее подружкой, втерлась к ней в доверие. И поехала «потрудничать» вместе с ней. Только вот саму Жанну отпустили через неделю, у нее никакой смертельной болезни не нашли. Зато у тех, кого эта женщина туда с собой привозит — сразу находится болезнь. Стратегия отработана годами. Сама Жанна свято верит в Иоанникия и отдает ему все деньги, собранные у обманутых ею людей.

Но самый важный пункт здесь — это факт наличия у господина Ефименко сана. Когда я пыталась объяснить матери, что это не монастырь, что Жанна ее обманывает, что все это не что иное, как жалкая карикатура на монашество, она мне всегда отвечала: «Но если это все так, как ты говоришь, то почему же его не лишают сана? Почему же не закрывают этот храм, если батюшка делает что-то плохое людям?»

Это и есть основная причина, по которой она продолжала верить Иоанникию: разве может РПЦ не закрыть этот приход, если старец совершает незаконные деяния и вводит людей в заблуждение?

Следующий момент, который мог вызвать вопросы у читателя: почему же мы не позвонили в полицию, как же прокуратура, следователи и так далее. Дело в том, что полиция ничего не может сделать с данным местом: де-юре это действующий храм, а значит нет ничего противозаконного в том, что в нем молятся люди. Жить там в свой отпуск — также свободный выбор человека, никто никого насильно там не удерживает, люди не прикованы там наручниками к батарее.

Конечно, родственники находящихся там «трудников» часто обращаются в полицию. Мама рассказывала мне, что с довольно частой периодичностью туда приезжала полиция. Ведь родственники искали своих близких. Но все заканчивалось тем, что этих людей находили, после чего они отказывались уезжать, говорили, что находятся тут добровольно. Полиция просто сообщала об их местонахождении их родным, и за неимением состава преступления все прекращалось.

И снова ключевым моментом является сан Ефименко — пока на него возложен сан, Чихачево законодательно нельзя считать сектой.

Понимая все это, мы не стали повторять этой ошибки, а пошли исключительно путем общения с церковными служащими.

Часть 3

Первые дни после поездки в Чихачево мне тяжело было прийти в себя. Ощущение, что ты побывал в сказке про волшебника страны Оз. Все в ужасе преклоняются перед всемогущим таинственным магом, а на деле он просто несчастный человек, вынужденный обманывать население.

В какой-то момент я, признаюсь, и сама стала сомневаться — ну не может же столько людей тратить последние деньги на поездки в Чихачево, если там совсем нет ничего стоящего?

По возвращении в Москву я зашла в обычный храм в спальном районе, чтобы развеять свои сомнения. Священник, едва услышав слово «Чихачево», становится сам не свой, блее белого. «Это очень опасное место. Лжестарец в глубокой прелести. Туда не стоит ездить», — предостерегает он меня. В ответ я сообщаю, что у меня там находится мама, которую Ефименко запугивает смертельной болезнью. Священник обещает помочь, мы обмениваемся контактами. Однако позднее он перестает брать трубку и выходить со мной на связь.

Я за неделю обхожу несколько храмов, общаюсь со священниками. Все как один заявляют, что это секта, что ездить туда опасно для психики. Но как только я прошу помочь мне выволить из этой страшной секты человека — священники все как один испаряются.

У меня сложилось стойкое ощущение, что они будто боятся потерять работу в случае каких-либо действий против Иоанникия. Хотя по всей Москве все всё знают — и в частной беседе открыто говорят, что чихачевский старец есть не что иное, как глава тоталитарной секты.

Беседы с рядовыми священниками хоть и не имели особого смысла для нашего дела, но утвердили мое мнение о господине Ефименко. Все мои сомнения были подтверждены — в нормальном монастыре можно звонить родственникам, можно фотографировать, можно мыться и гулять по территории обители, там никто не спит вповалку на грязном полу, как на тюремных нарах, никто не запугивает людей болезнями. А постриги в монахи не могут производиться собственноручно, без какого-либо церковного собрания клириков.

Но для вызволения мамы нужны не частные разговоры, а официальные письма. Я нахожу электронные адреса трех епархий Ивановской митрополии. Это собственно Кинешемская епархия, где и расположена наша страна Оз со своим чудным волшебником, а также Шуйская и Иваново-Вознесенская епархии. Пишу письма в каждую из них с кратким описанием ситуации.

Первыми отвечают из Иваново-Вознесенской епархии:

«Срочно пишите заявление в полицию о насильственном удержании человека. Это секта под прикрытием православия».

Итак, соседняя епархия в письме называет это место сектой. Как и священники в московских храмах. Получается, ни для кого не секрет, что Ефименко находится в прелести.

На следующий день мне приходит ответ и из Кинешемской епархии. Он намного более сдержанный: покажем Ваше письмо архиерею. Никакой оценки храму в Чихачево при этом не дается.

Из Шуйской епархии ответа не последовало.

В качестве второго письма епархиальным работникам я задала вопрос о целесообразности вызова полиции. И снова — совершенно разные ответы. В Иваново-Вознесенской епархии мне посоветовали обратиться в органы, тогда как Кинешемская епархия попросила дать им возможность сначала съездить в Чихачево в составе некоей комиссии.

Мы в семье принимаем решение дождаться выезда всех перечисленных лиц в Чихачево, при этом не перестаем держать связь с мамой.

Мама тем временем говорит, что хочет домой, но без благословения Иоанникия ее никто не согласится увезти (речь идет о водителях, еженедельно привозящих сюда паломников). Да и сама она ехать без его разрешения отчасти боится (ведь ей все вокруг рассказывают, что без его благословения она точно умрет, чуть ли не по дороге), а отчасти опасается реакции охраны Иоанникия: без беседы с батюшкой здесь уезжать не принято, и охрана довольно жестко дает это понять. Она пытается пройти к Иоанникию, но охрана ее останавливает: в пост трудники должны работать, а не общаться с батюшкой — никаких приемов для трудников нет и не будет, пока не закончится пост.

Примечательно, что в этот же самый пост Ефименко продолжает активно принимать паломников, предлагая им остаться в своем лжемонастыре.

Параллельно с этим начинается следующая стадия обработки сознания моей мамы — окружающие ее лжемонахи начинают внушать ей, что она не просто так больна мифической болезнью: эта ее болезнь вызвана именно грехами ее родителей и остальных предков. Со всех сторон она слышит примерно следующее: пока ты тут мучаешься от болезни, твои родители сидят в комфорте, а ведь ты тут из-за них. Это они вели настолько грешную жизнь, что весь твой род теперь проклят.

Эта практика применяется в данной секте повсеместно — сначала отнимают телефон, потом настраивают против семьи, а в случае приезда полиции — начинается внушение, что твои близкие тебя не любят, ты здесь лечишься, а они хотят тебя отсюда увезти. Значит, они хотят твоей смерти, они против твоего излечения в нашей чихачевской лечебнице.

Всем читателям, чьи родственники попали в Чихачево, могу сказать следующее — имейте в виду, что вашего близкого человека активно

настраивают против вас, и каждая ваша попытка увезти его оттуда трактуется как попытка его убить.

В целом в этой секте очень любят распространяться о родовых грехах и проклятьях, запугивать некими родовыми грехами, которые можно искупить только путем постоянного нахождения в Чихачево. Многие в это верят, начинают бояться, что внуки родятся не полноценные, больные. Или дети заболели.

Не забываем, что у Ефименко на плече сидит ангел, именно этот ангел и говорит ему ваши грехи, а также грехи всех ваших предков. Этот прием активно используется лжестарцем: если он говорит грехи, а ты их не совершал — значит, это совершили твои предки. Ну а кто из нас знает подробно свою родословную до седьмого колена?

С моей мамой была применена та же схема: ей стали внушать, что ее родители, бабушки и дедушки так много грешили, что теперь на всем нашем роде лежит печать греха. Она в это не особо верила, но тем не менее ее отношение к престарелым родителям стало постепенно меняться — она почти перестала им звонить, а меня перестала спрашивать об их здоровье.

Примечательно, что у Ефименко есть «любимый грех» — так, женщинам он любит рассказывать, что их изнасиловали в малолетнем возрасте, но они этого не помнят, потому что были пьяны. На какие-либо возражения отвечает, что если тебя не насиловали — значит насиловали твою мать или бабушку. На худой конец — прабабушку. И вообще она была пьяна, так пьяна, что и не запомнила.

Бедные женщины, ехавшие со мной в паломническом автобусе, практически все были обвинены в этом «грехе». Хотя, стесняюсь спросить — разве виновата женщина в изнасиловании? Мировая судебная практика судит за это мужчин, но у Иоанникия свое мнение на этот счет. И у его ангела на плече тоже. На то он и ангел — фиксировать изнасилования.

Часть 4

Итак, моя мама вот уже несколько месяцев находилась «на послушании» в самопровозглашенном «монастыре», главой которого является настоятель храма в вымершей деревне Чихачево господин Ефименко, где он якобы «лечил» ее от некой загадочной смертельной болезни. При этом никакого диагноза он ей так и не назвал, на ее вопрос «чем я болею» он предпочел

вообще ничего не отвечать, притворился, что не слышит ее. А окружающая его свита из лжемонахов и охранников-уголовников активно занялась внушением, что это нормально, что раз гуру Иоанникий не назвал диагноза, — значит он, диагноз, настолько страшный, что его лучше и не знать.

За время своего «лечения» у Ефименко мама стала хромать и приобрела деформацию позвоночника: одна нога стала короче другой. О вреде, нанесенном ее психическому здоровью, и говорить не приходится. Кроме того, ее каждодневно настраивали против семьи, внушали, что мы хотим ей смерти, так как против ее нахождения в Чихачево.

Обращаться к московским священникам было бесполезно — они не хотели ввязываться в борьбу с мафией, окружающей Иоанникия, хотя и признавали сектантский дух его «обители». Вызывать полицию и идти в прокуратуру также не имело смысла — ведь полицию вызывают многие родственники находящихся там людей, но результат всегда одинаков: так как у Ефименко есть сан, то его деятельность не может трактоваться органами как противозаконная. Да и я уже знала, что даже если полиция и приедет туда, все, что она сделает — это сообщит мне о местонахождении моей мамы, не более.

Кроме того, вызов полиции воспринимается поклонниками Ефименко как насилие и агрессия, что никак не может вызвать в человеке желание вернуться домой. А ведь мне надо не просто вернуть маму, но и сделать так, чтобы она не поехала в свою «лечебницу» через пару дней обратно.

Этого можно добиться только одним путем — Иоанникий, как «прозорливый старец», должен сам ее отпустить. Но вот только как это сделать?

Епархия обещала мне помочь, и «в ближайшее время» совершить поездку в Чихачево в составе некой комиссии. Однако «ближайшее время» до неприличия затягивалось — прошло три недели, а никакая комиссия собрана не была. Чтобы меня успокоить, мне пообещали выезд в Чихачево благочинного данного района — игумена Антония (Мазурина) (Мазурин также является руководителем миссионерского отдела Кинешемской епархии — прим. ред.), и в скором времени мне пришло следующее письмо из отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Кинешемской епархии:

«Ваш вопрос тщательно изучается в епархиальном управлении. К сожалению, пока не получается собрать комиссию для выезда в Чихачево, но этот вопрос из первоочередных на повестке дня.

Отец благочинный лично встречался с вашей мамой, так что степень проблемы мы осознаем, однако она свободный человек и не насильно находится на Никольском приходе. Впрочем, комиссия обязательно встретится с ней, если она до того времени не вернется. Вы имели возможность с ней общаться. Что можете добавить к тому, что раньше писали? Есть ли новые тревоги по поводу состояния здоровья вашей мамы?

Протоиерей Андрей Ефанов».

Но действительно ли епархиальные клирики «осознают степень проблемы»? Связываюсь с мамой: она довольно радостным голосом сообщает мне, что на днях ей звонил (!) отец Антоний из города, интересовался ее самочувствием. «Мы с ним очень мало проговорили, я сказала, что чувствую себя неплохо, а он сказал мне, что будет за меня молиться и пожелал мне успехов в моем труде! Представляешь?» — радостно делилась своими новостями мама.

Мне же было не до смеха: получается, что Мазурин не ездил ни в какое Чихачево, а письмо из епархии является ложью! Какую же «степень проблемы» там осознают, когда мою маму никто не видел? Какой вывод о состоянии здоровья человека можно сделать из пятиминутного разговора по телефону? Что же это за благочинный, который так наплевательски относится к поручениям епархии? Или это епархия осознанно врет мне в переписке, чтобы я не обращалась в Патриархию?

Как бы то ни было, но ругаться с епархией — последнее дело, ведь только начальство Иоанникия может как-то на него повлиять, чтобы он сообщил маме о ее чудесном исцелении и отправил ее домой. Поэтому, несмотря на эмоции, в ответном письме в епархию я довольно лаконично замечая, что в Чихачево не просто храм, а «обитель», где Иоанникий постригает людей в «монахи», и я не хочу ждать, пока лжестарец начнет предлагать дорогому мне человеку псевдомонашество. Прошу ускорить процесс сбора комиссии. Конечно, церковь их не признает, но имеет ли это значение, если люди отказываются от семьи и становятся бесплатной рабочей силой в трудовой колонии Иоанникия?

Тем временем в Чихачево мама и правда получает предложение стать «монахиней»: пост заканчивается, она приходит к Ефименко, но вместо заветных слов о ее излечении она слышит, что следующая стадия ее «лечения» — это «монашество». «Я этого, наверное, не достойна, — находится она, — да и у меня старые родители, я не могу их оставить так надолго...» Но Иоанникий не останавливается, заявляет ей, что ее родители несут на себе столько грехов, что с такими грехами и умирать страшно. И поэтому это не мама должна ухаживать за ними в Москве, а они должны приехать жить в Чихачево. А пока они не приедут, маме придется работать в свинарнике — ведь она отработывает не свои, а их грехи.

Узнав от мамы, что Иоанникий снова не согласился ее отпускать, мы с семьей уже стали планировать новый визит в Чихачево, но тут произошло то, на что мы уже не особо надеялись — выезд церковной комиссии все-таки состоялся. Мне на почту пришло следующее письмо:

«Вчера наша комиссия посетила Никольский приход в с. Чихачево. Рапорт о состоянии дел на приходе направлен правящему архиерею, в целом комиссия согласна с вашей оценкой происходящего на приходе.

Мы имели беседу с вашей мамой. Она сказала, что не видит возможности исцеления от своей болезни вне данного прихода и что не помышляет о принятии монашества, однако общее состояние ее психического и физического здоровья внушает серьезные опасения, и нами было рекомендовано ей срочно покинуть Чихачево и обратиться к врачам. Но, как вы понимаете, решение остается за ней и лишь только ей решать, уезжать или нет.

Мы также разговаривали о вашей маме со схиархимандритом Иоанникием (Ефименко). Он так и не вспомнил вашу маму, но сказал, что он ее не держит и она вольна хоть сейчас уехать.

Мы весьма озабочены ситуацией на Никольском приходе, о чем и написали правящему архиерею. Но заставить человека покинуть или остаться на данном приходе, пока нет решения о переводе схиархимандрита Иоанникия или его запрещении в служении, наша комиссия не может. Однако в вашем случае решать вопрос надо как можно скорее, и я призываю вас проявить оперативность и как можно скорее доехать в Чихачево и постараться хотя бы на время забрать маму домой, окружить ее сердечным

теплом, помочь реабилитироваться после нанесенной душевной травмы. Мы же, со своей стороны, постараемся прекратить порочную духовническую практику, сложившуюся на данном приходе.

Протоиерей Андрей Ефанов».

Итак, комиссия признала, что духовные практики в Чихачево не соответствуют церковным нормам. В таком случае Ефименко надо лишать сана — и намек на это также присутствовал в письме.

Казалось бы, дело сдвинулось с мертвой точки, что не могло не радовать.

Но была и отрицательная сторона визита комиссии: теперь вся оголтелая паства Иоанникия знала, что против «святого батюшки» родственники одной из «трудниц» ведут борьбу, а это значило, что еще раз приехать к маме мы уже не могли — маму бы стали обвинять в пособничестве нам.

В Чихачево же визит комиссии стал обсуждаемым событием. Иоанникий, заявивший при приезжавших священниках о готовности отпустить маму, после их отъезда снова перешел к тактике запугивания неизлечимой болезнью. Кроме того, он заявил, что во мне сидят бесы, ведь я не оценила его добродетели: он готов бесплатно «вылечить» мою мать, а я еще противлюсь. Впрочем, бесы обнаружили и у священнослужителей из комиссии: оказалось, что Ефименко всем своим противникам приписывает беснование.

Мама же, вопреки нашим надеждам, отнеслась к приезжавшим священникам негативно, наличие у них сана не дало им никакого веса в ее глазах. Она очень обиделась на меня, сказала, чтобы больше я никуда не писала, что ее вызывал сам Иоанникий, что он просит никуда не писать, что плохая церковь начала борьбу с таким хорошим человеком, используя ее нахождение в «обители» как предлог.

Ситуация достигла своего апогея — пообещать ей, что священники больше к ней не приедут, я не могла, а любая их попытка связаться с ней могла быть встречена в штыки. Мы сильно поругались, и она перестала выходить на связь.

Тем временем, епархия совершенно не спешила как-то продвигать начатое дело. В качестве помощи мне было предложено совершить совместную поездку в лжеобитель с благочинным — тем самым игуменом Антонием

Мазуриным, который месяцем ранее фактически благословил маму по телефону «трудничать» в Чихачево. Но так как это был единственный шанс увидеть близкого нам человека, связь с которым была утрачена, мы согласились. Написали письмо Мазурину с просьбой о совместной поездке, но ответа от него так и не получили.

Это был, наверное, самый тяжелый момент: мы ничего не знали о маме, ехать к ней без Мазурина было опасно, а он не отвечал.

В какой-то момент мы даже стали готовить себя к худшему. Ведь в Чихачево есть довольно большое кладбище, где хоронят таких вот «исцелившихся» «трудников» — и когда я приезжала туда, я видела на этом кладбище некоторое количество новых могил. Но знают ли родственники похороненных там людей об их смерти? Кто-то им вообще сообщает об их гибели в этой «лечебнице»? Выдаются ли людям какие-то свидетельства о смерти, или все умершие здесь люди до сих пор числятся в розыске?

Позднее мы узнаем от мамы, что причиной ее молчания была вовсе не обида, а болезнь — она простыла и пролежала несколько дней с высокой температурой на грязном полу. При этом ей не давали пользоваться лекарствами, а все лечение свелось к употреблению «святой воды» из храма.

Окончание

Эта история закончилась так же неожиданно, как и началась.

Не имея связи с мамой, я написала письмо в епархию, где пожаловалась на отсутствие помощи от благочинного. В конечном счете, благочинный ответил и даже дал мне свой мобильный телефон. Но вместе посетить Чихачево мы уже не успели: спустя некоторое время после приезда комиссии Иоанникий приказал маме срочно покинуть свои владения, заверив ее в том, что она исцелилась от своей страшной болезни. О монашестве он уже не говорил ей ни слова. Интересно, что под конец пребывания в лжемонастыре ей открылась и тайна ее «заболевания» — «старец» заявил, что болезнь эта была духовного плана, поэтому идти ко врачам не имело смысла. А один из его ближайших помощников добавил, что батюшка имел в виду такое недомогание как уныние. Лечиться от уныния путем десятичасового рабочего дня и полного истощения организма — это, конечно, весьма

своеобразный метод, но разве можно что-то возразить, если это приказал сам Иоанникий?

Вопреки нашим опасениям, мама практически сразу смогла влиться в рабочий процесс, хоть и была физически сильно истощена. Переход на дистанционное обучение позволил ей проводить все занятия прямо из дома. Отношения с семьей, против которой так неистово ее настраивал Иоанникий, также постепенно восстановились.

Тем не менее «обитель» не прошла для нас незаметно — ведь там остались так называемые «подружки», которые периодически продолжают звонить маме. Некоторые из них вернулись в свои города, но, как они сами признаются, не насовсем, а только на время: практически все они хотят оказаться в Чихачево как можно скорее. Ведь только там — «истинная Божья благодать», только у «батюшки» — настоящие службы, «как на Афоне», а «в других храмах такого не встретишь». Многие из них всерьез думают принять «монашество».

Поэтому мы не можем расслабиться и по-прежнему очень боимся, что мама снова окажется в «обители» благодаря очередной «Жанне». Ведь за одной «страшной болезнью» вполне возможно появление следующей, не менее «ужасной». Страх снова потерять маму и стал одной из причин, побудивших меня взяться за написание этого рассказа.

Но главная цель, которую я преследовала — это дать людям информацию о том, что из себя представляет так называемая «Свято-Никольская обитель». Ведь именно такой истории мне так не хватало, когда моя мама поехала с Жанной к Иоанникию в первый раз. Сколько людей, похороненных на местном кладбище или умерших в больнице после длительного «трудничества» в Чихачево, можно было бы спасти, если бы их родственники могли вовремя прочитать что-то подобное. Мне понадобилось несколько месяцев, чтобы понять, ГДЕ на самом деле находится моя мама, ведь в интернете личных историй было мало, и они просто терялись в постоянном потоке рекламных объявлений о «прозорливом старце» от паломнических служб.

Помогла ли нам епархия в вызволении мамы? Я считаю, что помогла. Ведь именно после их приезда Иоанникий сменил гнев на милость и вместо «монашества» предложил маме покинуть свою «обитель». Такого эффекта

нельзя было бы добиться более простыми на первый взгляд методами — ни полиция, ни прокуратура, ни психиатры не внушили бы маме, что ее «страшная болезнь» оставила ее навсегда. Конечно, молчание епархиальных работников нас очень раздражало, но я понимаю, что в подобных местах всегда присутствует криминальная составляющая, с которой никто не хочет связываться. Не удивлюсь, если в адрес местного епископа и митрополита приходят угрозы от сформировавшейся вокруг лжестарца криминальной структуры.

Как результат — десятилетиями существующая тоталитарная секта с сомнительным главарем, поставившим свое изображение около алтаря на аналой и убедившим своих почитателей, что его фотографии способны вылечить любые болезни. Главарем, практикующим использование бесплатного человеческого труда (продукты которого, скорее всего, продаются на региональных рынках под видом фермерской продукции), а также применение сомнительных лжеправославных практик (отчитки, заочные отпевания, постриги в «монахи», общая исповедь для всех, отпущение всех «забытых» «родовых» грехов одним прикосновением руки и так далее).

Примечательно, что никакой информации о биографии Ефименко нигде нет: все, что о нем известно, — не более чем слухи. Так, говорят, что он родом с Украины, что его предки относились к какому-то казацкому роду, что якобы Иоанникий находился на послушании в Троице-Сергиевой лавре, а позже, примерно в конце семидесятых, был рукоположен Иваново-Вознесенским архиереем, Амвросием Щуровым, и им же направлен на служение в храм в Чихачево. Этот факт очень любят педалировать поклонники Иоанникия — мол, столько лет батюшка на одном месте, если б делал что-то плохое, то его бы уже давно сняли.

Однако реальной биографии «старца» нигде нет, и где тут правда, а где вымысел — разобраться невозможно. Даже если он и живет в Чихачево с начала восьмидесятых годов, чем он занимался ранее? Какое у него образование? Где он изучал Закон Божий и изучал ли он его вообще? Работал ли он в принципе где-либо, не имеет ли он сам криминального прошлого? Откуда у него такая заикленность на сексуальном насилии, агрессия и неуважение по отношению к женщинам? Каков его настоящий возраст?

При написании цикла статьей для «Ахиллы» я задала вопрос о биографии Иоанникия в Кинешемскую епархию, откуда вполне ожидаемо мне пришел отказ в предоставлении какой-либо информации:

«Согласно закону от 27.07.2006 152-ФЗ о персональных данных и решению Синода от 25 августа 2020 г. (журнал № 64), данная информация не может быть вам предоставлена».

Интересно, что этот же закон не мешает другим епархиям публиковать сведения о служащих на их приходах клириках, да и жизненный путь патриарха Кирилла опубликован на официальном сайте Патриархии. Жизнь же Иоанникия — тайна за семью печатями, а ведь это человек, в духовное богатство которого верят тысячи людей.

Главный урок, который мы вынесли для себя из этой истории — в секту может попасть абсолютно любой человек и нельзя считать, что вашу семью эта беда никогда не коснется. Да и секта, оказывается, может быть замаскирована под скромный деревенский храм.

P.S. Хочу выразить благодарность редакции «Ахиллы» за проделанную работу и возможность придать огласке ситуацию в Чихачево. К сожалению, в течение всего периода нахождения там моей мамы я писала в различные православные СМИ, названия которых читателям не могут быть незнакомы, но ни одно из них мне так и не ответило.

Послесловие редакции «Ахиллы»:

Публикации на «Ахилле» получили резонанс: чихачевской сектой заинтересовались крупные СМИ, что в свою очередь сподвигло епархию к запрещению в священнослужении Ефименко, а чуть позже — и к лишению его сана.

Но из Чихачево Иоанникий никуда не уехал, а секта так и продолжила свое существование уже вне РПЦ...

АЛЕКСЕЙ АРЦЫБУШЕВ И ОТЕЦ ПАВЕЛ АДЕЛЬГЕЙМ

«ВЫ К СТАРЦУ?..»

Владимир Шаронов

Предисловие автора:

Немало историй опубликовал сайт «Ахилла» о том, каким горьким было разочарование тех, кто тщился побыстрее с головой занырнуть в церковную жизнь, состоящую, как им представлялось, почти сплошь из людей исключительно благочестивых. И о тех, кто поспешно решал податься в монастырь, чтобы уподобиться тем, кто, как казалось, давно достиг образцового иноческого просветления. И о тех, кто полагал наилучшим все бросить и сразу быть при святом старце, во всем начать поступать только по слову его. В большинстве этих публикаций общее то, что чем усерднее такой искатель «истинной духовности» нажимал на послушание, с чем большей силой вгонял он себя в некую «подлинную традицию», тем резче потом звучали его обвинения в адрес православных и православия.

Было это не так давно, еще при жизни главного героя этого текста — Алексея Петровича Арцыбушева (1919 — 7 сентября 2017), — потомка столбового дворянского рода, единоутробного сына духовной дочери сразу двух старцев, принявшей тайный постриг, и прочая, и прочая, и прочая. Именно его имя мне однажды назвали, рассказывая, что некто живой и находящийся в здравом уме, живущий в Подмосковье, лично встречался с Львом Платоновичем Карсавиным в абезьском лагере¹.

Тогда я не знал, что некоторые известные и даже влиятельные в церкви лица потратили немало сил, чтобы рассказать об Алексее Петровиче как о живом новомученике, сделать его осязаемым духовным примером для прихожан. Стремление это понятно: что может быть более убедительным для современных людей, чем фактическая реальность? И вот вам он — уроженец Дивеево (!) и явленный, живой, образцовый исповедник, без устали неизменно воплощавший заповеди и являвший смирение в долгих земных мытарствах. Усилия старателей, направивших силы на популяризацию имени А.П. Арцыбушева, среди которых легко обнаружить священников Димитрия Смирнова и Георгия Кочеткова сотоварищи, и др., имели определенный успех.

Сегодня пишущие об Алексее Петровиче или издающие его книги не преминут упомянуть, что А.П. Арцыбушев — почетный академик некой

Европейской академии естественных наук², что он — кавалер медалей Гете и Леонардо да Винчи³, что незадолго до смерти принял постриг с именем Серафим... Но ничего этого тогда, пять лет назад, я не знал, мне нужно было иное. Когда много лет занимаешься одной, лично важной темой, ты не можешь пропустить и малой возможности что-то проверить или уточнить, тем более, узнать новое от живого свидетеля. Для меня такая тема — судьба и творчество Льва Карсавина.

Чтобы найти обнаружившегося собеседника Льва Платоновича пришлось поднять по тревоге друзей из числа журналистов федеральных СМИ. Вскоре номер домашнего телефона был найден. Трескучим, с большой хрипотцой, но энергичным голосом Алексей Петрович сообщил, что ближайшая неделя у него уйдет на выбор места для собственной могилы:

— Все-таки мне уже 94, надо выбрать не абы что... А через десять дней приезжай. Записывай адрес...

Перед поездкой я не стал читать найденные в Сети книги А.П. Арцыбушева, только пробежал тексты пунктирно, «по большой диагонали». Канва мне стала ясна: арест, тюрьмы, лагеря, родная для меня Коми АССР. Я решил, что на этом следует остановиться, что вчитаюсь после встречи. Поступил я так не из лени, но чтобы оставить возможность для непосредственных впечатлений, дающихся только при первом незамутненном общении. Пишущий автобиографическую прозу человек сознательно или невольно старается в своих книгах выглядеть не собой реальным, а тем, каким бы хотел, чтобы его представляли читатели. Это имеет свои ненужные последствия тем, что влияет на первое впечатление.

И вот мы я с телеоператором Стасом⁴ уже в Москве, и через пень-колоду мы добираемся в подмосковное местечко, где живет тот, кто подтвердил, что сегодня ждет нас. От аэропорта все время на перекладных — электричка-автобус-пешком-такси-опять пешком, опять такси... Мы плутаем по заМКАДовскому шанхаю с его бесконечными улицами и переулками, среди то ли дач, то ли частных домов. Мы домогаемся до встречных, тычем пальцами в бумажку с продиктованным адресом... Наконец, по мере приближения к заданной точке нас, похоже, начинают понимать:

— А, так вы — к старцу?

— Вы к блаженному, что ли?

— Вы к старчику?

— Вы к святому?

По мере того, как эти уточнения становились все более возвышенными, мой спутник, обычно находящийся в состоянии флегматичной невозмутимости, стал видимым образом намагничиваться значительностью предстоящей встречи. Он даже (!) немного взволновался. Я же, помнивший, как прост и добросердечен всегда был отец Николай Гурьянов, думал совсем о другом. Меня интересовала только карсавинская тема, в которой у авторов воспоминаний частенько что-то не срастается, противоречит документам и т.д.

Наконец мы оказались у небольшого домика, и хозяин повел нас через небольшую прихожую с лестницей на второй этаж. Едва спустившаяся по ступенькам женщина (дочь Алексея Петровича) коротко ответила на приветствие и тут же поднялась обратно. Мы вошли в комнату, разделенную обеденным столом. Помещение щедро украшали расставленные и висевшие иконы, фото, графические и живописные портреты в рамах и без таковых. Горели лампадки, несколько небольших церковных свечей тоже были зажжены.

Мы установили штатив, видеокамеру, настроили ее, закрепили микрофон-петличку на куртке хозяина. Я уселся так, чтобы мои глаза были на уровне объектива. По причине тесноты Стас встал справа от меня, и мы начали запись.

Видно было, что Алексею Петровичу вопросы мои не нужны вовсе. Он повел свой долгий рассказ с тем синусоидным ритмом отмеренных эмоций, какой бывает, когда человек долго трудился над текстом, а потом много раз повторял гостям вслух написанное ранее, используя уже найденные образы, обороты и давно выверив нужную продолжительность пауз. Даже назидательный жест указательного перста он повторял равномерно. Речь этого много прожившего человека, несмотря на сильную хрипоту, была полна жизненной энергии, но было ясно, что все это я могу прочесть в книгах, и это снизило мою внимательность к рассказчику, так как до карсавинской темы впереди маячили описания нескольких десятилетий.

Зато я мог разглядывать Алексея Петровича, лучше настроиться на его настроение и непосредственное, целостное восприятие образа. Его сильно

поредевшие от старости седые волосы, такая же борода, однообразная размеренность речи вызвали в памяти образ моего родного деда, методично нажимавшего на педаль столетнего «Зингера». Тогда, в детстве, я был уверен, что ни сукно, ни кирза не могут остановить ровный ритм зингеровской иглы. Дед мой, родившийся в тот самый день, когда умер Маркс⁵, счастливо уцелел в трех войнах, но после последней угодил под государственный скребок МГБ. Вместе с бабушкой, мамой и моим дядей он вынужденно сменил тульские луга на тайгу в ста десяти километрах севернее Ухты. Но смена климата не повлияла на его нравы: дед, как все русские крестьяне, продолжал считать свой голос единственно значимым в семье. Он очень не любил, когда что-то шло не по его воле или кто-то осмеливался перечить. Вот и мой нынешний рассказчик не давал прерывать его речь вопросами, всякий раз властно пресекая мою очередную попытку:

— Ты погоди! Слушай дальше...

Контур сюжетной конструкция проявился быстро, схема соответствовала взятой интонации. Выходило, что как только судьба ставила Алексея Петровича перед лицом смертельной угрозы, он обращался с самой краткой молитвой к Божьей Матери или преподобному Серафиму Саровскому. На этих моментах рассказчик немного приборачивался в сторону Красного угла к иконам, крестился и восклицал с какой-то неожиданной, несколько вздорной интонацией, будто обращался к замешкавшемуся соседу или соседке:

— Святой Серафим, да помоги же ты мне!

— Матерь Божья, спасай же меня!

И в тот же момент опасная коллизия или смертельная угроза, возникшая в повествовании, чудесным образом разрешалась или вовсе исчезала, а стежки речи продолжали ровно ложиться. Было очевидно: до карсавинской темы еще долго. Но запас аккумуляторов и кассет позволял проявлять мне необходимое терпение. Стас постепенно перестал волноваться и ушел в ту обычную погруженность, которая свойственна опытным операторам, когда композиция уже взята, звук контролируется...

Я слушал Алексея Петровича, всматривался в него, но никак не мог понять, что и в его рассказе, и в нем самом мне так знакомо. Словно подобное я уже слышал когда-то очень и очень давно, и такого же человека уже знал. Это

помещенное в далекие отделы памяти знание было также как-то связано с прошлым, но все же отделено от моего деда. И оно, несмотря на свою неопределенность, на свой летучий характер, беспокоило меня, словно в нем скрывалось нечто важное. Я заставлял мнемонические шестеренки крутиться, но они никак не входили в нужное зацепление с этим «что-то», проскакивали где-то рядом, не извлекали ответ.

Наконец изложение сильно затянувшегося жития завершилось, и даже короткий рассказ о мимолетной случайной встрече с Карсавиным был позади.

— Все? — спросил Стас. — Закончили?

И в этот момент я вдруг понял, что и откуда пробивалось ко мне изнутри арцыбушевской речи, из всех его ухваток и манеры, из его мимики и оброненных словечек. Точно так же неожиданно когда-то меня, спешащего куда-то в Ленинграде, будто кто-то остановил властным голосом. За этим повелением чувствовалось далекое, родное и имеющее право. Я стоял, оцепеневший, пока не понял, наконец, что сейчас этот ленинградский двор заполнил запах моего детства. Я вдыхал его — эти ароматы прелой, отогретой весенним солнцем земли. В нем витали сильные ноты сырой нефти, перепревшей ветоши, ржавчины и чего-то еще. Это был точно такой же запах, как и там, где мы играли, у забора примыкавшего к нашим дворам Тампоначного гаража⁶. Тогда, в Ленинграде, я открыл, что в глубинах памяти каждого из нас живет сила невероятно яркого детского восприятия, изумления от огромного и живого мира, сила, имеющая власть над нами.

Вот и в общении с Арцыбушевым эти трудноуловимые отдельные черточки, нотки, жесты, что-то еще неуловимое, они были того же порядка. Каждая из них в отдельности ничего собой не представляла, но когда они вдруг сложились в целое, я вспомнил других «арцыбушевых», живших в поселке, имя которому дал номер ОЛПа⁷. Этот человек, что сидел сейчас передо мной, выглядел значительно старше, и он не был таким вихлястым, презрительным и «фасонистым», как некоторые из тех, что жили в соседних бараках. Но все же передо мной сидел представитель той же породы людей, одного общего с ними «генетического» типа. На это указывали те же ухватки, редко, но все же проскочившие слова «лепила», «мастырщик», «падло», «хавира»⁸... Пораженный своим открытием, я уставился на Алексея Петровича. И непроизвольно поднял руку с уткнувшимся в Арцыбушева

указательным пальцем. Видимо не контролируя себя от изумления, я бухнул вслух, глядя прямо в лицо хозяину:

— Так Вы же... Так ты же... Так ты же — мазурик⁹ лагерный!

Стас дернулся так, что чуть не свалил штатив с видеокамерой. В комнате будто разом пропал воздух. В этом возникшем вакууме Арцыбушев смотрел на меня так же, прямо в упор. Его, до того все время блуждавший, взгляд замер. Еще через мгновение он вскочил и буквально завопил:

— А, ну и что?! Зато они все сдохли! Сдохли! Они сдохли! Все сдохли! А я живу! Живу! Живу!..

С каждым этим «живу!» он бил и бил кулаком по столешнице, покрытой немного вытертой клеенкой. И в каждом крике, в каждом ударе, вместе с торжеством победы звенело такое предельное отчаяние, словно этот человек стоял внутри пылающего дома и пытался этим кулаком выбить стальную решетку на окне, не оставлявшую ему для спасения ни единого шанса:

— Живу! Живу! И буду жить! Буду! Буду! Буду!

Все оборвалось так же неожиданно, как и началось. Алексей Петрович опустил в кресло, и после короткой паузы вдруг заговорил, совершенно обычным голосом. В этой новой интонации уже не было недавней намеченной размеренности, но только облегчение, словно он освободился от чего-то давно налипшего, несмотря на привычность все же досадного.

Продолжая смотреть прямо на меня, он качнул головой и произнес удивленно с некоторой долей восхищения:

— Ишь, ты, рассмотрел! Один рассмотрел... Ну, раз рассмотрел, значит, и можешь считаться своим. А коли свой... — он нагнулся куда-то под стол и закончил фразу: — Тогда подай вон стаканы и наливай!

И Алексей Петрович громко ухнул на стол едва ли не штоф коньяку...

Пока я исполнял указание, комнату наполнил табачный дым. Сигарету хозяин держал несколько картинно, художник в нем не мог отступить на задний план.

Коньяк в русском формате «на троих» мы не сразу, но уговорили без остатка. Возвращаться к обращению «на Вы» было уже совсем неуместно.

В неожиданно обретенном доверительном режиме я успел о многом расспросить Алексея Петровича. Среди прочего задал вопрос о том, как складываются его отношения с опекающими священниками.

— С этими-то? Как их там?..

Он явно затруднялся вспомнить слово, но у него получилось:

— С патриархийными, что ль? А-а-а... — «старец» поморщился и махнул рукой: — Слушай сюда: я их не понимаю, они меня. И точка.

Было ясно, что эта тема ему неприятна, а расспросы о ней тем более.

Расстались мы почти друзьями, сплоченные тем неподдельным доверием друг к другу, к которому совместная рюмка способна добавить всего лишь немного граммов искренности.

Позже я не раз возвращался к этой встрече, пересматривал видеозапись. Подаренную мне Арцыбушевым, надписанную автором книгу я прочитал. И обнаружил, что Алексей Петрович ничего о себе и своей принадлежности к блатному миру в ней и не скрывал. Этих словечек из арцыбушевской лексики, а точнее, из языка уголовного мира, не найти в личной речи таких авторов воспоминаний, как Евгения Гинзбург, Георгий Демидов, Лев Разгон и Варлам Шаламов. Каждый из них настойчиво дистанцировался от преступного жаргона, и тем уже не позволял враждебному им миру сломать человека, подчинить его себе. Они сберегали свое личное достоинство и делали усилие, чтобы не забывать о том, что всякий человек сотворен по образу Бога. Но сидевший передо мной потомок старинного столбового дворянского рода Алексей Петрович Арцыбушев видел мир совсем не таким, каким видели его упомянутые ранее авторы и Ада Львовна Войтоловская¹⁰, когда-то рассказавшая мне о своей лагерной жизни в Сивой Маске и Кочмесе.

Из книги А.П. Арцыбушева «Милосердия двери. Автобиографический роман узника ГУЛАГа»:

«— Эй, вы! Духари, вот я вам лепилу привел, лечить вас шуровкой¹¹ будет. Слушать и повиноваться, да место освободите ему к печке поближе. Он средь вас главный.

Во время этого монолога меня внимательно щупали глаза, как бы изучая — кто, и что, и как. Привел самый старший сука. Его слово — закон, но и он во всякий миг под ножом ходит. Репутация и протекция скользкая и где-то опасная. Надо очень хорошо самому сориентироваться в этой компании, благо я к ней некоторое касательство в юности имел».

«Таков лагерный закон. Ты умри сегодня, я — завтра.

Лев Копелев меня предупреждал не иметь в лагере дело с пищей, хлеборезкой, каптерками и всем тем, где воруют и грабят заключенного, где и тебя вынудят делать то же: все это кончается новым сроком или ножом в спину. Теперь надо быть очень осторожным, особенно с „костылями“ (костыли — это довески, пришпиленные к пайке щепкой). За хлебом надо ходить самому с фраерами¹², чтоб донести, и держать ухо востро. Суп, кашу, в особенности ценные кусочки мяса считать, требуя их поштучно на душу живую. Все поровну, и никаких гвоздей!

В бараке блатных много, в основном — сявки¹³. Есть блатари и покрупней. Основная часть населения — харбинцы. Русские эмигранты, приволоченные после войны из Харбина. У всех пеллагра, цинга и дистрофия. Конечно, быть может, мне и придется прибегнуть к помощи пик, но это как крайность. От сук — подальше. Так началась моя лагерная дорога».

«В периодически вспыхивающие драки за печкой я не вмешивался. Одно мне не удавалось — заставить мыть полы. Кого бы я ни просил из огней¹⁴ и сявок по-хорошему, все одинаково огрызались:

— Иди, гад, сейчас глаза выколю, — деляя угрожающий жест двумя растопыренными пальцами.

Как-то залетело в барак начальство. Первое внимание на пол.

— Почему, твою мать, полы черные, кто старший?

— Я старший.

Начались крик, ругань, мат-перемат, чтобы немедленно да чтобы сейчас же полы были белые.

Ни вши, которых можно было грести лопатой, ни клопы в миллиардном исчислении, ни умирающие пеллагрики, из которых хлестала вонючая вода

и удержать которую они были не в состоянии, — все это для них не имело значения. Полы должны были блестеть янтарным блеском. Я подошел к Яшке.

— Ну что, попало? — спросил он. — А в чем дело? Что, мыть некому?

— То-то и дело, некому, сам я не в силах такой барак оттереть добела.

— А тебя никто и не заставляет. Это ты должен заставить.

— Да я прошу, а никто не слушает, да еще огрызаются.

— Ты просишь? Просишь эту мразь? Он, видите, просит. Бери шуровку и бей. Видал, как я на приеме, так и бей!

— Да они меня убьют!

— Уважать будут! Уважать! Понял? Блатных много?

— Паханов нет, больше сявок.

— Тем проще. На тебе махорки, угости головку¹⁵, чтоб не вмешивалась, понял?

— Да!

— Иди, желаю удачи. Это сперва боязно: учти, все они — трусы, заруби себе на носу. Мелкие, подлые трусы. Палку они уважают, если она справедлива. Ты думаешь, что я всех линейкой ласкаю? Того, кого надобно. Если их распустишь, они тебе на голову сядут и тебя же презирать будут. Я эту тварь знаю. Меня здесь боятся, но и уважают. Они знают, что коснись — я первый их защитник, но коль сам виноват — пощады не жди. Это, брат, суровая школа, страшной фронта. Учись, пока я жив.

Он насыпал мне махорки; выкурив с ним козью ножку, я пошел в барак. Вот она какая школа, я от нее с Мурома отвык, придется вспомнить. Наутро, угостив блатных за печкой махрой, взяв у печки шуровку, она же кочерга, я подошел к нарам и потянул за ноги трудоспособную сявку.

— Што надо?

— Слезай, гад, пол драить!

— Да пошел ты!..

Ударив раза два по хребту шуровкой, я стащил его с нар и дал в руку швабру. Молча взял. Из-за печки смотрят и молчат. Подхожу к другому:

— Вставай!

Встает. К третьему:

— Вставай!

Встает.

— Драить добела! Устанете — других дам. Не то в карьер! Поняли?

— Понятно, — ответили сявки хором.

Смена смене идет — пол чистый и белый. С этого дня «половой» проблемы не стало. Зауважали!»

Конечно, в своем страстном желании выжить, «жить-жить-жить» Алексей Арцыбушев не только «использовал» правила уголовного мира, «только разговаривая с блатными и суками их языком, чтобы не трогали ни те, ни другие». Незаметно и исподволь он принял этот мир, стал его маленькой частью. Никто никогда не узнает ответ на вопрос, невольно возникающий при чтении его книги: а не была ли таким же «техническим инструментом», его карманной палочкой-выручалочкой, как и блатная речь, та самая, мгновенно вспоминаемая молитва в нужную минуту, которую он с такой быстротой требовательно адресовал небесным силам: «да помоги же ты мне!..»?

Не чье-либо и совершенно точно не мое дело осуждать Алексея Петровича, становиться судьей его жизни и поступков. Напротив, в долгих размышлениях о судьбах многих, кого я знал, и кого многие считают святыми или, напротив, забубенными грешниками, мне стало понятно, что поскреби образ иного нашего святого, и под ним обнаруживаются ничем не сводимые следы синей тюремной наколки. А присмотришься внимательнее к судьбе пугающей, действительно страшной, и среди ее крошечного мрака начинают сверкать лучи подлинной святости.

Мой добрый товарищ, знающий о церковно-педагогических манипуляциях с именем теперь уже упокоившегося в вечности Алексея Петровича Арцыбушева, об этом желании указать на как можно большее число

образцов веры и благочестия, как на свидетельство силы молитвы и т.п., сказал:

— Стоит вспомнить евангельские строки: «Род лукавый ищет знамения; и знамение не дастся ему» (Мф. 12:39).

Но все же дело, по-моему, не только в опасностях, исходящих от совершенно нового явления в нашей церковной жизни, — нарождающегося православного полновесного маркетинга, в котором объектом продвижения, а проще сказать, товаром, становятся святость и чудеса. В конце концов, любой маркетинг — это, прежде и по большей части, только ответ на уже существующий массовый запрос. У нас сегодня с большим избытком тех, кто, как уже было сказано, торопится с головой занырнуть в самую глубину «правильной» веры, «подлинной» церковной жизни, или сразу быть при старце и поступать не по здравому смыслу, а по слову его. В последнем случае путь спасения может представляться более надежным, но цена за такую «гарантию» оказывается непосильной, рождающей обиды и разочарования. Что же касается любых духовных рывков, то, по сути, таким капризом даже самого большого «Я» одновременно не достичь того, на что нам назначена Богом вся наша долгая жизнь...

P.S. Мой близкий друг, давно принявший постриг, остроту духовного зрения и духовный вкус которого я высоко ценю, прислал мне такой отклик:

«Уголовщина насытила всю окружающую Алексея Петровича житейскую протоплазму. Я даже сегодня ее чувствую в приезжающих. И „святые старцы“ в наших монастырях, думаю, тоже не вздрагивают от уголовного жаргона. Я его почти ежедневно слышу от нашей 85-летней сестры с советским прошлым. Шаламов писал в письмах к Солженицыну, что лагерь отомстит за себя, и вся страна станет лагерем (имею в виду культуру, язык и следом — все общество)...»

Разумеется, Варлам Тихонович совсем не был пророком. Это его обетование заслуживает внимания, нуждается в осмыслении, но оно не фатального характера. Неизбежность воцаряется лишь тогда, когда в нашей вере мы отказываем дарованному нам Богом разуму и снимаем с себя личную ответственность перед Ним.

Примечания автора:

¹ Ныне существующая станция Абезь в Республике Коми, у самого Полярного круга, известна тем, что близ одноименной деревни с 1930-х по 1950-е годы действовало несколько мужских и женских лагерей, в т.ч. для пожилых и инвалидов, неспособных трудиться на тяжелых работах.

² К несчастью, находится достаточно много научно авторитетных структур и лиц, кто считает эту «Академию» удобным прикрытием для лиц, далеких от академической науки. Сами организаторы ЕАЕН именуют ее творческой организацией.

³ Награды все той же «Академии».

⁴ Имя реального свидетеля описываемых событий.

⁵ 14 марта по старому стилю в 1883 году.

⁶ Гараж для машин, предназначенных для закачивания в скважину специальных растворов в случае аварии при бурении.

⁷ ОЛП — отдельный лагерный пункт в системе ГУЛАГа. А поселки в разных местах так и именовались — «Четвертый», «Пятнадцатый»...

⁸ Слова из уголовного арго.

⁹ Мазурик — плут, мелкий вор, незначительный человек уголовного, блатного мира.

¹⁰ Воспоминания А.Л. Войтоловской можно прочитать здесь:
<https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=862>

¹¹ Шуровка — в данном употреблении — кочерга.

¹² Фраер — человек, не имеющий отношения к уголовному миру.

¹³ Сявка — в данном случае на жаргоне — мелкий уголовник.

¹⁴ Огонь — на уголовном жаргоне — злостный отказчик от работы.

¹⁵ В данном случае лидеров уголовной группы в данном бараке.

ИСПОВЕДНИК ВЕРЫ, НИКОГДА НЕ ВХОДИВШИЙ В РОЛЬ

Владимир Шаронов

Предисловие автора:

Это интервью со мной было создано по настойчивой просьбе Виктора Яковлева, моего близкого друга и друга семьи отца Павла Адельгейма. Виктор долгие годы был ближайшим сподвижником отца Павла, председателем приходской общины храма Жен Мироносиц. Виктор абсолютно убежден, что каждый день 5 августа мы должны подводить и оставлять зримые итоги нашей памяти об отце Павле, в том числе, создавать тексты, в которых сообщим что-то важное и новое о нашем старшем друге.

Интервью-размышления в очередную годовщину гибели протоиерея Павла Адельгейма

— Владимир, расскажите, пожалуйста, когда, при каких обстоятельствах Вы познакомились с о. Павлом Адельгеймом?

— Мы познакомились с о. Павлом на рубеже 1987-1988 годов. Чуть раньше я поступил в аспирантуру, и к моменту нашей встречи у меня уже сложился круг дружеских знакомств в религиозной среде Ленинграда. Она состояла из очень приличных талантливых людей, не вписавшихся в узкие рамки официальной идеологии.

Одним из них был религиозный философ Константин Константинович Иванов, ставший позже, как и о. Павел, моим другом и собеседником на десятилетия. Константин нас и познакомил, мы оба были его гостями. Оставаться за полночь в семье Ивановых и даже ночевать в их наполненной малолетними детьми квартире на ул. Новоселов для меня было в порядке вещей. Но, поскольку в тот раз нас о. Павлом было уже двое, мы получили место на полу в детской вместе с широченным матрасом и двумя одеялами. Тогда я впервые увидел, как о. Павел расставался на ночь со своей пристяжной и совершенно неподъемной по весу «ногой» — протезом выше колена...

— Было ли в отце Павле что-то непохожее на остальных, кроме его инвалидности?

— Разница в возрасте у нас 20 лет, и, к тому же, эти годы — представляют собой совершенно особый этап истории России. Павлик Адельгейм был ребенком тех, кто шагнул за колючую проволоку, я — один из тех, кто родился и рос в крае, освоенном ценой жизнью и страданий многих невинных. При этом наши родители — ровесники. Лагерного типа барак,

длинный коридор с разгороженными кубриками. Такие получали ссыльные, после отбытия наказания получившие право создавать семью. Такая клетушка — наш общий мир в раннем детстве, который мы оба помнили. Она была одинакова везде, — и у нас в Коми, и у него в Казахстане. В ней едва помещалась кровать, печка, стол и тумбочка...

Когда началась наша дружба, мне было 30. За спиной — «срочная» служба в армии, работа на далеком северном месторождении нефти. Обстановка там была соответствующая, гастрономически пропитанная не только водкой, а и денатуратами, «Тройным» одеколоном. Их пили безбожно, закусывая снегом... Но даже при таком моем начальном «университете» о. Павла я все равно сразу воспринял как действительно много повидавшего в жизни человека. Это сразу чувствовалось. К тому же его имя я не раз слышал и до нашей встречи, чаще всего, — в сочетании с какими-то очевидно мифологизированными рассказами о его стойкости в лагере, о возведении им храма «в одну ночь прямо перед горкомом партии» и т.п. Под этими историями угадывались реальные события, но в устных изложениях почти всегда был заметный привкус распространенной у нас религиозной экзальтации, мифологизации, склонности к чудесам. Это само по себе интересное явление. Думаю, склонность к мифологии и раскрашиванию святости сказочно окрашенными «волшебными» чудесами происходит от того, что мы не умеем по-настоящему быть благодарными Богу за дар нашей жизни, за то подлинное чудо Жизни и Любви, мы воспринимаем их обыденностью. Поэтому солнце в наших рассказах светит жарче, а вода всегда невыносимо студеная... А в отце Павле это восприятие радости полноты, Дара жизни и благодарности к Богу выражалось очень ярко в его необыкновенной улыбке, добросердечном отношении и абсолютной серьезной сосредоточенности к вопросам веры, особенно, любимым словам молитвы, даже и повседневной, которую привычно дежурно бубнят перед трапезой и после нее.

— В чем Вы видите истоки такой духовной серьезности, в перенесенных отцом Павлом страданиях?

— Я думаю, что понесенные скорби имели, разумеется, значение для о. Павла, но в каком-то смысле они были только «приложением» к его вере.

Попробую пояснить, в чем ее уникальность: во-первых, немного остановлюсь на том, каково наше религиозное мировоззрение. Нельзя забывать, что

к вере и в Церковь почти все из нас пришли из опыта атеизма, т.е. в нашем духовном пути есть момент отрыва от тысячелетней церковной традиции. Он есть и у каждого лично и почти у всех в нашей стране, у самой страны. И только очень и очень немногие, как отец Павел, выросли в общинах, созданных людьми, родившимися задолго до революции, для которых религиозное восприятие было первичным. Именно сквозь него, а не через научную картину мира они воспринимали реальность. А у нас уже все с точностью наоборот. Даже наши представления о религиозной жизни сложились под сильным влиянием преимущественно рационального восприятия — чтения, вначале русской литературы в школе, потом, в период неопитства, многие ударились в «Добротолубие», поучения об умной молитве, в жития святых, во всевозможные былички, как булка с изюмом нашпигованные рассказами о старцах, прозрениях, пророчествах...

Во-вторых, каждый из нас воспринимает себя как личность, и от этого, сколько ни пытайся силой вогнать себя в слепое послушание древней церковной традиции, не уйти. Не случайно владыка Антоний Сурожский говорил о нашем большом «Я» и маленьком «люблю», когда мы произносим эту фразу. Все современной культурой в нас «вживлено» чувство своей особенности, отсюда знакомый неопитский перекокс в сторону жаждущего к самому себе особенного внимания от Бога.

Повторюсь, но скажу, что он происходит от погрешностей нашего духовного зрения: мы плохо умеем видеть величие в простом, а чудесное — в самой нашей жизни, в чуде Любви, поэтому и ждем от Спасителя каких-то еще особенных к каждому из нас личных знаков Его внимания. А стоило бы задумывать, что необоснованная экзальтация, искусственная возвышенность и взвинченность чувств унижает подлинную значительность личности, правильного и уместного слова, честного мужественного поступка.

Может показаться, что я ухожу в сторону, но вспоминая о. Павла, я всегда невольно мысленно продолжаю наши давно начатые с ним обсуждения. Нашему другу был чужд этот взгляд, противопоставляющий обыденную человеческую жизнь и сферу духовной реальности, при том, что наличие подлинных чудес ни он, ни я не отрицали...

— То есть при первой встрече о. Павел на фоне услышанных ранее легенд о нем не произвел на Вас впечатления особенного священника?

— Во-первых, вокруг тогда через одного были «особенные» и, одновременно, очень простые и доступные люди. После «перестройки» многие из тех, кто был загнан официальной системой по углам, взлетели сразу в какую-то запредельную известность в стране, получили давно заслуженные чины и звания.

Весь облик о. Павла — от простого и доброжелательного внимания до чистой, но лишенной всякого признака достатка одежды вкупе со старым протезом — просто совсем не сочетался с чем-то чудесным и особенным. За исключением того, как он читал молитву: это были слова, обращенные к Тому, Кто был прямо перед ним, ощутимо Живой. И это передавалось участникам общей молитвы. Это и было чудо, поскольку происходило буквально в соответствии с известными всем словами: «это невозможно, поэтому в высшей степени достоверно».

— *Как складывались ваши отношения?*

— Все происходило как-то само собой: вскоре послабления в обществе стали стремительно нарастать. Переписку по вопросам веры и неверия — такой своеобразный многолетний теоретический диалог между верующими и атеистами, начатый отцом Сергием Желудковым, мы — это несколько человек, сгруппировавшихся вокруг Константина Иванова, — одного из основных собеседников о. Сергия и Анатолия Ванеева, ученика Л.П. Карсавина, — оформили в ленинградское, а потом ставшее питерским религиозно-философское общество «Открытое христианство», создали свою среднюю школу, затем религиозно-философский институт. Отец Павел стал приезжать к нам в Ленинград чаще, на встречи с ним в разных ДК собирались сотни людей. Между нами завязалась и своя переписка.

А позже, после защиты диссертации, я вернулся в Республику Коми. Далее открылся Антонио-Сийский монастырь, и моего друга иеромонаха (ныне архимандрита) Трифона (Плотникова) назначили настоятелем. Я стал организовывать масштабное монастырское производство церковной утвари, икон и прочего. А о. Павел весь окунулся, в числе прочего, точно в такую же работу по воссозданию возвращенного 8 мая 1989 г. городскими властями Пскова храма Святых Жен Мироносиц. И у нас независимо, т.к. восстановление требовало больших средств, стали возникать проекты собственных церковных производств. Каждый двигался своим путем, но мы постоянно сотрудничали. Мне удавалось наведываться в Псков.

Не забуду характерной «картинки»: о. Павел с мешком цемента на плече на своем протезе энергично взбирается по шатким самосколоченным строительным лесам на второй и третий уровни...

Оба мы погрузились в водоворот практических дел, но активное обсуждение церковных тем не только не прекращалось, но и углублялось.

— *Вероятно, лейтмотивом этих разговоров были перспективы, открывшиеся перед страной и нашим церковным миром?*

— Восторгов о якобы происходившем «возрождении Православия», характерных для начала 90-х гг., у о. Павла и тогда уже не было. Радость открытого служения была, но его письма и статьи, сохранившиеся у меня, свидетельствуют об очень трезвой и даже критической оценке духовной ситуации, в т.ч. и на ближайшее будущее. В моем архиве есть подготовленная им к печати публикация «Тупики нашего возрождения». На мое тогда очень наивное письмо о предстоящем углублении церковной традиции он недоуменно отреагировал: «Какие традиции, дорогой Володя, от них давно остались одни головешки», и посоветовал и себе, и мне не терять реалистичность восприятия и оценки происходящего.

Но это не было позицией пессимизма, сама устремленность о. Павла в созидание, обилие начатых проектов, его ставка на работу с детьми, внимание к вопросам церковного воспитания, страстность и продуманность проповеди — все это не оставляет места для оценки его настроения как уныния. Скорее надо сказать так, что к радости обновленной жизни, потоку ранее запрещенных книг, общему настроению вдохновения и т.п. примешивалась тревога. Тогда очень немногие понимали, что одного порыва к другой жизни мало, что покаяние, умоперемена — это тяжелая и необходимая работа, без которой все дурное вернется под другой личиной, другими словами, в другой форме. Зло не дремлет.

Еще один светлой памяти наш друг, друг Александра Исаевича, Анатолий Яковлевич Куклин написал уже тогда, в 1990 году, что из расщелин рухнувшей идеократической постройки уже полились мутные струи бульварной мистики, апокалиптики, суеверий, и что именно эти столкновения встревоженной стихии, «верха» и «низа» будут определяющими для нашего будущего.

То же, только иными словами — об определяющей роли духовного начала — не уставал повторять и Константин Иванов, о чем мы продолжали «желудковскую» переписку.

Увы, очень скоро, о публикациях, посвященных страшным годам гонений, начали раздаваться реплики «надоело!». Затем они выросли до масштабов общего гула. А потом произошло еще более страшное — о новомучениках стали говорить исключительно в возвышенно-патетических тонах, так, словно их страдания (в т.ч. и гонения от соотечественников, недавних единоверцев) были только нашей наградой, назначенной небесами, а не нашей общей виной и тяжким грехом.

— *Насколько серьезными были дальние планы о. Павла?*

— Они были очень масштабными и одновременно без всякой маниловщины. Я вообще часто спрашиваю себя, кем мог бы состояться такой человек, не стань он приходским священником? Без сомнения, он был фигурой, по общественному звучанию сопоставимый с Андреем Дмитриевичем Сахаровым, Александром Исаевичем Солженицыным. Я имею в виду, конечно, не ядерную физику и не литературное творчество, а масштаб личности и безупречную ясность духовной, нравственной оценки.

Но его делом, его призванием был приход, внимание к каждому конкретному человеку. При том, что это был не один приход, это служение было не то чтобы «узковато» для о. Павла, просто он видел приходское дело в иной оптике, понимал его как главный центр общественной гражданской жизни Церкви и страны. Он мечтал создать православное фабрично-заводское училище для ребят с задержкой умственного развития. Получение не сложной, но востребованной профессии, по его мнению, давало им хороший шанс жизнеспособности. И я помню, как он обрадованно мне сообщил, что псковские депутаты поддержали и городские власти почти согласны передать для будущего ФЗУ полноценное, очень подходящее здание. Но властвовавший тогда владыка видел перспективу этого приобретения иначе: гостиница для интуристов ему представлялась более значимым и доходным делом, чем больные дети... Насколько я помню, эта коммерческая хватка архиерея задела даже чиновников, стремивших помочь о. Павлу... В итоге — ни гостиницы, ни ФЗУ.

Отец Павел, как отец Сергей Желудков, чтит память доктора Гааза. Милосердие для каждого из них было никогда не затихающим сердечным откликом на страдание другого человека. Кандалы и прут, к которому попарно заковывали осужденных на каторгу во времена Гааза, для о. Павла были символами прямой и неразрывной связи страдающих душ.

Вообще к имени о. Сергия Желудкова мы с о. Павлом не раз возвращались в наших разговорах. Его фигура, его книги и письма имели для нас очень серьезное значение. Я произнес это слово — «серьезное» и невольно вспомнил слова о. Сергия, говорившего, что излишняя серьезность сама себя разоблачает, а Православие тем уже хорошо, что потолки наших храмов высокие, всему у нас находится место — и серьезности, и шутке, и печали... Это я к тому, что в то сумасшедшее время на рубеже 80-х и 90-х мы часто улыбались, тем более, что поводов хватало: ко всему обязательно примешивался какой-то элемент абсурда, какие-то три копейки несурязицы, без которой иногда ничего бы и не получилось. Что-то подобное я встречал в книгах о НЭПе...

Вот, например, позволю рассказать вам историю про «комсомольско-православные» проповеди о. Павла. В 1989 г. замечательная ленинградская поэтесса и близкий друг семьи Адельгеймов Елена Пудовкина затеяла издание проповедей о. Павла в... Австралии. Но было еще не вполне понятно, получится ли у нее напечатать, да еще провезти через границу тиражи. И я взял у о. Павла машинописные тексты других проповедей — к Страстной неделе и Пасхе. Используя отпускное отсутствие тогда еще работавших цензоров и прочих партийных начальников, я сам сверстал в старенькой типографии старообрядческого села Усть-Цильма тексты проповедей так, что получалось подобие еженедельной многополосной газеты. А в наряде на печать написал: «П. Адельгейм. „Ищите горнего“». Специальное приложение к газете Коми обкома ВЛКСМ». Бумага была простенькая, газетная, но реальный тираж исчислялся тысячами (!) экземпляров, а не восемью-десятью, напечатанными через копирку, как тогда доходил до читателя «самиздат». У меня даже сохранилось письмо к о. Павлу, где я извиняюсь, что не смогу сразу довести до Пскова центнер его оказавшегося слишком «тяжелым» слова.

Получив эти газетные листочки, автор, как ребенок, невероятно радовался, что может дарить свои тексты большому числу людей. И, кстати, у Лены

Пудовкиной «австралийский проект» тоже удался, благодаря живущему в Австралии Андрею Кравцову появилась целая серия прекрасно изданных брошюр с проповедями. На ее обложке, как помню, был изображен фрагмент надвратной и еще не восстановленной колокольни.

— *Но ведь не только казусами все сопровождалось, ведь были, возможно, и какие-то особенные события?*

— Если Вы о «чудесах», то и без них не обошлось, хотя, как уже сказал, мы оба всегда скептически относились к попыткам во всем усмотреть явление небесных знаков. Эта страсть сильно отдает привкусом лубочной религиозности — а-ля «житие мое...». Но все же об одном случае исключения расскажу.

Когда о. Павел создал свое свечное производство, ему понадобился церезин для дешевых и безопасных свечей. Это вещество добывали раньше из парафина, оседающего внутри нефтяных труб и потому вредного для добычи. Кто помнит то лихое время, подтвердит, что деньги дешевели, а цены росли, причем, и то, и другое — со скоростью бешеного злобного ежика. Если брать воск в качестве свечного материала, то он был несравнимо более дорог, недоступен для беднеющих до края прихожан. И я стал искать этот церезин для о. Павла на складах нефтегазодобывающих предприятий в Коми... С трудом, но нашел несколько кубометров в таких больших круглых брикетах, очень похожих на битумные «бочки». Они там под навесом до меня лет 25, не меньше, валялись. И больше этого церезина не было нигде.

Я все оплатил, загрузил церезином полный монастырский грузовик «ГАЗ-52» и повез груз по пустынной северной дороге. На термометре минус 25, и вдруг машина глохнет. Случилось, причем, это в каком-то брошенном бывшем лагерном поселении, в котором не было и признаков жизни. Аккумулятор при попытках завести сел, в радиаторе вода, не антифриз. Тосола тогда вообще никто не знал, мобильников тоже в помине не было. Перспективы очевидны: если не заведу, краники сливные прихватит мороз, а потом и блок мотора холод раздавит.

Итак, вокруг ни души, через разбитые окна видны сугробы в комнатах. Я в отчаянии стал инстинктивно произносить привычные слова, который всякий верующий вспоминает в беде. Даже не могу сказать, что думал при

этом — «поможет-не может», или убеждал себя «верить сильнее». Это как-то «на автомате» происходило, далеко от саморефлексии.

Вдруг тишину разрушил приближающийся звук трактора, и из-за старого барака, совершенно ниоткуда появился колесный «Беларусь»... выпрыгивает из кабины с видом, будто ко мне и ехал:

— Давай с «толкача»! Цепляй трос!

Я набросил конец буксира, и мы потащили груженный «Газик» на скорости. Он завелся, я пока газовал, чтобы прогреть машину, мой спаситель уже и трос отцепил и в кабину почти залез. Я через окно кричу:

— Спасибо! За кого мне, скажи, свечку в храме поставить?

Он засмеялся:

— За Николая...

Тронул трактор, и «Беларусь» за поворотом тут же скрылся. Я почти сразу за ним на машине, ну, может через 5-10 секунд. Но когда я повернул, практически следом за трактором, впереди открылся только вид на пустую дорогу, при видимости ее на километр. И вокруг одни снега. Ни тебе трактора, ни Николая, ни вообще чего-то, где можно было бы укрыться...

Когда я о. Павлу позже церезин доставил и рассказал о случившемся, он меня как-то очень деловито стал расспрашивать, в т.ч. какого возраста был тот тракторист. Я ответил, что молодой.

— Да, — говорит о. Павел, — Святитель довольно часто именно молодым является на выручку. А какого роста был?..

И по этому очень житейскому интересу, словно речь шла о соседе или сослуживце, я понял, что произошедшее со мной о. Павел относит к разряду совершенно реальному, «естественному».

— *Чем, по-вашему, определяется особенность церковного служения о. Павла?*

— Есть такая известная всем штукавина — счетчик Гейгера-Мюллера, благодаря которому человек способен видеть опасный для жизни уровень радиации. Отец Павел был таким живым индикатором состояния нашей Церкви и отдельной человеческой души. Наш общий друг Константин Иванов как-то назвал о. Павла «идеальным священником»: любвеобильный

и терпимый к людям, безусловно принципиальный в вопросах вероучения, с чертами святости при жизни — мученическое исповедание веры в лагере, хорошо образованный в богословии и в светской культуре, талантливый проповедник, энергичный практик и организатор... Что еще надо?

И то, что отношение к о. Павлу со стороны его церковного начальства все время сопровождалось зашкаливающей лавиной бета- и гамма-излучений претензий и откровенных притеснений — это один из симптомов очень опасного состояния нашей Церкви. Сегодня это уже видится многим яснее, но 30, 20, 10 лет и даже совсем недавно такой взгляд у большинства вызывал прямое возмущение: «Как вы смеете такое говорить о нашей Святой Церкви?!» Наша Церковь действительно свята, но мы слишком простодушно отождествляем вполне земную церковную ситуацию и горнее, мистическое значение этого понятия — «Церковь». Отсюда многие печали, обиды и разочарования: «Я входил в Церковь и ждал, что здесь люди другие, что...»

Еще один сопутствующий такой позиции опасный признак нашей церковной жизни — это наша способность убеждать себя, что церковный начальник всегда прав, и чем выше сан, тем очевиднее его правота. В какой-то крайний момент напряжения я обратился к своему давнему, с ленинградских времен, товарищу, но достигшему к моменту моей просьбы высокого положения среди церковной иерархии. Нынче он и вовсе вошел в сонм земных церковных небожителей. И я попросил его ходатайствовать перед Патриархом о том, чтобы тот одним своим словом, взглядом, жестом приструнил владыку в его действиях против о. Павла. Чтобы только владыка «отстал», «забыл», чтобы дал спокойно служить настоятелю. И на это я получил ответ:

— Мы с отцом V (было названо одно из самых известных имен в патриархии) убеждали его, хотя бы, внешне повиниться перед архиереем, склонить к дружбе с владыкой. Но он не слышит даже наших житейских резонов. Да, я общаюсь со Святейшим, но ничего не могу сделать, потому что старик блажит...

Последние слова относились совсем не к Патриарху.

Нам не дается спокойно, мужественно, взвешенно, без крайностей размышлять об изъянах нашей церковной жизни, мы постоянно впадаем в крайности. Это относится и к межконфессиональным отношениям,

и к оценкам состояния церковной жизни. Наши «критикующие» церковную практику часто бестактны, недружелюбны, «апологеты» чрезмерно усердны в словесной патоке, но ответно нередко грубы и высокомерны в той же мере, как недавно высокомерными были воинствующие атеисты по отношению к религии. По-человечески это понятно — непосильные вопросы неприятны, несут в себе угрозу, но человек в болезни, изо всех сил изображающий из себя пышущее здоровьем, вызывает только сочувствие.

Отец Павел ничего из себя не изображал, не входил в какую-то роль. Он всей душой верил в Христа, в святость Церкви, никогда не был церковным диссидентом, как его часто изображают. То, что происходило, было результатом совсем не его устремлений. Все мне видится просто: невзлюбивший его человек, ревнующий из-за популярности, но занимавший самое высокое место в епархии, годами буквально вытаскивал о. Павла в написание книги «Догмат о Церкви в канонах и практике». Он гнал священника, методично преследовал, разрушая плоды его трудов, — школу, приют для больных детей, приходские производства, умное книжное дело, наконец, приход, созданную общину. И, главное, он совершенно не понимал последствий, «физиологически» не мог понять, что могут быть такие люди, которых никогда не сломать. Тем более — им никто не сможет замкнуть уста, даже смерть, потому что их слово будет звучать.

В начале 1990-х годов я привез к о. Павлу одного разочарованного в своем монашеском опыте человека, собравшегося переходить в Зарубежную Церковь (РПЦЗ). Отец Павел выслушал его и сказал:

— Я и сам какое-то время подумывал о таком шаге, но потом понял, что там будет то же самое, ведь там такие же люди. Если, конечно, мне совсем закроют возможность служить, мне ничего не останется другого. Но это точно будет совсем не мое добровольное, свободное решение.

Но все-таки его окружало много людей совершенно противоположных идеалов.

Если смотреть глубже, что скрыто в глубине конфликтов и непониманий, совершенно неподобающих комментариев, которые раздавались в адрес о. Павла, то, на мой взгляд, в его лице произошла встреча переданной ему исповедниками веры действительно не пресекавшей подлинной традиции Церкви и основных нерешенных церковных проблем, к которым только

начал подступаться Собор 17-18 годов XX века. Я хорошо видел, что сам о. Павел был значительно больше его собственных деклараций. Он самим собой утверждал безусловную ценность церковной традиции, но никогда не был традиционалистом. Конечно, это совсем не модернизм. И вообще, внесение всех этих «измов» в разговор о нашей вере о. Павел расценивал как то, что ее немедленно искажает, что превращает вероучение пусть даже в церковную, но *идеологию*. А это, по его мнению, для церкви то, что уводит ее от Христа, что бесперспективно и очень вредно.

Он, например, остро реагировал на переименование с подачи Сталина Церкви в Русскую православную, особенно сокрушался насаждением словосочетания «русский святой», уважение к любой национальной культуре и истории о. Павел считал совершенно обязательным для нашей Церкви. Просто потому, что неуважение к национальному чувству сеет обильную рознь между людьми, подрывает наше движение к церковному согласию, которое мы когда-то с подачи А.С. Хомякова, а теперь привычно стали именовать «соборностью». Рознь и ссоры способны породить только самих себя. От розни, как однажды в разговоре выразился о. Павел, «опустошается сердце». Само понятие национального самосознания — плод исторически очень поздний, но, как и церковная традиция — это результат исторического развития. Нам и то, и другое только представляется вполне привычным, неизменным. В действительности модернисты именно те, кто пытается утверждать от своего имени незыблемость традиции.

— *В начале 90-х многие мечтали о построении в стране симфонии...*

— Отец Павел считал, что никакого периода образцовой симфонии власти и Церкви никогда не было.

Стоит только почитать выступления участников на Соборе 1917-18 годов, чтобы многое понять, до какого состояния довел нашу Церковь синодальный период. И ведь многие проблемы так и остались совсем не решенными, мы сегодня вернулись к ним же, даже и в усугубленной степени...

Кстати, следует уточнить, о какой симфонии мы говорим? По образцу Византии? Времен Константина Великого, когда даже Отцы Церкви считали нормальной практикой прямое и самое решительное, включая казнь, преследование государственной властью еретиков?.. В вопросе о возможности симфонии без особого труда можно увидеть столкновение

позиции человека далекого прошлого и нашего современника. Первый признает абсолютный авторитет церковной иерархии и священной фигуры императора, второй имеет свой убежденный, глубоко личный взгляд на христианские ценности любви, свободы, милосердия, взаимного уважения и т.п. Противостояние, связанное с отказом общины о. Павла голосовать за новый вариант приходского Устава, передающего все полномочия архиерею, — это не что иное, как выражение явных противоречий современных идеалов демократии и нашего церковного вероучения.

Если продолжать восстанавливать безусловность церковного авторитета, характерного еще для дореволюционного прошлого, то могу предположить, что в повестке дня завтра сама собой возникнет мысль о возрождении и старой дореволюционной практики. И тогда от государственных служащих опять потребуют ежегодные справки от священника об исповеди и причастии. А Государственной Думе придется обсуждать статьи, существовавшие в Особой части российского уголовного уложения о преступлениях против веры. Как мы знаем, все потом было трансформировано и усугублено в требовании коммунистической партийности и печальной памяти 58-ю статью.

Это все бесконечные темы о настоящей церковной традиции и том, что под этим именем пытаются выдать. Мы с о. Павлом к ним постоянно возвращались...

— *Кем он стал для Вас?*

— Отец Павел был и остается для меня воплощением святости, самой что ни на есть реальной. Это была святость подлинная, святость исповедника Христа, святость настоящая, а не книжная, вычитанная и затем умозрительно сконструированная в голове. Мы все — очень и очень разные его близкие друзья, — знали это и при его жизни. Это было нам совершенно явно и безусловно.